

РОССИЯ В МИРЕ

О.В. Заиченко

Троекурия разочарований и надежд:

«Русский вопрос» в контексте
немецкого внешнеполитического дискурса
первой трети XIX века

Издательство «Весь Мир»

АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

О.В. Заиченко

Троекция разочарований и надежд:

«Русский вопрос» в контексте
немецкого внешнеполитического дискурса
первой трети XIX века

Эссе по исторической имагологии

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР

Москва
Издательство «Весь Мир»
2018

АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ

РОССИЯ В МИРЕ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР

УДК 327(4)
ББК 66.4—6*.63
3 17

Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории РАН

Издание подготовлено в рамках научного проекта «Россия в мире»
Ассоциации содействия развитию академической науки и образования
«Институт перспективных исторических исследований»,
руководитель проекта — академик РАН *А.О. Чубарьян*

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР

Редактор: *А.В. Володько*

Отпечатано в России

- © Заиченко О.В., 2018
- © Ассоциация «ИПИИ», 2018
- © Институт всеобщей истории РАН, 2018
- © Оформление. Издательство
«Весь Мир», 2018

ISBN 978-5-7777-0740-6

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ. Разочарования и надежды: «Русский вопрос» на фоне трансформаций немецкого внешнеполитического дискурса в первой трети XIX века	18
ГЛАВА I. От «страны ожидания» к «русской угрозе». «Русский вопрос» как инструмент политических спекуляций на рубеже веков: Жак Малле дю Пан, Эрнст Людвиг Поссельт, Георг Фридрих Ребманн, Йозеф фон Гёррес (1781–1799)	23
ГЛАВА II. Европа между Наполеоном и Александром. «Русский вопрос» в контексте войн антифранцузских коалиций (1800–1810)	44
Идея европеизма как предчувствие глобальных перемен. Философский взгляд на «Русский вопрос»: Фридрих Бутервек (1805)	44
Поворот от разочарования к надежде. Литературно-художественный взгляд на «Русский вопрос»: Гарлиб Гельвиг Меркель, Генрих фон Клейст, Жан Поль (1806–1810)	49
ГЛАВА III. Освободительная война как время надежд. Национально-патриотический взгляд на «Русский вопрос»: барон Генрих Фридрих фон Штейн и Эрнст Мориц фон Арндт (1810–1813)	66

ГЛАВА IV. Александр Благословенный как гарант «вечного мира» в Европе. Взгляд на «Русский вопрос» между Освободительной войной и Реставрацией (1812–1817)	94
Александр I как спаситель Европы. Академический взгляд на «Русский вопрос»: Георг Фридрих Паррот (1812–1814)	94
Россия как гарант «вечного мира» в Европе. Консервативный взгляд на «Русский вопрос»: Людвиг Франц фон Бацко (1814–1815)	111
Священный союз и перспективы «вечного мира». Либеральный взгляд на «Русский вопрос»: Вильгельм Траугот Круг (1816–1817)	117
ГЛАВА V. От надежд к разочарованиям. «Русский вопрос» в период Реставрации (1817–1822)	126
Время разочарований и политического радикализма. Либерально-ретроспективный взгляд на «Русский вопрос»: Карл фон Роттек (1817–1819)	126
«Казус Коцебу» и переход к политике Реставрации: радикально-националистический взгляд на «Русский вопрос» (1818–1819)	144
Россия в эпоху Реставрации — спасение или угроза? Консервативно-ретроспективный взгляд на «Русский вопрос»: Йозеф фон Гёррес (1819–1822)	163
ГЛАВА VI. Проекция разочарований и надежд. «Русский вопрос» как основа для формирования новых смыслов (1822–1830)	172
Возрождение комплекса «русской угрозы» для создания новых идеологических конструкций. Пропагандистский взгляд на «Русский вопрос»: «Завещание Петра Великого» и миф об «англо- русской диктатуре» в Европе (1822–1824)	172
Россия как форпост европейской цивилизации на Востоке. Геополитический взгляд на «Русский вопрос»: Михаэль Александр Липс (1828–1830)	181

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

(перевод и комментарии — <i>Заиченко О.В.</i>)	198
---	-----

Георг Фридрих Паррот (1812–1814)

Взгляд на современность и ближайшее будущее. Две академические речи, прочитанные профессором Георгом Фридрихом Парротом в Дерпте в 1812 и 1814 гг.	198
---	-----

Людвиг Франц Адольф, Йозеф фон Бацко (1814)

Россия и Франция. Историческое сравнение, основанное на поразительных фактах	210
---	-----

Вильгельм Траугот фон Круг (1816)

Священный альянс или памятник заключенному между Австрией, Пруссией и Россией братскому Союзу. Международное значение Священного союза и его вероятных последствий	272
---	-----

Йозеф фон Гёррес (1821)

Европа и революция	285
--------------------	-----

Йозеф фон Гёррес (1822)

Священный союз и народы на конгрессе в Вероне	299
---	-----

Анонимный автор (1824)

К вопросу о протекторате над Европой Англии и России	301
---	-----

Анонимный автор (1824)

Политическое завещание императора Наполеона в сравнении с политическим завещанием Петра Великого, императора России	323
---	-----

Михаэль Александр Линс (1828)

Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы	340
--	-----

Правители и народы Европы! Доверьтесь собственному опыту и запомните, наконец, что двойные узы духа свободы и любви никогда не рвутся. Конечно, для этого необходим народ, который умеет любить своих правителей и не хочет терпеть ига чужого тирана, который смело и по собственной инициативе идет на самую жестокую борьбу, сжигая свои города и деревни, уничтожая свои посевы, дома, отцовское наследство, чтобы ничего не досталось врагу. Конечно, для этого необходим такой великий монарх, как Александр, которого боготворит его народ! Великодушный и справедливый правитель, [...] который чувствует страдания своих подданных глубже, чем свои собственные [...]. *Так здравствуй Ты, наш Александр! Да здравствует твой добрый народ! Да здравствует государство Российское* — пример для монархов и народов!

Георг Фридрих Паррот (1812)

* * *

Если обратить внимание на то, как систематически Россия вторгается в Европу, как она через Польшу продвинулась до границ Германии, как она закаляет свою армию, а ее население за последние сто лет увеличилось втрое, ее дикие пустоши превратились в цветущие провинции, где развиваются торговля и индустрия, то Европа с озабоченностью и беспокойством должна следить за постоянно растущей силой этого государства.

Михаэль Александр Липс (1828)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то замечательный российский историк Алексей Ильич Миллер определил жанр одной из своих книг как «монография-пунктир», мотивируя это тем, что содержательно и тематически она, на его взгляд, была «менее плотно сбита», чем это необходимо для «классической» монографии, но в то же время более целостна, чем тематический сборник статей. Представленная на суд читателя публикация по своему содержанию мне также представляется несколько аморфной для «классической» монографии. По аналогии я бы обозначила этот текст как «исследование-мозаику», состоящую из соединения неоднородных элементов: публикации «голосов эпохи» — оригинальных сочинений немецких авторов первой трети XIX в. о месте России в европейском балансе сил и моих собственных размышлений о политических процессах этого периода и связанной с ними трансформации европейского восприятия России в рамках внешнеполитического дискурса о выстраивании и сохранении новой системы международной безопасности. Таким образом, читатель имеет перед собой набор различных по жанру и происхождению тестовых «пазлов», соединение которых дает некоторое представление об общей картине того литературного «многоголосья», что формировало образ России в эпоху «страхов, разочарований и надежд», во многом порожденных последствиями Французской революции и антинаполеоновских войн.

Некоторой «мозаичностью» отличается также и содержание монографической части представленной публикации. Тому есть две причины. Первая та, что пока, в принципе, невозможно дать полную и целостную картину такого сложного и многогранного

явления, как формирование образа России как конституирующего «Другого» в немецком самосознании, так как он, будучи составной частью общей картины внешнего мира, выполнял множество функций и, прежде всего, играл важнейшую роль в формировании национальной идентичности у немцев — «опоздавшей» нации, очень долго не имевшей ни национального, ни государственного единства. Но, с другой стороны, на фоне анализа быстро меняющейся политической ситуации вполне реально, хотя бы пунктирно обозначить ключевые моменты процесса формирования и трансформации восприятия России на примере отдельных знаковых произведений, включенных в основной для того периода внешнеполитический дискурс.

Второй причиной частичной «фрагментарности» исследования является то, что появление этой книги было во многом случайно. Она практически «самовольно» возникла из разросшихся комментариев к запланированной публикации сочинений немецких авторов о России первой трети XIX в. и была задумана как логическое продолжение предыдущего сборника источников «Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции», охватывающего период с 1789 по 1810 г. В результате для анализа, чтобы сделать его наиболее репрезентативным, были отобраны очень разные тексты: частично относящиеся к жанрам исторической и политической публицистики или литературного эссе, частично — это материалы личного характера, которые вообще изначально не были предназначены для публикации. Они были отобраны с таким расчетом, чтобы каждый текст, взятый в отдельности, давал представление об одном из вполне определенных аспектов такого сложного и многогранного явления, как формирование образа России в общественном мнении Германии. Все они были написаны разными немецкоязычными авторами, с разными целями, часто с противоположных позиций и в разное время. Единственное, что их объединяет, это попытка конкретно-исторического осмысления роли России как субъекта международной политики и ее репрезентации в немецком внешнеполитическом дискурсе первой трети XIX в. Проще говоря, объектом исторического анализа в предложенном вниманию читателя исследовании являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии, с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? Является ли она частью Европы? И какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности? Весь этот

сложный комплекс вопросов, для краткости, объединен в один под названием «Русский вопрос», также сделана попытка показать различные подходы в решении «Русского вопроса» в немецком внешнеполитическом дискурсе в период между Французской революцией 1789 г. и европейской революцией 1830 г.

Еще один важный момент, на котором следовало бы остановиться, это понятийный аппарат. В названии монографии в качестве ее жанровой характеристики фигурирует «эссе по исторической имагологии». Чтобы объяснить, что имеется в виду, хотелось бы сказать несколько слов о методологии исследования, а именно о самой исторической имагологии как научном направлении. Помня, что теоретическая часть и даже само слово «методология» часто вызывают скуку у читателей, постараемся сделать это максимально кратко и больше к этой теме не возвращаться. *Имагология* (от лат. *imago* — образ) — это междисциплинарное направление, сложившееся на стыке литературоведения, истории, социальной психологии, этнологии и культурологии, и оно имеет важное методологическое значение для изучения образа «Другого». Историческая имагология изучает проблемы формирования национальных и инокультурных образов в сознании социальных и этнических общностей, опираясь на конкретно-исторический анализ культурных, национальных и внешнеполитических стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы-они». Исследование категорий «своего/чужого» в современной имагологии происходит, прежде всего, на основе анализа их воплощений в литературных текстах. При этом большинство историков опирается на так называемый структурно-функциональный метод в комплексе с системным и историко-сравнительными методами. С их помощью в нашем исследовании мы постараемся выявить основные компоненты образа России, охарактеризовать его в историко-культурном и политическом контексте, проследить его трансформацию в зависимости от изменения внешнеполитического дискурса и причин, его порождающих. Кроме того, мы также постараемся определить, как образ России воплощается в различных текстовых структурах в качестве некоего «воображаемого конструктора», «дискурсивной сущности».

В число главнейших понятийных структур имагологии наряду с «образом» входит также сопоставимое с ним понятие «стереотип», названное выдающимся российским культурологом Валерием Борисовичем Земсковым «одним из самых мощных средств формирования картины мира “других”, наиболее древним

и живучим, практически неумирающим способом имагологического культуротворчества»¹. На наш взгляд, наибольший интерес представляет изучение роли стереотипов, связанных с образом «Другого», в формировании собственной национальной, социальной и политической идентичности субъекта восприятия. Причем в этом случае стереотипы следует рассматривать на двух уровнях: как когнитивные структуры (то есть как они, с одной стороны, связаны со структурами исторической памяти, а с другой — как они воздействуют на усвоение новой информации, и как, в свою очередь, на них самих влияют познавательные процессы личности), а также как дискурсивные категории (в этом случае исследуется их лингвистическая и риторическая структура). Именно этот второй подход был использован в данном исследовании. Кроме того, очень важно иметь в виду, что стереотипы не существуют в международном дискурсе как некая застывшая категория. Содержательно они, действительно, очень мало подвержены изменениям, но в зависимости от политической ситуации стереотипы могут наполняться разными смыслами. Кроме того, они могут находиться как в активном состоянии, постоянно воспроизводясь в медиасфере, так и в пассивном, актуализируясь под влиянием определенных исторических условий и социально-политических причин. Именно этой относительной подвижностью объясняются трансформации восприятия России как одного из ведущих игроков на международной арене: от главной угрозы европейской свободе и цивилизации после Французской революции до главной спасительницы Европы от французского порабощения и гаранта «вечного мира» после победы над Наполеоном.

Историческая имагология как исследовательский метод для разработки различных сюжетов по истории взаимовосприятия народов, проблематики «Другого» в культуре и политике, оформилась в 50-е гг. XX в. во Франции и Германии². Уже десятилетие

¹ Земсков В.Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепции и репрезентации «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. URL: <http://www.rngumis.ru>

² Во Франции профессор Жан-Мари Карре и Мариус-Франсуа Гийяр положили начало новому направлению компаративистики — имагологическому. В своих работах Карре исследовал формирование и развитие образа Германии во французской литературе. Он подчеркивал свою цель — «напомнить о тех оптических ошибках, которые были допущены французскими писателями» в их представлениях о Германии. Гийяр же пошел дальше и предложил переключить внимание с проблемы литературных влияний на проблему восприятия «Другого». Вслед за этими учеными также такие исследователи,

спустя она начала развиваться в рамках целого ряда гуманитарных дисциплин и в России¹. В частности, к предмету нашего изучения тематически очень близко подходят многолетние исследования известного российского историка Леонида Абрамовича Зака, который еще в середине 70-х гг. применил метод имагологии при

как А. Лортолари, Ш. Корбе, М. Кадо, Д.-А. Пажо и другие перешли к изучению проблемы восприятия «Другого». В Германии в 1966 г. выходит статья Гуго Дизеринка «К проблеме “имиджей” и “миражей” и их исследования в рамках сравнительного литературоведения» (*Dyserinck H. Zum Problem der “images” und “mirages” und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. Arcadia, 1966*), ставшая теоретическим манифестом и основой «Аахенской программы по имагологии». Позднее, в 1988 г., у Дизеринка выходит еще одно программное сочинение «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (*Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19 und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33*). В нем он выдвигал мысль о том, что имагология имеет важную гуманитарную функцию — способствует узнаванию народами друг друга в сложном мультикультурном европейском пространстве.

¹ На фоне отдельных исследований, которые начали появляться с середины 70-х гг., в России имагология стала динамично развиваться с конца 1980-х гг. Так, например, в Институте всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) под руководством А.Я. Гуревича с конца 1980-х гг. проводился семинар по исторической антропологии и истории ментальностей, в том числе — образу «Другого» в культуре (Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994). С 90-х гг. активное исследование проблем формирования образов «Другого», их концентрично-исторических репрезентаций осуществляется в контексте изучения интеллектуальной культуры в рамках Российского Общества интеллектуальной истории (РОИИ) при ИВИ РАН в ходе ежегодно проводимых конференций и в публикациях журнала «Альманах интеллектуальной истории. Диалог со временем» под редакцией Л.П. Репиной. Весомый вклад в теоретическую и практическую разработку историко-антропологической проблематики внесла кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (РГГУ), а также созданный на ее базе Российско-французский центр исторической антропологии им. М. Блока в лице таких его выдающихся представителей, как О.М. Медушевская, И.Н. Данилевский, М.Ф. Румянцева и др. В конце 1990-х гг. оформился межвузовский Центр сопоставительных историко-антропологических исследований при кафедре истории России РУДН, на базе которого проводятся научные конференции и выпускается «Ежегодник историко-антропологических исследований». Часть публикуемых в «Ежегоднике» работ посвящается проблеме «Свои» и «Чужие», истории взаимовосприятия социумов и культур. Также большой вклад в изучение истории взаимовосприятия в российской историографии внес научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур и ежегодные круглые столы по теме «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия», проводящиеся с 1994 г. на базе Института Российской истории РАН.

изучении формирования в общественном мнении внешнеполитических стереотипов и влияния складывавшегося под их воздействием образа государства на развитие международных отношений. Результаты своей работы он опубликовал в монографии «Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы» (М., 1976), в которой впервые в отечественной историографии проанализировал процесс целенаправленного конструирования в массовом сознании образа страны и его использования в дипломатической практике.

Второе фундаментальное исследование в области исторической имагологии, оказавшее большое влияние на написание этой монографии — это продукт германо-российского научного консорциума «Вуппертальский проект по изучению представлений немцев и русских друг о друге» (Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder), опубликовавший под руководством Льва Копелева в ФРГ с 1982 по 2006 г. много-томное научное издание «Западно-восточные отражения» в двух сериях — «Русские и Россия глазами немцев» и «Немцы и Германия глазами русских»¹. Никакие две другие страны Европы не были связаны в той же степени как Россия и Германия столь долгими и тесными узами противоречивых, постоянно меняющихся отношений, взаимного восприятия, основанного на сильнейшем притяжении и таком же по силе отталкивании. В проблеме взаимоотношений русских и немцев можно выделить множество аспектов — от политических и дипломатических до вопросов культурного взаимодействия и взаимовлияния. Причем отношения эти, длящиеся с момента «открытия» Европой сначала Киевской Руси, а потом Московского царства, не утратили своей актуальности и многозначности по сей день. Поэтому «Вуппертальский проект» — это не только большой вклад в комплекс формирующихся практически на протяжении целого тысячелетия знаний русских и немцев друг о друге, но и, что более важно, как отмечал сам Лев Копелев, вклад в создание некоего базиса, основы «для познания опасностей, которые присущи упрощенным представлениям о “Другом”». Вопрос не в том, чтобы подтвердить или исправить обусловленные временем или ситуацией суждения. Гораздо важнее

¹ West-Östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder. Hrsg. von Lew Kopelew. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985–2006.

понять, как они возникли и передавались»¹. Одному из аспектов поднятой «Вуппертальским проектом» проблемы исторической имагологии, а именно изучению возникновения и трансформации образа России в Германии сквозь призму ее внешней политики в Европе — посвящена эта книга.

Как уже упоминалось выше, в основу настоящего исследования легла работа над комментариями к сочинениям немецких авторов о России. Для того чтобы дать максимально полное представление об основных направлениях продолжавшейся в германском обществе на протяжении более тридцати лет внешнеполитической дискуссии и том месте, которое занимала в ней Россия, представлялось важным помимо собственной версии развития идей и событий, дать возможность читателю самому услышать подлинные «голоса эпохи», то есть опубликовать в приложении также выдержки из оригинальных немецких текстов первой трети XIX в., анализ которых лег в основу этой книги. Для публикации были отобраны отрывки из наиболее типичных публицистических сочинений немецких авторов, отражавших (с учетом существовавшей тогда в немецких землях цензуры) настроения, распространенные в общественном мнении Германии в этот период. Эти публикации являются частью обширной коллекции «Росси́ка» Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга, в которой собраны сочинения о России европейских авторов XVI—XIX вв. Они были отобраны из большого массива аналогичных текстов как наиболее репрезентативные и соответствующие тому быстро меняющемуся историческому контексту, в котором были написаны. Такой же подход был применен и к выбору создателей представленных публикаций: с одной стороны, это — общепризнанные авторитеты, формировавшие общественное мнение Германии, с другой стороны — это адресаты их публикаций, представители интеллектуальной среды, чьи сочинения наиболее адекватно отражают распространенные в ней настроения, связанные с Россией и ее политикой в Европе. Первая пара авторов — известный физик и естествоиспытатель Георг Фридрих Паррот и знаменитый философ, сменивший Канта на кафедре университета Кенигсберга, Вильгельм Траугот фон Круг — выдающиеся ученые в своей области, пользовавшиеся большим авторитетом не только в научной среде. Первый из них —

¹ Дробкин Я.С. Вуппертальский проект Льва Копелева и дальнейшее развитие его идей // Копелевские чтения 2007. Россия и Германия: диалог культур. Сб. статей / Под ред. А.И. Борозняка, В.Б. Царьковой. Липецк, 2008. С. 22.

«кабинетный профессор», умеренный консерватор, русофил, долгие годы состоявший в личной переписке с Александром I и на всю жизнь сохранивший искреннее восхищение и преклонение перед русским императором. Второй — его антипод: либерал, участник Освободительной войны, приверженец немецкой национальной идеи, сторонник создания сильного единого германского государства вокруг Пруссии. Помимо узкоспециальных сюжетов оба ученых часто высказывались на литературные, исторические и внешнеполитические темы, причем в основном с противоположных позиций. Еще один автор, католический мыслитель Йозеф Гёррес, начинавший как революционер и якобинец, был выдающимся политическим публицистом и общественным деятелем, произведения которого оказали большое влияние на формирование общественного мнения не только в первой трети XIX в., но и в последующий период. Следующая пара — прусский историк и издатель венгерского происхождения Людвиг фон Бацко и профессор экономики университета Эрлангена Михаэль Александр Липс — являются типичными представителями «образованного сословия» Германии, мнения которых довольно адекватно отражают настроения, распространенные в консервативной интеллектуальной среде в рассматриваемый период. Кроме того, в подборку почти полностью вошли два «оппозиционных» по содержанию и либеральных по духу анонимно изданных памфлета о России, что было весьма типично для периода Реставрации с его жесткой цензурой, особенно если они были написаны под впечатлением французской или английской политической публицистики и содержали негативные оценки «северного соседа». Все эти сочинения никогда не переводились на русский язык и не публиковались в России.

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о дальнейших перспективах исследований в области и исторической имагологии. Изучение трансформации восприятия России в Германии в первой трети XIX в. на основе анализа немецкого внешнеполитического дискурса пока является первым исследованием подобного рода в российской историографии. Адекватное изучение национального образа и образа России, в том числе, предполагает исследование не одного, а всех дискурсов о «Другом» с учетом диахронического и синхронического аспектов их развития, изучение всего массива исторических источников, а также данных широкого комплекса гуманитарных наук, с тем чтобы создать «всеобщую историю» трансформации восприятия «Другого». Таким образом, изучение национального образа встраивается в идеологию новой

исторической науки, «Школы Анналов», которая полагала необходимым рассматривать исторические события на длительном отрезке исторического времени, выявлять фундаментальные процессы общественной жизни, опираясь на комплекс наук, анализировать все тексты той или иной эпохи, чтобы представить ее в единстве многочисленных и многообразных связей.

Наконец, не могу с глубокой признательностью не отметить, что представленная на суд читателей публикация увидела свет благодаря научному проекту «Россия в мире» Ассоциации содействия развитию академической науки и образования «Институт перспективных исторических исследований» реализацию которого обеспечила финансовая поддержка со стороны ПАО «Транснефть».

ВВЕДЕНИЕ

Разочарования и надежды: «Русский вопрос» на фоне трансформаций немецкого внешнеполитического дискурса в первой трети XIX века

На протяжении столетий образ России создавался общественным мнением Европы как антитеза европейского устройства. Главной характеристикой русского, как, впрочем, и других славянских обществ, являлось некое переходное состояние между «цивилизованным» Западом и «варварским» Востоком, когда усвоение цивилизационных норм объявлялось поверхностным, а природная основа — варварской. Как подчеркивал в своем исследовании американский культуролог Ларри Вульф¹, «изобретение Восточной Европы» было неразрывно связано с самоидентификацией Запада. Помимо исключительной значимости для формирования европейской идентичности, вопрос о том: что есть Россия, относится ли она к Европе? — оставался также центральным компонентом непрекращающегося внешнеполитического дискурса о сохранении баланса сил и роли российского государства в системе европейской безопасности. Со сменой очередной политической эпохи менялся и ответ на вечный «Русский вопрос». После Французской революции благодаря усилиям, прежде всего, французских публицистов образ России прочно ассоциировался с комплексом «русской угрозы», которая исходила извне или с дальних окраин Европы, и претензиями на создание «универсальной монархии». После установления французской диктатуры над большей частью континента и начала русско-французской войны 1812 г. Россия рассматривалась уже как союзник, единственная сила, кото-

¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

рая могла бы противостоять «великой армии» Наполеона. После победы над «корсиканским чудовищем» и учреждением Священного союза именно с Россией и ее императором, Александром I, большинство европейских интеллектуалов связывало свои утопические надежды на начало новой эпохи духовного возрождения и установления «вечного мира» в Европе.

На протяжении всего XVIII в. Священная Римская империя германской нации продолжала оставаться центром, где сходились дипломатические, политические, территориальные и иные интересы европейских держав. С момента заключения в 1779 г. Тешенского мира Россия начинает соперничать с Францией за влияние в германских землях. «Инфлюэнция» в Германии рассматривалась российским правительством как важное средство укрепления западных границ Российской империи, ее позиций на Севере Европы, на Балтике, в Восточной Европе и на Балканах. Но долгое время в этой «политической игре» перевес был на стороне Франции. В конце XVIII и в первое десятилетие XIX в. благодаря успехам Просвещения и победоносным войнам Французской республики с коалициями европейских монархий ее влияние в немецких землях казалось незыблемым. Однако после победы над Наполеоном Россия вытеснила Францию с политического поля этой части Европы, став главным источником влияния в немецких землях и закрепив за собой право вмешательства в дела германских государств. С 1812 г. ее мифологизированный образ превратился для немцев в главную проекцию всех внешнеполитических страхов и надежд. После завершения Наполеоновских войн и создания Священного союза, а затем окончательного утверждения в Европе принципов политики Реставрации, созданный в немецкой публицистике образ России, обрастая новыми символами и смыслами, постепенно начал трансформироваться в идеологическую конструкцию, все чаще выступая в качестве абстрактного символа, аргумента во внешнеполитических дискуссиях о системе безопасности. Лишь к началу 30-х гг. XIX в., став частью противоборствующих мировоззрений — консервативного и либерального — и основой для создания различных политических утопий и антиутопий, миф о России, помимо включенности в вечный европейский дискурс о системе равновесия, приобрел исключительную значимость для процесса формирования национальной и политической идентичности у немцев.

Как уже отмечалось выше, несмотря на свое активное участие в пресловутом балансе сил, Российская империя на протяжении

всего XVIII в. не воспринималась большинством населения Германии как полностью европейское государство, оставаясь неким амбивалентным образованием, находящимся между Европой и Азией, на полпути от варварства к цивилизации. В результате и в первое десятилетие XIX в. в немецких политических дискуссиях Россия рассматривалась в основном в рамках дихотомии «Европа — Азия» и «цивилизация — варварство», будучи частью, прежде всего, европейского внешнеполитического дискурса. В последующие 10 лет страхи и надежды Наполеоновских войн сменились разочарованиями эпохи политической Реставрации. В этот период в германском общественном пространстве на фоне формирования новых партийных идеологий и развития национально-освободительного движения начинают возникать и новые дискурсы — партийно-политический и национальный, для которых образ России также продолжал оставаться одним из важнейших элементов. В результате с развитием политического и национального самосознания появляются еще две пары антагонистических противоположностей, в рамки которых немцы в зависимости от партийной принадлежности пытаются втиснуть свое восприятие России: «свобода против деспотизма» и «революция против легитимизма». В конечном итоге после 1830 г. все это вылилось в глобальную политическую аппозицию «Россия против Революции». Для немцев, как «опоздавшей нации», лишенной государственного, национального, экономического и даже конфессионального единства, проблема политической и национальной идентификации была чрезвычайно актуальна. Но тем не менее в силу обстоятельств в первой трети XIX в. именно европейский дискурс и связанные с ним вопросы безопасности и сохранения баланса сил, а также войны и всеобщего мира в Европе, играли определяющую роль в интеллектуальной жизни немецкого общества.

Короткий временной отрезок, охвативший первую треть XIX в., стал для немцев годами «великих надежд», «эпохой большого страха» и сильных разочарований. Политические ожидания, связанные с Французской революцией, сменились разочарованием после начала революционного террора и французской экспансии в верхнерейнские имперские княжества. Затем на протяжении более 20 лет немцы были охвачены «большим страхом» после того, как германские земли, оккупированные французской армией, стали ареной для кровопролитных сражений войн антинаполеоновских коалиций. После победы над «корсиканским чудовищем» и его великой армией немцы снова переживали душевный подъем,

связанный с созданием в 1815 г. Священного союза и ожиданиями новой исторической эпохи, призванной поднять политическую и духовную жизнь континента на высшую ступень, чтобы обеспечить вечный мир его народам. Но возникшая на месте старой Европы Венская система, основанная на принципе легитимизма, привнесла значительные новшества в систему международных отношений, не предполагала решения назревших политических проблем: создания национальных государств и проведения либеральных реформ. Затем последовали Аахенский конгресс¹ 1818 г. и Карлсбадские указы² 1819 г., которые сопровождались новой волной массовых разочарований, дав начало политике Реставрации в германских землях и надолго похоронив идею национального единства и конституционного правления. Но при этом времена опустошительных войн и «большого страха» перед анархией и революционным хаосом, длившиеся с 1792 г. и принесшие столько бедствий Германии, казалось, закончились. С одной стороны, немцы получили долгожданный мир и внешнеполитическую стабильность, с другой — подавление любых проявлений оппозиционного мышления внутри германских государств. Последовавшая эпоха политического обскурантизма с усилением цензуры и поли-

¹ Аахенский конгресс — дипломатическая конференция с участием глав европейских государств в Ахене в 1818 г., созданная с целью решения вопросов вывода оккупационных войск из Франции и конструирования системы международных отношений между четырьмя великими державами — Великобританией, Австрийской империей, Пруссией и Россией. Итогом конгресса стало совместное решение о принятии Франции в Священный союз в качестве полноправного члена, что вызвало крайнее возмущение в патриотически настроенных кругах в германских землях, понесших большой урон от недавней французской оккупации.

² Карлсбадские указы — серия реакционных указов, введенных в государствах Германского союза по решению Бундестага 20 сентября 1819 г. после конференции в курортном городе Карлсбад и, по сути, направленных против любых проявлений немецких патриотических настроений, связанных с идеей создания в Германии единого национального государства с либеральной формой правления. Главной мишенью запретов стали немецкие свободные университеты и печатные издания. В частности, указы запрещали деятельность студенческих национальных братств (*Burschenschaften*), предписывали увольнять всех либерально настроенных профессоров университетов и усиливали цензуру прессы. Важной чертой указов было то, что власти Германского союза трактовали либеральные и националистические идеи как призыв к мятежу и преследовали тех, кто распространял эти идеи, особенно это было характерно для Пруссии. В последний раз преследование было возобновлено после Гамбахского празднества 1832 г. Только благодаря революции 1848 г. Карлсбадские указы были аннулированы Бундестагом 2 апреля 1848 г.

цейских репрессий положила конец каким-либо высказываниям на злободневные национальные и внутриполитические темы, оставив возможность только для абстрактных рассуждений о «вечном мире», судьбах Европы и балансе сил, которые тем не менее продолжали волновать большинство немцев, заплативших слишком высокую цену за свое нынешнее «мирное существование». Консервативная реакция с присущим ей космополитизмом пыталась искусственно заменить нарождающееся в германском обществе национальное самосознание европейским или свести его к местному земельному патриотизму. Лишь после революционных волнений 1830 г. с началом политического противостояния либеральной и консервативной идеологий на первое место, наконец, выйдет процесс формирования немецкой идентичности. Главную роль в этом процессе будут играть уже не внешние, а внутренние факторы, которые найдут свое выражение в новых дискурсах о будущей судьбе Германии — национальном и партийно-политическом.

ГЛАВА I

ОТ «СТРАНЫ ОЖИДАНИЯ»

К «РУССКОЙ УГРОЗЕ».

**«Русский вопрос» как инструмент
политических спекуляций на рубеже веков:
*Жак Малле дю Пан, Эрнст Людвиг Поссельт,
Георг Фридрих Ребманн, Йозеф фон Гёррес*
(1781–1799)**

Активная внешняя политика России на протяжении всего XVIII в. требовала осмысления «русского феномена», и первыми взяли на себя эту миссию французские и немецкие просветители. За исключением Руссо^[1], Мабли^[2], Рейналя^[3] и некоторых других, их оценка была в основном нейтральной или положительной. Благодаря просветителям Россия вошла в европейское сознание как «страна ожидания», которая хотя еще и находилась в «темноте невежества», но все же, пусть медленно, но двигалась к «свету» цивилизации, внушая надежду на победу Просвещения также и в этой части света, раскинувшейся «между Европой и Китаем». Вольтер^[4], Дидро^[5], Мирабо^[6], Гримм^[7], позднее Гердер^[8], а до них также и Лейбниц^[9], видели в исторических судьбах России лишнее подтверждение своего тезиса об общественном прогрессе, связанном с успехами просвещения и реформаторской деятельностью «монархов-философов». Петр I и Екатерина II ставились ими в пример другим самодержцам в качестве образца «просвещенных правителей», осознанно осуществляющих свою историческую миссию.

Французская революция, ужаснувшая современников массовым террором и зверствами неуправляемой толпы, полностью перевернула упорядоченную картину мира просветителей, основанную на вере в рациональное начало человеческого разума как основу непрерывного общественного прогресса, центром которого

¹ Примечания, номера которых взяты в квадратные скобки [], помещены в конце каждой главы.

являлась Европа. Начало нового столетия, ожидаемого просветителями как эпоха «окончательного торжества разума», сопровождалось смятением в умах европейских интеллектуалов и политическом расколе в их сообществе. Последовавшая за революцией череда кровопролитных войн в Европе, с одной стороны, и стремительное усиление периферийных центров в виде России и Северной Америки на фоне кризиса европейских монархий, с другой, окончательно дискредитировали идею исторического европоцентризма, за рамки которого первыми попытались выйти французские и немецкие просветители. Возникшее чувство растерянности спровоцировало новый виток духовных метаний интеллектуальной элиты, часто сопровождавшийся обостренным ощущением неизбежной деградации европейской цивилизации и ростом эсхатологических настроений относительно будущего Европы. Одним из первых суть основных тенденций нарастающего политического пессимизма, спровоцированного Французской революцией, сформулировал в одном из своих писем Екатерине II немецкий дипломат и просветитель барон Фридрих Мельхиор Гримм: «Так как всякая бедственная эпоха дает нам повод для предсказаний, — писал он русской императрице, — то я тоже выскажу свое. Без сомнения, если безумие Франции не будет быстро подавлено, оно может быть пагубно для самого ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и ее соседей. Политический хаос и уничтожение военной дисциплины будут одним из прямых последствий этой заразы. В этой ситуации для свирепых варваров-мусульман Европа стала бы легкой добычей. И это предсказание, безусловно, очень скоро сбылось бы, если бы русский орел не был недостижим для французского исступления. Российская империя и дисциплина ее армий в случае надобности обуздает и уничтожит варваров и предохранит от их вторжения ядро Европы, которое на наших глазах покрывается густым мраком. Два государства тогда поделят между собой все преимущества цивилизации, всю силу гения в науке, искусстве, военном деле и промышленности: Россия со стороны Востока и освобожденная в наши дни Америка со стороны Запада. А мы, народы ядра Европы, должны будем деградировать и прийти в такой упадок, что только глухие предания будут нам напоминать, чем мы были прежде»¹. Основной вывод,

¹ Барон Мельхиор Гримм — императрице Екатерине II от 20 (31) декабря 1790 г. Письма барона Мельхиора Гримма к Императрице Екатерине II (1764—1796) и к вице-канцлеру князю А.Н. Голицыну (1764—1765) с приложениями // Сборник Императорского Русского Исторического Общества /Под ред.

к которому приходит Гримм в своих рассуждениях, состоит в том, что Европа, сотрясаемая нынешней и последующими за ней революциями, никогда больше не будет прежней: она не будет больше ни центром мира, ни центром всемирной истории, который неизбежно переместится на периферию континента или за его пределы.

Французская революция, вызвав огромный резонанс в политической и культурной жизни Германии, способствовала переключению немецкого общественного мнения с философско-мировоззренческих проблем Просвещения на актуальные политические вопросы. Военные и дипломатические успехи России на протяжении предыдущего XVIII в. — разгром непобедимой Швеции, победоносные войны со слабеющей Османской империей, русское вмешательство во внутренние дела Шведского королевства, Польши и германских государств, — а также последующее активное участие в антифранцузских коалициях способствовали тому, что с началом XIX в. в немецкой публицистике преобладал взгляд на Россию исключительно через призму ее внешней политики, порождая множество спекуляций. Спасительница Европы от революционного хаоса и французской экспансии — по версии одних авторов, в сочинениях других она же представляла в роли главной угрозы европейской цивилизации и гражданских свобод. Создавая различные, часто очень субъективные политические конструкции вокруг образа России, немецкие публицисты с течением времени довольно четко обозначили комплекс вопросов, связанных с восприятием «северной» периферийной империи, поиск ответов на которые также серьезно повлияет на трансформацию самосознания интеллектуальной элиты в наступающем XIX в. «Что есть Россия в современной Европе?» и «Какова ее роль в европейской политике в обозримом будущем?» — так можно было бы обозначить дискуссионную повестку немецкой публицистики, посвященной решению «русского вопроса», на ближайшие полвека. Найденные ответы одним давали повод для надежды, другим — для пессимизма, так как присутствие нового сильного, не вписывающегося в европейские стандарты государства прямо у границ германских земель окончательно стало политической данностью. Теперь вопрос состоял не в том, чтобы изменить Россию каким-либо образом, сделав похожей на остальную Европу, как того хотели просветители, а в том, следует ли признавать за ней право играть ведущую роль в европейской политике при сохране-

нии присущей ей самобытности. Причем полная и окончательная включенность России в политическую систему Европы не всегда являлась достаточным основанием для восприятия ее как полноправной великой европейской державы.

Уже отмеченное нами переключение внимания немецкой читающей публики с умозрительных философских концепций на актуальные политические проблемы на рубеже XVIII и XIX вв. также привело к тому, что на смену французским просветителям в качестве «властителей умов» пришли французские политические публицисты, которые начали играть ключевую роль в формировании восприятия немцами интеллектуалами России и ее международной политики. Практически вся выходившая во Франции политическая литература моментально переиздавалась в Германии, а содержащиеся в ней идеи получали широкое распространение среди немецкой читающей публики. В результате большинство политических сочинений, изданных в германских землях, были написаны как полемический ответ на французскую литературу или как дальнейшее развитие сформулированных в ней идей, часто с обширными цитатами или прямыми заимствованиями из нее.

В итоге, если в середине XVIII в. немцких и французских просветителей Россия интересовала, прежде всего, как новый объект научного исследования, то уже после 1879 г. начинается быстрая политизация восприятия «северной» империи в общественном мнении Европы и превращение ее в инструмент психологического манипулирования. Сначала во французской публицистике, а затем и в немецкой либеральной среде происходит стремительная коррекция «заблуждений» философии «классического» Просвещения. На смену научному интересу, прогрессистскому подходу к восприятию России и мифу об идеальном «монархе-реформаторе» просветителей, пришли пропагандистские клише и политические спекуляции, которые затем соединились в комплекс «русской угрозы», чтобы после Французской революции надолго стать частью европейского дискурса о сохранении баланса сил.

На основных моментах формирования мифа о «русской угрозе» ввиду его важности для дальнейшего восприятия России на протяжении всего XIX в. следует остановиться более подробно. Его отдельные элементы и мифологемы, постепенно оттачиваясь и приобретая устойчивую форму в виде различных стереотипов и клише, кочевали из текста в текст в европейской литературе на протяжении XVI — XVIII вв., начиная с «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна^[10]. Однако одна из первых и наиболее

удачная попытка обобщить и систематизировать эти разрозненные элементы, внедрив их в основу анализа современного политического состояния Европы, была предпринята только в 1789 г. в нашумевшем эссе одного из ведущих теоретиков европейского роялизма Жака Малле дю Пана^[1] «Об угрозе политическому балансу Европы»¹, оказавшем большое влияние на германский дискурс о России вплоть до его дословного цитирования немецкими авторами в связи с любыми сюжетами на «русскую» тему. Затем уже на рубеже XVIII — XIX вв. сформулированная им идея «русской угрозы» получила дальнейшее развитие в сочинениях немецких радикальных публицистов. И такая восприимчивость немцев к психологическому манипулированию вполне объяснима их собственными сомнениями и страхами: для Германии, оказавшейся зажатой с Востока и с Запада между двумя сильнейшими державами Европы — Россией и Францией, вопрос о том, чью сторону следует принять, какую роль должна играть Россия в системе европейской безопасности, и можно ли ее рассматривать в качестве политического противовеса Франции, был чрезвычайно актуален.

Ревизия позитивистских взглядов просветителей на Россию началась с пересмотра популярного мифа о прогрессивной роли добродетельного монарха, волевым усилием преобразующего государство и общество, который утратил свою актуальность после низложения и казни Людовика XVI в 1793 г. В результате первой под удар французской и немецкой политической критики попала здравствующая российская правительница Екатерина II, будучи главным персонифицированным воплощением просветительского мифа о «философе на троне».

На первом этапе трансформации образа русской императрицы, в период якобинского конвента, Екатерина II еще не выделялась из общего ряда европейских монархов — членов антифранцузской коалиции. Она изображалась таким же «деспотом» и «чудовищем», как и прочие «коронованные тираны», объединившиеся против Французской республики, только более ловкой и умной, так как ее удачные «имиджевые акции», частная переписка с «философами» помогли ей «вскружить головы даже умнейшим людям своего времени»². Но постепенно, по

¹ [Mallet du Pan J.] Du péril de la balance politique de l'Europe ou Exposé des causes qui l'ont altérée dans le Nord, depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.

² Летчфорд С.Е. Французская революция конца XVIII века и формирование образа России в общественном мнении Западной Европы // Европейское

мере нарастания военной угрозы в Европе, образ Екатерины II стал все больше превращаться в репрезентацию абсолютистского режима современной России, а ее правление рассматривалось в основном сквозь призму прогрессирующей русской экспансии вглубь континента с Севера, Юга и Востока. Прежде всего это касалось успешной русской политики в отношении Швеции, Турции и Польши — исторических союзников Франции, входивших в систему враждебного России, так называемого «восточного барьера», защищавшего сначала Францию, а затем и Европу от русской экспансии. В результате тема нарушения Россией баланса сил постепенно становилась одной из главных в европейском внешнеполитическом дискурсе.

Все эти нарождающиеся тенденции, соединившиеся затем в комплекс «русской угрозы», впервые были в наиболее целостном виде сформулированы в уже упомянутом нами анонимном политическом сочинении, полное название которого звучало так: «Об угрозе политическому балансу Европы, или анализ причин, поколебавших его основы на Севере со времени восшествия на российский престол Екатерины II». Оно впервые было опубликовано в Лондоне на французском языке, его немецкий перевод¹ также анонимно вышел в 1790 г. сначала в Лондоне, а затем в Лейпциге. С большой долей уверенности сегодня мы можем считать, что знаменитый памфлет принадлежит перу публициста и политического мыслителя Жака Малле дю Пана.

Анализ современного состояния европейской системы в этом, во многом новаторском, сочинении строился вокруг образа Екатерины II, воспринимаемого как квинтэссенция системы российской государственной власти, а следовательно, и самой России. Снимая последние романтические покровы с созданного просветителями образа «мудрой правительницы» и низводя его до уровня «коронованного тирана», Малле дю Пан пытался доказать, что любое проявление деспотизма является злом и варварством по своей сути. Облаченная силой и жаждой экспансии, тирания несет в себе угрозу для всего просвещенного человечества, провоцируя общеевропей-

Просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium. Саратов 2–6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 145.

¹ [Anonym.] Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa oder Auseinandersetzung der Ursachen, die dasselbe seit der Thronbesteigung der russischen Kaiserinn Katharina II. im Norden erschüttert haben. London: Cadell & Davies, 1790; Leipzig: D.Y.K. Verl., 3te Aufl., 1791. 170 S.

скую «войну цивилизации и свободы против варварства и деспотизма». В качестве примера им был выбран наиболее актуальный для Европы феномен царствования Екатерины II, рассмотренный через призму ее внешнеполитической экспансии на условном «Севере», «Востоке» и «Юге», которая в первую очередь затронула страны «восточного барьера» — Швецию, Польшу, Османскую империю, — вплотную приблизившись к германским землям.

Для характеристики образа российской императрицы Малле дю Пан использует три составляющие. Во-первых, это узурпация власти, сопряженная с кровопролитием, прежде всего, на примере переворота 1764 г., что, по мнению автора, говорит об отсутствии легитимности не только в правлении Екатерины, но и в ее вмешательстве во внутренние дела Европы. Во-вторых, это тема имитации — «коварство и фальшивый блеск реформ», беспринципность, прикрытая лицемерием, вводящим Европу в заблуждение. И, наконец, злоупотребление властью, переходящее в деспотизм. Деспотизм, в свою очередь, как отсталая и полностью неэффективная система, несет с собой рабство и деградацию, как для русского народа, так и для всех народов Европы, если они подвергнутся русской экспансии. Итак, сначала автор ищет подтверждение своим тезисам во внутренней политике Екатерины, которую он оценивает как губительную для России, а затем проецирует доказанную им склонность императрицы к узурпации власти, лицемерию, беспринципности и деспотизму на политику внешнюю, ведущую к опасному нарушению баланса сил, что и должно было формировать у европейского читателя комплекс «русской угрозы». Таким образом, Малле дю Пан рисует образ беспринципной воинственной правительницы, стоящей во главе огромной «армии рабов», стремящейся к увеличению своего и без того значительного влияния на европейском континенте любыми способами: «Повинуясь присущему ей постоянному узурпаторскому духу, пренебрегая всеми мирными договорами, русская императрица всегда тайно стремилась к захватам, непрерывно плетя заговоры и интриги против соседей, особенно против шведов, поляков и османов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и о сомнительных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... С помощью своего развращающего деспотизма она повсюду стремится насаждать собственные законы, яркие примеры чему нам дают Швеция и Польша»¹.

¹ [Anonym.] Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa ... S. 107.

Выводя причины экспансионистской политики России в Европе из личных порочных склонностей ее правительницы, которая вместо того, чтобы заниматься внутренним развитием страны и заботой о своих подданных, одержима жаждой власти и территориальными захватами, Малле дю Пан впервые переводит мотивы русской внешней политики из сферы международного права и здравого смысла в область иррационального, а следовательно, непредсказуемого, пугающего и опасного. Беспринципностью Екатерины, которая для достижения своих целей не остановится ни перед чем, автор объясняет шокирующую европейцев «варварскую жестокость» русских на захваченных ими территориях, утверждая, что «все успехи царствования этой государыни буквально омыты кровью»¹. А действия русских в Польше он вообще сравнивает с разрушительным природным бедствием, с ураганом, который вот-вот перекинется на остальную Европу². Таким образом, создавая образ «русской угрозы», Малле дю Пан ассоциирует ее с надвигающейся извне стихией, управляемой нелегитимной волей одного человека, не признающего никаких законов международного права, которой пока безуспешно пытается противостоять цивилизованная Европа. Недаром, говоря об уничтожении «польской свободы» «русскими штыками», автор, по сути, рисует апокалипсическую картину гибели европейской цивилизации: «Екатерина мечтает с помощью своей армии невежественных рабов господствовать над всей просвещенной Европой, и это обернется настоящей катастрофой для последней, потому что тогда рабство будет господствовать над свободой, варварство — над цивилизацией, невежество — над просвещением»³. Таким образом, Малле дю Пан один из первых увязывает всеобщую растерянность и эсхатологические настроения, определявшие в тот период кризис европейского сознания, с идеей «русской угрозы». Тем самым он конструировал причинно-следственную связь неизбежности «гибели Европы» и русской экспансии, если только европейским державам не удастся консолидировать свои силы под предводительством Франции для спасения «свободы и цивилизации».

Важным компонентом теории Малле дю Пана, который должен был давать европейцам надежду на спасение и преодоление «русской угрозы», является введение в широкий оборот и наполнение

¹ [Anonym.] Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa ... S. 100.

² Ibid. S. 101.

³ Ibid. S. 102.

новым смыслом полузабытой метафоры о «колоссе на глиняных ногах»^[12], которая до сих пор ассоциируется с Россией. Впервые эта амбивалентная формула, затем подхваченная Дидро^[13], появилась применительно к России в анонимно изданном в Париже в 1736 г. памфлете «Московитские письма»¹, предположительным автором которых считается итальянский авантюрист, ставший впоследствии успешным дипломатом, Франческо Локателли Ланци^[14]. Она одновременно отражала страх перед Россией и несла в себе успокоительный посыл о «призрачности» ее мощи. Малле дю Пан, который, очевидно, был знаком с памфлетом Локателли, также охотно использовал эту метафору в том же «русском» контексте. Так, например, говоря об итогах русско-турецкой войны 1768–1774 гг., приведших к усилению влияния России на всем Средиземноморском пространстве, он замечал: «Теперь железный колосс российской империи стоит одной своей глиняной ногой на Камчатке, а другой — в Херсоне, но недалеко то время, когда, не выдержав собственной тяжести, он рухнет и погребет под собой всю Европу»².

Таким образом, *во-первых*, Малле дю Пан неоднократно подчеркивал, что крах и распад России, которая контролирует и сдерживает массу диких азиатских племен, не менее опасен для Европы, чем ее усиление в результате экспансии. *Во-вторых*, он одним из первых связал военную экспансию России с истощением ее ресурсов, которое неизбежно должно было привести империю к распаду³. Впоследствии уязвимость российской империи будут связывать, прежде всего, с расширением ее территорий. Считалось, что слишком большие пространства, населенные разноплеменными народами, не имеющими между собой ничего общего, являются для России непосильной обузой, поэтому при продолжении экспансии она неизбежно должна будет развалиться на несколько самостоятельных образований.

Во всех случаях, по мнению Малле дю Пана, последствия «попирающих международное право», агрессивных действий беспринципной узурпаторши-императрицы, стремящейся любыми способами утвердить свое преобладание в Европе, будут губительными для европейской цивилизации.

¹ [Locatelli, Francesco] Lettres Moscovites. Paris: Chez Huart Laine, 1736.

² [Anonym.] Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa... S. 108.

³ Ibid. S. 103.

* * *

Как мы уже отмечали выше, влияние французской публицистики в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. было чрезвычайно велико. Оно выразилось не только в формировании страхов и надежд среди образованных сословий и прочих формах манипулирования общественным мнением, но также и в ответном мощном развитии немецкой, прежде всего, либеральной журналистики и политической публицистики. В последнее десятилетие XVIII в. в немецких государствах появилось большое количество газет, брошюр, листовок, журналов и сочинений самого различного рода, освещавших международные события. Все существующие в это время немецкие журналы, независимо от их направления, писали об изменении баланса сил, вызванного Французской революцией, и последствиях грядущих вслед за ней неизбежных глобальных перемен для судеб Европы. Разделы Польши занимали второе место по упоминаниям в немецкой периодике, но сильно уступали Французской республике по значимости и масштабу влияния на массовые настроения. В результате между журналами завязывается ожесточенная полемика, идет борьба за общественное мнение. Если издания, отражавшие точку зрения правящих кругов германских государств, призывали к объединению всех усилий, чтобы не допустить распространения “французской заразы” на другие страны Европы, то во многих либеральных изданиях Франция воспринималась как спасительница. Оккупация Рейнской области французской революционной армией в 1792–1793 гг. у их читателей поначалу практически не вызвала протеста. А с возникновением первой демократической республики в Майнце в 1792 г. появляется радикальная немецкая революционная публицистика и журналистика. Опасения, что революционная Франция не сможет противостоять натиску «Тройственного союза» «деспотических монархий» России, Австрии и Пруссии и будет, в конце концов, разделена между ними, окончательно рассеялись после поражения союзной австро-прусской армии под Вальми в сентябре 1792 г. Но Российская империя с подачи французской пропаганды продолжала восприниматься либералами в Германии как самый могущественный противник молодой республики. Поэтому неудивительно, что наиболее последовательно комплекс идей Малле дю Пана о «русской угрозе» развивали в своих сочинениях радикально настроенные немецкие публицисты. Самыми яркими среди них были Эрнст Людвиг Поссельт, Георг Фридрих Ребманн

и Йозеф фон Гёррес, видевшие в «деспотической империи» угрозу не только «завоеваниям революционной Франции», но и «еще не до конца уничтоженной немецкой свободе»¹. То есть они развили и дополнили используемую Малле дю Паном дихотомию «варварство–цивилизация» противостоянием «деспотизма» и «революции», внедрив его в европейский дискурс о России.

Молодой профессор истории из Карлсруэ Эрнст Людвиг Поссельт (1763–1804) был одним из первых, кто вступил в дискуссию о будущем Европы в контексте противостояния революционной Франции и деспотической России. С 1795 по 1804 г. он был главным редактором ежемесячного политического журнала «Европейские анналы» («Europäische Annalen»), выходившего в Тюбингене на деньги известного издателя и книготорговца Иоганна Фридриха Котта. Основной темой этого одного из самых влиятельных в Германии изданий стала попытка осмыслить «современную историю на стыке эпох». В программной статье первого номера журнала в феврале 1795 г. Поссельт писал: «Ни одно мыслящее существо не может сомневаться, что современную историю определяют крушение старого мира и рождение нового, которые образуют великий рубеж эпох, равный по значению вселенскому потоку или основанию Рима»². Исходя из этого посыла, автор оценивал все современные ему события.

Первый номер «Европейских анналов» открывает его большая аналитическая статья «Ретроспективный взгляд на 1794 год», в которой он рассматривает все политические события прошедшего года с дуалистической позиции: Европа разделена на два противоположных полюса, древнюю Францию и молодую Российскую империю. С этими полюсами связаны все возможные традиционные антитезы политического дискурса о России, — от географических и климатических до цивилизационных: «древность–молодость», «центр–периферия», «Юг–Север», «цивилизация–варварство», «республика–деспотия». Но при этом, несмотря на кардинальное различия, обе эти великие державы — «явления одного порядка», они являются «кровавыми хищниками», стремящимися к постоянной экспансии безжалостными захватчиками. Именно противостояние двух великих держав, России и Франции, по мнению автора, определяет настоящее и будущее современной

¹ [Anonym.] Preußens Friede mit Frankreich. Berlin, 1795. S. 38.

² Posselt E.L. Vorrede // Europäische Annalen. Jahrgang 1795. Erstes Stück / von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J. G. Cottaischen Buchhandlung, 1795. S. 2.

Европы. Все, что находится между ними, будет завоевано и присоединено к одному из полюсов. Предвидя неизбежную войну между двумя антиподами, в конце статьи Поссельт риторически вопрошает: «Что произойдет, если колоссальная Франция передвинет свои границы на Север и Восток, а не менее колоссальная Россия распространится еще дальше на Юг и Запад? И какая борьба начнется тогда, когда Север и Юг, республика и деспотия, русский и француз сойдутся, чтобы воевать друг с другом?»¹

Следующий 1795 г. стал для Поссельта логическим продолжением предыдущего года и прошел под знаком окончательного уничтожения польской государственности. «Польша больше не существует, — пишет он в самом начале своей программной статьи «Взгляд на Европу 1795 года». Государство, которое в эпоху своего расцвета диктовало собственные законы всему Северу Европы, теперь существует только в древних преданиях. Сегодня его нужно искать на картах России, Австрии и Пруссии»². Россия и Франция, два сильных «хищника», политика которых построена на «праве сильного», не признающего «никаких договоров и взаимных обязательств», опять вышли победителями. Причем России Поссельт уделяет гораздо больше внимания, чем Франции. Главное место в анализе ее современного состояния занимает тема «русской угрозы», причем не столько Германии, сколько всей Европе, обоснование которой почти полностью построено на прямых заимствованиях из французской политической публицистики, переведенных на немецкий язык. В частности, Поссельт приводит целые куски из речи, произнесенной одним из выдающихся ораторов Термидорианского Конвента Франсуа-Антуаном Буасси д'Англа (1756–1826) на заседании конвента 30 января 1795 г., не ссылаясь при этом на первоисточник^[15]. Также автор продолжает развивать начатую еще Малле дю Паном тему «колосса на глиняных ногах», который с каждым годом разрастается все дальше: «Сегодня этот колосс, все это время счастливо побеждавший в самых кровопролитных и ужасных войнах, стоит одной ногой на побережье Черного моря и угрожает оттуда Константинополю, а другой ногой — на берегах Вислы, у ворот Германии и Южной Европы»³. Однако, соглаша-

¹ *Posselt E.L.* Rückblick auf das Jahr 1794 // *Europäische Annalen*. Jahrgang 1795. Erstes Stück... S. 6.

² *Posselt E.L.* Blicke auf Europa 1795 // *Europäische Annalen*. Jahrgang 1796. Erster Band / Von *Ernst Ludwig Posselt*. Tübingen: in der J.G. Cottaischen Buchhandlung, 1796. S. 4.

³ *Posselt E.L.* Blicke auf Europa 1795... S. 10.

ясь с первой частью идеологемы о «растущем железном колоссе», Поссельт готов поставить под сомнение ее вторую часть о «глиняных ногах», так как за последнее время этот «азиатский Геркулес» «уже успел пугающе быстро европеизировать себя, ... сочетая в себе в чудовищном смешении силу азиатской дикости со всеми искусствами европейского Просвещения»¹. Он вступает в полемику с Буасси д'Англа, оспаривая его главный тезис, что постоянное расширение территорий за счет экспансии неизбежно должно привести Россию к ее распаду на отдельные части, которые «погребут» под собой остальную Европу. Поссельт считает, что французы специально приводят этот аргумент, «чтобы побороть страх перед этой огромной силой и последствиями, которыми она грозит Европе»², а также привлечь на свою сторону другие европейские государства в «грядущей великой битве двух колоссов». Отстаивая свою пророческую идею о том, что новый век начнется с войны между Россией и Францией, Поссельт считает, что силы обеих держав приблизительно равны, — ни та, ни другая еще не знали ни одного поражения — и поэтому исход этой войны не может быть предрешен заранее. Ну а в основе французской теории о разрушении России «под бременем собственных размеров» лежит «в большей степени недостаток силы, который ощущают слабые потомки, неспособные сохранить то, что было создано и передано им великими предками... но это в наименьшей степени пугает Россию»³. Она впредь продолжит двигаться «в направлении густонаселенных равнин Европы», поэтому ее столкновение с Францией неизбежно. И когда этот момент придет, «Европе придется выбирать между фригийским красным колпаком и русским кнутом»⁴.

Если Эрнст Поссельт в 1796 г. еще стоял перед выбором, то другой радикальный немецкий публицист Георг Фридрих Ребманн (1768—1824) в 1798 г. этот выбор уже сделал, потому что предсказанная Поссельтом война между «деспотической» Россией в составе второй антифранцузской коалиции и республиканской Францией уже началась. Для Ребманна — это война не между коалициями, а между «свободой и деспотизмом», и он выбирает «свободу», то есть сторону революционной Франции. Удивительно, как за два года возрос градус напряженности и неприятия России в немецкой радикальной публицистике. На примере сочинений Ребманна

¹ Ibid. S. 10.

² Ibid. S. 13.

³ Ibid. S. 14.

⁴ Ibid. S. 97.

можно судить о том, как в корне поменялась риторика, связанная с Российским государством и появились новые акценты в немецком европейском дискурсе. В 1798 г. в Страсбурге выходит сборник его острополюемических эссе «Политический зодиак или знаки нашего времени», в котором слово «кнут» уже используется как метафора России¹. Важным моментом в публицистике Ребманна является то, что он одним из первых в отношении России отказывается от дихотомии «Север — Юг», перемещая ее с «Севера Европы» на «Восток». По степени распространения тирании Россия, по мнению Ребманна, скорее является восточной деспотией, наподобие древнего ассирийского царства, нежели европейской империей, образцом которой Ребманн считает древний Рим эпохи расцвета². Таким образом, он пытается задействовать новую дихотомию «Запад — Восток» для выражения цивилизационного и политического различия двух противоположных миров. Причем если понятия «варварство» и «деспотия» являлись частью образа Востока, то, следовательно, Россия с северных окраин Европы перемещалась в Азию, то есть за ее пределы.

Переставляя акценты, Ребманн возвращается к комплексу «русской угрозы»: он многократно усиливает его, приписав России «азиатскую природу». При этом он, как и Поссельт, полностью отказывается от мифа о «глиняных ногах железного колосса». Ребманн считает, что слишком обширные территории — это не недостаток, а скорее, преимущество: Россия обладает огромными ресурсами и, будучи расположенной во всех климатических поясах, полностью самодостаточна. Кроме того, с ней невозможно воевать на ее территории. В итоге для усиления эффекта Ребманн сравнивает Екатерину с Атиллой, а ее армии называет «гуннами нашего времени». «Народы Европы, — взывает он, — одумайтесь! Удар будет ужасен, варварские орды московитов сметут вас всех! Новый Атила приближается, объединяйтесь, пока еще есть время!»³.

Несмотря на всю свою революционную непримиримость, уже через несколько лет, когда большая часть Европы оказалась под французской оккупацией, а в германских землях начал созревать дух национального сопротивления захватчикам, Ребманн, как и большинство его современников, глубоко разочаровался в идее Французской революции. И это не удивительно. По мере усиления

¹ Der politische Tierkreis oder die Zeichen unserer Zeit / Hrsg. von G.F. Rebmann. Strasbourg: bey Georg König, 1798. S. 323ff.

² Der politische Tierkreis... S. 330.

³ Ibid. S. 341.

французского политического гнета в германских землях можно все чаще наблюдать резкий переход самых радикальных публицистов и философов от ненависти к «деспотической» России к надежде на «русское будущее для Европы». Эта надежда давала им возможность перенести свои ожидания на «справедливое политическое устройство», потерпевшие неудачу в центре европейского континента на его окраины, которые опять заняла Россия. Кто-то, как Генрих Гейне или Эрнст Мориц Арндт, поменяли свои взгляды лишь на время в связи с изменениями политической конъюнктуры, а кто-то, как Йозеф фон Гёррес — на всю оставшуюся жизнь.

Иоганн Йозеф фон Гёррес — один из самых ярких радикальных политических журналистов и пропагандистов в первой половине своей жизни и выдающийся католический мыслитель, историк и теолог — во второй, считался современниками «голосом Германии», который сначала призывал к объединению Европы для защиты революционной Франции, а затем к объединению Европы для борьбы против Наполеона. Из всех цитированных нами представителей радикальной публицистики Германии он был самым молодым и последовательным. Уроженец Кобленца на Рейне, 22-летний Гёррес, выступая рьяным сторонником идей революции, издает в 1798—1799 г. два революционных журнала — “*Das rothe Blatt*” и “*Rübezahl*”, а также является сторонником присоединения оккупированной рейнской области Германии к Франции.

Со времени установления Директории в 1795 г. и началом последнего этапа Французской революции, несмотря на постоянную турбулентность и неустойчивость власти внутри страны, можно заметить поначалу неявную, но принципиальную смену приоритетов во французском внешнеполитическом дискурсе: противостояние революции и контрреволюции в европейском масштабе постепенно вытесняется геополитическими противоречиями, что нашло свое отражение в изменении пропагандистской риторики. Первым на это обратил внимание еще Эрнст-Людвиг Поссельт в 1796 г., когда писал, что «продолжающаяся война вслух больше не именуется борьбой за существование республики, а называется войной за более выгодные условия мира»¹. В ходе войны второй коалиции стало очевидно, что Франции вполне по силам сломить Австрию, подойдя вплотную к ее границам, но она не в состоянии нанести серьезный удар ни по Англии, ни по России на их территориях из-за их периферийного положения. В результа-

¹ *Posselt E.L. Blicke auf Europa 1795... S. 5.*

те из традиционного противостояния Франции и Австрии на суше и Франции и Англии — на море убирается Австрия как «центральная» европейская держава, утратившая свое первоочередное значение для французской политики. А затем постепенно складывается новая оппозиция из периферийных империй, озвученная еще в начале 1795 г. Антуаном Франсуа Буасси д'Англа в речи о политической ситуации в Европе на заседании конвента 21 января: «Россия стремится к владычеству на суше, тогда как надменный Альбион — к владычеству на море». Именно этих двух главных врагов Франции необходимо «исторгнуть из вселенной» и «изолировать от мира»¹. Борьба континентальной революционной Франции против морской «деспотической» Англии, по мнению Буасси д'Англа, могла закончиться только победой одной или другой стороны, так как «правительство природных захватчиков англичан не может сосуществовать вместе с французской республикой. Из-за своего окраинного положения Англия не заинтересована в воцарении мира и благоденствия в Европе»². Следовательно, теперь Франция, как представитель центра Европы, противостоит ее периферии, причем не только Англии, но и России, которая связана с последней общей целью ослабления европейской системы. Таким образом, изменения в идеологических установках французской внешней политики вносят новые коррективы в европейский дискурс. Традиционная франко-английская противоположность расширяется под давлением политической конъюнктуры: Франция, будучи по праву доминирующей силой Европы, борется с истинными врагами европейской системы — Россией и Англией. Народы цивилизованной Европы, которые она ведет за собой, должны объединиться вокруг Французской республики против «варварских орд» Русского государства как главного агрессора на суше, вместо того, чтобы тратить силы в войне с Францией, в которой Россия — это единственная выигравшая сторона.

Наиболее полное развитие пропагандистская тема о русско-английской угрозе нашла свое развитие в публицистике Гёрреса. В аналитической статье «Исторический обзор новейших политических событий», открывавшей шестую часть первого тома его журнала “*Das rothe Blatt*” («Красный листок») он пишет об угрожающей всей Европе «всемирной диктатуре английской торговли

¹ Цит. по: *Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte*. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961. S. 106.

² *Groh D. Op. cit.* S. 107.

и русской военной политики»¹. Англия с помощью золота и флота господствует на море, Россия с помощью «кнута и страха» — на суше, но обе с одной целью — «порабощение новых народов», а следовательно, несут в себе «тиранию», «рабство» и «деспотизм». Если вспомнить, что уже у Ребманна «азиатская деспотия» является антитезой «европейской империи», то связанная с ней противоположность «цивилизации» и «варварства» автоматически получает у Гёрреса новое развитие: «Англичане и русские находятся вне Европы, таким образом, морские потоки и льды Севера окружают ее двух наиболее жестоких врагов»². То есть Англия является воплощением варварства на море, а Россия — оплот варварства на суше.

Причем обращает на себя внимание тот факт, что, если в самом начале, говоря о стремлении к мировому господству, Гёррес использует еще традиционный в таких случаях термин «универсальная монархия», то затем контекст заставляет его применить относительно новое понятие «всемирная диктатура», которое имеет еще более негативную коннотацию, так как подразумевает не просто отсутствие легитимности, но узурпацию и произвол власти.

Еще одним моментом, который бросается в глаза при оценке уже непосредственно России, так это ее подчеркнутая амбивалентность: «Россия — это колосс, возникший из сплава снега, льда и крови, наделенный слабой, но цепкой жизненной силой амфибии, у которой, как у крокодила, наибольшая мощь сосредоточена в огромном хвосте... Но если уметь уклоняться от его удара, он становится жертвой своей собственной неповоротливости»³. Будучи одновременно сильной и слабой, опасной и беспомощной, Россия, по мнению Гёрреса, подобно амфибии, в силу своих размеров и истории принадлежит сразу к двум цивилизационным мирам, двум культурам: азиатской и европейской: «Россия объединяет в себе все промежуточные ступени цивилизационного перехода от европейского Просвещения к самому дикому варварству, и от него снова наверх — к китайской квазикультуре»⁴. Более того, для Гёрреса Россия, несмотря на пропагандистские пассажи, позаимствованные из французской прессы, не столько чужеродный для Европы элемент, сколько современная квинтэссенция ее собственного

¹ Görres J. v. Historische Übersicht der neuesten politischen Ereignisse // Das rothe Blatt: eine Dekadenschrift. Bd. I, Heft VI. Koblenz: Lasaulx Verlag, 1798/99. S. 175–185.

² Ibid. S. 185

³ Ibid. S. 178.

⁴ Ibid.

неприглядного прошлого, «чудом сохранившийся до настоящего времени реликт архаичной европейской культуры XIV столетия»¹.

Но Гёррес, несмотря на все влияние изменившейся французской риторики, остается якобинцем, для которого основными полюсами, определяющими картину мира, являются не «цивилизация» и «варварство», а «деспотизм» и «свобода». Именно поэтому Россия и все остальные европейские монархии составляют для него единый лагерь «деспотизма», которому противостоит «новое государство свободы» Французская республика. Если до революции, как пишет Гёррес, «государственное здание Европы трещало по всем швам при повторяющихся ударах азиатского чудовища», то после революции напуганные европейские «деспоты» бросились в объятия «деспотизма» России, чтобы объединившись вокруг него, «с громким лаем и диким воем» нападать «на новое государство свободы»².

Однако, доведя идею о «русской угрозе» до ее кульминации, немецкий последователь французских якобинцев тем не менее предлагает новый оптимистичный взгляд на будущее Европы. Уже в 1798 г. юный Гёррес начинает выстраивать свою прогрессистскую концепцию истории, согласно которой «существуют четко определенные, неизменные законы, на основе которых человечество поднимается из плотных миазмов деспотизма и варварства к ясному эфиру свободы и культуры»³. Поэтому дни деспотизма и варварства уже сочтены, о чем свидетельствуют «недвусмысленные симптомы», указывающие на «скорый кризис» европейских монархий. Прогресс и свобода обязательно победят варварство и деспотизм, и даже «колосс на Востоке, подобный гроссмейстеру во главе всех еще оставшихся обломков когда-то господствующего над миром деспотизма»⁴, не сможет помешать этой победе. Таким образом, на рубеже веков с помощью разработанной им теории романтического детерминизма истории Гёррес, параллельно с дальнейшим развитием политических спекуляций, связанных с комплексом «русской угрозы», одним из первых предлагает европейцам надежду на будущее.

¹ Ibid.

² *Görres J. v. Op. cit. S. 181.*

³ Ibid. S. 184.

⁴ Ibid. S. 185.

Примечания к Главе I

- [1] Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau; 1712–1778) — французский философ, писатель, мыслитель эпохи Просвещения. В своем философском противостоянии с Вольтером он противопоставил его прогрессистскому восприятию России как «страны ожидания» и больших потенциальных возможностей собственную негативную картину, ставившую под сомнение цивилизационный потенциал русских и роль Петра I как успешного реформатора. В частности, в своем знаменитом сочинении «Об общественном договоре, или Принципы политического Права», изданном в 1762 г., Руссо в книге II, главе 8, озаглавленной «О народе», писал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего... Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества... Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помещал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются... Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообщают способствуют его приближению». (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С. 183.)
- [2] Габриэль Бонно де Мабли (Gabriel Bonnot de Mably; 1709–1785) — аббат, французский социальный философ, автор многих работ по международному праву, социально-политическим вопросам и истории, один из представителей утопического социализма XVIII в. В своих сочинениях он касался России в основном в контексте ее вмешательства в дела Речи Посполитой и при этом полностью разделял взгляды Руссо. В 1770 г., так же как и многие французские просветители, и Руссо в том числе, Мабли был очень увлечен проблемами спасения польской государственности от поглощения ее более сильными соседями, прежде всего Россией. В этот период он находился под влиянием польского магната Михаила Вильегорского, посетившего в 1770 г. Париж в качестве представителя Барской конфедерации, созданной для защиты внутренней и внешней самостоятельности Речи Посполитой от давления со стороны Российской империи. В этот период конфедерация вела войну с Россией, рассчитывая на помощь Франции. По приглашению Вильегорского Мабли в 1770 г. посетил Польшу и по заказу конфедератов в 1771 г. пишет трактат «Du Gouvernement et des lois de la Pologne» («Образ правления и законы в Польше», в котором помимо прочего критикует Екатерину II за деспотизм и агрессивную внешнюю политику в отношении Речи Посполитой, а также систему правления в России в целом, как мало пригодную для Европы.
- [3] Гийом Тома Франсуа Рейналь (Guillaume-Thomas François Raynal; 1713–1796) французский историк и социолог, представитель Просвещения. Глав-

ным историко-философским произведением аббата Рейналя считается «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (“L’Histoire philosophique et politique des tablissemens et du commerce des Européens dans les deux Indes”), анонимно изданная в 1770 г. и содержащая критику феодально-абсолютистских порядков и колониализма. Уже в 1776 г. был предпринят первый перевод этого сочинения на русский язык в «Санкт-Петербургских ведомостях» за этот год (№ 56). Но и этот и последующие переводы «Истории обеих Индий» были неполными, так как в них отсутствовала глава, посвященная России, содержащая довольно резкие формулировки и характеристики методов русской экспансии на Юге, Востоке и севере Европы (третий раздел шестого тома). Так же как и Руссо, Рейналь видел в Петре I не «великого реформатора», а «благородного дикаря», который «вместо того, чтобы улучшить своих подданных, ... испортил их своим экспериментом и оставил их в худшем состоянии, чем они были прежде... они все еще продолжают оставаться наименее добродетельной и предприимчивой нацией Европы». (Duroselle J.-B. L’Idée d’Europe dans l’histoire. Paris; Denoël, 1965. P. 111.)

- [4] Вольтер (Voltaire, 1694–1778; имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ) — один из величайших французских философов-просветителей XVIII в.: поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк, публицист.
- [5] Дени Дидро (Denis Diderot, 1713–1784) — французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1751). Иностраннный почетный член Петербургской академии наук (1773).
- [6] Виктор Рикети де Мирабо (Victor Riqueti, marquis de Mirabeau, 1715–1789) — маркиз, французский экономист-физиократ и философ.
- [7] Барон Фридрих Мельхиор Гримм (Friedrich Melchior, Baron von Grimm, 1723–1807) — немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, многолетний корреспондент императрицы Екатерины II.
- [8] Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744–1803) — немецкий писатель и теолог, историк культуры, создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «все рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII в. Один из ведущих деятелей позднего Просвещения.
- [9] Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716) — саксонский философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, дипломат, изобретатель и языковед.
- [10] Барон Сигизмунд фон Герберштейн (Siegsmund Freiherr von Herberstein, 1486–1566) — австрийский дипломат, писатель и историк. Наибольшую известность как в России, так и за ее пределами, приобрел за свои обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве Русского государства, которое он посетил дважды: в 1517 и 1526 гг. Результатом его многолетних исследований стала изданная в 1549 г. на латинском языке книга «Regum Moscoviticarum Commentarii» (буквально «Записки о московских делах», больше известная как «Записки о Московии»). Благодаря возможностям дипломата, научному интересу и знанию русского языка Герберштейну удалось создать первое всестороннее описание России, включающее разделы о торговле, религии, обычаях, политике, истории и даже размышления о теории русской политической жизни.

- [11] Жак Малле дю Пан (Jacques Mallet du Pan; 1749–1800) — известный европейский политический публицист швейцарского происхождения, был профессором истории в университете Гессен-Касселя, в 1784 г. переезжает в Париж, где становится редактором журнала «*Mercure de France*», в начале Французской революции поддерживал группу умеренных конституционалистов в Учредительном собрании. В 1791–1792 г. в качестве доверенного лица Людовика XVI приехал во Франкфурт, чтобы активизировать усилия немецких князей и членов антифранцузской коалиции с целью спасения французской монархии. После неудачи его миссии жил в Берне, Брюсселе и Лондоне, умер 10 мая 1800 г. в Ричмонде, графство Суррей, недалеко от Лондона.
- [12] Это выражение основано на аллюзиях с библейским рассказом о толковании пророком Даниилом сна царя Навуходоносора. В Ветхом Завете, во 2-й главе Книги пророка Даниила, рассказывается о том, что Навуходоносор, царь вавилонский, увидел однажды странный сон. Ему приснился огромный истукан, голова которого «была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные». Вдруг с вершины горы оторвался камень и «раздробил истукана в прах». Тайный смысл этого видения Бог открыл пророку Даниилу: Вавилонское царство будет разрушено, подобно истукану на глиняных ногах. Так оно и случилось. (Книга пророка Даниила, 2:31–35.) С конца XVIII в. это выражение стало широко употребляться применительно к России.
- [13] Граф Л.-Ф. Сегюр, французский посол при дворе Екатерины II, в своих мемуарах, опубликованных в 1827 г., приписывает эту фразу французскому просветителю Дени Дидро, назвавшему «колоссом на глиняных ногах» (фр. *un colosse aux pieds d'argile*) Российскую империю, которую Дидро посетил в 1773–1774 гг. (См.: *Le comte de Ségur. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes*. Paris, 1749. Vol. 2. P. 143.)
- [14] Франческо Локателли Ланци (Francesco Locatelli Lanzi; 1687–1770) — итальянский дворянин, родом из Бергамо, автор памфлета «Московитские письма», изданного в Париже в 1736 г. В 1733 г. он приехал в Россию под фальшивым именем, надеясь быть принятым на военную службу. В том же 1733 г. был арестован в Казани по подозрению в шпионаже и через год выслан из страны. В последующие годы сделал дипломатическую карьеру, выполняя деликатные поручения Рима при османском дворе.
- [15] В качестве примера можно привести известную великолепную тираду, несколько вольно переведенную Посселем: «За семьдесят лет он (русский колосс) успел присоединить Ливонию, Эстланию, Ингерманландию и часть Финляндии. Он усмирил китайцев, расселил своих колонистов на побережье Америки, завоевал Кавказ, захватил Грузию, части Персии и Крым, покорил татар и уничтожил Польшу, и т.д.»

ГЛАВА II

ЕВРОПА МЕЖДУ НАПОЛЕОНОМ И АЛЕКСАНДРОМ.

«Русский вопрос» в контексте войн антифранцузских коалиций (1800–1810)

- 2.1. Идея европеизма как предчувствие глобальных перемен.
Философский взгляд на «Русский вопрос»:
Фридрих Бутервек (1805)

Итак, на рубеже веков в европейской «картине мира» произошли кардинальные изменения, одним из последствий которого стало формирование комплекса «русской угрозы» как инструмента политического манипулирования. На основе традиционных страхов и старых разрозненных стереотипов взамен прогрессистским идеям просветителей в европейской политической публицистике был сконструирован новый, логически целостный «русский миф» об огромной агрессивной, варварской и деспотической державе, находящейся или на окраинах, или вне Европы, и стремящейся к установлению деспотической «универсальной монархии». Этот негативный образ России как страны, цивилизационно неполноценной и полностью противоположной по своей внутренней природе государствам Европы, противопоставлялся им в рамках дихотомии «варварство—цивилизация» и «деспотизм—свобода».

Однако на фоне процесса кардинальных мировоззренческих трансформаций и роста политизации общественных настроений наступивший XIX в. принес с собой очередные перемены в соотношении баланса сил в Европе, а следовательно, и в европейском дискурсе, породив не только страхи, но и новые настроения в немецком обществе.

Эскалация французской экспансии в Европе, и особенно в германских землях, стала импульсом для формирования национально-освободительных движений, что, в свою очередь, привело

к однозначно негативному восприятию Франции и ее императора в немецком внешнеполитическом дискурсе. Однако рост антифранцузских настроений в Германии до 1812 г. почти не сопровождался резким переосмыслением места России в Европе и сменой негативных оценок на позитивные. На начальном этапе войны с Наполеоном опыт взаимодействия России и германских государств, прежде всего, Австрии и Пруссии, в составе антифранцузских коалиций был весьма противоречив. Подписание в 1795 г. в Базеле сепаратного мира между Францией и Пруссией фактически означало выход последней из коалиции и начало ее развала. Отныне Пруссия заняла выжидательную позицию, готовясь обрушить свою 200-тысячную армию на того, кто первым потерпит поражение в австро-русско-французском конфликте, и извлечь из этого максимальные выгоды.

Война второй коалиции (1799/1800) также закончилась взаимным недовольством монархов Пруссии, Австрии и России. Пруссия продолжала сохранять нейтралитет. Павел I, раздосадованный поведением своих ненадежных союзников — Австрии и Англии — вышел из коалиции и заключил сепаратный мир с Наполеоном, ставшим единовластным Первым консулом Франции. Австрия, потерпев сокрушительное поражение в сражении у Гогенлиндена в декабре 1800 г., подписала в феврале 1801 г. Люневильский мир, по которому левый берег Рейна окончательно отходил к Франции.

В том же 1801 г. был убит император Павел, что внесло новые изменения в международное соотношение сил. Его наследник Александр I, производивший, в отличие от своего отца, неизменно благоприятное впечатление на европейских монархов, вернулся в лоно антифранцузских коалиций. В частности, в мае 1804 г. он заключил союзный договор с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III, согласно которому оба правителя брали на себя обязательства защищать северогерманские области перед лицом возможных французских нападений, а 25 октября 1804 г. был подписан аналогичный русско-австрийский союз. Изменившийся политический расклад постепенно сводил «на нет» воздействие основных идеологических компонентов комплекса «русской угрозы», который начал терять свою актуальность в Германии, что давало повод для новых ожиданий и надежд на глобальные перемены в наступившем столетии.

«Судьба хочет европеизировать человечество. Форма всеобщего европеизма находится в процессе становления»¹. Таков был опти-

¹ Bouterwek Fr. Die vier großen Nationen des neunzehnten Jahrhunderts. Ein Fragment zur Philisophie und Weltgeschichte // Neues Museum der Philosophie

Фридрих Бутервек (1766 – 1828) —
немецкий философ и историк

мистический прогноз на новый XIX в., сделанный в 1805 г., в эпоху всеобщего хаоса и военных столкновений, когда национально-государственный эгоизм и имперские притязания на власть сталкивали друг с другом народы «старого» континента на фоне постоянно меняющихся союзов и коалиций. Автором этих строк являлся Фридрих Бутервек^[1], известный своими историко-философскими сочинениями. Он одним из первых использовал в своих исследованиях понятие «европеизм», как обозначение «высшей ступени развития всемирной культуры

и моральных ценностей, присущих европейским народам, как единой исторической общности»¹. В своем историософском трактате «Четыре великих нации девятнадцатого столетия» (1805) Бутервек раскрывает «перспективу будущей судьбы человечества» на основе анализа «современных мировых событий», тенденции которых «может наблюдать любой, кто с умом читает газеты»². Оснащенный этим даром и «правильным пониманием фактов», он следит за «конфликтом мечей и мнений», который управляет современной политикой. В отличие от некоторых своих современников, он считал, что этот конфликт не грозит европейскому равновесию, а, наоборот, «укрепляет единство Европы, которому противостоит национализм»³. Именно национализм ведет к расколу между народами, так как, в отличие от европеизма, он сосредоточен на том, что разъединяет нации, выдвигая на передний план их противоречащие друг другу эгоистические сиюминутные интересы. Благодаря глобальному конфликту, в который оказались втянутыми все государства континента, Европа вынуждена, позабыв прежние распри, объединяться в коалиции, чтобы противостоять общему

und Literatur / Hrsg. von Friedrich Bouterwek. Dritten Bandes, Erstes Heft. Leipzig: bei Gottfried Martini, 1805. S. 49–86. S. 50.

¹ Bouterwek Fr. Op. cit. S. 50.

² Ibid. S. 49.

³ Ibid. S. 54.

врагу. Объединение Европы, осознавшей свои глобальные интересы, обязательно должно привести к развитию и распространению европеизма.

Этот оптимистический прогноз Бутервека базируется на утверждении, что «дух» находящегося в процессе становления всеобщего европеизма является, на первых порах объединенным духом тех наций, которых можно назвать во всемирно-историческом смысле подлинно великими нациями, так как, несомненно, судьба избрала их для того, чтобы они руководили моральной и интеллектуальной культурой столетия»¹. Затем Бутервек перечисляет эти нации: французская и английская, которые «уверенно задают тон и направление общему развитию народов»; немецкая, которая «тихо идет следом за ними», не имея политической власти, но «с неутомимой силой всегда двигаясь вперед по пути развития духовной культуры»; и русская, которая, „на сегодняшний момент еще только обещает стать нацией, но в будущем, безусловно, будет содействовать развитию европеизма, если он окончательно проникнет в ее внутреннюю жизнь»².

Говоря о России, Бутервек останавливается на трех важных для него моментах, сам выбор которых резко выделяет его из общего ряда немецких и французских интеллектуалов, пишущих о России в начале XIX в. Он отстаивает тезисы об успешной европеизации России, о ее роли спасителя Европы перед лицом французской угрозы, зеркально переворачивая мифологему Малле дю Пана о «русской угрозе», а также развивает тезис о ее культуртрегерской миссии, то есть рассматривает российскую империю с точки зрения ее прошлого, настоящего и будущего. При этом Бутервек подчеркнуто отказывается от пропагандистской антирусской фразеологии, которая все еще господствовала в тот период в немецкой публицистике, даже если она претендовала на научную беспристрастность. Более того, он возвращается к ставшему непопулярным русскому «прогрессистскому мифу» просветителей и идее об идеальном «монархе-реформаторе», способном своей волей изменить парадигму развития страны. Для Бутервека таким великим реформатором, безусловно, являлся Петр I, находившийся, по его мнению, под сильным влиянием «тевтонской» культуры. (Под «тевтонами» автор имел в виду немцев, голландцев и скандинавов.) «Петр, поистине великий, — писал он в своем трактате, — двинул

¹ Ibid. S. 52.

² Ibid. S. 52—53 f.

вперед свою нацию, так как глубоко чувствовал, чего ей не хватает. Своим сильным умом он выбрал для России немецкую форму европеизма и втиснул в эту форму сопротивляющуюся русскую народную массу. Подлинное европейское устройство было, наконец, воспринято этими полуазиатами, и со временем, несмотря на сопротивление новому образованию, на них отчетливо проявилась печать по-настоящему европейского народа. Аристократический мир в Москве живет уже совсем так же, как в Париже и Лондоне»¹. Именно глубинное усвоение немецкого варианта европейской культуры с его глубоким духовным началом, несмотря на поверхностное засилье в русском обществе французского языка, литературы и моды, является, по мнению Бутервека, гарантией великого будущего России как европейской державы.

Еще одним важным моментом в сочинении немецкого философа является довольно редкая для того времени попытка противопоставить свои контраргументы распространенному в европейском дискурсе мифу о «русской угрозе», который большинство авторов воспринимало уже как нечто, само собой разумеющееся. И в этом случае Бутербек, будучи верен своей теории, выступает с точки зрения европеизма. Он полагал, что активное усвоение Россией европейской культуры, делает ее подлинной частью Европы, поэтому в его глазах Россия уже не угроза, не азиатский «колосс на глиняных ногах», а главный союзник и защитник европейского «статус-кво». И наконец, одним из первых, в предсказанном им глобальном противостоянии двух императоров — Наполеона и Александра I, Бутербек без колебаний выбирает сторону последнего, так как именно с русским императором он связывал будущее Европы. «Уже 100 лет Россия в глазах космополитичных европейцев представляется опасным, чуждым нам государством, — отвечает Бутербек своим оппонентам. — Но посмотрите, эта держава уже на протяжении столетия, прежде всего, стремится перенять и усвоить европейскую культуру, а не подавить ее. И если однажды страшное грозное облако, надвигающееся на нас с Запада, погасит над Европой дневной свет, то тогда, сверкая, на Севере взойдет новое солнце, подобное Александру Великодушному»².

И, наконец, говоря о будущей миссии России, Бутербек видел ее в распространении европейской культуры на Востоке, подчеркивая, что ее естественная экспансия, направленная на покорение

¹ *Bouterwek Fr.* Op. cit. S. 71.

² *Ibid.* S. 74.

ние народов Азии, не может угрожать европейским государствам. «Русская держава в целом благоприятствует европеизму, — писал он в заключение своего трактата. Она обещает, если европеизм укоренится внутри нее, распространить его дальше на азиатские государства, что, собственно, уже происходит. Таким образом, русские могут и впредь распространять по миру общую европейскую культуру, как римляне греческую. Они являются четвертой великой нацией девятнадцатого столетия, а также развивающейся нацией будущего»¹.

Мы так подробно останавливаемся на сочинении Бутервека, потому что, несмотря на поражение очередной антифранцузской коалиции и предстоящее Европе французское господство, он одним из первых почувствовал грядущие глобальные перемены, став своего рода предтечей нового тренда во внешнеполитическом дискурсе, и гениально предугадал его основные тенденции, проявление которых не заставило себя долго ждать.

2.2. Поворот от разочарования к надежде.

Литературно-художественный взгляд на «Русский вопрос»:
Гарлиб Гельвиг Меркель, Генрих фон Клейст, Жан Поль
(1806–1810)

Как уже отмечалось выше, эскалация французской экспансии, особенно в германских землях, стала импульсом для формирования национально-освободительных движений, что, в свою очередь, привело к однозначно негативному восприятию Франции и ее императора в немецком внешнеполитическом дискурсе.

Роковым для судьбы Германии стал 1806 г. 20 ноября 1805 г в «Битве трех императоров» — Наполеона, Александра I и Франца II — под Аустерлицем объединенные русско-австрийские войска были разбиты французами. А через две недели Пруссия уже заключила с Наполеоном наступательный и оборонительный союзы. В результате раздоров между немецкими монархами война третьей коалиции незаметно и тихо закончилась 26 декабря 1805 г. подписанием мира между Францией и Австрией в Пресбурге. Поражение третьей антифранцузской коалиции решило судьбу Священной Римской империи. Северо-западная часть Германии была включена в состав Франции. Средняя часть была объединена в Рейнский

¹ Ibid. S. 85.

союз государств-сателлитов под эгидой Наполеона. К 1812 г. он охватывал уже все немецкие государства, за исключением сильно уменьшенных территорий Австрии и Пруссии. Кроме того, государства Рейнского союза находились в оборонительном и наступательном союзе с Францией, и что дало возможность Наполеону использовать их войска в составе французской армии. После создания Рейнского союза 6 августа 1806 г. Священная Римская империя германской нации навсегда прекратила свое существование.

Затем настала очередь Пруссии, благоразумно сохранявшей нейтралитет до этого времени. Пытаясь воспрепятствовать созданию Рейнского союза и укреплению французской гегемонии, Пруссия 9 октября объявила войну, а через 5 дней потерпела двойное поражение под Йеной и Ауэрштедтом. 27 октября состоялся парад французских войск в Берлине. Король с семейством бежал в Мемель, а исполняющий обязанности губернатора Берлина граф фон Шуленбург^[2] издал вошедший в историю указ: «Король проиграл сражение. Соблюдение спокойствия есть первейшая обязанность гражданина». В итоге Пруссия и Австрия, занимавшие в Германии центральное место, были превращены в ее восточную окраину. После поражения русской армии под Прейсиш-Эйлау и под Фридландом Россия запросила мира. Тильзитский мирный договор между Россией и Францией закрепил существовавшее к концу франко-прусской войны 1806–1807 гг. французское преобладание в Германии.

В 1806 г. произошел резкий поворот общественного мнения в германских государствах. Оккупация немецких земель французскими войсками дала импульс к развитию общегерманского национально-освободительного движения, имевшего ярко выраженную антифранцузскую направленность. Казненный оккупантами в Нюрнберге книготорговец Иоганн Филипп Пальм^[3], распространявший направленный против Наполеона памфлет «Германия в ее глубоком унижении»¹, стал первым мучеником нового движения. Патриотические настроения очень быстро распространялись в армии: от низшего офицерского состава до верховного командования. В начале 1807 г. начальник прусского Генштаба генерал Герхард фон Шарнхорст^[4] писал своему ученику и единомышленнику Карлу фон Клаузевицу^[5]: «Если бы было возможно через бесконечную череду бедствий и страданий вновь возродить Отечество из его нынешнего бедственного положения, кто бы

¹ (Julius Konrad von Yelin) Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung. Nürnberg: bei I. Ph. Palm, 1806. 145 S.

отказался пожертвовать всем, чтобы брошенное в землю семя принесло в будущем свои плоды? Кто бы отказался умереть, если бы он мог надеяться, что Родина возродится в прежнем могуществе и славе?»¹. Начавшаяся в апреле 1809 г. война пятой антифранцузской коалиции в составе Австрии, Англии и Испании повсеместно породила новые надежды на свержение наполеоновского владычества в Германии. В австрийском Тироле разрасталось партизанское движение под руководством Андреаса Хофера^[6]. В Вестфалии действовал отряд Вильгельма Дернберга^[7], на севере Германии, в Мекленбурге и Передней Померании сражался с французами партизанский корпус Фердинанда фон Шилля^[8] и Адольфа фон Лютцова^[9]. Начались беспорядки в Ганновере. Эти массовые акции вооруженного сопротивления французской оккупации, проведенные в 1809 г., дали толчок к созданию тайных патриотических обществ и организаций: в 1810 г. Фридрих Фризен^[10] и Фридрих Людвиг Ян^[11] организуют «Немецкий союз».

На патриотический подъем, охвативший также и армию, не повлияло даже то, что Александр I, всячески демонстрировавший после подписания Тильзитского мира свои дружеские чувства к Наполеону, во время визита Фридриха-Вильгельма III в Петербург в январе 1809 г. настойчиво советовал королю Пруссии улучшить отношения с Францией и избегать участия в каких-либо внешнеполитических авантюрах. В результате Фридрих-Вильгельм III принял окончательное решение отказаться от участия вместе с Австрией в пятой антифранцузской коалиции². Тем не менее Клаузевиц представил королю свой план «О будущих операциях Пруссии против Франции»³. Остановливаясь более подробно на позиции России в случае выступления Пруссии и Австрии против Франции, он считал, что она, скорее всего, «будет придерживаться прежней нейтральной политической линии до тех пор, пока одна из сторон не достигнет крупного успеха». Клаузевиц объяс-

¹ *Schwartz K.* Leben des Generals Carl von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz, geb. Gräfin Brühl. Bd. I–II. Berlin, 1878. Bd. I. S. 115–116.

² О позиции Пруссии и России в отношении австро-французского конфликта в 1809 г. см.: *Dunker M.* Friedrich-Wilhelm III im Jahre 1809 // *Preussische Jahrbücher*. 1878. Bd. 42. Heft 2. S. 123–162; *Gaede U.* Preußens Stellung zur Kriegsfrage im Jahre 1809. Hannover, 1897; *Rössler H.* Österreichs Kampf um Deutschlands Befreiung: die deutsche Politik der nationalen Führer Österreichs 1805–1815. Hamburg, 1940. Bd. II; *Just G.* Politik oder Strategie? Kritische Studie über den Warschauer Feldzug Österreichs und die Haltung Russlands 1809. Wien, 1909.

³ *Clausewitz C. von.* Schriften – Aufsätze – Studien – Briefe. / Hrsg. von W. Hahlweg. Bd. I–II. Göttingen, 1966. Bd. I. S. 66–89.

нял нерешительность действий России «отсутствием героического характера» у Александра I и низким уровнем военных и политических качеств у министров его кабинета¹.

Раздражение и досада по поводу демонстративной профранцузской позиции Александра I после подписания Тильзитского мира было свойственно большинству военных и политических деятелей Германии. Австрийский политик Фридрих фон Генц писал в 1807 г. в одном из писем шведскому дипломату Карлу Густаву фон Бринкману (1764—1847), что «самая большая, пагубная и, к сожалению, неизлечимая наша иллюзия — ожидать помощь от России, — ... привела Австрию, Пруссию и Англию ко всем современным бедам»². Барон Генрих Фридрих фон Штейн^[12], возглавивший в октябре 1808 г. прусское правительство, также был скептически настроен по отношению к России. «Если Австрия однажды потерпит поражение, — предостерегал он в меморандуме от 8 сентября 1808 г. короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, — то Франция во главе со всей Европой выступит против России», и эта страна, «находящаяся под властью развращенной бюрократии и населенная рабами», «лишь недолгое время сможет противостоять образованной Европе»³. В 1808/09 гг. публицист и политический деятель Эрнст Мориц Арндт^[13] опубликовал большое эссе под названием «Краткое слово о России, ее отношении к остальной Европе до и после Петра Великого»⁴, полное упреков в адрес российского императора, отказавшегося от заветов Петра Великого и предназначенной ему судьбой миссии освободителя Европы от французского ига.

Однако надеждам немецких патриотов опять не суждено было сбыться. Война пятой коалиции закончилась уже летом 1809 г. поражением и очередным разделом Австрии по условиям Шенбруннского мира. Ее правительство было полностью деморализовано, поэто-

¹ Clausewitz C. von. Schriften — Aufsätze — Studien — Briefe... S. 71ff.

² Genz an Brinckmann vom 16. Oktober 1807 // Briefe von und an Friedrich Von Gentz. Auf Veranlassung und mit Unterstützung Der Wedekind-Stiftung Zu Göttingen / Hrsg. Von Fr. C. Wittichen. 2 Bde. München und Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1909. Bd. 2. S. 284.

³ Freiherr vom Stein. Denkschrift vom 8. September 1808 // Briefe und amtliche Schriften. Herausgegeben von Walther Hubatsch, 10 Bände, Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957—1974. Bd. 2. S. 12ff.

⁴ Arndt E.M. Ein kurzes Wort über Russland und sein Verhältnis und Verhalten gegen das übrige Europa vor und seit Peter dem Großen // Der Nordische Kontrollleur. 2 Bde. Stockholm: J.P. Lindh; 1808/09. Teil I (6 Hefte: vom März bis September 1808); S. 1—384. Teil II (7—12 Hefte: vom September 1808 bis zum Februar 1809); S. 385—701.

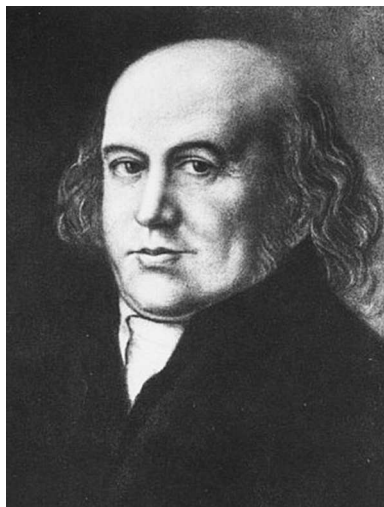
му после окончательной изоляции Англии и поражения Австрии, которая воспринималась как последний оплот сопротивления французской экспансии в центре Европы, основное внимание немецких интеллектуалов начало сосредоточиваться на России. Несмотря на уверения в вечной дружбе и взаимные любезности Александра I и Наполеона с начала 1810 г. стало очевидным серьезное ухудшение русско-французских отношений. Позиция, занятая Россией во время конфликта Франции с Австрией^[14], русский протекционистский тариф 1810 г.^[15], весь комплекс проблем, связанный с участием России в континентальной блокаде^[16], и, наконец, «ольденбургский вопрос»^[17] — все это было ярким проявлением дальнейшего углубления противоречий между Россией и Францией^[18].

С 1810 г. немецкое общественное мнение начинает связывать с Россией самые серьезные надежды на избавление от наполеоновского диктата. Так, например, в мае 1811 г. русский посланник при прусском дворе граф Х.А. Ливен^[19] доносил из Берлина, что в Германии «все взоры обращаются к России», и многие прусские офицеры «выразили желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией»¹. Аналогичные вести с 1811 г. поступали из Австрии. Как сообщал весной 1812 г. русский посланник в Вене граф Г.О. Штакельберг^[20], в Австрии, Швейцарии и Италии повсеместно «растет всеобщее стремление освободиться от ига Франции и воспользоваться войной между этой державой и Россией, чтобы поднять знамя восстания»². С другой стороны, Россия, устами своего многоопытного министра иностранных дел графа Николая Петровича Румянцева^[21] всячески подчеркивала свою заинтересованность в том, чтобы «Пруссия и Австрия вновь заняли в ряду государств более прочное и подобающее им положение, чем то, которое они занимают сейчас»³. В итоге в 1811 г., когда угроза войны между Россией и Францией ощущалась все более явственно, недавно отставленный по требованию Наполеона глава прусского Генерального штаба Герхард фон Шарнхорст приехал в Петербург для ведения тайных переговоров о военном союзе с Россией и новой антифранцузской коалиции. Начавшееся движение по взаимному сближению в верхах на почве недовольства политикой Наполеона и рост национального

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сборник документов российского Министерства иностранных дел. 1–6 серии. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1960–1969. Серия Первая: 1815–1830 гг. Т. VI: 1811–1812 гг. М., 1962. Док. № 42. С. 115–116.

² Там же. Док. № 118. С. 296.

³ Там же. Док. № 21. С. 68.

Гарлиб Гельвиг Меркель (1769–1860) –
немецкий литературовед, издатель,
публицист

самосознания в широких слоях немецкого общества, безусловно, свидетельствовали о грядущих масштабных политических переменах.

Однако эти процессы не получили и не могли получить какого-либо отражения в немецкой прессе. Несмотря на начавшуюся смену общественных настроений, после разгрома Пруссии под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г. в германских землях больше не выходило сколько-нибудь значительных публикаций немецких авторов о России. Более того, жесткий контроль французской цензуры на практически всей территории Германии вообще

не допускал никаких самостоятельных высказываний на любые политические темы. Журналы закрывались, большинство немецких публицистов было вынуждено либо сменить род занятий, либо эмигрировать. Центр национальной общественно-политической мысли переместился за пределы германских земель и, прежде всего, в Прибалтику, откуда, несмотря на строгий контроль, в Германию нелегально проникали отзвуки происходящих событий.

Одним из таких немецких рупоров антифранцузской пропаганды и военного союза с Россией стал писатель и литературный критик Гарлиб Гельвиг Меркель^[22], являвшийся также одним из наиболее последовательных немецких патриотов, стремившихся сплотить самые широкие круги населения Германии на борьбу с французской экспансией. Будучи блестящим литературоведом, в 1800–1805 гг. в Веймаре и Берлине Меркель возглавлял несколько художественных периодических изданий: «Письма к дамам о важнейших произведениях изысканной литературы»¹, «Серьезность или шутка»² и другие, в которых специализировался на освещении

¹ Briefe an ein Frauenzimmer über die wichtigsten Producte der schönen Literatur / Hrsg. von Garlieb Merkel. Berlin 1800–1803.

² Ernst und Scherz / Hrsg. von Garlieb Merkel. Berlin, 1803.

культурной жизни Европы. В этот же период, параллельно с литературоведческой деятельностью, он начинает публиковать статьи антифранцузского характера, связанные с критикой агрессивной политики Наполеона в германских землях. Прежде всего речь идет о литературно-художественном журнале «для образованных и беспристрастных читателей» — «Откровенный»¹, который Меркель издавал в Берлине с 1803 по 1806 гг. Журнал, основанный как литературный, скоро приобрел ярко выраженный политический, а затем и антинаполеоновский характер. Как писал сам Меркель в одной из программных статей, главная цель издания состояла в том, чтобы противостоять французской пропаганде, предлагая немецкому читателю альтернативную точку зрения на происходящие события. Особенно Меркель старался популяризировать идею союза между Пруссией и Россией².

В 1806 г. Пруссия считалась «последним бастионом существования Германии». К этому времени уже большая часть западных и южных немецких земель была оккупирована французами. Тот факт, что книгоиздатель из Нюрнберга Иоганн Филипп Пальм за публикацию антифранцузской политической брошюры был расстрелян по личному приказу Наполеона, Меркель использовал как предлог для призыва немцев к сплочению, а, по сути — к партизанской войне. «Наполеон боится народной войны, — писал он в сентябрьском номере журнала “Откровенный”. Почти повсюду в Германии царит настроение, которое может стать опасным для него... Позорное французское иго, под которым уже стонет почти вся Германия, произвело возмущение в немецких умах. И достаточно лишь толчка, чтобы использовать эти настроения и сделать победу Наполеона бесплодной»³.

Меркель отлично понимал, что его может постигнуть участь Пальма, если французам удастся его схватить. Поэтому в конце 1806 г. после закрытия в Берлине его журнала он переезжает в Ригу, где начинает издавать новый журнал «Дополнение к Откровенному»⁴, на

¹ *Der Freimüthige* oder Berlinische Zeitung für gebildete unbefangene Leser / Hrsg. von August von Kotzebue. Berlin, 1803; *Der Freimüthige* oder Ernst und Scherz. Berlinische Zeitung für gebildete und unbefangene Leser / Hrsg. von Garlieb Merkel, August von Kotzebue. Berlin, 1804—1806.

² Heeg J. Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon. Die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1996. 45. Jahrgang. Bd. 45. Heft 2. Marburg, 1996. S. 159—191, 165.

³ Merkel G. Teutschland und Preußen, oder das Interesse Teutschlands am Preussischen Staate. Von einem Nicht-Preußen // *Der Freimüthige*, Nr. 190, 22. Septem-ber 1806. S. 241.

⁴ *Supplementblätter zum Freimüthigen* / Hrsg. von Garlieb Merkel. Riga, 1807.

страницах которого продолжает свою «борьбу против французской тирании». Уже в его первом апрельском номере за 1807 г. он публикует свою программную статью «Взгляд из Европы»¹, в которой он нападает на Наполеона, называя его «демоном, вылезшим из глотки революции». Автор с сожалением был вынужден констатировать, что Бонапарт, воспользовавшись раздором между малыми княжествами и противоречиями в интересах Австрии и Пруссии, с легкостью поработил германские земли и за очень короткое время. Говоря о «позорном унижении» Пруссии, как «последнего бастиона свободной Германии», Меркель видит в России единственное спасение, как для германских государств, так и для всей Европы. Неудивительно, что помимо обзора последних событий статья почти полностью посвящена России, которая, в отличие от раздробленной Германии, «не только развивает свои победоносные армии, но и впервые на наших глазах создает сплоченное национальное государство. До сих пор мы даже представить себе не могли его реальной мощи»². И хотя французская пропаганда всячески использует «миф о чудовищном "северном колоссе"» для создания пугала, чтобы загнать Европу в свои сети»³, продолжает автор, — самая большая ошибка Наполеона состоит в том, что он сам «не осознает мощи великого, прочного государства своего благородного противника»⁴. И заканчивает свою статью Меркель призывом, для обоснования которого служили все приведенные выше политические конструкции: «Вряд ли можно сегодня найти правителя или народ, который будет глуп настолько, чтобы не заметить, что он и вовсе может быть лишен того будущего, возможными опасностями которого его пугает Бонапарт, если он в ближайшее время не присоединится к России!»⁵.

Эта статья, отрывки из которой в виде листовок нелегально попадали на территорию Германии, а затем изымались французской полицией, впоследствии вошла во многие сборники, посвященные освободительной войне в Германии, так как во многом определила основные направления антифранцузской пропаганды в немецкой публицистике.

¹ *Merkel G. Blick auf Europa.* (Написана в марте 1807 г.) // *Supplementblätter zum Freimüthigen.* 2. April 1807

² Цит. по: *Merkel G. Aufsätze, während des Krieges geschrieben,* 1–3 Hefte. Riga 1813, H. 2, S. 31–56. S. 52.

³ *Ibid.* S. 34.

⁴ *Ibid.* S. 49.

⁵ *Merkel G. Aufsätze, während des Krieges geschrieben,* 1–3 Hefte. Riga 1813, H. 2, S. 55–56.

После заключения Тильзитского мира в июне 1807 г. ситуация меняется и в российских остзейских провинциях. Столь резкие высказывания против ставшей дружественной Франции и ее лидера уже не поощрялись: по «высочайшему распоряжению» Меркель должен был полностью прекратить нападки на императора Франции. В результате, его литературная деятельность приняла другое направление. С июля 1807 г. он начал выпускать новый журнал «Наблюдатель»¹ под девизом «*Sapere aude!*» («Осмелюсь быть мудрым»). С этого момента Меркель из литературного критика окончательно превращается в политического обозревателя европейских событий. И хотя формально «Наблюдатель» сохранял лояльность к французскому императору, но подборка фактов и «эзопов язык» их изложения позволяли читателю, безошибочно улавливая авторскую интонацию, следить как за ростом международного влияния Наполеона, так и за политическими и военными событиями в государствах, воюющих с Францией.

В самой же Германии самостоятельная трактовка политических событий была невозможна даже с помощью «эзопова языка». Как уже не раз отмечалось, гнет французской цензуры препятствовал выражению любого независимого мнения. С разгромом Пруссии и Австрии ее власть распространилась на все немецкие земли. Это означало конец самостоятельности региональной прессы и использование ее исключительно в целях пропаганды французской имперской политики. После полной политической «зачистки» на германском литературном рынке преобладали в основном философско-морализаторские сочинения или художественные произведения развлекательного характера. В результате вместо умолкнувших на время публицистов на ставшую чрезвычайно актуальной тему «Россия и Европа» заговорили поэты и литераторы. Никто уже не сомневался в том, что Россия, как последняя не завоеванная Наполеоном континентальная держава, следующая на очереди, поэтому, несмотря на все дипломатические ухищрения Александра, русско-французская война казалась неизбежной. Широко распространенное мнение о том, что ведение войны на внутренних территориях российской империи из-за ее размеров и климата губительно для любого завоевателя, вызывало уверенность, что боевые действия рано или поздно перекинутся в центр Европы. Предполагаемое появление в германских землях русских войск, «татар» и «казаков», которыми на протяжении всей второй половины XVIII в. француз-

¹ Der Zuschauer / Hrsg. von *Merkel G.* Riga, 1807–1832.

Жан Поль, настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (1763–1825) — немецкий писатель, эстетик, публицист

ские и немецкие публицисты пугали европейскую публику, вызывало на этот раз неоднозначную реакцию. Крайние оценки такого поворота событий в высказываниях немецких литераторов на эту тему представляют собой сочинения двух выдающихся поэтов — Жан Поля и Генриха фон Клейста.

В 1810 г. в первом томе популярного журнала «Отечественный музей» Жан Поль^[23] опубликовал сочинение, жанр которого можно определить как политическая сатира, под названием «Политические проповеди о соблюдении поста во время германской страстной недели»¹. Первая часть этого эссе была озаглавлена «Пред-

рассветные сумерки Германии», и в его третьей главе «О страхе будущего научного варварства» Жан Поль с присущей ему иронией выступил против широко распространенного «современного страха перед варварской Россией»². Он опять возвращается к теме «русской угрозы», но на этот раз он говорит об угрозе европейской культуре со стороны «русского варварства». Жан Поль призывает немецких писателей «преодолеть страх перед варваризмами, которые стремятся привнести на научные поля Европы проникающие отовсюду татары или русские». По его мнению, все человечество в своем развитии, пусть и с разной скоростью, проходит одни и те же ступени развития. Поэтому Россию следует воспринимать не как что-то опасное и чуждое Европе, а как ее собственное недавнее прошлое. Но даже если предположить, что русские являются именно такими дикими варварами, как их описывает французская

¹ *Jean Paul. Politische Fastenpredigten während Deutschlands Marterwoche // Vaterländisches Museum / Hrsg v. Fr. Perthes, N. H. Julius und Fr. G. Zimmermann. Band I, Stücke 5. Hamburg: Friedrich Perthes, 1810. S. 257–368.*

² *Jean Paul. Nachdämmerungen für Deutschland. Über die Furcht künftiger Wissenschaftsbarbarei // Jean Pauls sämtliche Werke XXXIV. Siebende Lieferung; vierter Band. Berlin: bei G. Reimer, 1827. S. 92–97.*

публицистика, они все равно растворятся среди цивилизованных народов, как это было во времена Греции и Рима. «Что касается татар — даже не говоря о русских, — рассуждает Жан Поль, — то их вторжение, если бы они стремились к завоеваниям, было бы всего лишь вариацией на тему старой исторической аксиомы о том, что дикие племена всегда растворялись внутри цивилизованных народов. На протяжении всей истории более высокий уровень цивилизации и образования всюду действовал как самое сильное средство разложения и поглощения одних народов другими. Потому что, если бы это было не так, то я хотел бы знать, почему, если всемирная история начинается с преобладающего количества варварских племен, этот перевес, в конце концов, не побеждает небольшого числа цивилизованных народов, а вместо этого уступает ему»¹.

Далее, следуя за Гердером, Жан Поль дает ответ всем сторонникам мифа о «русской угрозе», рисуя, как до него Бутервек, вполне оптимистичную картину будущего России: «Мне говорят: только позвольте гигантскому государству России копировать Европу, и оно ринется на вас, соединив вместе свои огромные размеры с плодами европейской культуры и образования. — Ну, тогда я отвечаю, что Россия понесет в себе образование и будет распространять его дальше, а, следовательно, не будет его отнимать. И в чем здесь большая беда, если свет цивилизации переходит от народа к народу и, отражаясь от каждого, вместе с ним продолжает свой путь, но не покидает никого без того, чтобы оставить после себя хотя бы предрассветные сумерки?»².

Если в этом пассаже, как мы уже заметили, чувствуется влияние Гердера, то это впечатление усилится еще больше после ознакомления с возможным наихудшим прогнозом Жана Поля будущего Европы. Если Европа действительно должна будет пасть от туземного варварства, как «пророчествуют современные провидцы», то Северная Америка, как предполагал поэт, сыграет «наш спектакль истории во второй раз» и, вероятно, тогда «старый мир» станет «землей для новых насаждений». Таким образом, в созданном Жаном Полем образе России встречается одно из последних проявлений тех просветительских надежд относительно нее, которые не допускают открытого пессимизма, так как в конечном счете они основаны на вере в неуклонный и все побеждающий исторический прогресс.

¹ *Jean Paul*. Op. cit. S. 94.

² *Ibid*. S. 96.

Генрих фон Клейст (1777–1811) —
немецкий драматург, поэт и прозаик

С просветительским оптимизмом Жан Поля контрастировал почти эсхатологический пессимизм Генриха фон Клейста^[24], с которым он смотрел на будущее Европы. У него потрясение европейского самосознания, кажется, достигает таких масштабов, когда больше невозможна никакая рефлексия по поводу новых интерпретаций исторической диалектики. Современная ситуация в Европе вполне пророчески воспринимается им как своеобразная точка невозврата, за которой последуют полная трансформация европейской цивилизации и совершенно новое состояние

общества. В декабре 1810 г. в четырех номерах редактируемой им вечерней газеты «Berliner Abendblätter» он публикует новаторское по форме философское эссе «О театре марионеток»¹, в котором рисует будущую картину механизированного и рационализованного мира. В этом мире рефлексия и самосознание, воспитанные европейской культурой, никому не нужны и полностью проигрывают бездушным имитаторам, которые научились различным «фокусам», лишь внешне подражая манерам носителей европейской цивилизации. Центральное место в эссе занимает рассказ главного героя, искусного танцора, о поездке в Россию и увиденном там дрессированном медведе, который полностью превзошел его в искусстве фехтования, то есть в боевом искусстве поединка. «Медведь, когда я в изумлении к нему подошел, стоял на задних лапах, опираясь спиной на столб, к которому был прикован, с поднятой для удара правой передней и глядел мне в глаза: это была его боевая стойка. Я не знал, явь это или сон, увидев перед собой такого противника. Несколько оправившись от своего изумления, я сделал выпад рапирой; медведь едва повел лапой и отпарировал удар. Я сделал еще один выпад со стремительной легкостью, — человеку бы я, уж верно, уго-

¹ Kleist H. v. Über das Marionettentheater // Berliner Abendblätter vom 12.–15. Dezember 1810.

дил в грудь,— медведь едва повел лапой и снова отпарировал удар»¹. В этом странном поединке медведь предстает, как мифический символ полудикого мира Востока, противостоящего искусному Западу, то есть как воплощение России. Сила и природная интуиция медведя лишает смысла любые ухищрения ума и изощренной техники, которые пытается использовать против него рассказчик, воплотивший в себе все боевые преимущества европейской цивилизации. В силу безошибочного инстинкта в поединке медведь превосходит всех опытных фехтовальщиков, так как бьет только наверняка, не реагируя на их уловки. Борьба против него бессмысленна, победа едва ли возможна. Еще до того, как наполеоновская армия вторглась в Россию, безрассудность такого поведения была очевидна в пророческом видении Клейста. Будучи противником французской оккупации Европы, в предстоящем поединке России и Франции он осознанно выступал на стороне Востока против Наполеона, который воплощал Запад, несмотря на предстоящие трансформации, которые могли ждать Европу в случае победы России.

Примечания к Главе II

- [1] Фридрих Бутервек (Friedrich Ludewig Bouterwek; 1766—1828) — немецкий философ и историк литературы, основатель философии виртуализма. С 1791 г. читал в Геттингене лекции по философии.
- [2] Вильгельм фон дер Шуленбург-Кенерт (Wilhelm von der Schulenburg-Kehnert; 1742—1815) — граф, губернатор Берлина. Через три дня после разгрома прусской армии под Йеной и бегства королевской семьи в Мемель, 17 октября 1806 г. по его приказу весь Берлин был обклеен воззванием, которое начиналось словами «Король проиграл сражение. Теперь спокойствие — первый долг гражданина». Впоследствии эта фраза была обыграна в названии романа известного немецкого писателя Виллибальда Алексиса «Спокойствие — первый долг гражданина» («Ruhe ist die erste Bürgerpflicht», 1852).
- [3] Иоганн Филипп Пальм (Johann Philipp Palm; 1766—1806) — германский книготорговец и издатель из Нюрнберга. После занятия Нюрнберга французскими войсками в марте 1806 г. издал в июле брошюру «Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung», в которой критиковались французы с союзниками, а народ призывался к борьбе с оккупантами. 25 августа был приговорен к расстрелу. Причем Наполеон подписал приказ еще 5 августа — за распространение заведомо оскорбительных для Франции книг. Пальм расстрелян на следующий день, несмотря на то, что он был гражданином свободного имперского города Нюрнберга и не подчинялся француз-

¹ *Heinrich von Kleist: Über das Marionettentheater, mit einem Vorwort von Wilfried Nold und einem Beitrag von Wolfgang Kurock, Frankfurt: Puppen & Masken, 2007. S. 54.*

ской юрисдикции, причем убить его солдаты смогли только после третьей попытки. До последних секунд жизни не признал за собой никакой вины и так не раскрыл настоящих авторов памфлета. Его казнь вызвала большой резонанс в германском обществе, а фигура Пальма стала одним из символов борьбы против режима Наполеона в германских землях.

- [4] Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz, 1780—1831) — прусский военачальник, военный теоретик и историк. В 1812—1814 гг. служил в русской армии. Своим сочинением «О войне» произвел переворот в теории и основах военных наук.
- [5] Герхард Иоганн Давид фон Шарнхорст (Gerhard Johann David von Scharnhorst; 1755—1813) — прусский генерал и военный реформатор. С июля 1807 г. — начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии, с 1808 по 1810 г. возглавлял Генеральный штаб и военное министерство. Вместе с генералом А. Гнейзенау Шарнхорст провел военную реформу, в результате которой было подготовлено введение воинской повинности. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера.
- [6] Андреас Хофер (Andreas Hofer, 1767—1810) — тирольский народный герой, организатор и руководитель партизанской войны против французских и баварских оккупантов в 1809—1810 гг.
- [7] Барон Вильгельм Каспар Фердинанд фон Дернаберг (Wilhelm Caspar Ferdinand Freiherr von Dörnberg; 1768—1850) — генерал-лейтенант, участник Наполеоновских войн, посланник Ганновера в Российской империи. В 1809 г. во время войны Австрии с Францией взбунтовалась деревня близ Касселя. Дернаберг, посланный с военной командой для ее усмирения, воспользовался этим случаем для создания партизанского отряда из своих солдат и местных крестьян. После поражения Дернаберг бежал в Богемию и вступил в корпус герцога Брауншвейгского, с которым на стороне Австрии участвовал во всех последующих военных действиях против Наполеона I. В 1812 г. Дернаберг вступил в русскую армию, в составе Русско-немецкого легиона находился в корпусе Петра Витгенштейна, отличился в сражении под Калишем.
- [8] Фердинанд фон Шилль (Ferdinand von Schill, 1773—1809) — прусский майор, участник Наполеоновских войн, национальный герой Германии. В 1809 г. с началом войны пятой коалиции Шилль без согласия короля, под предлогом полевых маневров, 28 апреля 1809 г. оставил Берлин и со своим полком, ротой егерей и несколькими офицерами двинулся к Эльбе и дальше на север Германии, чтобы действовать во французском тылу.
- [9] Адольф фон Лютцов (Adolf Wilhelm Freiherr von Lützow, 1782—1834) — немецкий национальный герой, барон, возглавивший партизанскую войну в тылу войск Наполеона, оккупировавшего Германию. Во время Освободительной войны организовал добровольческие «корпуса свободы» из пехоты, кавалерии и тирольских стрелков, действовавшие в тылу французских войск. В народе их называли «черными тучами». Во второй части кампании Добровольческий прусский королевский корпус фон Лютцова вел регулярные боевые действия.
- [10] Карл Фридрих Фризен (Karl Friedrich Friesen, 1785—1814) — один из героев германской освободительной войны и основателей «Немецкого союза», а также патриотического гимнастического движения.

- [11] Фридрих Людвиг Ян (Jahn Friedrich Ludwig, 1778–1852) — немецкий педагог и патриот, участник Наполеоновских войн. Осенью 1806 г. пытался поступить на службу в прусскую армию, но это удалось ему только после сражения при Йене. Глубоко переживая унижение Германии, в особенности Пруссии, считал задачей своей жизни поднятие народного духа путем развития физических и моральных сил немецкой молодежи. Был основателем нескольких спортивно-гимнастических обществ, готовивших молодежь к национально-освободительной борьбе.
- [12] Барон Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штейн (Heinrich Friedrich Karl Reichsfreiherr vom und zum Stein; 1757–1831) — прусский государственный и политический деятель. Известный как ярый противник Наполеона, фон Штейн в 1808 г. был вынужден эмигрировать в Австрию, а затем в 1812 г. по-приглашению Александра I — в Санкт-Петербург, где поступил на службу к российскому императору. Был одним из организаторов в России Русско-германского легиона, сыгравшего большую роль в освобождении Германии в 1813 г. от наполеоновских войск.
- [13] Эрнст Мориц Арндт (Ernst Moritz Arndt; 1769–1860) — немецкий писатель, политик, депутат Франкфуртского национального собрания. Будучи выдающимся пропагандистом, Арндт принимал участие в мобилизации немецкого народа для борьбы против оккупации Германии Наполеоном.
- [14] Будучи связанной с Францией союзным договором и не участвуя в пятой антифранцузской коалиции, Россия все же неформально поддержала Австрию. Несмотря на требования Наполеона оказать активное содействие французскому корпусу в Польше, Александр I ограничился посылкой в Волынь на русско-австрийскую границу 20 тыс. подразделение с формальным объявлением войны. Русские войска уклонялись от оказания помощи франко-польской армии в герцогстве Варшавском, оказавшейся в тяжелейшем положении в первый период военных действий, но заняли Краков (фактически город был передан австрийцами русским) и часть Галиции во второй период, когда австрийские войска перебрасывались на Дунай. Серьезных столкновений с австрийцами не было.
- [15] Присоединение России по Тильзитскому миру к континентальной блокаде вызвало запрещение ввоза в Россию английских товаров, падение торговых оборотов и таможенных сборов, обесценение денег, банкротства, протесты купечества и землевладельческого класса. В 1810 г. было введено новое «Положение о внешней торговле», по которому фактически отменялась континентальная блокада Англии, так как разрешался ввоз английских товаров и вывоз сырья и полуфабрикатов на нейтральных судах. На некоторые предметы потребления (кофе, сахар) введена была высокая пошлина, а предметы роскоши (шедшие преимущественно из Франции) вовсе запрещались к ввозу. Точно так же облагались высокой пошлиной некоторые льняные, шелковые, шерстяные изделия, производимые в стране.
- [16] Континентальная блокада — система экономических и политических мероприятий, проводившаяся в 1806–1814 гг. французским императором Наполеоном I по отношению к своему основному противнику — Великобритании. В 1807 г. согласно Тильзитским договорам 1807 года к блокаде присоединились Россия и Пруссия, а в 1809 г. — Австрия и Швеция. Так как объемы английской торговли с Россией в начале XIX в. были несопоставимы с торговлей любой другой страны, то прекращение товароо-

борота с Англией сильно сказалось на экономике России. Фактический отход России от политики континентальной блокады начался уже в 1809 г., что вызывало сильное раздражение Франции. В декабре 1810 Россия повысила таможенные пошлины на французские товары, что также вызвало открытое недовольство Наполеона.

- [17] Герцоги Ольденбургские — российский герцогский и княжеский род немецкого происхождения, ветвь Гольштейн-Готторпской линии династии Ольденбургов, бывшие правителями герцогства Ольденбург. После присоединения к Франции (13 декабря 1810 г.) северогерманских земель герцогство Ольденбургское оказалось со всех сторон окруженным французской территорией. Наполеон перед оккупацией атлантического побережья предложил принцу-регенту Петеру Фридриху Людвигу Ольденбургскому в качестве компенсации Эрфурт, но Александр I отсоветовал ему соглашаться на это предложение. 30 декабря 1810 г. французские войска вторглись в пределы герцогства, а сам принц Ольденбургский был лишен престола. Россия направила Франции резкую ноту протеста. Кроме того, когда в марте 1811 г. русское правительство обратилось к европейским и, прежде всего, к германским государствам с протестом против лишения указом Наполеона герцога Ольденбургского престола, Пруссия и Австрия отнеслись к этому весьма сдержанно. Так, например, в ответе на русскую ноту прусское правительство сочло нужным особо подчеркнуть якобы имеющееся стремление Александра I поддерживать «счастливые отношения союза, установленного между ним и его величеством императором французов».
- [18] Петербургский двор сорвал проект женитьбы Наполеона с великой княжной Анной, сестрой Александра I. 8 февраля 1810 г. Наполеон вступил в брак с Марией-Луизой, дочерью Франца II, и стал поддерживать Австрию на Балканах. Избрание 21 августа 1810 г. французского маршала Ж.Б. Бернадотта наследником шведского престола усилили опасения русского правительства за северный фланг. Не считаясь с российскими интересами, Франция продолжала свою агрессивную политику в Европе: 9 июля 1810 она аннексировала Голландию, 12 декабря — швейцарский кантон Валлис, 18 февраля 1811 — несколько немецких вольных городов и княжеств, в том числе герцогство Ольденбургское, правящий дом которого был связан родственными узами с династией Романовых. Присоединение Любека обеспечило Франции выход к Балтийскому морю. Александра I беспокоили и планы Наполеона восстановить единое Польское государство.
- [19] Христофор Андреевич Ливен (1774—1838), барон, затем граф (1799) и светлейший князь (1826) — русский дипломат, посол в Берлине и Лондоне. В 1808 г., будучи генерал-адъютантом Александра I, Ливен был зачислен в ведомство Коллегии иностранных дел и 31 декабря 1809 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлин, где в короткое время сумел заслужить полное доверие короля Пруссии Фридриха-Вильгельма. Ливен был первым сановником, обратившим внимание императора Александра на рост патриотических настроений в Пруссии, готовый при первой возможности выступить против французской оккупации. За превосходное исполнение обязанностей посланника 18 февраля 1812 г. Ливен был удостоен ордена св. Александра Невского.

- [20] Густав Оттонович фон Штакельберг, граф (Густав Эрнст, 1766–1850) — русский дипломат; действительный камергер (1794), действительный тайный советник (1808). Со 2 ноября 1810 г.— чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вене (назначен 14 мая). Наблюдал за действиями армии Наполеона I в Европе. Обеспечил поддержание мирных контактов между российским и австрийским дворами и сохранение Австрией фактического нейтралитета во время Отечественной войны 1812. После разгрома Наполеона в России содействовал присоединению Австрии к русско-прусскому антифранцузскому союзу.
- [21] Николай Петрович Румянцев, граф (1754–1826) — русский государственный деятель, в годы Наполеоновских войн занимавший пост министра иностранных дел. В период с 1781 по 1795 г. представлял интересы России при дворах Майнцского, Кёльнского и Трирского курфюршеств, а также в имперском сейме в Регенсбурге.
- Был известен своими профранцузскими настроениями. В 1809 г. он был возведен в чин государственного канцлера, но начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоном привела к его отстранению от дел за принадлежность к «французской партии» при дворе. Долгое время существовала легенда, что при получении известия о вторжении армии Наполеона в Россию, сторонник русско-французского союза Румянцев настолько расстроился, что его хватил удар. После завершения войны с Наполеоном Румянцев в 1813 г. обратился к императору с просьбой об отставке, которая была дана ему в августе 1814 г. с сохранением звания государственного канцлера.
- [22] Гарлиб Хельвиг Меркель (Garlieb Helwig Merkel, 1769–1850) — немецкий писатель, литературовед и публицист лифляндского происхождения.
- [23] Жан Поль (настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер — Johann Paul Friedrich Richter; 1763— 1825) — немецкий писатель, сентименталист и предромантик, автор сатирических сочинений, эстетик и публицист. Псевдоним (офранцузженную версию собственных имен) взял из преклонения перед Жаном-Жаком Руссо.
- [24] Генрих фон Клейст (Bernd Heinrich Wilhelm von Kleist, 1777–1811) — немецкий драматург, поэт и прозаик.

ГЛАВА III

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА КАК ВРЕМЯ НАДЕЖД.

**Национально-патриотический взгляд
на «Русский вопрос»: барон Генрих Фридрих
фон Штейн и Эрнст Мориц фон Арндт
(1810– 1813)**

Начало русско-французской войны 1812 г. заставило умолкнуть все антирусские голоса в Германии. Усилия немецкой интеллектуальной элиты были направлены на то, чтобы создать новые дефиниции для описания войны совершенно нового типа, получившей впоследствии в России название «отечественной», а в Германии — «освободительной». Все политические и мировоззренческие течения в общественном мнении сходились в восприятии Александра I как будущего освободителя Европы от «французского ига», а следовательно, ее военного и политического лидера. Небольшие различия были только в дефинициях. Для представителей либерального крыла Наполеон был воплощением деспотизма, а Александр — свободы, и оба императора воспринимались в рамках национальной борьбы за единое немецкое государство и социальный прогресс. Что же касается консервативных мыслителей, то они переводили дискурс из политической в религиозно-философскую плоскость и видели во французском императоре Антихриста, а в его российском оппоненте — «Ангела апокалипсиса», что полностью соответствовало их эсхатологическому взгляду на происходящие события.

Этому действительно массовому подъему пророссийских настроений предшествовали подписанные в Париже 24 февраля 1812 г. под жестким нажимом Наполеона франко-прусский союзный договор и военная конвенция. По ее условиям Пруссия обязалась в случае войны Франции с Россией предоставить в распоряжение Наполеона двадцатитысячный вспомогательный корпус, пропустить его «великую армию» через свою территорию и обеспечить ее снабжение. Во все прусские крепости вступили французские войска.

Подписание франко-прусского соглашения произвело убийственное впечатление на патриотически настроенные круги Пруссии. В связи с этим сразу 20 офицеров Генерального штаба подали в отставку. Узнав о заключении союза с Наполеоном, Клаузевиц написал супруге: «Несчастья нашего Отечества достигли крайнего предела; по приказу своего господина наши правители должны будут обнажить меч друг против друга, сражаясь в братоубийственной войне... Очевидно, что в скором времени Австрия станет таким же вассалом Наполеона, как и Пруссия. В таком положении нам уже нечего бояться, остается только надеяться. И сейчас более чем когда-либо я готов

совершить мужественный шаг навстречу судьбе»¹. В апреле 1812 г. Клаузевиц подал королю прошение об отставке и одновременно просил Александра I зачислить его на русскую службу. Двадцать восьмого апреля он пишет Марии фон Клаузевиц^[1]: «Итак, решающий шаг сделан. И сейчас, если судить по моему мундиру, я уже не принадлежу к прусской армии, которой служил в течение двадцати лет с любовью и преданностью. Моя судьба решена, и я не могу представить, какой иной выбор я мог бы сделать в нынешних обстоятельствах»².

Судьбу Клаузевица также разделили многие военные и политические деятели Пруссии, в частности Германию покинули граф Август фон Гнайзенау^[2] и Герман фон Бойен^[3], которые в 1812–1813 гг. храбро сражались с Наполеоном бок о бок с русской армией или в ее составе. В том же 1812 г. по приглашению Александра I в Россию прибыл барон Генрих Фридрих Карл фон Штейн, опальный прусский премьер-министр, покинувший Пруссию после требования Наполеона уволить его с поста главы правительства.

Барон Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штейн (1757–1831) — прусский государственный и политический деятель

¹ Clausewitz C. von. Ausgewählte Briefe an Marie von Clausewitz und Gneisenau. Hrsg. von Thiele G. Berlin, 1953. S. 169.

² Ibid. S. 169–171.

Таким образом, после подписания Австрией и Пруссией военного соглашения с Францией центр немецкого освободительного движения переместился в Россию.

Важным знаком переориентации надежд немецких патриотических сил с Австрии и Англии на Россию стал приезд Штейна. Как писал впоследствии, выражая общее мнение, выдающийся немецкий литератор Фарнхаген фон Энзе¹: «С лета 1812 г. дело освобождения России стало многими немцами отождествляться с делом освобождения Германии; и оба эти дела нашли свое признание и воплощение в деятельности Штейна»¹.

При этом отношение Штейна к России и ее императору с самого начала было довольно сложным. Он никогда не был русофилом и оценивал русских исходя из того, насколько они могут быть полезны для укрепления международного положения Прусского королевства, с одной стороны, и для создания в будущем сильной Германии — с другой. После разгрома Пруссии в 1806 г. он возлагал большие надежды на Александра I, который в тот момент был единственным государем континентальной Европы, кто мог противостоять Наполеону. Однако военные поражения русской армии в 1807 г. принудили русского императора к заключению Тильзитского мира, а затем 27 сентября 1808 г. состоялась его знаменитая встреча с Наполеоном в Эрфурте, которая закончилась подписанием Эрфуртской союзной конвенции о взаимопомощи. Временное потепление отношений двух императоров, вызвавшее беспокойство в патриотически настроенных кругах Германии, негативно сказалось на отношении Штейна к русскому императору и его политике. «Император Александр I во время Тильзитского мира пожертвовал прусским делом, — полагал Штейн. — Он не отважился ходатайствовать за своего несчастного царственного друга и старался путем безграничной уступчивости и вкрадчивого предупредительного поведения не давать ни малейшего повода для какого-либо разлада с Наполеоном»². Особое разочарование вызвала встреча с Александром в Кенигсберге, где он остановился на три дня по пути в Эрфурт. Русский император обещал своим

¹ *Varnhagen von Ense K.A.* Denkwürdigkeiten des Eignen Lebens von K.A. Varnhagen von Ense / Hrsg. u. eingel. v. J. Kühn. 2 Bde. Berlin: Berlin Wegweiser. 23, 1922. Bd. 1 (1785—1815). S. 271.

² *Stein an Wittgenstein.* Königsberg, 15. August 1808 // *Freiherr vom Stein.* Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Im Auftrag der Reichsregierung der Preußischen Staatsregierung und des Deutschen und Preußischen Städtetages / Hrsg. *Botzenhart E.* 7 Bde. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1931—1937. Bd. 2. Berlin, 1937. S. 489—490.

недавним союзникам ходатайствовать перед Наполеоном о выводе оккупационных войск и уменьшении суммы денежной контрибуции. В остальном же он рекомендовал королю Пруссии «смирненно ждать и сохранять терпение»¹. По мнению не только Штейна, но и большинства противников «французской партии» при прусском дворе, воспринявшего поворот русской политики как предательство союзнических интересов, ореол рыцарства и благородства, окружавший Александра до Аустерлица, был окончательно разрушен его «позорным альянсом с Бонапартом»².

Хотя в Тильзите и Эрфурте русский император добился от Наполеона ряд уступок в отношении Пруссии и фактически спас прусскую государственность, Штейн полагал, что тот сделал недостаточно для поддержки своего друга и союзника Фридриха Вильгельма III. Он был недоволен неприятными переменами, которые обнаружил в Александре, и осуждал его за нерешительность и осторожную дипломатию.

Невысокого мнения был Штейн и о шансах России в борьбе против Наполеона. В августе 1808 г. в одной из памятных записок о перспективах возможной войны с Францией, составленных для короля Пруссии, он дал убийственную характеристику России и ее монарху: «Эта страна, лишенная промышленности, с массой народа, находящегося в рабстве, управляемая податливым, изнеженным государем, который упал духом от многих неудач в предприятиях, столь же поспешно брошенных, как и небрежно задуманных, который действует только посредством необразованного, неумелого, развращенного чиновничества, эта страна не окажет серьезного сопротивления»³. Такой же слабой и ненадежной представляла Россия в разработанном Герхардом Шарнхорстом в 1808 г. стратегическом плане предстоящей войны Австрии и Пруссии с Францией, войны, которую Штейн, разочаровавшись в русских союзниках, обозначил, как «войну за освобождение Германии самими германцами»⁴.

При таком отношении не удивительно, что опальный премьер-министр неодобрительно воспринял отъезд в Россию в 1810 г. сво-

¹ Понов А. Н. Барон Штейн в России // Русский архив. 1880. Т. 2. М.: Издательство Лебедева, 1880. С. 428.

² См. напр.: *Herre F. Freiherr von Stein: sein Leben, seine Zeit.* Köln, 1975. S. 47ff.

³ *Freiherr vom Stein. Denkschrift vom 8. September 1808* // *Briefe und amtliche Schriften.* Herausgegeben von Walther Hubatsch, 10 Bände, Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957–1974. Bd. 2. S. 12ff.

⁴ Понов А. Н. Барон Штейн в России... С. 427.

его бывшего сподвижника в проведении военной реформы в Пруссии графа Нейтхардта фон Гнейзенау¹, который, будучи за свои антифранцузские настроения снят с должности начальника инженерного корпуса и выйдя в отставку, покинул Пруссию. Однако дальнейшее развитие событий, нарастание политической напряженности в отношениях между Россией и Францией побудило его изменить свое мнение. Уже осенью 1811 г. для Штейна стала очевидной неизбежность русско-французской войны. Поэтому, получив письмо от русского императора, в котором Александр высказал «непоколебимую решимость вести до конца беспощадную войну с непреклонной твердостью и силой воли»¹, Штейн принял приглашение приехать в Россию. Объясняя мотивы своего решения, он писал впоследствии: «...Дело, о котором шла речь, было слишком свято, а я слишком крепко с ним был связан всей своей жизнью и убеждениями, чтобы колебаться хотя бы мгновение»².

12 июня 1812 г. Штейн прибыл в Вильно, штаб-квартиру русской армии, и вскоре был назначен советником императора. Первые его впечатления, полученные в ставке русского командования, были скорее негативными. Уже в Вильно и Дриссе Штейна насторожило отсутствие единства мнений и четкого плана действий в окружении царя. Высший генералитет армии казался ему некомпетентным, а многие его решения — ошибочными³. В целом, по мнению Штейна, русская армия в начальный период войны была слаба и немногочисленна. Судя по его дневниковым записям за период с середины июня по октябрь 1812 г., в самом начале «русской компании» Штейн, как и прежде, не питал надежд на быстрый и благополучный исход войны.

Очевидно, что поначалу он продолжал сохранять все те предубеждения относительно России, которые сформировались у него после Тильзитского мира и окончательно закрепились в 1808 г. Как можно отчетливо проследить по автобиографии, а также дневниковым записям Штейна за 1812 г., переворот в его сознании произошел только в конце июля в Москве, где императорский двор останавливался по пути в Петербург. Сопровождая Александра после богослужения, у стен Кремля он впервые оказался свидетелем патриотического подъема, охватившего все слои русского

¹ Понов А.Н. Барон Штейн в России... С. 437.

² *Stein Karl vom. Lebenserinnerungen von Karl vom Stein.* Hagen: Bamberger, 1901. С. 41.

³ *Freiherr vom Stein. Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen.* Bd. 3. S. 106ff.

общества. Впоследствии в своей автобиографии Штейн писал: «Я последовал за императором в эту огромную и богатую столицу, где в бесчисленной толпе, наплывавшей со всех сторон, проступала высшая степень религиозного и национального воодушевления. Все сословия проявляли усердие в этом порыве, предоставляя денежные средства и воинов и выражая тем самым преданность своему императору. Вид толпы, окружающей и почти боготворящей его, набожность, с которой народ стекался в церковь на горячую молитву — все это было возвышенным, вдохновляющим»¹. Этими скупыми выражениями Штейн, человек далекий от чрезмерной религиозности и экзальтированного восприятия монархии, описал зрелище духовного единения императора и народа, которое, по всей видимости, глубоко тронуло его. Причем наиболее сильное впечатление на него произвела единодушно поддержанная инициатива московских дворян выставить и вооружить народное ополчение. Штейн воспринял это событие как еще один акт сплочения нации, «всеобщий восторженный порыв, в котором жертвовали собою и крепостной крестьянин, угнетенный в своем отечестве, и знатные дворяне, как Салтыков и Дмитриев-Мамонов, предлагавшие снарядить целые полки за свой счет»². Как человек, воочию видевший пассивность, с которой прусский народ в 1807 г. встретил свое поражение, он был потрясен силой национального чувства, продемонстрированного москвичами. Впоследствии Штейн писал, что в этот момент ощутил себя очевидцем величайшего события, повернувшего судьбу Европы и опровергнувшего его собственное предсказание о скором поражении России под натиском Наполеона³. Тем более что все увиденное им прежде в Вильно и в Дриссе как будто бы подтверждало предреченный им самим еще в 1808 г. печальный исход для России: наподобие того, что постиг Пруссию после поражений под Йеной и Ауэрштедтом. Русские войска были так же малочисленны, а в умах генералов царил такой же «разноречивый разлад», какой он наблюдал перед военным крахом Пруссии в 1806 г.

По дневникам и письмам Штейна можно заметить, что с конца июля 1812 г. образ России распадается для него на три составляющие, которые он воспринимал и оценивал часто противоположным образом: условный «народ», куда он причислял также рядовой

¹ *Stein Karl vom. Lebenserinnerungen...* S. 46.

² *Попов А.Н. Барон Штейн в России...* С. 440.

³ *Stein Karl vom. Lebenserinnerungen...* S. 51.

и офицерский состав русской армии; генералитет и ближайшее окружение императора; и, наконец, сам Александр, венчающий эту национально-сословную пирамиду. Народ вызывал у Штейна восхищение, военная и политическая элита — раздражение и неприязнь, а император — сложные чувства, в зависимости от того, с какой группой он в данный момент ассоциировался.

Если Москва стала для Штейна олицетворением народно-патриотического воодушевления, то Петербург он связывал с надменной и трусливой высшей аристократией. Поэтому столица произвела на него довольно мрачное впечатление. Настроение при дворе он характеризовал как «скверное, эгоистическое, озабоченное лишь самосохранением: повсеместно выражалось недовольство императором, проявлялись придирчивость и тайное стремление к миру с Наполеоном»¹. Штейн боялся, что в окружении императора одержат вверх сторонники «французской партии». Об активизации сторонников немедленного заключения мира с Наполеоном после потери Москвы писал также в своих записках публицист Николай Греч, причисляя к «французской партии» вдовствующую императрицу Марию Федоровну, великого князя Константина Павловича, Аракчеева, Румянцева и некоторых других². Неудивительно, что Штейн очень резко отзывался о приближенных к Александру канцлере Румянцеве^[6], графе Аракчееве^[7] и министре полиции Балашове^[8]. «В числе советников императора нет ни одного человека, одаренного твердостью и мудростью. Если дела пойдут сносно, они выкажут твердость, если плохо — покорятся, как в 1805 или 1807 годах»³, — писал Штейн. Невысокого мнения он был и о командовании русской армией. Привычно противопоставляя народ и элиту, он полагал, что в войне с Наполеоном «можно положиться только на храбрость армии, мужество народа: сила налицо, но полное отсутствие какого-либо руководства»⁴. Наиболее тягостное впечатление на Штейна произвело решение фельдмаршала Кутузова оставить Москву. Он считал его непростительной ошибкой, характеризуя в своем дневнике как плохо мотивированное, принятое вопреки «воле армии» и нанесшее большой моральный ущерб, как в самой России, так и за рубежом⁵. И действительно, в Европе многие полагали, что с отступлением

¹ *Freiherr vom Stein*. Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. 3. S. 117.

² Греч Н.И. Записки из моей жизни. СПб., 1886. С. 279.

³ *Freiherr vom Stein*. Briefe und amtliche Schriften... S. 769.

⁴ Ibid. S. 770—771.

⁵ Ibid. S. 782—786.

из старой столицы шансы русских на победу стали ничтожны. Меттерних, например, узнав о вступлении Наполеона в Москву, сказал: «России больше нет»¹.

Однако события развивались стремительно. 26 октября 1812 г., в день 55-летия Штейна, пришло известие о победе русских войск под Полоцком. Наполеон оставил Москву и начал отступление, преследуемый русской армией и партизанскими отрядами. В письме к графу Эрнсту Фридриху Мюнстеру⁹¹ от 14 ноября Штейн уже более объективно оценивал последствия недавних событий: «Вы можете теперь быть спокойны относительно взятия Москвы; оно привело к огромным разрушениям и потере имущества жителями, но оно также пробудило энергию русского народа в степени, достойной восхищения. Этот народ воодушевлен только чувствами ненависти и мести, он забывает о своих страданиях и потерях и думает только о том, чтобы усилить борьбу против врага рода человеческого»².

Вместе с изменением военной ситуации менялось и отношение Штейна к российскому императору. Уже в начале июля 1812 г. он набросал в своем дневнике характеристику Александра, которая немногим отличалась в лучшую сторону от его впечатлений после встречи в Кенигсберге в 1808 г.: «Главными чертами его характера являются добродушие, приветливость и желание осчастливить и облагородить человечество. Его учитель Лагарп с малых лет внушил ему уважение к человеку и его правам, которые он ревностно старался утвердить после вступления на престол. Но при этом ему не хватает силы духа, чтобы с упорством познавать истину; твердости, чтобы вопреки препятствиям осуществлять принятые решения и подчинять себе волю противника»³. Однако рассудительный бывший глава прусского правительства не учел того обстоятельства, что кризисные моменты истории подчас выявляют новые грани в характерах людей. Не только Штейн, но и Наполеон не ожидали от российского императора, что «вопреки своим самым глубинным склонностям», он вдруг проявит ранее не свойственные ему решительность и последовательность и возьмет на себя роль национального лидера, «мобилизующего все сословия державы на защиту отечества». Твердость воли и сила духа, про-

¹ *Kreipe Э.* Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М.: Центрполиграф, 2002. С. 162.

² *Freiherr vom Stein.* Briefe und amtliche Schriften... S. 813.

³ *Freiherr vom Stein.* Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. 3. S. 108–109.

демонстрированные Александром в тяжелые дни оккупации Москвы, его решение, вопреки советам ближайшего окружения, отвергнуть мир с Наполеоном и перенести военные действия за пределы русских границ для окончательного освобождения Европы от французского господства не могли не произвести впечатления на Штейна. По его мнению, в императоре, наконец, воплотились лучшие качества его народа. Его последующие отзывы об Александре были чрезвычайно лестными и даже идеалистичными. По свидетельству его секретаря и сподвижника Эрнста Морица Арндта, в 1813 г. Штейн, возглавлявший управление освобожденными прусскими землями, говорил о русском императоре с восторгом и только в превосходных выражениях. Он непоколебимо верил в то, что Александр ставит перед собой исключительно благородную цель освобождения Европы и не имеет никаких захватнических намерений¹. Впоследствии развернувшаяся на мирных конгрессах борьба за передел Европы лишила Штейна иллюзий относительно бескорыстия русского императора и его заинтересованности в создании единой либеральной Германии. Он вновь был разочарован отстраненностью Александра и его нежеланием решать германские проблемы, однако уважение к нему сохранилось у Штейна на всю жизнь.

С самой первой встречи с Александром в Вильно Штейн многократно подчеркивал, что не стремится ни к каким постам в русском правительстве или окружении императора, а видит смысл своего пребывания в России в деятельности на пользу Германии. То, что это не было пустыми фразами, он в полной мере доказал своими делами. На шестой день после своего приезда в русскую ставку, 18 июня 1812 г., Штейн подал на имя Александра первую памятную записку, в которой, в частности, писал: «Так как все предвещает скорое начало войны, то необходимо изучить возможность использования военных сил Германии для помощи России и ее союзникам. В настоящее время они находятся в распоряжении Наполеона. Следовательно, нам предстоит задача перенаправить эти силы против него, побудив немецкое общественное мнение к открытому восстанию»². В своем меморандуме Штейн предлагал создать на территории России специальный комитет, в чьи функции входили бы: проведение антифранцузской пропаганды

¹ *Arndt E.M. v. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich vom Stein. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1858. S. 82, 87–88.*

² *Freiherr vom Stein. Briefe und amtliche Schriften... S. 652.*

на территории Германии, организация партизанских отрядов для подготовки восстания в оккупированных германских землях, создание добровольческого немецкого корпуса и подготовка высадки в Северной Германии десанта из англо-шведских войск.

Сразу после начала войны с Францией император передал меморандум Штейна на обсуждение специально созданного Комитета по делам Германии или как его иначе называли — Немецкого комитета, первое заседание которого состоялось уже 28 июня 1812 г., то есть спустя четыре дня после форсирования французскими войсками Немана. Официальным председателем комитета стал герцог Петр Фридрих Ольденбургский, эмигрировавший в Россию после присоединения Наполеоном его владений к Франции. Фактически же работу возглавлял его сын Георг Ольденбургский, женатый на сестре Александра великой княжне Екатерине Павловне. Кроме того, в состав комитета помимо Штейна вошли граф В.П. Кочубей^[10] и бывший русский посол в Берлине граф Х.А. Ливен.

Главным делом Немецкого комитета, помимо антифранцузской пропаганды на территории Германии, стало формирование так называемого русско-немецкого легиона «из пленных и дезертиров союзных войск, состоящих при французской армии»¹. План создания немецкого добровольческого легиона за пределами Германии был разработан прусским генералом Нейдхардтом фон Гнейзенау еще в ноябре 1811 г., который первоначально предполагалось осуществить с помощью Англии. Проект Гнейзенау предусматривал высадку немецкого легиона на побережье Северного моря, что должно было дать начало массовому антифранцузскому восстанию в Северо-Западной Германии, а сами добровольцы должны были составить ядро будущей немецкой национальной армии. Таким образом, идея создания этого военного подразделения с самого начала отличалась от принципа построения обычных наемных армий, состоявших на службе иностранных государств.

Первое воззвание «К немцам» с призывом переходить на сторону русской армии и вступать в легион было написано Штейном. В нем он идентифицирует это создаваемое в составе российских войск подразделение, не с иностранным государством, а со всем «германским отчеством». Эта листовка была отпечатана очень

¹ См.: *Фадеев А.В.* К истории создания русско-немецкого легиона в России в 1812–1813 гг. // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М.: Наука, 1965. С. 151–171; *Кирилина Л.А.* Штейн в России // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 49–62.

большим для того времени тиражом: около 10 тысяч экземпляров¹. Призыв за подписью «главнокомандующего российскими армиями» Баркляя-де-Толли был впервые обращен не к представителям конкретных немецких земель, а ко всем «офицерам и солдатам германской нации». «Германцы! — писал Штейн. — Зачем вы ведете войну против России, вторгаясь в ее пределы и становясь тем самым врагами русского народа, который на протяжении многих поколений находился с вами в дружеских связях и радушно принимал многих ваших соотечественников, щедро вознаграждая их за таланты и трудолюбие? ... Покиньте знамена рабства, спешите встать под знамена отечества, свободы и народной чести, поднятые по воле российского императора. Он обещает вам помощь всех честных русских людей из 50 миллионов его подданных, которые поклялись до последнего вздоха вести борьбу за свою независимость и честь европейских народов»².

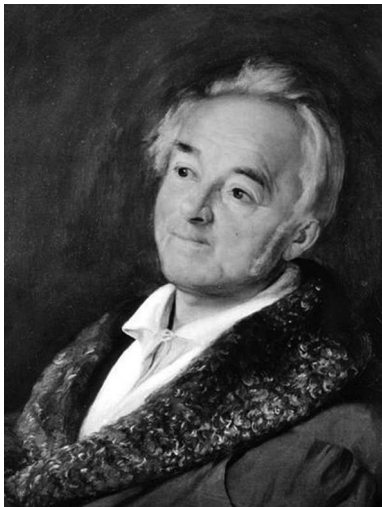
Уже в первые месяцы войны, когда Наполеон шел на Москву, его армию покинули и перешли на русскую сторону около 600 немцев. Таким образом, летом 1812 г. формирование легиона началось.

Много места немецко-русскому легиону в своей патриотической публицистике уделял сотрудничавший с Комитетом по немецким делам Эрнст Мориц Арндт, прибывший в Санкт-Петербург в начале августа 1812 года. Призывая добровольцев в своих листовках вступать в легион, он, по сути, призывал их выступить против регулярных войск короля Пруссии, входивших в состав наполеоновской армии. Этим формальным поводом широко пользовалась французская пропаганда, которая обвиняла будущих легионеров в «подлом наемничестве», предательстве «военного братства» и измене клятве, данной своему королю. В ответ на это, объясняя мотивацию немецких офицеров, поступавших в легион, Арндт подчеркивал, что речь идет о национальном подразделении абсолютно нового типа, в корне отличавшимся от средневековых наемных армий, служивших иностранным государям исключительно за материальное вознаграждение. Говоря о нарождающемся национальном сопротивлении, о германском патриотизме, который двигал большинством легионеров, он замечал: «Многие офицеры, немцы, обладавшие значительными заслугами и влиянием, покинули свою родину и поспешили на восток. Ими руководило предчувствие, что Господь, наконец, сокрушит счастливец, сумев-

¹ *Фадеев А.В.* К истории создания... С. 269.

² *Freiherr vom Stein.* Briefe und amtliche Schriften... S. 674–678.

шего благодаря воле и хитрости, приобрести громадную силу, перед которой преклонялась малодушная толпа. Начало этого крушения уже виделось им в Испании. Они надеялись, что Наполеон, гордость и властолюбие которого уже были значительно уязвлены в Иберии, окончательно погибнет в Скифии. Эти беглецы, по большей части пруссаки, люди храбрые и честные, намеревались сражаться тут не против своего короля и повелителя, но за него. Многие из них вступили в ряды русской армии. Другие же оставались в Петербурге, чтобы составить из немецких пленных, перебежчиков и волонтеров Немецкий легион, который поднял бы меч и знамя Германии, как только победа с востока двинется к западу, к пределам немецкой отчизны»¹.

Эрнст Мориц фон Арндт (1769–1860) — немецкий писатель, политик, публицист

В соответствии с инструкцией императора Александра I местом формирования легиона был определен Ревель, куда стали перемещать из Пскова, Новгорода, Смоленска и других городов немецкоязычных пленных и перебежчиков. В легион также были зачислены находившиеся ранее при русской армии немецкие офицеры, эмигрировавшие еще до начала войны 1812 г., — уже упомянутый нами военный теоретик, подполковник Карл Клаузевиц, капитан Эрнст Фуль^[11], и др. В немецкие корпуса принимались и русские офицеры, а также «дворяне курляндские, лифляндские и эстляндские в качестве унтер-офицеров»². К середине октября численность легиона превысила 1500 человек. И, наконец, достойным итогом 1812 г. стало заключение в декабре в Таурогене конвенции о прекращении военных действий с Россией, которую подписал прусский генерал Иоганн Давид Йорк фон Вартенбург^[12] совмест-

¹ Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. Leipzig: Weidmann, 1840. S. 163.

² Фадеев А.В. Указ. соч. С. 271.

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831) — прусский военачальник, военный теоретик и историк, в 1812—1814 гг. служил в русской армии

но с российским командованием. В итоге двадцатитысячный прусский корпус перешел на сторону русских.

В 1812—1813 гг. в России также находился в качестве личного секретаря барона фон Штейна упомянутый выше Эрнст Мориц Арндт, получивший к тому времени широкую известность как яркий политический публицист. В своих сочинениях он последовательно отстаивал идею сильного единого немецкого национального государства, в той или иной степени оказывая воздействие на состояние умов в Германии на протяжении десятков лет. До 1871 г. воспетая Арндтом

идея «немецкого отечества» в общественном мнении Германии была тесно связана с образами двух его более сильных соседей — России и Франции, которые, как было принято думать, с Востока и Запада периодически угрожали нарождавшемуся немецкому единству. И очень долго и идеологические последователи Арндта, и его противники продолжали ссылаться на его мнение о России, которое несколько раз кардинально менялось в зависимости от политической ситуации в Германии и Европе. Если восприятие России у Штейна, как и у многих его единомышленников, напрямую зависело от «полезности» последней в деле освобождения Германии, то Арндт пошел еще дальше, превратив образ России в идеологический инструмент в борьбе национально-политических интересов.

С 1806 г. вся его публицистическая деятельность была направлена на борьбу с французской оккупацией Германии. За свои взгляды и политическую деятельность Арндт лишился доцентуры в Грейфсвальде и был вынужден бежать в Швецию от преследований французской администрации. Именно там, в Стокгольме, в 1808/09 гг. в издаваемом им политическом журнале «Северный контролер» он публикует свое самое известное и пространное сочинение о России под названием «Краткое сло-

во о России, ее отношении к остальной Европе до и после Петра Великого»¹.

Общая тональность этой работы была резко негативной. Причем в этот период эту негативную оценку разделяли вместе с Арндтом многие политические деятели Германии. Как уже не раз отмечалось выше, большинство немцев было разочаровано последствиями Тильзитского мира, превратившего Россию в союзницу Франции, и декларируемым «братским союзом» двух императоров — Наполеона и Александра I. В течение первых лет после заключения Тильзитского мира Наполеон и Александр вели себя по отношению друг к другу как настоящие друзья и «августейшие братья». При монаршей встрече в Эрфурте в 1808 г. оба выступали как верховные правители Европы на фоне подчиненных им князей и королей. Неудивительно, что в течение следующих лет многие в Германии верили, что Россия станет союзницей Наполеоновской империи. При прусском дворе тогда открыто заговорили о «Тильзитской измене». «Ради благосклонности Бонапарта, — писал, выражая общие настроения, Эрнст Мориц Арндт, — русские пожертвовали своей честью, то есть самым дорогим и важным, что есть как у нации, так и у отдельного человека. Что они обещали? — Освободить Германию, заключить взаимовыгодный и равноправный союз с королями Швеции и Пруссии, чтобы во всех своих действиях поддерживать друг друга. И что в итоге? — Мы видим несчастного короля Пруссии с разгромленной армией. ... А действия России в отношении Швеции? — Это — сплошной стыд и предательство. А действия России в отношении Англии? — Это был смертельный удар в спину»². На этом эмоциональном фоне вполне ожидаемо воспринималось также и то раздражение, с каким барон фон Штейн высказывался о России, не оправдавшей надежд большинства «немецких патриотов».

Стремление призвать Россию и ее императора к исполнению своей «исторической миссии» и «священного долга» перед наро-

¹ *Arndt E.M.* Ein kurzes Wort über Russland und sein Verhältnis und Verhalten gegen das übrige Europa vor und seit Peter dem Großen // *Der Nordische Kontrolleur*. 2 Bde. Stockholm: J.P. Lindh; 1808/09. Teil I (6 Hefte: vom März bis September 1808); S. 1—384. Teil II (7—12 Hefte: vom September 1808 bis zum Februar 1809); S. 385—701.

² *Arndt E.M.* Ein kurzes Wort über Russland und sein Verhältnis und Verhalten gegen das übrige Europa vor und seit Peter dem Großen // *Der Nordische Kontrolleur*. 2 Bde. Stockholm: J.P. Lindh; 1808/09. Teil II (7—12 Hefte: vom September 1808 bis zum Februar 1809); S. 383.

дами Европы, а именно к бескомпромиссной борьбе с Наполеоном, заставило Эрнста Морица Арндта взяться за перо. Он, так же как и Штейн, был разочарован европейской политикой Александра и считал, что на фоне беспочвенных ожиданий союзников решительных действий со стороны России ее военные возможности были сильно переоценены: «В последние годы, — писал он, — мы можем все больше наблюдать, как некоторые люди в Европе напрасно надеются на русских и их властителя. Так же, как и другие европейцы, русские под натиском бурь, сметающих все на своем пути, обречены превратиться в руины вместе с остальным разрушающимся миром»¹.

Все его сочинение «Краткое слово о России» пронизано упреками в адрес России и ее императора. Причем он ставит в вину русским не шедшую в тот период войну со Швецией, предоставившей ему убежище как уроженцу Передней Померании, а последовавший вслед за этим столкновением бывших союзников по Четвертой коалиции 1806—1807 гг. кризис в антифранцузском лагере, а также ослабление и подрыв единства европейских сил, готовых к сопротивлению экспансии Наполеона. Россия, по мнению Арндта, не преследует в ходе русско-шведской и русско-турецкой войн, которые она вела на этот момент, своих подлинных интересов, а преимущественно озабочена тем, чтобы понравиться французам. «Тот факт, что сами русские не хотят признать, что сегодня они являются всего лишь самыми важными холопами Бонапарта, что они до сих пор пытаются сохранить видимость независимой нации, лишь подтверждает простую истину: никто не хочет признать собственное поражение и позор»².

В вину Александру Арндт ставил нарушение перемирия с Османской империей 1808 г. и возобновление Россией в 1809 г. военных действий против Турции в рамках затяжной русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Еще один пример бездумного следования России в фарватере французской политики он видел в факте неучастия Александра в войне Пятой коалиции, хотя русский император, связанный на тот момент союзным договором с Бонапартом, сделал все возможное, чтобы избежать военных столкновений с Австрией. Уступая настойчивым требованиям Наполеона, он ограничился лишь формальной отправкой в Волынь на русско-австрийскую границу 20-тысячного корпуса. «Но теперь маски сброшены, и звучат новые призывы к вой-

¹ *Arndt E.M.* Op. cit. S. 369.

² *Ibid.* S. 382.

не, — писал Арндт по поводу пятой коалиции. — Пруссия, Россия и Англия должны совместно противостоять французскому высокомерию... Но что сделали русские за пять месяцев...? Мы видим лишь слабость и лень, непонятные мне легкомыслие и безмятежность»¹. По мнению Арндта, при правлении Александра I Россия отказалась от завещанной Петром Великим европейской миссии. Она подчинилась Наполеону, разрушившему европейский порядок, вместо того, чтобы сопротивляться ему всеми силами. Самое очевидное проявление слабости русских — Тильзитский мир. Однако позорные мирные условия и ненасытное желание экспансии французского императора, в конце концов, надеется Арндт, еще принудят их к активным действиям, и они вспомнят о своих подлинных политических задачах, которыми пренебрегали в течение последних 10 лет.

С началом русско-французской войны предсказанный Арндтом момент осознания Россией своего «истинного предназначения» настал. Следуя за Штейном, он, как и многие его соотечественники, устремился в Россию, куда переместился центр европейского анти-французского сопротивления. Через Силезию, Богемию и Галицию 10 (22) июля 1812 г. он достиг русской границы под Радзивиловом и двинулся вглубь страны через Житомир, Киев и Москву. Описывая свое путешествие, Арндт много говорит о встреченных им в России европейцах — французских эмигрантах, испанцах, итальянцах, — но, прежде всего, немецких офицерах, «отчасти уже поступивших на службу в русскую армию, отчасти собиравшихся вступить в нее. Саксонцы, австрийцы, пруссаки, ожесточившиеся против французов, уже наточили свои мечи для битвы»². 4 (16) августа он прибыл в Санкт-Петербург. Здесь Арндт оставался до начала января 1813 г. Затем вместе со Штейном в качестве его личного секретаря, продвигаясь на запад вслед за отступающей французской армией, Арндт вернулся назад в Германию: 18 января он достиг прусской границы. Впечатления о «русском» периоде своей жизни он изложил впоследствии дважды: в своих «Воспоминаниях»³ и мемуарном сочинении «Мои странствия и трансформации вместе с имперским бароном Генрихом Карлом Фридрихом фон Штейном»⁴.

Судя по этим воспоминаниям, оставленным гораздо позже описанных в них событий, большое потрясение от того, что рус-

¹ *Arndt E.M.* Op. cit. S. 375.

² *Arndt E.M.* Erinnerungen aus dem äußeren Leben. S. 121.

³ *Arndt E.M.* Ibid.

⁴ *Arndt E.M.* v. Meine Wanderungen und Wandlungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich vom Stein. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1858.

ский народ всех сословий решительно и успешно выступил против привычного к победе французского агрессора, навсегда оставило глубокий след в душе Арндта. Негативные суждения в адрес страны, ее народа и императора, которыми было переполнено его упомянутое выше сочинение «Краткое слово о России», уступают место восхищению русскими. «Тот, кто видел Россию в это незабываемое, навечно занесенное в анналы Европы время, — писал Арндт, — в том живет картина великолепного движения великого народа, которое невозможно повторить... О, я должен оплакивать свою судьбу, так как никогда не видел ничего подобного в Германии»¹.

Переоценка касалась не только русского народа, но и императора, и русской политики. В своих новых пропагандистских сочинениях он больше не изображает Александра I как слабовольного человека, который подчинился Наполеону и покорно служит реализации его целей, наоборот: «Император Александр с самого начала с непоколебимой уверенностью был тверд как скала даже тогда, когда, казалось, мужество всех остальных начинало колебаться»². В «Оде Императору Александру», о которой пойдет речь ниже, восхваление уже становится чрезмерным: «Благородный властитель, слава Тебе! Ты достоин ее уже тем, что, страхнув низкие заблуждения, высоко держишь гордость великих предков, что ты не изменил себе самому! Чувствуй гордую радость, так как Ты определяешь судьбу мира. Решайся на это радостно, благородный герой! Прими императорское бремя на плечи, бери мир в свои руки! Веди нас, великий вождь! Веди смело хоровод дней к тому, чтобы все народы склонились перед добродетелью твоего величия! Освободитель мира, основатель, спаситель»³. В этом стихотворном отрывке Арндт выглядит даже большим приверженцем российского императора, чем его собственные подданные. Однако справедливости ради надо отметить, что в дальнейшем он часто противостоял наиболее одиозным высказываниям и упрекам, которые последовали в адрес Александра I после победы над Наполеоном, когда надежды немцев на создание единой Германии опять сменились разочарованиями.

В течение полугода, что Арндт провел в России, работая в Комитете по немецким делам, он подтвердил свое призвание

¹ *Arndt E.M. v. Blick aus der Zeit auf die Zeit.* Frankfurt a. M.: Germanoen, 1814. S. 35, 95–97.

² *Ibid.* S. 43.

³ *Arndt E.M. v. Ode an den Kaiser Alexander // Russlands Triumph 1812 oder erwachte Europa.* 6 Bde. Berlin: bei Rudolph Werdmeister, 1813. Bd. III. S. 3–9.

как автор памфлетов против Наполеона, призывая немцев, оставшихся «на Родине» и находящихся в составе французской армии, к сопротивлению. Его тексты переводились и печатались в русских журналах. Статьей Арндта «Глас истины»¹ открывался первый номер популярного политического журнала «Сын отечества», издаваемого известным русским журналистом немецкого происхождения Николаем Гречем^[13]. Публицистическая деятельность Арндта в России во многом была связана с этим изданием. Его первая и последняя статьи, написанные для «Сына отечества», дополняя друг друга, дают наиболее полную картину его восприятия страны в этот период в контексте военно-политического дискурса.

Программная статья Арндта «Глас истины» была им написана в сентябре 1812 г., после оккупации Москвы французскими войсками, по просьбе почетного члена Императорской Академии наук, будущего министра народного просвещения, Сергея Семеновича Уварова, которого Арндт в немецком предисловии к ней называет «славным русским патриотом»². По замыслу автора, эта публикация должна была стать своеобразным ответом на требования «французской партии» при дворе о немедленном заключении мира с Наполеоном, или, как впоследствии писал сам Арндт, «стать преградой между народом и теми жалкими и подлыми трусами и негодяями, что кричали: «Мир! Мир!»³.

В основе статьи лежала широко распространенная в тот период в России и Европе трактовка русско-французской войны как последней битвы света и тьмы, добра и зла, Христа и Антихриста. В роли Антихриста выступал Наполеон, которому противостоял «богоизбранный» русский народ, ведомый «ангелом света» — императором Александром. Согласно эсхатологической традиции, переживавшей небывалый ренессанс в начале XIX в., Антихрист, ставленник Сатаны, должен появиться на Земле незадолго до второго пришествия Христа и сосредоточить все существующее на ней зло для борьбы против христианского мира. Российский император в качестве антипода Бонапарта уже к концу 1812 г. начал восприниматься как правитель, избранный Богом для того, чтобы остановить «кровавый путь» Наполеона и освободить Европу от его владычества. Однако если образ «благословенного ангела» Александра окончательно сложился уже после его победы над

¹ [Арндт Э.М.] Глас истины // Сын отечества. СПб., 1812. № 1. С. 1—16.

² Arndt E.M. Glocke der Stunde in drei Zügen von E.A. Leipzig, 1813. S. 44.

³ Ibid. S. 44.

Наполеоном, то идея о демонической сущности французского императора начала формироваться гораздо раньше, став чрезвычайно востребованной с началом Отечественной войны 1812 г.

После взятия и сожжения Москвы образ Наполеона-Антихриста использовался в публицистической и художественной литературе почти повсеместно. Огонь, уничтоживший древнюю столицу России, сравнивался с адским пламенем. В русле этой традиции Арндт в своей статье, написанной в виде народного обращения к Наполеону-Антихристу в горящей Москве, представляет французского императора нарушителем божественного мироустройства, орудием адских сил и воплощением дьявола, сама идея мирного соглашения с которым является кощунственной и опасной: «Кровожадный ненасытный опустошитель, разоривший Европу от одного конца ее до другого! — обращается автор к Наполеону от имени народов Европы. — Ты восседаешь на своем престоле посреди блеска и пламени, как Сатана в средоточии ада, перепоян смертию, опустошением, яростью и пламенем... В безмолвной радости созерцаешь ты развалины и пепел, возвещающие твое пришествие. Москва горит, блеск ее меркнет, великолепие ее превращается в прах... Ты достиг высочайшей степени злодейства, с которой низвергнут будешь в бездны адские!»¹. Говоря о пожаре в Москве как о преддверии Апокалипсиса, автор даже не упоминает ни о французах, ни о военных действиях французской армии, переводя повествование на иной, метафорический уровень. Сделав образ Наполеона, с одной стороны, политической репрезентацией Франции, поработившей Европу, а с другой — воплощением мирового зла, Арндт придает противостоянию двух армий поистине планетарный масштаб, подводя читателя к мысли, что России Богом предназначено остановить злодеяния Наполеона и освободить от «ига Антихриста» народы Европы и, прежде всего, Германию.

Помимо заочной полемики с «французской партией» из окружения Александра статья была задумана Арндтом также и как ответ на французскую пропаганду, в частности, на большую публикацию в популярном издании «*Journal de l'Empire*», посвященную пожару в Москве, которую он почти полностью приводит в «Воспоминаниях»². И хотя в своей статье Арндт не упоминает публикацию в «*Journal de l'Empire*» и не проводит прямых смысловых аналогий, простое сравнение этих двух текстов говорит об

¹ [Арндт Э.М.] Глас истины // Сын отечества... С. 2.

² Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben... S. 153—156.

их содержательной взаимосвязи. Так, например, наибольшее внимание Арндт уделил опровержению основных положений анонимного автора «*Journal de l'Empire*», а именно двух самых типичных для французской пропаганды тезисов об устрашающем варварстве и одновременно слабости русских, основанных на старой идеологии о «русском колоссе на глиняных ногах», очень популярной со времен Французской революции.

Так как во французской политической публицистике «русский поход» Наполеона был представлен как война цивилизованного Запада против варварского Востока, то Московский пожар был использован французским автором для доказательства варварства русских «поскольку они поджигают собственные города и деревни, которых не смеют защищать»: «Если еще кто-то и мог сомневаться в ужасном варварстве русских, то их образ действия в собственной стране является более наглядным доказательством этого, чем все до сих пор написанное об их нравах. Побежденные нашим оружием, они мстят нам тем, что сжигают города, которые не могут защитить. Женщины, дети, старики и даже их собственные раненые становятся жертвами их безумной ярости и грубой гордости»¹. В ответ на обвинения французской стороны, Арндт пишет, что отныне речь идет не об «обычной» войне между регулярными армиями, где «та одерживает верх, которая имеет больше войск или лучшую артиллерию», а о войне с целым народом, взявшим в руки оружие для защиты своих домов и детей, своей чести и свободы от «нападения диких орд»². В этих новых условиях так называемый, «варварский» способ ведения русскими войны является единственно правильной и возможной тактикой боевых действий против Наполеона. Защищая свое отечество, народ готов пожертвовать всем ради его спасения. «Русские поступили, как должно было, — утверждает Арндт, продолжая заочную дискуссию с условным «Антихристом-Наполеоном», от имени которого вещает вся французская пропаганда. — Они не оставили тебе полных житниц, отогнали стада, сожгли села и деревни... Они поступили благоразумно и справедливо. Ты же впал в бешенство, найдя здесь людей, которые решились потерять все для спасения свободы и земли своей, обнаружив на пути своем пустые степи, голод, стужу, дождь и многочисленный народ, ожесточенный злобой и мщением»³.

¹ Ibid. S. 153.

² [Арндт Э.М.] Глас истины... С. 5.

³ Там же.

Арднт также отвергает тезис о том, что русские, как и другие европейские народы, отступают «перед силой французского оружия, потому что не могут защитить своих городов», и это отступление следует расценивать как доказательство слабости русской армии. Опровергая эту «смесь лжи и истины», Арднт на примерах последних войн, которые успешно вела Россия, приводит доказательства непобедимости русской армии, которая за сто лет не проиграла ни одного сражения. А отступление, по его мнению, носит временный характер и является лишь тактическим ходом, чтобы завлечь врага вглубь страны, где русских победить невозможно¹.

Залогом непобедимости России, по мнению Арднта, являются не только ее суровый климат и бескрайние территории, но и единство русского народа², основанное на всеобщей любви к отечеству, императору и Богу. Тема национального и политического сплочения была очень важна для Арднта. Во многих своих текстах, обращенных к немцам, он упрекал соотечественников в отсутствии народного единства. Немецкие князья, писал он, пренебрегая национальными интересами, заключают союзные договоры с Наполеоном. Земельная аристократия заботится только о своей мелкой выгоде, даже если их местечковый эгоизм наносит ущерб всеобщему национальному благу. Поэтому не стоит удивляться, что сегодня Германия расколота и поработена французами, а самих немцев нельзя назвать единым народом³. Именно в этом состоит коренное отличие русских от германцев. Единство русского народа, не отступившего от веры, обеспечивает божественное вмешательство в ход событий на стороне России. Вступление Наполеона, подобного Сатане, в горящую Москву, Арднт трактует не только как наивысший успех его европейской экспансии, но и как предвестие его гибели. Вместе с огнем против него «едино восстали исполинские силы Царства Русского», от Рюрика до Екатерины. По мнению Арднта, Московский пожар еще больше сплотил русский народ, который теперь способен спасти не только свое отечество, но и всю Европу, и именно в исполнении этой его миссии должна будет проявиться божественная воля. «Идет великая брань, — писал он в заключение своей статьи, — дело Божие, дело правосудия и свободы! Европа не погибнет, Россия не будет поработена, Бонапарт не воздвигнет нового, всепожирающего Рима;

¹ [Арднт Э.М.] Глас истины... С. 3.

² Там же. С. 12.

³ [Arndt E. M.] Was bedeutet Landsturm und Landwehr. Königsberg, 1813.

он исчезнет, а с ним и преступления и злодеяния его! Таков глагол предречения Божия!»¹

Если в статье «Глас истины» Арндт рисует эпический образ русского народа как защитника Европы и носителя Божьей воли, противопоставляя его Бонапарту в рамках эсхатологической битвы добра со злом, то в своем воззвании «К пруссакам» он проводит параллель между русскими и немцами как естественными союзниками и «братьями по оружию». Эссе «Воззвание к пруссакам» было написано им весной 1813 г., уже после вступления русских войск на территорию Пруссии, и стало последним его текстом, опубликованным в журнале Греча «Сын отечества»². «Воззвание» с самого начала писалось для немецкого, а не для русского читателя с целью убедить его, что русские — это не новые захватчики, пришедшие в Германию на смену французам. Развивая тему, начатую в «Гласе истины», Арндт продолжает формировать образ русских, как освободителей Европы, выполняющих миссию, возложенную на них Богом. Стремясь успокоить соотечественников, почти десять лет находившихся под влиянием французской пропаганды о «скифских варварах», он пишет, что русский император, в отличие от французского, вступив в пределы Пруссии, «не ищет земли вашей и имущества; освобождение вашей отчизны и государя — вот единственный помысел души его»³. Далее Арндт в том же эсхатологическом ключе противопоставляет французам и русских, предлагая соотечественникам сделать выбор между силами зла и добра, присоединившись к последним. Он призывает немцев расценивать продвижение русских войск как сигнал к национальному восстанию, которое должно сплотить их и помочь им стать, наконец, единой нацией. Всякий народ, «разбуженный внешней угрозой», по мнению Арндта, неизбежно должен будет превратиться в «нацию мстителей и воинов», а национальная мобилизация потребует «всеобщего вооружения против врага». Говоря о русском народном ополчении, когда «тысячи вооруженных ратников устремились на подкрепление российского воинства», Арндт напоминает своим соотечественникам, что «всеобщее вооружение» является также исконным немецким способом противостояния врагу. По его мнению, каждый германский

¹ [Арндт Э.М.] Глас истины... С. 12.

² [Арндт Э.М.] Воззвание к пруссакам / пер. с нем. // Сын отечества. 1813. № 3. С. 64–77. Немецкий оригинал под названием «An die Preussen» был опубликован отдельным изданием в Кенигсберге в 1813 г.

³ [Арндт Э.М.] Воззвание к пруссакам... С. 71.

крестьянин, а не только представители благородного сословия, для которых война всегда была главным родом занятий, должен взять в руки оружие, чтобы возродить воинственный дух древних германцев. Тем более что у немцев теперь перед глазами есть пример русского народа, борющегося за свою свободу. «Вы видели, — писал Арндт, — что может народ, любящий Бога, почитающий Отчизну свою и свободу превыше всех благ на свете... Пруссак! Храбрые сподвижники свободы и чести! Восстаньте сердцами, обращенными к всемогущему Богу! У вас есть пример — так будьте другим сами примерами»¹. Таким образом, Арндт замыкает образный круг, перенося «добродетели», которыми он наделил русский народ, на свой собственный, и, призывая его «пойти той же дорогой храбрости и самопожертвования»².

Окончательное завершение трансформации образа России и ее императора, которая произошла за эти полгода в творчестве Арндта, довольно полно отражает также уже упомянутая нами ода «К императору Александру»³, которая открывала сборник «Колокол времени», вышедший сначала в Петербурге, а затем в Лейпциге в 1813 г. С одной стороны, в ней как в фокусе отразились представления об апокалиптической природе русско-французской войны, а с другой стороны, — основные черты формирующегося культа Александра I как «спасителя Вселенной», «божьего избранника», что в конечном итоге вылилось в официальную сакрализацию императора в образе «благословенного ангела».

В отличие от всех предыдущих сочинений Арндта, в оде полностью отсутствует патриотическая риторика, связанная с народной войной за независимость. Ее окончательно вытеснила библейская символика, связанная с рождением и деяниями Христа. «Народную любовь к отечеству» заменила Вифлеемская звезда, как воплощение веры в Сына Божьего, которая вела народы сквозь «грозу и молнии» к последней победе над «силами ада». На фоне этого библейского антуража Александр предстает как «Божий избранник», который, наконец, отважился принять на себя ответственность за «судьбу мира». Арндт призывает его стать «спасителем Вселенной» и исполнить «волю Всевышнего»: «Так услышь Его зов и действуй! Иди сквозь пламя к сияющему чертогу богов!»⁴.

¹ [Арндт Э.М.] Воззвание к пруссакам... С. 72.

² Там же. С. 76–77.

³ Arndt E.M. An den Kaiser Alexander // Glocke der Stunde in drei Zügen von E.V.A. Leipzig: Neue veränderte Auflage, 1813. S. 3–6.

⁴ Arndt E.M. An den Kaiser Alexander... S. 6.

Таким образом, в оде «К императору Александру» богоизбранность нации, о которой шла речь практически во всех сочинениях Арндта этого периода, заменяется богоизбранностью государства, от которого требуется исполнить божественную волю и стать спасителем Европы. Такая трактовка роли Александра полностью соответствовала новой российской государственной идеологии, которая сформировалась во время европейского похода и стала доминирующей в эпоху Священного союза.

Итак, как мы можем наблюдать, не только детали и дефиниции, но и основную тенденцию развития образа России, который создает Арндт в 1812/13 гг., радикально отличается от антирусской риторики его более ранних сочинений, вызывающих, скорее, неприязнь и недоверие к Российской империи, но никак не восхищение. По всей видимости, он действительно был искренне поражен силой, с которой защищалась Россия во время наполеоновского вторжения, национальным единством русских. Это была война нового типа, война национальная и всенародная, которой в таких масштабах Европа еще не видела. Наконец, Арндт мог с удовлетворением признать, что Россия вспомнила о той роли, которая была предназначена ей согласно завещанию Петра Великого, и осуществляет ее при активном содействии Европы. В период французской экспансии, «французского ига», миссия России, по его мнению, состояла в том, чтобы всеми имеющимися в ее распоряжении силами бороться за победу над Наполеоном, отбросить французов на территорию их собственной страны и таким образом предоставить немцам возможность создания единого национального государства.

Именно приверженностью к соблюдению «германских интересов» объясняется отношение Арндта к народам, событиям и конкретным людям, в том числе его любовь к Александру, ненависть к «французской партии» или та неприязнь, которая проявилась у него накануне заграничного похода русской армии по отношению к его противникам в окружении императора. В частности, никакие заслуги перед народами Европы не смогли защитить фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова от сильного раздражения в его адрес со стороны двигавшихся в обозе его армии немецких патриотов за то, что он был против дальнейшего преследования Наполеона за границы России. Тогда уже смертельно больной, 68-летний военачальник полагал, что если территория России, сильно истощенной в войне, освобождена от агрессора, то не стоит жертвовать своими солдатами ради инте-

ресов союзников. Поэтому неудивительна и весьма показательна жестокая, во многом кощунственная реакция Арндта на смерть Кутузова 23 апреля 1813 г. в Бунцлау, уже на территории Пруссии, которую он охарактеризовал как «событие особенно доброй удачи, за которое мы не преминули возблагодарить нашего немецкого Бога». Если бы Кутузов «остался за Вислой», что стало бы тогда с Германией? — риторически вопрошал немецкий патриот. — «Что стало бы с Пруссией, если бы Кутузов прожил еще? — продолжал Арндт. — Французы остались бы господами всей страны до самой Вислы, они с самой жестокой решимостью уничтожили бы последние ресурсы Пруссии, перерезали бы ей последние жилы и сделали бы вооружение ее народа совершенно невозможным»¹. И это речь шла о человеке, который разбил Наполеона и фактически освободил Пруссию; о человеке, который за два месяца до этого подписал в Калише вместе с Шарнхорстом военное соглашение, по которому Россия после освобождения Пруссии от французских войск гарантировала ее восстановление в границах 1806 г. и независимость для всех германских государств. Арндт ставил ему в упрек, что тот не любил немцев и, конечно же, «затоптал бы в зародыше» при первом удобном случае «своими грузными московитскими ногами» «высокий немецкий подъем и энтузиазм», не предоставив Блюхеру^[14] «никакой свободы действий»². Демонстрация такого прагматично-циничного подхода к русским, как к функции, которая выполнила свою задачу по освобождению Пруссии, а теперь должна «отойти в тень», так как дальше будет только сдерживать «высокий немецкий подъем», очень характерна для Арндта и получит свое развитие в его более поздних сочинениях.

Итак, пока Россия в ходе освободительных войн содействовала осуществлению мечты германских патриотов о сильном прусско-немецком национальном государстве, ее восприятие Арндтом оставалось позитивным. В свете нового опыта он был готов признать свои прежние заблуждения в отношении принявшей его страны. Описывая поездку от русской границы до Петербурга, он писал: «Я снова и снова говорил самому себе: ты ошибался в отношении России так же, как и во многом другом»³. Даже в старости, пережив за свою очень долгую жизнь множество надежд и разочарований, вспоминая год, проведенный в Петербурге, Арндт остал-

¹ *Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. 3te Auflage Leipzig, 1842. S. 205—206.*

² *Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben ... S. 206.*

³ *Arndt E.M. v. Blick aus der Zeit... S. 97.*

ся верен своей прежней позиции в отношении России: «В 1807 и 1808 годах я писал из кабинетов Густава Четвертого и из кабинета моего сердца призывы и памфлеты, жесткие и горькие, против русских и императора Александра, а теперь в Петербурге я пишу для того же императора Александра и для моей Германии, которую мы хотели подготовить к войне за свободу. Изменил ли я себе? — Нет»¹. Это правда, Арндт остался верен себе в своем главном стремлении: борьбе за государственное единство немцев.

Примечания к Главе III

- [1] Мария София фон Брюль, графиня (1779–1836) — жена знаменитого прусского военачальника и военного теоретика Карла фон Клаузевица, известная редактированием и публикацией его трактата «О войне» и других его произведений, а также благотворительной деятельностью.
- [2] Август Вильгельм Антон Нейтхардт фон Гнейзенау, граф (1760–1831) — генерал-фельдмаршал, прусский военачальник эпохи Наполеоновских войн. 1 июля 1809 г. за открыто высказываемые антифранцузские настроения, был по требованию Франции уволен в отставку. Покинув Пруссию, Гнейзенау посетил Великобританию, Швецию, Россию. В начале 1813 г. прибыл в Бреслау, где был произведен в генерал-майоры и назначен генерал-квартирмейстером Силезской армии фельдмаршала Г. Блюхера.
- [3] Леопольд Герман Людвиг фон Бойен (Leopold Hermann Ludwig von Boyen, 1771–1848) — прусский фельдмаршал, военный министр Пруссии. В 1811 г. при начале осложнений между Францией и Россией Бойен был сторонником оказания поддержки России. В 1812 г., после того как Пруссия выступила на стороне Франции, Бойен из-за несогласия вышел в отставку и уехал в Вену, а затем и в Санкт-Петербург. В 1813 г. опять поступил на службу и в начале кампании против французов состоял при главной квартире Кутузова. В том же году произведен в генерал-майоры.
- [4] Карл Август Фарнхаген фон Энзе (Karl August Varnhagen von Ense, 1785–1858) — немецкий писатель и журналист, популяризатор русской культуры и литературы в Германии. В 1809 г. во время войны Пятой антифранцузской коалиции вступил в австрийскую армию, под Ваграмом был ранен, затем состоял адъютантом австрийского генерала, принца Бентгейма. В 1812 г., когда австрийская армия приняла участие в походе Наполеона в Россию, Фарнхаген оставил службу и поселился в Берлине. В 1813 г. Фарнхаген в чине капитана участвовал в преследовании Наполеона и вскоре стал адъютантом генерала Теттенборна, которого сопровождал до Парижа.
- [5] Август Вильгельм Антон Нейтхардт фон Гнейзенау, граф (1760–1831) — прусский военачальник (генерал-фельдмаршал) эпохи Наполеоновских войн. После увольнения в отставку в 1810 г. посетил Россию и Швецию, а затем обосновался в Англии.

¹ *Arndt E.M. v. Meine Wanderungen und Wandlungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich vom Stein. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1858. S. 22.*

- [6] Николай Петрович Румянцев, граф (См.: Примечания к Главе II [17]. С. 66).
- [7] Алексей Андреевич Аракчеев, граф (1769–1834) — русский государственный и военный деятель, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I, особенно во второй половине царствования последнего, военный министр (1808–1810), главный начальник Императорской канцелярии (с 1812) и военных поселений (с 1817). Во время Отечественной войны 1812 г. главным предметом забот Аракчеева было формирование резервов и снабжение армии продовольствием.
- [8] Александр Дмитриевич Балашов (1770–1837) — русский государственный деятель, генерал-адъютант Александра I, первый министр полиции (1810–1812), одновременно санкт-петербургский военный губернатор (1809–1812). Вместе с Александром I находился в Вильно для подготовки к надвигающейся войне с Наполеоном. 30 июня 1812 г. он вместе с А.А. Аракчеевым и А.С. Шишковым подписал прошение к императору, призывавшее его оставить армию. Сопровождал императора в Москву и Петербург. Балашов принял самое активное участие в организации народного ополчения. 5 августа 1812 г. он участвовал в совете, выбравшем графа Кутузова главнокомандующим. 10 декабря направлен в Москву, чтобы оценить разрушения, произведенные здесь французами и пожаром. 1 января 1813 г. Балашов в свите Александра I вновь приезжает в действующую армию. Сопровождал императора в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене и Кульме, выполнял различные дипломатические поручения.
- [9] Эрнст Фридрих Герберт Мюнстер (*Ernst Friedrich Herbert zu Münster*, 1766–1839) — ганноверский политический деятель.
- [10] Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), граф (1799), князь (1831) — русский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1802–1807, 1819–1823), председатель Государственного совета (1827–1834) и Комитета министров (1827–1832), канцлер Российской империи (1834). Противник «французской партии» при русском дворе, Кочубей считал заключение Тильзитского мира крахом всей внешней политики России, обесмысливающим кровопролитные войны предшествующих лет. В 1810 г. вошел в состав Государственного совета. В начале 1812 г. назначен председателем Департамента законов Государственного совета. Во время Отечественной войны и в Заграничном походе состоял при императоре. Содействовал назначению Кутузова главнокомандующим. В 1813 г. возглавлял Центральный совет по управлению германскими землями.
- [11] Карл Людвиг Август Фридрих фон Фуль (*Karl Ludwig August Friedrich von Phull*, 1757–1826) — прусский генерал, позже принятый на русскую службу. Известен как автор генерального плана Отечественной войны 1812 г.
- [12] Иоганн Давид Людвиг Йорк фон Вартебург, граф (*Johann David Ludwig Graf Yorck von Wartenburg*, 1759–1830) — прусский генерал-фельдмаршал эпохи Наполеоновских войн. В 1812 г., будучи генерал-лейтенантом, занял пост командира прусского вспомогательного корпуса, входившего в состав 10-го французского корпуса Макдональда, и принял участие в походе против России, действуя на Рижском направлении. Во время отступления из России Йорк командовал арьергардом войск Макдональда, был отрезан от последнего и окружен русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И.И. Дибича. Находясь под давлением своих офицеров

и полагая, что наступило время отделиться от Наполеона, Йорк на свой страх и риск заключил 18 декабря с русскими Таурогенскую конвенцию, согласно которой его корпус стал придерживаться «нейтралитета». Король поначалу приказал отрешить его от командования корпусом и предать суду военного трибунала за самоуправство, но последующие события помешали исполнению этого приказа. Дибич отказался пропустить посланцев короля через свои войска, и после перехода Пруссии на сторону союзников с Йорка были сняты все обвинения, а его корпус стал основой новой прусской армии. 17 марта 1813 г., в день, когда прусский король объявил войну Наполеону и его союзникам, Йорк во главе своего корпуса торжественно вошел в Берлин.

- [13] Николай Иванович Греч (1787–1867) — русский писатель, издатель, редактор, журналист, публицист, филолог, переводчик. В октябре 1812 г. основал исторический, политический и литературный еженедельный журнал «Сын отечества» и редактировал его до 1839 г. До середины 1820-х «Сын отечества» был наиболее влиятельным русским журналом.
- [14] Гебхард Леберехт фон Блюхер, князь фон Вальштад (Gebhard Leberecht von Blücher, 1742–1819) — прусский фельдмаршал, участник Наполеоновских войн, стал во главе национального движения в Германии, командовал прусскими войсками в боевых действиях против вернувшегося Наполеона, победитель битвы при Ватерлоо. В начале 1813 г. был назначен главнокомандующим прусскими войсками, участвовал в сражениях при Лютцене и Бауцене. Командовал соединенными русско-прусскими войсками в Силезии, выиграл сражения при Кацбахе и Вартенбурге, участвовал в Лейпцигской битве. 19 октября 1813 г. получил чин генерал-фельдмаршала.

ГЛАВА IV

АЛЕКСАНДР БЛАГОСЛОВЕННЫЙ КАК ГАРАНТ «ВЕЧНОГО МИРА» В ЕВРОПЕ.

Взгляд на «Русский вопрос» между Освободительной войной и Реставрацией (1812–1817)

4.1. Александр I как спаситель Европы. Академический взгляд на «Русский вопрос»: *Георг Фридрих Паррот* (1812–1814)

С 1812 г. для многих немцев Александр I стал кумиром, «благословенным ангелом-спасителем», «либератором добрых немцев», а Россия — страной надежд, с которой они связывали мечту о «вечном мире», о единой Германии и справедливом устройстве будущей Европы. Впоследствии Россия не смогла оправдать всех этих надежд: она не дала немцам ни национального государства, ни либеральных реформ. Но благодаря усилиям российского императора в Европе установился самый долгий мир за всю ее историю, и немцы впервые смогли вздохнуть спокойно. Многие германские интеллектуалы по мере нарастания разочарований в обществе, утрачивали позитивный взгляд на Россию, виня ее на этот раз во всех своих бедах, но кто-то из них сохранил восхищение Александром и его империей на всю жизнь. К таким людям, безусловно, принадлежал известный немецкий физик и естествоиспытатель Георг Фридрих Паррот.

Его судьба была похожа на судьбы многих немецких интеллектуалов, вынужденных в поисках места для жизни и работы колесить по всей Германии, а затем и по всей Европе. Он родился в семье придворного врача герцога Карла Вюртембергского в 1767 г. в Мёмпельгарде, немецком городе, который после аннексии Эльзаса в 1793 г. получил название Монбельяр и ныне принадлежит Франции. Паррот изучал математику, физику и экономические науки в академии Штутгарта, а затем преподавал в Нормандии, Карлсруэ,

Оффенбахе-на-Майне и других европейских городах. Наконец, в 1797 г. он принял предложенное ему место постоянного секретаря Экономического общества в Дерпте. А после того как в 1801 г. Кенигсбергский университет присвоил ему степень доктора, Паррот возглавил кафедру физики и математики только что созданного Дерптского университета. Быстро прославившись своими научными и литературными трудами, а также, проявив неплохие организаторские способности, он вскоре был избран ректором университета и с небольшими перерывами оставался на этом посту до 1813 г. Кроме того, на протяжении 24 лет Паррот занимал должность ординарного профессора физики. Заслуженным венцом его научной карьеры стало избрание сначала академиком, а затем почетным членом Петербургской академии наук.

Георг Фридрих Паррот (1767–1852) — немецкий физик-изобретатель, организатор восстановления и первый ректор Императорского Дерптского университета

На протяжении долгой жизни в России у Паррота сложилась репутация человека, близкого к ее правящим кругам, в особенности к императору Александру. В мае 1802 г. во время визита Александра I в Дерпт произошла первая встреча императора с ученым, которая быстро переросла в длительные дружеские отношения, сопровождавшиеся регулярной личной перепиской¹. Как впоследствии писал один из биографов ученого Фридрих Бинеман, «Паррот, ничего не искавший и даже резко отклонявший всякое внешнее изъятие царской милости, всецело предался Александру со всем пылом, свойственным идеальным стремлениям его возвышенного ума и любящего сердца. Постепенно он усвоил себе роль сокровенного вдохновителя своего царственного

¹ Переписка Паррота с императором Александром I и с императором Николаем I: Шильдер Н. Император Александр I. Его жизнь и царствование.; в 4 т. СПб. 1897–1898 гг.

друга. Император Александр, со своей стороны, раз и навсегда дал Парроту безусловное разрешение писать ему обо всем с полной откровенностью и когда он того пожелает или найдет нужным»¹. Будучи иностранцем, плохо понимавшим устои российской жизни и мало интересовавшимся ими, он решил примерить на себя роль великого Лейбница при Петре I, пытаясь «путем разговоров, писем, просьб, почти требований приблизить Александра Павловича к тому идеалу государя-самодержца, который Паррот создал в своем представлении, и осуществление которого обеспечило бы, по его мнению, Александру величие и славу»².

Как известно, Паррот был не единственным немецким интеллектуалом, попавшим под обаяние российского императора и решившим, что может воплотить все свои идеальные мечты и надежды с помощью личного влияния на «самого великодушного и могущественного государя Европы». Позднее на это место духовного наставника будут претендовать и другие немцы, в частности писательница и религиозная провидица баронесса Юлиана фон Крюденер^[1], или также состоявшие с Александром в переписке, философы-мистики Иоганн Генрих Юнг-Штилинг^[2] и Франц фон Баадер^[3]. Во всяком случае, в марте 1812 г. Александр, не объясняя причин, в одностороннем порядке прервал всякие отношения с Парротом.

Несмотря на обиду по поводу внезапно прерванных отношений и последовавшие перемены во взглядах и настроениях императора, несмотря на его растущую подозрительность и религиозный мистицизм, несмотря на отход от просветительских и либеральных идей, Паррот всю свою жизнь был искренне предан Александру. И неудивительно, что Россию он воспринимал и любил, глядя на нее через призму образа обожаемого им императора. Так же, как для Малле дю Пана Екатерина II была репрезентацией России и наглядным свидетельством ее пороков, так для Паррота ее внук, Александр, стал символом достоинств России и ее народа.

В 1814 г. в Дерпте вышла небольшая брошюра «Взгляд на современность и ближайшее будущее»³, перепечатанная затем

¹ *Bienemann Fr.* Kaiser und Professor // *Jahrbuch der St. Petersburger Zeitung*. St. Petersburg, 1895. S. 282–294, 287.

² *Ibid.* S. 288.

³ *Parrot, G. Fr.* Ansicht der Gegenwart und der nächsten Zukunft. Zwei academische Reden von G. F. Parrot, Professor in Dorpat. Gedruckt auf Verlangen des Conseils der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. Dorpat: bei J. F. Meinshausen, Universitäts-Buchhändler. 1814; Leipzig, 2-te Aufl., 1815.

в Германии и содержащая две академические речи Паррота, произнесенные им в 1812 и 1814 гг. Первая речь датировалась 12 декабря 1812 г. Она прозвучала по случаю изгнания французских войск с территории России и окончания Отечественной войны, накануне подписания Таурогенской конвенции между командующим прусским корпусом генералом Йорком и русским командованием. Безусловно, эта речь, произнесенная по-немецки, была адресована, прежде всего, соотечественникам в германских землях и Европе. Неслучайно в ней Паррот напрямую обращается к Германии и немцам с призывом последовать примеру России, выступить ее союзниками, чтобы в совместной борьбе сбросить «позорное для свободного человека французское иго». Отчасти она звучит как продолжение старого европейского спора между последователями просветителей и их мифом об идеальном монархе — «философе на троне» и великом будущем России и сторонниками мифологии о «колоссе на глиняных ногах» с его слабостью, призрачностью и амбивалентностью.

Текст отчетливо распадается на две части. Первая — это ответ на претензии немцев к Александру, связанному условиями Тильзитского мира и долгое время уклонявшемуся от каких-либо столкновений с Наполеоном (о чем, например, многократно с едким осуждением писал Арндт). «Пытаясь избежать великого кровопролития, — объяснял своим соотечественникам причины нерешительности российского императора Паррот, — поначалу этот благородный правитель долго медлил, пока ужасы войны не коснулись его народа. Затем он сам обнажил меч, положив, таким образом, последнюю гирию на чашу весов войны, что окончательно определило судьбу человечества»¹. В продолжение диалога со своими немецкими оппонентами, помимо оправданий российской политики «умиротворения» Наполеона, речь Паррота содержит также и ответные упреки европейцам, которые всегда недооценивали Россию, считая ее «страной рабов», способной только на различного рода имитации и обман. Более того, говоря о недоверии европейцев к России, он обвиняет их самих в трусости перед Наполеоном и предательстве собственных интересов, из-за чего армии европейских монархов оказались в стане побежденных^[4]: «Как некоторые трусливые души на континенте могли усомниться в этой победе русского оружия? Европа не устыдилась того, что поверила, будто бы французский Опустошитель земель может заслуживать неува-

¹ Ibid. S. 11.

дающих лавров победителя. Правители Европы робко двигались за ним и сражались против себя самих, так как, воюя против нас, они воевали против собственных народов! Они думали, что в России есть только трусливые рабы, но нет подданных, способных сражаться, воодушевленных пылающей любовью к своей родине и к своему монарху; и они продолжали двигаться за ним, воюя против России!»¹ Показательно, что говоря о войне Франции с Россией, Паррот, который не был не только русским, но на тот момент даже подданным Российской империи, употребляет местоимение «мы», идентифицируя себя не с Западом, воплощением которого, согласно французской, а затем и немецкой пропаганде, был Наполеон, а с Россией, противостоявшей ему и победившей.

Стремление в период русско-французской войны ассоциировать себя с Россией было присуще не только Парроту, но и большинству немцев, живших в Остзейских провинциях. В том числе уже упомянутому нами литературоведу Гарлибу Меркелю, бежавшему из Берлина в Ригу, где он с 1807 г. начал издавать политический журнал «Наблюдатель». В июле 1812 г., когда Великая армия Наполеона стояла у границ России, Меркель опубликовал отдельной брошюрой свое знаменитое обращение «К жителям Балтийских провинций», в котором призывал остзейских немцев отказаться от «любых, даже самых мелких, собственных интересов». «Мы — русские! — восклицал он в конце своего обращения. — Мы все являемся русскими!»² То, что он сам себя тоже причислял к русским, подтверждают и его более поздние статьи. Так, например, после захвата Москвы в сентябре 1812 г. он написал на немецком языке и распространил свое патриотическое обращение «Русского человека к его русским братьям»³, в котором призывал все народы, живущие в Российской империи, забыть о своих национальных и культурных различиях и сплотиться вокруг русского народа и его императора.

Однако вернемся к академической речи Георга Фридриха Паррота. Осудив Европу за ее предвзятость и недальновидность в отношении России, далее в своей речи он переходит ко второй, более значимой ее части, а именно к хвалебному гимну Александру — освободителю Европы и русскому народу, где, с одной сто-

¹ Parrot, G.Fr. Ansicht der Gegenwart und der nächsten Zukunft... S. 13.

² Merkel G.H. An die Bewohner der Ostsee-Provinzen Rußlands // Garlieb Merkel. Aufsätze während des Krieges geschrieben. 1—2 Hefte. Riga, 1813. Heft 2. S. 40f.

³ Merkel G. Ein russischer Mann zu seinen Brüdern // Aufsätze während des Krieges... Heft 2. S. 3—11.

роны, фигурирует «идеальный монарх» в духе изысканий просветителей, а с другой стороны — абсолютно преданный ему и единый в своей любви к монарху народ. «Александр, которого так любит его народ, — продолжает Паррот, — великодушный и справедливый правитель даже в отношении врага, голос своего столетия, который всегда действует, руководствуясь только чувством долга. Правитель, который чувствует страдания своих подданных глубже, чем свои собственные, весь образ которого дышит любовью и сердечностью. Так здравствуй Ты, наш Александр! Да здравствует твой добрый народ! Да здравствует государство Российское — пример для монархов и народов!»¹. И, наконец в итоге, монарх и народ сливаются воедино, в одну большую любящую семью победителей: «Он счастлив, наш император, счастлив благодаря самому яркому успеху своего оружия, счастлив благодаря небывалой боевой славе своего народа, счастлив, прежде всего, потому, что сознательно посвятил себя исполнению великого долга правителя. Он победил благодаря своему народу, Его народ победил благодаря Ему»².

Вслед за Бутервеком Паррот предлагает немцам новый взгляд на Россию: не как на внешнюю угрозу, а как на страну утопических надежд, способную спасти Европу не только от Наполеона, но и от нее самой. Европе, расколотой конфессионально и политически, погрязшей в вечных войнах и в поисках выхода из духовного кризиса, он противопоставляет единую Россию в качестве спасения и проекции надежд: «Русские довели до конца короткую, но тяжелую борьбу. Россия вышла победительницей из этого великого противостояния и предлагает Европе независимость, каждому ее гражданину — свободу, каждому человеку — мир и человеческое достоинство»³.

Справедливости ради надо заметить, что Паррот был не единственным немецким профессором Дерптского университета, кто активно выступил на стороне России во время нашествия Наполеона. С патриотическими воззваниями к балтийским немцам и воевавшим на стороне Наполеона пруссакам неоднократно обращался также декан философского факультета, уроженец древнего Кведлинбурга в Саксонии, Фридрих Эберхард Рамбах^[5]. Еще в начале лета 1812 г. он направил памятную записку главнокомандующему 1-й Западной армией Барклаю-де-Толли с просьбой прикомандировать

¹ *Parrot, G.Fr.* Ansicht der Gegenwart und der nächsten Zukunft... S. 10.

² *Ibid.* S. 10.

³ *Ibid.* S. 6.

Андрей Сергеевич Кайсаров (1782 – 1813) — русский публицист, филолог, преподаватель Императорского Дерптского университета.

его вместе с профессором русской словесности Андреем Сергеевичем Кайсаровым^[6] к Главному штабу армии, где они могли бы издавать фронтовую газету «для укрепления нации и поднятия боевого духа в армии»¹. Газета, получившая название «Россиянин», должна была выходить на русском и немецком языках. И хотя в итоге увидел свет только один номер газеты, почти полностью состоявший из патриотических статей Рамбаха, ее материалы были переизданы в виде отдельных прокламаций и распространены по всей Курляндии, оккупированной французской армией.

Осенью 1812 г., за два месяца до написания Парротом сво-

ей первой «академической речи», центром идеологической борьбы с французской пропагандой вновь стала Рига, отбившая натиск вражеских войск. В октябре 1812 г. только что вступивший в должность рижский военный губернатор маркиз Филипп Паулуччи^[7] обратился с просьбой к Гарлибу Меркелю, который в это время находился в Дерпте, вернуться в Ригу. К тому времени ситуация на Рижском направлении стабилизировалась. Уже пару месяцев как продвижение Великой армии к Риге было остановлено. Французский 10-й корпус под командованием генерала Этьена Макдональда, состоявший из 7-й дивизии и Прусского вспомогательного корпуса под началом генерала Людвиг Йорка, занял позиции на левом берегу Двины неподалеку от Риги. При этом было известно, что отношения между Макдональдом и командующим прусскими силами Йорком оставались довольно неприязненными. Это побудило Паулуччи решиться на создание агентурной сети для распространения периодических изданий и листовок среди прусских солдат и офицеров. Главным автором текстов должен был стать Меркель, поскольку он уже приобрел известность своими

¹ Heeg J. Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon... S. 179.

выступлениями против Наполеона и был как раз тем человеком, который мог найти «правильные слова», чтобы «заставить немцев задуматься»¹. Главными задачами, которые Паулуччи поставил перед Меркелем при личной встрече, были: поддержка патриотического духа среди местных жителей и антифранцузская пропаганда среди пруссаков. Таким образом, была определена целевая аудитория для публицистической деятельности Меркеля. Исходя из ее состава, в ноябре 1812 г. он разработал новую концепцию для своего журнала «Наблюдатель». Как Меркель вспоминал об этом впоследствии: «Я создал собственный план действий, чтобы с помощью небольших воззваний ... натолкнуть самих пруссаков на мысли, которые я не хотел высказывать напрямую. С того дня, когда я вновь возглавил редакцию журнала, его содержание состояло из ежедневно приходивших бюллетеней о русских победах и “различных известий”, которые всегда содержали ряд выпадов в адрес Наполеона и французов, сообщая об их постыдной наглости и тех притеснениях, которые они чинили в Германии и особенно в Пруссии. Кроме того, в журнале публиковались мои размышления о той оскорбительной роли, которая была отведена храбрым немецким... войскам в армии Наполеона»².

Но «персональным» своим врагом Меркель по-прежнему считал созданную Наполеоном пропагандистскую машину, полагая, что русско-французская война была, по сути, первым международным конфликтом, когда печать стала не менее действенным оружием, чем армии и пушки. Уже в первом отредактированном им номере «Наблюдателя» от 19 ноября было опубликовано его воззвание «Житель Москвы к своим согражданам»³, в котором его идея о роли общественного мнения в русско-французском противостоянии и воздействия на него со стороны пропаганды получила дальнейшее развитие. Автор начинал свое обращение словами: «Ненавидит ли Наполеон писателей? — Говорят, что так и есть. Известно, что он боится голоса общественного мнения»⁴. Меркель утверждал, что после захвата Наполеоном власти во Франции европейское общественное мнение обратилось против узурпатора. Тогда он нанял «софистов», которые должны были «направлять мысли

¹ Heeg J. Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon... S. 124.

² Thersites. Die Erinnerungen des deutsch-baltischen Journalisten *Garlieb Merkel* 1796–1817. / Hrsg. M. Müller-Jabusch. Berlin, 1921. S. 185.

³ Merkel G. Ein Bewohner Moskwa's an seine Landleute // Der Zuschauer. 9. November 1812. Nr. 723. S. 350–359.

⁴ Ibid. S. 357.

людей в угодное ему русло»: «Большое внимание, которое он с тех пор беспрестанно уделял тому, чтобы объяснить свету, что людям следует думать о нем и о его предприятиях, показывает, как важно для него настроение умов, и в какой большой степени французская пропаганда послужила духовному закабалению и ослаблению тех народов, которых он хотел покорить»¹. Поэтому именно в борьбе за общественное мнение Меркель видит самое уязвимое место Наполеона. По его убеждению, для ведения войны недостаточно одних только политических и военных талантов, необходимо использовать все доступные средства. Теперь, когда Наполеон потерпел неудачу в России, «писателям, ораторам и поэтам необходимо вдохновлять европейские народы на массовое восстание против всеобщего угнетателя, на ведение победоносной войны до тех пор, пока он не будет загнан обратно в Лувр и погребен под его руинами»². Без сомнения, это воззвание Меркеля можно рассматривать как манифест идеологической войны нового типа за влияние на общество, за формирование «нужных» массовых политических настроений.

Осуществляя разработанный им план массового воздействия на прусский корпус в составе французских подразделений Макдональда, в дальнейшем Меркель старался собрать как можно больше информации о насилии французов по отношению к гражданскому населению немецких земель. Его целью стало убедить читателей в унизительности того положения, в котором оказались пруссаки, заключив военный союз с Наполеоном, и пробудить их патриотические чувства. Он подчеркивал, что Наполеон, боясь потерять немецких союзников, с помощью своей пропаганды «взывает к их добродетелям и к преданности своим государям. Но как раз эту преданность можно доказать, борясь до последней капли крови с главным угнетателем немецких земель!»³ Зеркально повторяя аргументы Арндта, обращенные к русским в 1808 г., Меркель настаивал, что, сражаясь на стороне Наполеона, пруссаки действуют вопреки собственным интересам: «Понимают ли прусские войска это? — вопрошал он. — Сам Наполеон не смог назвать в своих прокламациях другой причины нынешней войны, кроме той, что “Россия требовала возвращения прусскому королю его крепостей и провинций”. Так против кого борются пруссаки? Против самих себя. Несчастные немцы! Вы воюете вместе со своими врагами против России»⁴.

¹ *Merkel G.* Ein Bewohner Moskwa's an seine Landleute... S. 357.

² *Ibid.* S. 357.

³ *Der Zuschauer.* 21. November 1812. Nr. 724. S. 364.

⁴ *Der Zuschauer.* 28. November 1812. Nr. 726. S. 372.

Под Рождество 1812 г. вышло еще одно воззвание Меркеля, напрямую адресованное немцам¹. В нем он призывал немецкий народ к мщению за то положение «бесправных батраков», в которое Франция поставила немецких правителей. При этом он подчеркивал, что свободу нельзя привнести извне. Немецкий народ сам должен добиться ее, как это уже сделали русские и испанцы.

Наконец, в декабре 1812 г. Меркель написал длинную статью о политической ситуации в Европе накануне 1813 г.² На русском языке она появилась в «Вестнике Европы» и «Сыне отечества»³. Главной целью этой публикации было доказать необходимость заграничного похода русских войск, не только для того, чтобы освободить Германию, но и для освобождения Франции и всей Европы, так как Наполеон, по мнению автора, представлял собой абсолютное зло для всех народов мира: «Наполеон всегда использовал междоусобицы европейских стран в своих целях, натравливая один народ против другого... Он объявил всем народам вечную войну, которая теперь должна закончиться его гибелью, так что его удаление от власти — само по себе уже очень важный шаг к миру и спокойствию»⁴. Следующим необходимым шагом после полного военного разгрома Наполеона Меркель считал восстановление национальной независимости поработанных Францией народов. Он полагал, что Европа будет свободна, «если у правителей хватит ума и решимости использовать представившийся им благоприятный случай», поскольку «Наполеон и его генералы лишились своей военной славы и непобедимости»⁵. При этом главные свои сомнения в успехе Меркель связывал с Германией, потому что «... немецкие кабинеты столь ослаблены, что не видят всей благоприятности нынешнего времени, или столь малодушны, что боятся ею воспользоваться — тогда Наполеон некоторое время еще будет казаться великим оттого, что другие слишком малы, и минута для спасения Германии пролетит невозвратно!»⁶.

Таким образом, Меркель, как и Арндт, в начале 1813 г. продолжал писать о необходимости полного разгрома Наполеона, опи-

¹ *Merkel G.* An den Deutschen. Der Zuschauer. 21. Dezember 1812. Nr. 733. S. 398.

² *Merkel G.* Die politische Lage in Europa kurz vor 1813 // *Der Zuschauer*. 12. Dezember 1812. Nr. 731 — 11. Januar 1813. Nr. 741.

³ *Меркель Г.* Политическое положение в Европе накануне 1813 года // *Вестник Европы*. 1812. Ч. 65—66. *Сын отечества*. 1813. Ч. 3—4.

⁴ Там же. Ч. 3. № 2. С. 82.

⁵ Там же. Ч. 3. № 4. С. 180.

⁶ Там же. С. 182.

раясь, в том числе и на анализ содержания французской прессы. В своих статьях он призывал немецкий народ к борьбе с Наполеоном и, так же как и Арндт, защищал идею всеобщего восстания, которое должно привести к разгрому Франции и дать толчок к формированию единого немецкого народа и национального самосознания.

Параллельно с «войной перьев» шла «война армий и народов». Стремительно развивавшиеся события привели к последствиям, имевшим глобальный и во многом необратимый характер. Разгром Великой армии Наполеона в России существенно изменил военно-политическую ситуацию в Европе и способствовал дальнейшему росту антифранцузских настроений. После того, как в декабре 1812 г. командир прусского вспомогательного корпуса, входившего в состав Великой армии, генерал Йорк фон Вартенбург подписал Таурогенскую конвенцию, вся Восточная Пруссия восстала против Наполеона. В январе 1813 г. австрийский командующий К.Ф. Шварценберг согласно секретному договору с Россией вывел свои войска из великого герцогства Варшавского. 28 февраля Пруссия подписала Калишский договор о союзе с Россией, который предусматривал реставрацию Прусского государства в границах 1806 г. и восстановление независимости Германии. 17 марта 1813 г. после заключения договора Фридрих-Вильгельм III опубликовал в Бреслау воззвание «К моему народу», призвав своих подданных вспомнить «великий пример наших могущественных союзников, русских» и вступить вслед за ними в решающую борьбу «за наше существование, нашу независимость, наше благополучие»¹.

К лету 1813 г. против Наполеона выступила Австрия и Швеция совместно с уже воевавшей с ним Англией. Затем в октябре к союзу присоединились мелкие государства Рейнского союза, бывшие вассалами Франции, а также Вюртемберг и Бавария — самое крупное в то время немецкое государство. Таким образом, возникла Шестая антинаполеоновская коалиция. События развивались стремительно. Русские войска 2 марта форсировали Одер, 11 марта заняли Берлин, 12 марта — Гамбург, 15 марта — Бреславль; 23 марта прусская армия вступила в Дрезден, столицу сохранившей верность Наполеону союзной с ним Саксонии. В результате вся Германия к востоку от Эльбы была очищена от французов. В 1814 г. боевые действия из Германии переместились на терри-

¹ *Friedrich Wilhelm III. An mein Volk. Aufruf vom 17. März 1813 // Chronik der Deutschen / Hrsg. von Bodo Harenberg. Dortmund: Chronik Verlag, 1983. S. 476.*

торию Франции и завершились к апрелю 1814 г. взятием Парижа и отречением Наполеона от власти 6 апреля. В тот же день Сенат провозгласил королем Людовика XVIII, а Наполеон отправился в почетную ссылку на остров Эльба в Средиземном море. 30 мая 1814 г. был подписан мир, вернувший Францию в границы 1792 г. и восстановивший там монархию.

С 1812 г. преобладающим видом литературы в Германии становятся воспоминания немецких офицеров о совместных боевых действиях союзнических армий¹. Участие русских войск в освободительной войне на территории Германии дало возможность говорить о единстве прусского и русского оружия. В честь подвигов русских солдат и «самопожертвования» жителей Москвы во время пожара складывались многочисленные поэмы, оды, хвалебные песни. Даже Гете, на которого едва ли можно было произвести впечатление военными успехами, сочинил в 1814 г. символическую драму «Пробуждение Эпименида», которая, будучи поставленной в 1815 г. в Берлинском театре, имела большой успех. Публика увидела в ней патриотическое произведение, метафорически изображающее пробуждение немецкого народа от рабского сна и прославляющее победу над Наполеоном, сметенным «лавинной из снега и льда», пришедшей «с Востока». Александр I был признан освободителем европейских народов. Большинство немецких интеллектуалов, особенно из числа военной элиты и чиновников государственного аппарата, открыто симпатизировали России, осознав слабость собственных правящих домов. Таким образом, во время и сразу после окончания Наполеоновских войн в общественном мнении Германии вне зависимости от идеологических и политических воззрений закрепился образ русского императора как величайшего европейского государя и России — как спасительницы Европы от французского ига.

В феврале 1814 г., когда Германия совместными усилиями союзников была окончательно освобождена, и военные действия

¹ См., например: Дореволюционные издания по российской истории в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки: Сист. указ. Л., 1982—1984. Вып. 4: Отечественная война 1812 г. Участие России в кампаниях 1813—1814 гг. / Сост. И.Г. Яковлева, В.В. Антонов; ред. В.В. Антонов. СПб., 1993; Вып. 5. Эпоха Александра I / Сост. И.Г. Яковлева, В.В. Антонов; ред. В.В. Антонов. СПб., 2001. См. также: *Botzenhard M.* Russland im Urteil deutscher Politiker und Generale in der Zeit der Freiheitskriege // *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800—1870)* / Hrsg. M. Keller. München, 1991.

переместились на территорию Франции, первый ректор Дерптского университета Георг Фридрих Паррот пишет свою вторую речь из серии «Взгляд на современность и ближайшее будущее». Так же как и первая речь, по своему содержанию она отчетливо распадается на две части. Первая часть посвящена анализу недавнего прошлого и настоящего Европы, вторая — ее будущему. Первая часть полностью адресована его немецким соотечественникам, вторая — не только им, но прежде всего Александру I, так как именно с ним Паррот связывает будущее Европы.

Говоря о недавнем прошлом, он опять обращается с упреками к «самоуверенным в своем благоразумии главам европейских государств», не замечавшим «своего истинного спасителя». Он обвиняет их в трусости и слепоте, которые привели Европу «вместе с таким трудом завоеванной гражданской свободой» на край бездны¹. Он говорит о политическом расколе, о страшном духовном кризисе, «который испытывал Европу с начала Французской революции до окончания последнего антифранцузского похода». «Пока продолжался кризис, — пишет Паррот, — общественная мысль неуверенно колебалась, меняя направление. Теперь идейный переворот, который становится все более важным и глубоким, чем политический, подошел к концу»². Совершившийся идейный переворот по своей значимости Паррот сравнивает с историческими переворотами «героической античной эпохи Греции и Рима и века великого переселения народов. Мы видим, — говорит он, подчеркивая значение современного момента, — как на наших глазах происходит нечто колоссальное, невероятное, казавшееся до сих пор невозможным»³. И источником этих судьбоносных, эпохальных перемен является российский император: «Мы соединяем наше ликование с ликованием народов России, Германии, Европы и с гордостью взираем на источник всеобщей радости, повторяя: Это — он, это — наш Александр!»⁴ Именно он «с берегов Немана протянул руку немецкой свободе, приветствуя победу народов Германии. И Фридрих Вильгельм последовал за этим приветственным знаком дружбы, воодушевленный троекратным энтузиазмом добрых пруссаков и их мужеством»⁵.

¹ *Parrot G. Fr.* Op. cit. S. 12.

² *Ibid.* S. 17.

³ *Ibid.* S. 19.

⁴ *Ibid.* S. 20.

⁵ *Ibid.* S. 22.

Доведя повествование до момента изгнания французов из германских земель, Паррот обращает свой взгляд в будущее и останавливается более подробно на сути эпохальных перемен в духовной и политической жизни Европы. Именно эта вторая часть является главной, так как она переходит к теме «вечного мира» в Европе, который связывает с Россией и ее императором. Возвращаясь к сильно подзабытой за последние годы утопической идее просветителей, Паррот продолжает развивать теории герцога Сюлли^[8], аббата Сен-Пьера^[9] и Канта^[10], с сочинениями которых он был, безусловно, знаком. Немецкий профессор полагал, что время создания союза европейских монархов благодаря глубокому духовному перевороту, происшедшему в обществе, наконец, пришло: если прежде «корысть зажигала факелы войны», а «насилие диктовало условия мира», то сегодня «все определяет чистый благородный дух согласия, верности и любви между народами, который вел современную святую войну к победе. В воцарившейся атмосфере взаимного доверия между нациями мы можем ожидать особенно длительного мира, так как он благоприятен для всех, даже для побежденной стороны. Кроме того, союзники, которые искренне стремятся к сохранению всеобщего мира, не только политически связаны друг с другом, но также сплочены взаимным личным уважением и совместными интересами, и в этом великом союзе царит не мертвый расчет, а лишь живое чувство, которое отныне руководит скипетрами»¹.

После констатации возможности установления «вечного мира» Паррот говорит об условиях его сохранения и его последствиях для Европы. В отличие от Сюлли, Сен-Пьера, Канта и других своих предшественников, он отказывается от идеи создания коллективного органа принятия решений и контроля за соблюдением условий мира, а также ничего не говорит об общей для всех государств союза конституции. Он считал, что европейские монархи настолько скомпрометировали себя политической слабостью и нерешительностью, «предав собственные народы и покорившись французскому игу», что им нельзя пока еще доверять судьбу Европы, которую они своим бездействием совсем недавно «поставили на грань бездны». Более того, Паррот также отказывается от популярной идеи баланса сил, в которой многие тогда видели залог мирного сосуществования европейских государств. Основными механизмами сохранения «вечного мира» Паррот считал свободное общественное мнение, как открытое выражение «чаяний народов», к которым должны при-

¹ Parrot G. Fr. Op. cit. S.

слушиваться государи, и роль России как арбитра Европы. И «если ни общественное мнение, ни позиция остальных правителей, ни призыв собственной нации не удержат какого-либо венценосного властолюбца от агрессии, — писал он, — то на страже мира всегда будет стоять сила России и воля Александра, в котором Европа охотно признает арбитра»¹. Именно Александр, по мнению Паррота, является подлинным выразителем «интересов народов и правителей» континента, так как «отныне нации Европы думают и чувствуют в соответствии с благородными принципами великого человека, вознесенного Провидением на вершину власти и признания»².

И, наконец, в последней части своей речи Паррот говорит о благотворных последствиях «вечного мира» для Европы, который должна обеспечить ей Россия. Речь идет, прежде всего, о реформе армии и либеральных реформах, за которыми должна последовать всеобщая гуманизация общественной жизни. Следуя за Вильямом Пенном^[11] и Кантом, он считал, что «колоссальные регулярные армии подрывают благосостояние страны и спокойствие соседей», что их «содержание является не защитной мерой государства, а его наказанием и сильнейшим рычагом для завоевателей»³. Вместо регулярных армий Паррот предлагал создать мобильные отряды призывников по примеру Франции в начальный период революции, когда по военному призыву «каждый гражданин становится солдатом», а освободившиеся средства могут быть направлены на улучшение медицинского обслуживания и продовольственного снабжения боевых подразделений⁴. Рост благосостояния, связанный с сокращением расходов на содержание регулярных армий, будет, в свою очередь, содействовать проведению либеральных реформ и общей гуманизации общества, что поможет установить «язык доверия между правителями и народами». Самым действенным оружием в борьбе с «феодалным варварским церемониалом» Паррот считает свободу выражения общественного мнения. «Окруженное всеобщим уважением», оно является «самым мощным бастионом не только против иностранной тирании, но и против внутренней»⁵. В результате всех этих нововведений «полюются источники благоденствия там, где раньше глаз наблюдателя замечал только пустыню, источники, которые будут брать начало не из искусственных лабиринтов

¹ *Parrot G. Fr. Op. cit. S. 23.*

² *Ibid.*

³ *Parrot G. Fr. Op. cit. S. 24.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. S. 26.*

камералистики, а из великих либеральных идей нашего времени. Уже одно изменение военной системы, которое неизбежно должно произойти в этот победный период, позволяет распространить богатство и благосостояние на все общественные классы»¹.

Любопытно, что говоря о либеральных реформах, которые должны быть проведены в Европе, Паррот не упоминает ни о рабстве, ни о деспотизме, которые немецкие и французские публицисты прежде ставили в упрек самой России. На первое место он выдвигает свободу выражения общественного мнения, как залог доверия, инструмент «обратной связи» между народом и властью, что должно обеспечить подлинное единство монарха и его подданных.

Феномен Георга Фридриха Паррота состоял в том, что, будучи тесно связанным с правящими слоями России и лично преданным российскому императору, он для немецкой читающей публики оставался выдающимся немецким ученым и литератором, урожденным подданным герцога Вюртембергского. Главными индикаторами принадлежности к немецкой нации на тот момент являлись язык и культура, а не место проживания и монарх, которому ты служишь. Поэтому Паррот, как Гарлиб Меркель, Фридрих Рамбах, Август Коцебу^[12] и многие другие немцы, вольно или невольно стал одним из эффективных рупоров донесения до немецкой публики тех идей, которые русское правительство считало полезным для себя распространить в Европе.

Как известно, в первой четверти XIX в. российское внешнеполитическое ведомство разрабатывало и пыталось реализовать несколько проектов «вечного мира». Эти проекты составили основу европейской политики России в эпоху правления Александра I. Самый ранний из них начал разрабатываться еще в 1804 г. в период формирования Третьей антифранцузской коалиции, и Паррот, состоявший тогда в тесной переписке с Александром, скорее всего, знал о нем. Возможно, он был его горячим сторонником, так как видел свое предназначение во всяческом содействии реализации гуманистических идей просветителей, в том числе идеи «вечного мира». Во всяком случае, его речь 1814 г. во многом совпадает с проектом 1804 г., известным в историографии как «Секретная инструкция Александра I Н.Н. Новосельцеву»². Согласно этому проекту определять судьбу

¹ Ibid.

² См.: Чернов А.В. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 4. С. 31–39; Минаева Н.В. Миротворческие идеи

послевоенной Европы должны будут только великие державы, к которым были отнесены Россия и Англия. Именно они должны будут принимать решения по устройству и обеспечению стабильного мира в Европе. Остальные государства объявлялись «второстепенными», так как «не могут обеспечить собственную безопасность и всегда будут приманкой для агрессивных соседей», и, вообще, они «не способны отказаться от сиюминутных интересов ради общего мира»¹.

Чтобы добиться сохранения «вечного мира» великим державам было необходимо: «обеспечить привязанность народов к их правительствам, добившись того, чтобы эти последние действовали исключительно в пользу подчиненных им народов. А также следовало установить взаимные отношения между державами на более определенных началах, соблюдение которых отвечало бы их собственным интересам...»² При этом авторы инструкции настаивали на праве союзников вмешиваться во внутренние дела «второстепенных держав» для проведения «разумных» преобразований в «духе времени» и выражали уверенность в том, что европейские страны, уставшие от долгой войны, согласятся ограничить свою внешнеполитическую самостоятельность ради «прочного мира»³.

Впоследствии время внесло свои коррективы в план по созданию «вечного мира», например, из числа главных менторов Европы была исключена Англия, и роль верховного арбитра полностью передавалась России. Именно эту идею следовало донести до европейцев, поэтому неслучайно, что зарубежный поход русской армии был поддержан мощной пропагандистской кампанией, целью которой было распространение мысли о необходимости «объединения Европы вокруг России для борь-

внешнеполитического спектра Адама Чарторыйского // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. М., 2003. С. 139–159; *Гончарова О.В.* Российский проект о создании всеобщего союза европейских государств на конгрессе в Аахене (1818) // Российская цивилизация: история и современность. Воронеж, 2002. Вып. 14. С. 61–70.

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1961. [Текст]: Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР. М.: Госполитиздат, 1960 // Серия 1. 1801–1815, т. 2: Апрель 1804 г. декабрь 1805 г. / Ред. коллегия: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. 1961. С. 146.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 146.

бы с Наполеоном и создания новой политической системы...»¹ И частью этой пропагандистской кампании, вольно или невольно, стал уважаемый и признанный в Европе немецкий физик Георг Фридрих Паррот.

4.2. Россия как гарант «вечного мира» в Европе. Консервативный взгляд на «Русский вопрос»: *Людвиг Франц фон Бацко (1814–1815)*

Но, несмотря на некоторую экстравагантность высказываний и явную ангажированность, сочинение Паррота, почти сразу переизданное в Лейпциге, не выделялось особой оригинальностью на фоне общего потока публикаций с выражением восхищения и признательности русскому императору и его народу за освобождение Европы от «французского ига». 1814 г. стал годом триумфа России. Помимо Гете, высокопарные хвалебные оды ей посвящали Эрнст Мориц Арндт, Людвиг Уланд^[13], юная поэтесса Аннетт фон Дросте-Гюльсхофф^[14] и многие другие. Советник правительства Пруссии, известный публицист и политический мыслитель Вильгельм Бутте^[15], которого трудно заподозрить в ангажированности, в течение года публикует два серьезных аналитических сочинения², посвященных обоснованию руководящей роли России в Европе. Исходя из этого посыла, задачу Пруссии он видел в том, чтобы вовремя осознать и использовать этот факт для нейтрализации Франции и укрепления немецкой государственности, а также положения Пруссии в германских землях.

Последующие события, казалось, полностью подтверждали правильность прорусской позиции Бутте. В сентябре 1814 г. открылся Венский конгресс, в ходе которого была выработана система договоров, направленных на восстановление разрушенного Французской революцией 1789 г. и Наполеоновскими войнами европейского баланса сил и создания нового мирного будущего

¹ *Майофус М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 633.

² *Butte W.* Ideen über das politische Gleichgewicht von Europa, mit besonderer Rücksicht auf die jetzigen Zeitverhältnisse. Leipzig: In der Baumgärtnerischen Buchhandlung, 1814; *Butte W.* Die unerläßlichen Bedingungen des Friedens mit Frankreich. Hierzu Bemerkungen über das Mißlingen der deutschen Bundesakte. Wiesbaden, Schellenberg, 1815.

для Европы. В частности, на нем было решено дать шанс Пруссии стать сильным противовесом Франции и обеспечить ей возможность расширить свои владения до Рейна. Кроме того, она получила $\frac{2}{3}$ территории Саксонии. Было узаконено самоуправление городов, обеспечена свобода хозяйственной деятельности, секуляризовано церковное имущество, установлено равенство сословий перед законом. И хотя воплощение в жизнь этих нововведений затянулось до 1918 г., немцам была подарена надежда, которую они проецировали на Россию.

Итак, сконструированный наполеоновской пропагандой образ Франции, как лидера свободной цивилизованной Европы, который ведет ее народы на бой с азиатским варварством и деспотизмом в лице России, отошел в небытие. Наконец, пришло время очередной трансформации прежнего внешнеполитического дискурса, который опирался на фактор «русской угрозы» и связанные с ним мифологемы. Напомним, что основные контуры мифа о «русской угрозе» были заданы еще Малле дю Паном в 1789 г. в его знаменитом памфлете «Об угрозе политическому балансу Европы или анализ причин, поколебавших его основы на Севере со времени восшествия на российский престол Екатерины II». Далее этот миф только разрастался, приобретая все новые дополнительные черты и оттенки. Помимо варварства и деспотизма России, Малле дю Пан в своей концепции на первое место ставил ее агрессивность, и, прежде всего, политику Екатерины II в отношении стран так называемого «восточного барьера», то есть выстроенной Францией международной системы политического и военного сдерживания России, куда входили Польша, Швеция и Турция — традиционные союзники Франции. После поражения Наполеона стало очевидно, что назрела необходимость разоблачения теории «русской угрозы» и обоснования права России на главенствующую роль в Европе. В том же 1814 г. среди множества восторженных сочинений выходит написанный с этой целью довольно объемный аналитический труд прусского историка венгерского происхождения Людвига фон Бацко^[16] «Россия и Франция. Историческое сравнение, основанное на поразительных фактах»¹, содержащий в себе системное опровержение тезисов Малле дю Пана. Это было одно из первых сочинений подобного рода, написанных независимым европейским автором.

¹ *Baczko L.F. von. Rußland und Frankreich: eine historische Vergleichung, auf merkwürdige Tatsachen gegründet. Halle, 1814.*

Чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений в цели написания этого труда, в самом начале Бацко ставит вопрос: «Является ли Россия гарантом мира в Европе, или же она всегда стремилась к установлению универсальной монархии?», и затем сам отвечает: «Последнему со стародавних времен нет ни одного доказательства»¹. Напротив, по мнению автора, Россия всегда служила бастионом для сдерживания внешних захватчиков, всякий раз безропотно жертвуя собой ради сохранения европейской безопасности: «Россия победоносно воевала с монголами, которые разбили немцев и опустошили большую часть Польши и Венгрии. Она стала для Европы оплотом против деспотизма вождей азиатских орд, остановив, таким образом, новое великое переселение народов. Ни новый Атила, ни Тимур, ни Чингис-хан не представляли угрозы для европейской культуры с тех пор, как Россия обрела силу»². Исходя из этого посыла, Бацко строит всю структуру доказательств роли России как главного защитника Европы, и анализирует русскую историю, начиная с призвания варягов. Главное место при этом по-прежнему уделяется отношениям России со странами «восточного барьера» — Польшей, Швецией и Турцией, и сравнению русской и французской политики в Европе на протяжении XVII—XVIII вв., а также — в начале XIX в.

В центре этой системы контраргументов, конечно же, стояла Польша, и, говоря о ней, автор последовательно разбивает все критические доводы и обвинения в адрес России, которые выдвигал против нее Малле дю Пан. Бацко меняет акценты, приводя доказательства того, что на протяжении всей своей истории

Людвиг Франц Адольф фон Бацко (1756–1823) – немецкий историк, публицист, издатель, ослепнув в 1777 г. из-за перенесенной оспы, в 1816 г. стал организатором и главой первого в Германии Института для слепых в Кенигсберге

¹ Ibid. S. 17.

² Ibid. S. 18.

вплоть до середины XVII в. именно Россия была жертвой экспансии со стороны Речи Посполитой, и дом Романовых вынужден был приложить много усилий, чтобы возродить «силу русского государства», «поставив своей задачей освобождение от постоянной зависимости и враждебного влияния Польши, а также утверждение собственной самостоятельности»¹. Следовательно, вовсе не Россия виновата в ослаблении Польши, а внутренние междоусобицы и интриги Франции, которая к этому времени «стала рассматривать ее и использовать в качестве средства для достижения собственных целей». И чтобы препятствовать росту влияния «французской и шведской партий» при польском дворе и связанных с ними гражданских междоусобиц, Россия должна была установить контроль над Польшей, что в подобных обстоятельствах, безусловно, являлось политической необходимостью². На этом основании Бацко оправдывает разделы Польши, которые Малле дю Пан считал самыми серьезными «преступлениями» Екатерины II в отношении третьих стран. Разделы, по мнению автора, были произведены Россией, Пруссией и Австрией исключительно «во имя собственной безопасности и независимости». При этом Бацко добавляет, что «нельзя забывать, что поляки никогда не действовали самостоятельно, а являлись только инструментом французского влияния в Европе. Благодаря приросту территорий, населения и сельскохозяйственного производства Речь Посполитая могла достичь размеров и военной мощи, опасных для соседних стран»³.

Такие же аргументы Бацко находит для оправдания русской политики в отношении Швеции, которая «на протяжении столетий была верным союзником Франции на севере Европы и вечной сценой для французских интриг и коррупции»⁴. Как и в случае с Польшей, автор приводит многочисленные примеры шведской экспансии в отношении исконно русских земель. Подчеркивая на этом фоне безудержной агрессивности прагматичность русской внешней политики, Бацко старался подвести читателя к мысли, что лишь необходимость получить для России отрезанной от морского побережья выход к торговым гаваням на Балтийском море заставила Петра Великого после долгих переговоров взяться за оружие. «И как сегодня армия Напо-

¹ *Baczko L.F. von.* Op. cit. S. 22.

² *Ibid.* S. 26–28.

³ *Ibid.* S. 30–31.

⁴ *Ibid.* S.37.

леона, в свое время шведская армия также была уничтожена в России»¹ — заключает автор.

И, наконец, третьей страной «восточного барьера», который на протяжении нескольких столетий Франция выстраивала вокруг России, чтобы не допустить последнюю в Европу, являлась Турция. По мнению Бацко, Османская империя была не только агрессивна в отношении России, но и очень опасна для самой Европы, и «все монархи, все народы Европы, за исключением французов, чувствовали это». Далее автор переносит на Турцию все те негативные эпитеты и мифологемы, которые Малле дю Пан использовал в отношении России, и создает образ «турецкой угрозы» Европе. Он подчеркивает варварство, деспотизм и агрессивность турок, то есть выделяет именно те черты, которые до последнего времени прочно связывались с Россией: «Эта ужасная система деспотизма, соединенная со страшным религиозным фанатизмом турок, не только опасна для остального человечества, но и препятствует формированию человеческого духа, поэтому не удивительно, что и сами турки в целом должны вызывать ненависть у других народов»².

Далее Бацко опять переходит к противопоставлению русской и французской политики в отношении Османской империи: если Франция всегда использовала турок в своих целях, то Россия, наоборот, все время стояла на страже безопасности континента и стремилась «ограничить действия этих врагов человеческого рода и выдворить их из Европы. Поэтому каждый друг человечества должен с благодарностью принимать эти усилия России»³. Таким образом, он логически подводит читателя к оправданию войн, которые почти непрерывно вела Россия с Турцией на протяжении XVIII в.: «И кто не был бы рад тому, если бы Россия, которая когда-то была защитным валом Европы против монголов, снова стала бы ее защитой от турок и обеспечила бы людям, которые томятся под игом деспотизма, защиту законности, безопасности личности и собственности, а также искусства и науки там, где они блистали когда-то во всем изобилии, а теперь прозябают? Следовательно, войны России против турок были справедливы и заслуживают одобрения человечества»⁴.

¹ Ibid. S. 36.

² Ibid. S. 39.

³ Ibid. S. 41.

⁴ Ibid. S. 46.

Наконец, доказав благотворность российской внешней политики для Европы, которая всегда подвергалась клевете и шельмованию со стороны французских дипломатов и журналистов, Бацко переходит к непосредственному сравнению двух народов. Он упрекает французов в том, что они сознательно на протяжении столетия формировали в общественном мнении Европы миф о «русских варварах»: «Так на вашем современном языке называются люди, которые имеют уважение к Богу, добродетели и справедливости, которые не преклоняют свои колена перед идолом и не приносят своих детей в жертву молоху»¹. Бацко дает резкую отповедь «высокомерной нации», берущей на себя смелость судить другие народы за то, что они имеют «собственное лицо» и не похожи на «надменных развращенных галлов». Тем самым он отстаивает право русских на самобытность, которая не должна противопоставляться их роли ведущей европейской державы. Более того, он утверждает, что подлинными варварами являются сами французы с их атеизмом, анархией и революциями, развратившие континент своим деспотизмом, безнравственностью и бесстыдством.

И заканчивает свое сочинение автор обращением к гражданам Пруссии, предлагая сравнить двух императоров, Наполеона и Александра, исходя из их поступков, отбросив все предубеждения, внушенные им французской пропагандой: «Наполеон, облаканный счастьем, овладевает прусским государством, угоняет воевать половину прусских подданных и захватывает, глумясь, родовое гнездо прусского короля. Александр абсолютно бескорыстно предоставил в помощь немецкому государству целую армию, чтобы защищать его от могущественного завоевателя. Император Александр не жалея себя, вступил в борьбу за свободу Германии, против разрушителей этой свободы — Франции и Наполеона. Немцы, вы навсегда покроете себя позором за черную неблагодарность, если не признаете великие заслуги правителей России перед Германией!»². Таким образом, Бацко, следуя своему сравнительному методу, противопоставляет две модели ведения внешней политики: старой, циничной и эгоистической, связанной с Наполеоном, и новой, основанной на началах нравственности и гуманизма, продемонстрированной народам Европы Александром.

¹ *Baczko L.F. von.* Op. cit. S. 66ff.

² *Ibid.* S. 172.

4.3. Священный союз и перспективы «вечного мира». Либеральный взгляд на «Русский вопрос»: *Вильгельм Траугот Круг (1816–1817)*

Итак, окончательная победа над Наполеоном поставила вопрос о новом послевоенном устройстве Европы. Идея общеевропейского мира неизбежно должна была стать конструирующим принципом будущей международной системы континента. Александр I откликнулся на этот запрос времени актом о Священном союзе. Высказанная в начале XVIII в. аббатом Сен-Пьером идея «вечного мира» была очень привлекательна для Александра и большинства его современников еще и тем, что в европейском сознании она была связана с политикой такого популярного монарха, как Генрих IV и с его министром герцогом Сюлли. В свое время Генрих IV обдумывал и даже пытался воплотить в жизнь проект Христианской республики, которая должна была объединить европейские монархии, как противовес австрийскому господству в Европе. Идеи религиозной терпимости и утверждение единства христианской веры противостояли в то время губительной практике религиозных войн. Для Александра I, который в мирной Европе претендовал на ту же роль, что Наполеон играл в ситуации войны, и стремился стать, по выражению Карамзина, «гением покоя», важен был исторический прецедент. Поэтому фигура Генриха IV, самого популярного и миролюбивого монарха Франции, была для русского императора актуальной и весьма привлекательной. Кроме того, было очень важно, что в Европе традиционно с личностью Генриха IV связывались идеи соединения политики и морали, в то время как с Наполеоном в обновленном политическом дискурсе ассоциировались принципы макиавеллизма.

Проект Священного союза был написан российским императором, и после внесения австрийской стороной некоторых поправок, 14 (26) сентября 1815 г. его окончательный вариант был подписан в Париже монархами Австрии, Пруссии и России «во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы». Акт союза объяснял, кто и как будет поддерживать в Европе новый порядок, установленный Заключительным актом Венского конгресса. А «Пресвятая и Нераздельная Троица» должна была символизировать альянс между тремя конфессиями христианской церкви: православием (Россия), протестантизмом (Пруссия) и католицизмом (Австрия). В преамбуле Франц I, Фридрих-Вильгельм III и Александр I, признавая защиту Божественным Провидением своих государств во

время наполеоновского нашествия и следуя «внутреннему убеждению», выражали «непоколебимую решимость» руководствоваться в своей внутренней и внешней политике «заповедями святой веры» — «любви, правды и мира»¹.

Хотя ключевым в этом тексте являлось слово «мир», для большинства современников Александра использованная им риторика, вполне естественная для христианской проповеди, оказалась абсолютно непривычна для политического языка той эпохи. И лишь через некоторое время пришло понимание того, что речь идет о полном переосмыслении системы международных отношений с позиций христианской морали и просветительских идей о «вечном мире». За спиной остался горький опыт разочарований: годы международной политики, основанной на эгоизме и откровенном цинизме, приведшей Европу к полному краху. Не удивительно, что многим современникам Александра представлялось вполне естественным попробовать построить политические отношения на простых и всем понятных принципах христианской морали. Многие немецкие интеллектуалы вне зависимости от своих политических взглядов увидели в акте Священного союза возможное воплощение собственных, часто во многом утопических надежд, связанных не только с установлением «вечного мира», но и более справедливым и гармоничным устройством европейского общества вообще.

Одним из них был Вильгельм Траугот Круг^[17], профессор философии, преемник Канта на кафедре университета Кенигсберга, сторонник конституционного либерализма. Будучи ревнителем просвещения и гражданских свобод, Круг своими многочисленными выступлениями по разным значимым поводам приобрел большое влияние на общественное мнение не только в Пруссии, но и в остальной Германии. В 1816 г. он опубликовал брошюру с длинным названием «Священный альянс или памятник заключенному между Австрией, Пруссией и Россией братскому Союзу. Международное значение Священного союза и его вероятных последствий»². В ней он дает свою трактовку Священного союза и тех последствий для Европы, которые могут быть с ним связаны. При этом он был подчеркнуто нейтрален и даже безразличен не только к российско-

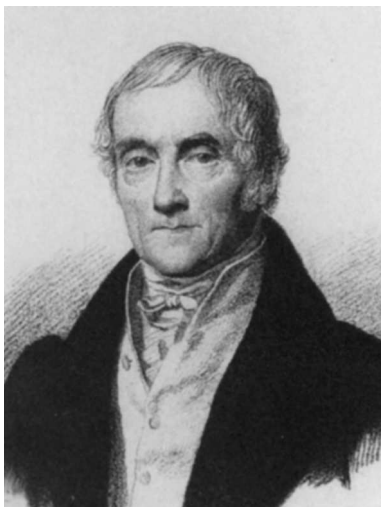
¹ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Рос. министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801–1815 гг. М., 1972. Т. VIII. Д. 231. С. 518.

² *Krug W.T. La Sainte Alliance oder Denkmal des von Österreich, Preußen und Rußland geschlossenen heiligen Bundes. Weltbürgerliche Betrachtungen über den heiligen Bund und dessen wahrscheinliche Folgen.* Leipzig: bei H. U. Köchly, 1816.

му императору, который считался автором и инициатором этого важнейшего международного документа, но и к монархам Австрии и Пруссии. Круг ни разу не назвал их по именам, и, более того, он многократно подчеркивал, что «для нас совершенно не важно, кому из высоких союзников пришла идея такого альянса»¹.

В своем анализе текста Священного союза Круг выделяет две составляющие, на которых он базируется: общехристианскую мораль и просветительскую идею «вечного мира». При этом ученый подчеркивает, что благодаря этому акту впервые христианский «принцип добра, который уже давно был провозглашен в церквях и школах, но мало уважался при дворах и в ратушах», стал фактором внешней политики, признанным также и «сильными мира сего»². Говоря о религиозной составляющей, Круг отмечает, что отныне политика должна руководствоваться не только принципами общепринятой морали, но также и моралью христианской: «Три сиятельных союзника категорически заявляют, что наставления нашей святой религии, а именно ее предписания справедливости, христианской любви и мира, которые издавна были применимы только в частной жизни, должны также иметь непосредственное влияние на решения правителей и руководить всеми их шагами»³.

Кроме того, он обращает внимание на то, что ни разу не называемый им инициатор Священного союза предлагает строить внутриполитические и внешнеполитические отношения на одних и тех же христианских принципах, что воспринимается Кругом как большое новаторство. Для просветительской мысли было харак-

Вильгельм Траугот Круг (1770–1842) — немецкий философ и писатель, профессор Кенигсбергского и Лейпцигского университетов.

¹ Ibid. S. 24.

² Ibid. S. 21.

³ Ibid. S. 27.

терно противопоставление внутренней политики, основанной на идее общественного договора, и внешней, в основе которой лежало естественное право. Идее общественного договора в акте Священного союза противопоставляются семейные отношения, основанные на любви. Поэтому сама уже идея любви делает излишним любой договор между членами общества. Соответственно и во внешней политике монархи должны руководствоваться не принципами эгоизма, а братскими отношениями, связывающими членов родственных семей. «Они объявляют себя самих братьями и земляками, — пишет Круг о трех монархах-союзниках, — отцами семейств для своих подданных и армий, уполномоченными самим Проведением, чтобы править тремя ветвями единой семьи при господстве небесного суверена, которому единственно принадлежит высшая власть, так как в нем воплощаются все сокровища любви, науки и мудрости»¹.

Далее Круг переходит к более практическим вещам, а именно к последствиям установленного благодаря Священному союзу нового миропорядка во внешней и внутренней политике европейских государств. Что касается внешней политики, то он допускает, что большинство европейских государей присоединятся к союзу, за исключением Турции, Ватикана и Англии. Именно взаимоотношениям с этими тремя государствами Круг посвящает свой анализ дальнейшего развития международной ситуации. Тут он следует за вновь возродившимся антиосманским трендом во внешнеполитическом дискурсе, предлагая окончательно вытеснить Турцию совместными усилиями из Европы, как страну нехристианскую, а, следовательно, варварскую, деспотическую и агрессивную. Затем в свете отмены континентальной блокады и рухнувшего немецкого рынка, не выдержавшего конкуренции с натиском более качественных английских товаров, он вспоминает старый тезис об английском «торговом деспотизме», распространившемся во французской публицистике почти одновременно с идеей «русской угрозы», и предлагает Священному союзу положить конец господству Англии в области «морской торговли». Что же касается Ватикана, то Круг предлагает просто оставить его в покое, потому что «рост влияния общественного мнения в Европе навсегда положил конец монопольному господству церкви над совестью»².

¹ *Krug W.T.* Op. cit. S. 27—28.

² *Ibid.* S. 47.

Далее, мы можем наблюдать, как туманная формула Священного союза, превратившаяся через десять лет в воплощение политической реакции, на начальной стадии своего существования наполнялась самым разнообразным смыслом, в зависимости от взглядов и надежд современников. Так, например, Вильгельм Траугот Круг, будучи сторонником гражданских свобод и конституционного правления, говоря о последствиях Священного союза для внутреннего устройства европейских государств, видит в нем воплощение либеральной идеи, которая, наконец, должна прийти на смену правлению тиранов и деспотов: «Всякий тиран должен осознать, что не власть правителей, а власть либеральных идей, которые он так сильно презирал, господствует над всеми. И какая идея была бы более либеральной в высшем смысле этого слова, чем высказанная идея Священного союза всех христианских правителей и народов?»¹. Он полагает, что дух христианства, «который основатели святого союза очень удачно обозначают как дух справедливости, любви и мира», должен распространиться и на политическое устройство европейских государств и искоренить деспотическую форму правления. «Правители, воодушевленные этим христианским духом, — пишет он, — ни в коем случае не могут одобрять деспотизм, за какой бы изощренной формой политического лицемерия он не скрывался. Они без сомнения дадут своим народам подлинно правовое устройство, то есть либеральные конституции, к чему уже готовы или приступили к их разработке многие христианские государи и без содействия союза»². Кроме того, Круг считал, что, начав с конституции, монархи должны будут также законодательно закрепить все «естественные права людей», к которым он относил свободу слова, свободу вероисповедания и свободу торговли, а также, по его мнению, следовало упразднить тайную полицию.

И, наконец, в заключение Круг рисует прекрасную и одновременно утопическую картину будущей Европы, благоденствующей под сенью дарованного ей Священным союзом «вечного мира»: «Территориальные границы государств Священного союза будут свято уважаться, а какие-либо изменения пограничных линий, если они вдруг станут возможны, должны проходить с учетом прав всех заинтересованных сторон. При этом они должны осуществляться только путем мирных соглашений, а не с помощью меча. Так называемое “право завоевателя” должно быть заменено предписанием

¹ Ibid. S. 30.

² Ibid. S. 41.

ми справедливости, любви и мира, на основе которых Священный союз будет полностью связан общепринятым кодексом международного права. В результате союзные государства, по крайней мере, между собой, больше не будут иметь поводов для ведения войны, а следовательно, они навсегда избавятся от необходимости содержать многочисленные и дорогие постоянные армии»¹.

Как уже отмечалось выше, этот полный оптимизма текст, посвященный политическому альянсу трех монархов, стремящихся взять под контроль всю Европу, довольно удивителен для либерала, который очень скоро разочаруется и в России, и в Священном союзе. Но тем не менее он подтверждает простую истину, что в этот период Россия и все с ней связанное служили для немцев зеркалом, в котором они стремились увидеть воплощение своих мечтаний и надежд, хотя эти мечты и надежды часто были абсолютно противоположны друг другу. Например, в следующем 1817 г. в Гамбурге вышла анонимная брошюра «Рассуждения о Священном союзе, особенно в сравнении с аналогичными событиями XVI столетия»². Ее автор увидел в этом расплывчатом международном акте продолжение религиозной Реформации, а в Александре — воплощение Лютера. По его мнению, подписание этого документа будет иметь те же последствия для народов Европы, что и вывешенные Лютером тезисы^[18] на двери Замковой церкви в Виттенберге 31 октября 1517 г. Как Реформация Лютера очистила от пороков духовную сферу жизни людей, так Священный союз должен реформировать политическую сферу жизни общества, привнес в нее христианскую мораль, свободу и справедливость, то есть распространить Реформацию Лютера дальше на государственное устройство и все области человеческих отношений. Зато Гете, наблюдая за Венским конгрессом в 1815 г. в одной из своих эпиграмм из собрания «Коротких ксений»^[19] высказался гораздо реалистичнее и резче: «Вы будете долго голосовать и болтать. Наконец, мы снова увидим казаков. Они освободили нас от тирана. Они, пожалуй, освободят нас от свободы тоже»³.

¹ Ibid. S. 41–42.

² [Anonym.] Betrachtungen über das heilige Bündnis, besonders im Vergleich mit ähnlichen Ereignissen des 16. Jahrhunderts. Hamburg: bei Hoffmann und Campe, 1816.

³ Goethe W. Zahme Xenien // Wolfgang Goethe. Sämtliche Werke in 18 Bänden. Leipzig: Verlag von Th. Knaur, 1900–1934. Bd. 2. S. 397.

Примечания к Главе IV

- [1] Баронесса Юлиана фон Крюденер, урожденная Фитингоф (1764—1824) — немецкая писательница, писавшая по-французски, снискавшая своими нравоучительными романами большую популярность в Европе, проповедница мистического христианства, в течение нескольких лет имевшая огромное влияние на императора Александра I.
- [2] Иоганн Генрих Юнг-Штилинг (Johann Heinrich Jung-Stilling, (1740—1817) — немецкий писатель, мистик и теософ, врач по образованию. Наряду с Эккартсгаузенем был главным авторитетом для русских мистиков начала XIX в. Сопоставляя текущие события, связанные с Французской революцией и последующей экспансией Наполеона, с библейскими пророчествами, он увидел в них апокалиптическое исполнение последних и счел себя призванным к борьбе с силами Антихриста, воплощением которого был объявлен французский император. В 1806 г. в Карлсруэ при дворе маркграфа Карла Фридриха Баденского, покровительствовавшего Юнг-Штилингу, состоялась его встреча с Александром I, навещавшим семью жены, императрицы Елизаветы Алексеевны, урожденной принцессы Луизы Марии Августы Баденской. Эта встреча произвела на Александра очень благоприятное впечатление. После нее главное сочинение Юнг-Штилинга «Тоска по отчизне» было переведено на русский язык и полностью опубликовано в России в 1818 г.
- [3] Франц Ксавер фон Баадер (Franz Xaver von Baader, 1765—1841) — немецкий философ и теолог, представитель философского романтизма. Выход из общественных противоречий своего времени видел в создании универсальной христианской религии, преодолевающей расхождения между конфессиями, отсюда интерес Баадера к России и Православию. Состоял в переписке с будущим графом С.С. Уваровом и князем А.Н. Голицыным, неоднократно пытался вступить в переписку и с Александром I. Оказал влияние на славянофильство, позже на Владимира Соловьева и Николая Бердяева.
- [4] 24 февраля 1812 г. в военный союз с Наполеоном вступила Пруссия, а 14 марта — Австрия. На момент начала русско-французской войны 1812 г. многие германские государства были формальными союзниками Наполеона: Пруссия, Австрия, Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония, созданная Наполеоном Вестфалия (во главе которой он поставил своего брата Жерома) и другие, их военные подразделения входили в состав французской армии.
- [5] Фридрих Эберхард Рамбах (1767—1826) — профессор, декан философского факультета и ректор Императорского Дерптского университета в 1814—1816 гг. Занимал профессорские должности в университете Галле и в Берлинской академии изящных искусств. В 1803 г. был приглашен возглавить кафедру камеральных и финансовых наук и торговли в Дерптском университете. Помимо преподавания занимался литературной и публицистической деятельностью под псевдонимом Ottokar Sturm. Был автором и издателем политических журналов «Berliner Archiv der Zeit» и «Jahrbücher der preußischen Monarchie». В 1812 г. в начале июня по Высочайшему повелению был вызван в Вильно, в главный штаб действующей армии, для учреждения и управления полевой типографией, в которой должна была издаваться фронтовая газета «Россиянин».

- [6] Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813) — русский публицист, филолог, поэт. С 1802 г. учился в Геттингенском университете. В 1806 г. защитил в Геттингене диссертацию «Об освобождении крепостных в России». Осенью 1811 г. был избран профессором русского языка и словесности Дерптского университета. В 1812 г. Кайсаров поступил на военную службу. Служил в походной типографии при Генеральном штабе армии, выпускавшей листовки и воззвания к местному населению и солдатам наполеоновской армии, а также газету «Россиянин» на русском и немецком языках. Типография, в организации и деятельности которой Кайсаров принимал активное участие, стала одним из центров политической публицистики 1812 г.
- [7] Филипп Осипович Паулуччи (Filippo Paulucci, 1779–1849) — маркиз, генерал русской и сардинской армий, дипломат, Лифляндский, Курляндский, Эстляндский и Псковский генерал-губернатор, губернатор Генуи. В 1807 г. был принят на службу в русскую армию в чине полковника и зачислен в Свиту Императорского Величества по квартирмейстерской части. 17(29) октября 1812 г. сменил генерала Эссена на посту Рижского военного губернатора и командира отдельного корпуса, став одновременно Лифляндским и Курляндским генерал-губернатором. Руководил боевыми действиями на Рижском направлении, против французского корпуса генерала Макдональда. Вступил в тайные переговоры с командиром прусского корпуса генералом Йорком, результатом чего стало подписание Таурогентской конвенции и прекращение корпусом военных действий против России. С 8(20) декабря руководил преследованием остатков французских войск и 15(27) декабря взял Мемель. 25 декабря 1812 (6 января 1813) г. награжден орденом Святого Александра Невского.
- [8] Максимильен де Бетюн, носивший титулы барона Рони и герцога Сюлли (duc de Sully, 1560–1641) — глава французского правительства при короле Генрихе IV, считается автором идеи «Великого проекта» как средства предотвращения европейских войн. Сюлли, предложил Генриху IV план создания «христианской республики» — конфедерации христианских народов Европы. Этот план изложен в последнем томе его мемуаров (1634).
- [9] Шарль-Ирене Кастель, аббат Сен-Пьер (Charles-Irénée Castel, abbé de Saint-Pierre, 1658–1743) — известный французский публицист, один из виднейших поборников идеи вечного мира, автор знаменитого труда «Проект установления вечного мира в Европе», представленного Утрехтскому конгрессу (1713).
- [10] Иммануил Кант (Immanuel Kant, 1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, автор сочинения «К вечному миру» (1745).
- [11] Уильям Пенн (William Penn, 1644–1718) — один из отцов-основателей государственности США и его первой столицы — Филадельфии («города братской любви»). Будучи квакером-пацифистом, убежденным противником войн, проповедником веротерпимости и ненасилия, он основал в качестве «убежища для свободомыслящих европейцев» колонию, которую назвали — Пенсильвания.
- [12] Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (August Friedrich Ferdinand von Kotzebue, 1761–23 1819) — немецкий драматург и романист, литературный агент на русской службе в Остзейском крае и Германии, вместе с Гарлибом Меркелем издавал в Берлине ряд газет прорусской направленности.

Будучи непопулярным человеком в Германии и подозреваемым в шпионаже в пользу России, был заколот студентом Карлом Людвигом Зандом в Мангейме 23 февраля 1819 г.

- [13] Людвиг Уланд (Ludwig Uhland, 1787–1862) — немецкий поэт, крупнейший представитель так называемой «швабской школы» — группы поздних немецких романтиков, ученый, юрист и общественный деятель.
- [14] Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф (Annette von Droste-Hülshoff, 1797–1848) — немецкая поэтесса и новеллистка.
- [15] Вильгельм Бутте (Wilhelm Butte, 1772–1833) — публицист, политический мыслитель, профессор статистики и политических наук Берлинского и Кельнского университетов, тайный советник правительства Прусского королевства.
- [16] Людвиг Франц Адольф Йозеф фон Базcko (Ludwig Franz Adolf Josef von Baczko, 1756 –1823) — известный прусский историк, писатель и издатель.
- [17] Вильгельм Траугот фон Круг (Wilhelm Traugott Krug, 1770–1842), известный немецкий философ и писатель, профессор философии университетов Кенигсберга и Лейпцига.
- [18] 95 тезисов (Диспут доктора Мартина Лютера, касающийся покаяния и индульгенций) — документ, написанный Мартином Лютером с изложением критики богословия католицизма, в котором утверждал, что господствующая религиозная доктрина губит веру. От этого документа отсчитывается начало Реформации и история протестантизма.
- [19] Заглавие XIII книги эпиграмм Марциала, заключавших в себе похвалу или порицание подарков гостям. В подражание Марциалу Гете и Шиллер также назвали свое собрание дистихов, появившихся впервые в журнале «*Musen Almanach für 1797*» и представлявших собой едкие эпиграммы на современные им события политической, литературной и светской жизни.

ГЛАВА V

ОТ НАДЕЖД К РАЗОЧАРОВАНИЯМ. «Русский вопрос» в период Реставрации (1817–1822)

- 5.1. Время разочарований и политического радикализма.
 Либерально-ретроспективный взгляд на «Русский вопрос»:
 Карл фон Роттек (1817–1819)

Последовавший за установлением Священного союза период был для немцев также противоречив и полон разочарований. Вслед за эйфорией 1815 г. в Германии разразился сильнейший экономический кризис. Несколько неурожайных лет вызывали голод в большинстве немецких земель, пик которого пришелся на 1817 г. Слабость производственных отраслей экономики, которым после окончания континентальной блокады пришлось столкнуться с конкуренцией английских товаров, спровоцировала кризис торговли. Первые последствия локальной мобильности сельских жителей после отмены крепостного права проявились в виде массовой эмиграции в Америку и в усилении притока населения из восточных областей. Среди этих переселенцев было много евреев. Возрастание их роли в жизни общества в результате правовой эмансипации и культурной ассимиляции также вызвало определенную тревогу и недовольство немецкого населения. Не в последнюю очередь этим была обеспокоена университетская молодежь, неожиданно встретившая сильных конкурентов в лице еврейских студентов.

Все эти явления способствовали экономическому и социальному расслоению, а также повсеместному разорению представителей среднего и низших сословий. Как и любой поворотный момент истории, возникшая кризисная ситуация сопровождалась нарастанием негативных настроений, распространением фобий и мас-

«Пирог королей» – карикатура на Венский конгресс, 1815 г.

совых психозов в различных слоях общества. В обстановке поиска «виноватых» начали оживать старые антирусские стереотипы. Побежденная Франция больше не представляла угрозы. Недовольство разочарованного, обманутого в своих надеждах населения, частично – по традиции было обращено против немецких евреев, частично – против местных правящих династий, а также против России, поддерживавшей установленный в Германском союзе порядок. Ей не могли простить ни военного превосходства, ни вмешательства в германские дела. Как с прискорбием свидетельствовал в своих отчетах русскому правительству известный немецкий драматург и с 1817 г. литературный корреспондент Министерства по делам образования и религии Август фон Коцебу, с 1815 г. немцы «утратили чувство благодарности к своим освободителям от французского рабства, обвиняя Россию во всех грехах»¹.

¹ [Kotzebue A. v.] Freimütig-patriotische Beobachtungen über die gegenwärtigen öffentlichen Angelegenheiten in Deutschland / / Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue, in 6 Bde., Weimar: In der Buchhandlung der Gebrüder Hoffmann. 1817–1819. Bd. 3. N 4, Januar 1819. S. 32.

Уже осенью 1813 г., вскоре после Лейпцигской «битвы народов», окончательно предрешившей судьбу Наполеона, в немецкой региональной печати наряду с благодарственными одами в адрес русской армии, как «освободительницы от французской тирании», появляются жалобы местного населения на неизбежные тяготы и повинности, связанные со снабжением войск, которые приводили «всех городских и сельских жителей в немалое смущение». Так, например, популярный ежемесячный журнал «Шлезвигские провинциальные листки», выходивший в 1785—1849 г., опубликовал серию посланий из окрестных городов, в одном из которых, от 23 декабря 1813 г., от имени председателя центрального образовательного совета Нюрнберга Теодора Нитмахера сообщалось о непосильном бремени, которое нес магистрат, оплачивая постой союзных войск: «Цена расквартирования в трактирах для одного русского составляет 1 флорин 12 крон, для австрийца — 52 кроны, для баварца — 36 крон, для баварского рекрута — 24 кроны. При этом один француз нам обходился в 48 крон. Помимо того, постой одного русского стоит нам в три раза дороже, чем баварского рекрута, благодаря трем проявлениям его натуры: 1) кражам, 2) обилию вшей, 3) ужасным попойкам с водкой»¹.

С 1814 г., помимо воспоминаний немецких офицеров о «братстве по оружию» с русскими, проявившемся во время освободительной войны, в печати начинают появляться свидетельства французских офицеров о «русском походе» 1812 г., в частности отрывки из дневников некоего Жозефа Лабоме о пожаре в Москве и жестокости казаков, проявленной ими во время отхода Великой армии за Неман². Кроме того, в развитие негативного образа бывших союзников, несмотря на то, что русские подразделения давно покинули Германию, в 1815 г. в печати по случаю различных «годовщин» повсеместно публикуются воспоминания немецких обывателей с многочисленными жалобами на притеснения со стороны русских, которые они испытывали год назад. Так, например, те же «Шлезвигские провинциальные листки», ретроспективно возвращаясь к январским дням 1814 г., когда «шведы, казаки и русско-

¹ Seydel H. Nachrichten über vaterländische Flugzeugen // Schlesische Provinzialblätter / Hrsg. von Karl Konrad Streit und Friedrich A. Zimmermann. 58. Band, 12. Stück. Breslau: Verlag Wilhelm Gottlieb Korn, 1813. S. 498.

² Labeaume J. Wer hat Moskwa angezündet? // Minerva. 4. Band. Für das Jahr 1814. S. 254—298; Labeaume J. Der Rückzug aus Moskwa // Erinnerungsblätter für gebildete Leser aus allen Ständen. Jahrgang 1815. Zwickau, 1815. S. 92—96, 105—110, 120—125, 138—143, 153—159, 171—176, 254—256, 268—271, 348—352, 348—352, 442—448.

немецкий легион с трех сторон стояли в четверти мили от Шлез-виг», туманно намекали на творившиеся вокруг «зверства», так как «каждый день из окрестностей в город просачивались новые ужасные сообщения о поведении некоторых из этих отрядов»¹. На фоне неоднозначной оценки русских союзников все чаще в региональной либеральной прессе, свободной от давления из центра, в ретроспективных картинах недавней освободительной войны, создавался амбивалентный образ немца: с одной стороны — героя, который спас Германию от французского «ига», с другой — жертвы притеснений со стороны очередной оккупационной армии. При этом в ход шли различные спекуляции, отражавшие нарастающее разочарование немецких патриотов политикой России после разгрома Великой армии Наполеона. В результате уже в 1814 г., при сохранении многообразия мнений в германской прессе, у немецкого обывателя начинало складываться впечатление, что «великие чувства между русскими и германцами не получили дальнейшего подкрепления, а потому не смогли содействовать формированию новых отношений»². Старые предубеждения постепенно разжигали недоверие между теми, кого еще совсем недавно «объединяло время нужды, из которого они вышли сильными и великими»³.

Если восприятие России в обывательской среде, судя по свидетельствам прессы, начало меняться к концу 1814 г., то перемены в настроениях германских патриотов произошли чуть раньше, и главным выразителем их стал Эрнст Мориц Арндт. Во время войны на территории России он не раз утверждал в своих сочинениях, что император Александр бескорыстен в своем желании освободить Германию. Однако вскоре после ее освобождения русскими благодарность сменяется подозрительностью, и уже весной 1814 г., наблюдая военное и политическое усиление России на фоне ее союзников, Арндт высказывает пока еще туманные опасения, что «Европе во все времена грозила с Востока такая опасность, которая никогда не могла прийти с Запада. И вот сегодня с Востока опять на нее наступают государства с миллионными народами, неся с собой все нынешние и будущие опасности»⁴.

¹ [Anonym.] Der Flugzeug von 1814 // Schlesische Provinzialblätter. 61. Band, 5. Stück. S. 291.

² Luden H. Deutschland im Jahre 1814 // Nemesis. Zeitschrift für Politik und Geschichte / Hrsg. von Heinrich Luden. 3. Band, 1. Stück, Weimar: Friedrich Justin Bertuch Verlag, 1814. S. 6.

³ Ibid. S. 7.

⁴ Arndt E.M. Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Grenze / Hrsg. von Wildberg E. Dresden: Carl Reißner Verlag, 1814. S. 59.

Примерно к середине 1815 г. аналогичная метаморфоза происходит во всей немецкой либеральной публицистике. Примером трансформации восприятия России в этот период могут служить вступительная и итоговая статьи за 1814 и 1815 гг. одного из старейших и уважаемых изданий Германии — ежемесячного историко-политического журнала «Минерва», издававшегося в Гамбурге и Лейпциге либеральным публицистом Фридрихом Александром Браном^[1]. Его первый том за 1814 г. открывался большой редакционной статьей «Европа в начале 1814 года». Пытаясь развеять опасения немцев, которые отовсюду жаловались, что «внезапно толпы казаков, горцев, башкир, калмыков, а также русская императорская гвардия в сопровождении хазарской конницы, затопили германские земли»¹, ее анонимный автор уверял, что «никто не должен бояться России. Она мирно идет навстречу своему предназначению, а ее политика соблюдает интересы европейских держав, так как она сама является частью Европейской Лиги наций»². Более того, видя в русском императоре гаранта нового европейского устройства, он подчеркивал, что «Россия является несущей колонной обновленной системы европейских государств, на которую можно опереться в полной уверенности, что пока благородный дух и основные принципы Александра будут преобладать в политике этого государства, ничто не угрожает спокойствию и безопасности других народов»³.

Однако уже через полтора года в 1815 г. мы можем наблюдать довольно быстрый переход от надежд к разочарованиям и страхам, связанным с русским присутствием в Европе, хотя войска России, как отмечалось, уже давно покинули земли Германии. В итоговой статье «Отношения европейских государств к концу 1815 года», посвященной в основном анализу решений Венского конгресса, автор, реанимируя плохо забытые аргументы доказательства «русской угрозы», в частности, писал: «Россия, бесспорно, является самым могущественным государством на суше, и, присоединив Финляндию, герцогство Варшавское и пограничные районы Турции, она сделала самые большие приобретения среди всех европейских держав. Несомненно, что ее перевес в области физической силы, как и ее постоянное расширение,

¹ [Anonym.] Europa zu Anfange des Jahres 1814 // Minerva. Ein Journal historischen und politischen Inhalts. Erster Band. Für das Jahr 1814. Jan. — März. Leipzig: In der Expedition der Minerva, 1814. S. 106.

² Ibid. S. 108.

³ Ibid. S. 109.

очень скоро приведут к неизбежным трениям ее у восточных и западных границ»¹.

После окончания войны с Францией и вывода союзнических армий с германских территорий, умы немецких интеллектуалов все больше были заняты вопросами будущего Германии, ее новых границ и положения внутри европейской системы. Европе предстояли мирные конгрессы, на которых державы-победительницы должны были вновь перекраивать границы континента. В этих условиях немецкие патриоты, в том числе и Арндт, опять начинают борьбу за отстаивание интересов своего отечества, подвергая критике всех, кто, по их мнению, может им помешать. В качестве приоритетных направлений они видели необходимость политического усиления Германии на фоне максимального ослабления ее извечного конкурента — Франции. Так, например, Арндт в конце 1813 г., за полгода до подписания первого Парижского мира в мае 1814 г., публикует одну из самых известных своих брошюр «Рейн, немецкая река, но не граница Германии»², в которой обосновывает притязания последней на Эльзас и Лотарингию с помощью популярной тогда теории о границах распространения национального языка как о «естественных границах» между народами. Арндт призывает союзников сделать конструктивным принципом при определении послевоенных границ национальный язык, создав тем самым новую Великую Германию, объединяющую в себе обширные территории в центре Европы, включая «хребты Вогезов»^[2]. Эта идея получила широкое распространение среди немецких патриотов. В то же самое время, что и Арндт, популярная газета «Немецкие листки» также бурно протестовала против возможного усиления Франции. Автор ее передовой статьи «Чем были германцы и чем они должны стать вновь?» от 9 июля 1814 г. требовал немедленного возврата всех областей, расположенных на левом берегу Рейна, включая Эльзас и Лотарингию. Но он пошел гораздо дальше Арндта, выражая пожелание видеть Голландию, Бельгию, Швейцарию и Данию частями германской конфедерации, а также распространяя аналогичные планы на русские Остзейские провинции. Принципом объединения земель и народов вокруг Великой Германии анонимный автор традиционно считал общий язык и культуру: «Там, где немецкие семьи живут бок о бок, — от

¹ [Anonym.] Verhältnisse der Europäischen Staaten gegen Ende des Jahres 1815 // Minerva. Vierter Band, Für das Jahr 1815. Oct. — Dez. S. 480ff.

² Arndt E.M. Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlandsgrenze. Deutschland, 1813.

Эльзаса до Лифляндии, от Баварии до Шлезвига, — язык, обычай, дух народа требуют общей гражданской организации, которая распространялась бы в пределах от Финского залива и нижней Вислы вплоть до Северного или Немецкого моря. [...] В пределах этих границ господствовал бы один язык и одна политическая цель»¹.

Помимо увеличения внешних[границ, перед немецкими патриотами также стоял вопрос о внутреннем переделе земель между отдельными немецкими государствами. В рамках идеи создания Великой Германии еще одним сюжетом, который беспокоил Арндта в этот период, являлось стремление убедить союзников и, прежде всего, Россию в необходимости увеличить территории и влияние Пруссии, с которой он теперь связывал свои надежды на национальное возрождение, за счет ее соседей. В частности, он предлагал лишить короля Саксонии за его преданность Наполеону престола и присоединить «конфискованные» у него земли к Пруссии. Для обоснования справедливости этого требования он пишет еще одну, получившую широкую известность брошюру «О Рейнской марке Пруссии и о федеральных крепостях»², изданную в 1815 г. накануне второго Парижского мира.

Но главной темой творчества Арндта продолжало оставаться противостояние с заклятым врагом всех германцев — «галльской лисицей». И его отношение к России колебалось в соответствии с той позицией, которую она занимала в этой борьбе.

Наибольшее развитие тема противостояния с Францией нашла свое отражение в журнале «Страж»³, который Арндт издавал в Кельне в 1815—1816 гг. В его статьях образ России еще колеблется между надеждами и разочарованием. Так, с помощью политических аргументов он пытается убедить русских в том, что их борьба с Наполеоном окажется напрасной, если Франция не будет возвращена к границам 1792 г. Если этого не произойдет, писал Арндт, и она снова станет первостепенной военной державой, то новое столкновение России и Франции в будущем неизбежно⁴.

¹ [Anonym.] Was waren die Germanen und was sollen sie wieder werden? // Deutsche Blätter / Hrsg.: Brockhaus, Friedrich Arnold. Band 4, Nr. 155, 9. Juli 1814. Leipzig; Altenburg, 1814. S. 328.

² Arndt E.M. Über Preußens Rheinische Mark und über Bundesfestungen. Leipzig, 1815.

³ Der Wächter, eine Zeitschrift in zwanglosen Heften. Von E.M. Arndt. Bände 1—2. Köln, 1815; Band 3. Köln, 1816.

⁴ Arndt E.M. Wird der Herrscher der Insel Elba noch einmal Europa beherrschen? // Der Wächter. Bd. 1. S. 79.

В другой статье с длинным названием «Каждому свое, или еще одно мнение о возможных дипломатических решениях относительно восстановления наших старых границ с Францией»¹ Арндт предъявляет претензии российскому императору за стремление воспрепятствовать чрезмерному ослаблению побежденной Франции. По замыслу Александра, она должна была остаться противовесом в Европе на пути дальнейшего усиления Англии, Австрии или Пруссии. С помощью мирных трактатов 1814—1815 гг. Россия стремилась создать новый общеевропейский баланс сил, когда все крупные державы Западной Европы, имевшие противоположные интересы, уравновешивали бы свое влияние, и тем самым Россия неизбежно становилась бы ведущей геополитической и военной силой на континенте. Немецкие патриоты увидели в этом угрозу созданию мощного прусско-немецкого государства. Разочарованный позицией России, Арндт подчеркивает, что только сильная Германия в будущем сможет противостоять традиционному стремлению Франции к экспансии. И, если Россия будет препятствовать усилению Германии, став на сторону Франции, то она не только выступит против своих политических интересов, но также «забудет о своем долге благодарности по отношению к немцам, которые плечом к плечу с русскими храбро сражались и победили французов. Пренебрегая своими обязательствами, Россия роняет свою честь»². Интересно, что именно в этих выражениях, говоря о предательстве собственных интересов, нарушении обязательств перед германскими союзниками и утрате чести — «самого важного как для человека, так и для государства», Арндт в 1809 г. упрекал Александра после Тильзитского мира за отказ присоединиться к Пятой антифранцузской коалиции.

«Сто дней» Наполеона и последовавшие за ними события вновь оживили в среде немецких патриотов надежды на полное подавление Франции. После ее окончательного поражения в войне с седьмой антифранцузской коалицией в июне—июле 1815 г. и второй реставрации Бурбонов союзные державы вновь были готовы активно обсуждать проекты нового мирного договора. Российские предложения о сохранении целостности Франции в границах, определенных первым Парижским мирным договором 1814 г., умеренной денежной контрибуции и небольшом сроке

¹ *Arndt E.M.* Jedem das Seine, und noch ein Wink über die möglichen diplomatischen Ansichten der Wiederherstellung unserer alten Grenzen gegen Frankreich // *Der Wächter*. Bd. 1. S. 268—302.

² *Arndt E.M.* Jedem das Seine... S. 281ff.

военной оккупации Франции, встретили сопротивление Пруссии и Австрии. Пруссия усиленно настаивала на уступке ей Эльзаса, надеясь на поддержку Александра. Но Россия, действуя в соответствии с принципом легитимизма, выступила против любых посягательств на «исконные» государственные территории Франции. После того, как Россию поддержала Англия, Пруссии пришлось уступить. В итоге Франция была возвращена в границы 1790 г. и ограничилась возвращением Пруссии небольших пограничных районов Саарлуи и Саарбрюкен.

Разочарование, которое принес второй Парижский мир, не оправдавший надежд немецких патриотов на присоединение Эльзаса и Лотарингии, было для Арндта наиболее горьким: «Кабинеты Лондона и Петербурга, — писал он в статье “Краткий обзор политического положения Франции с марта 1814 г. по июнь 1815 г.”, — так заботились о французах, как будто они были любимыми детьми Бога, а надежды добрых немцев, которые заплатили за все своей кровью, снова лопнули как пестрые мыльные пузыри»¹.

Однако проходивший с сентября 1814 г. по июнь 1815 г. Венский конгресс оживил на некоторое время надежды Арндта на положительное решение «Саксонского вопроса». Во время конгресса летом 1814 г. он перепечатал и распространил воззвание покойного фельдмаршала Кутузова «К немцам»² от 25 марта 1813 г., чтобы напомнить Александру его обещание лишить власти и земель немецких князей, выступивших на стороне Франции. Саксония, как самый последовательный союзник Наполеона, должна была «пасть первой», «став заслуженным трофеем Пруссии»³. И действительно, в этот раз российский император был полностью на стороне пруссаков. Стремясь увеличить свои владения, он предполагал создать в составе Российской империи Польское королевство, объединив все польские земли, в том числе и принадлежавшие Пруссии. В качестве компенсации Александр предлагал передать Пруссии королевство Саксонию. Этот план не устраивал Австрию, Англию и Францию. Основываясь на общих интересах, они заключили тайный союз, направленный против России и Пруссии. В итоге

¹ Arndt E.M. Kurze Übersicht der politischen Lage Frankreichs vom Monat März 1814 bis zum Monat Junius 1815. // Der Wächter. Bd. 2. S. 174.

² Aufruf des kaiserl. Russischen General-Feldmarschalls, Fürsten Kutusow Smolenskoi, an die Teutschen, vom 25. März 1813, wiedergedruckt im Juli 1814, nebst einem kurzen Vorwort. Frankfurt a. M., 1814.

³ Arndt E.M. Über Preußens Rheinische Mark... // Arndts Werke. Auswahl in 12 Teilen / Hrsg. von Leffson A., Steffens W. Berlin, Leipzig; Wien; Stuttgart, 1912. T. XI. S. 71.

было принято компромиссное решение. Саксонское королевство сохранялось на политической карте Германии, но почти половина его территории отходила к Пруссии, которая, помимо этого, получала обратно ряд своих владений, утраченных в 1806–1807 гг., район Мекленбурга, Данциг, Торн, Познань и другие — и вновь приобретала шведскую Померанию и остров Рюген. Пруссии также удалось не только вернуть свои «лоскутные» территории на западе Германии, но и значительно их увеличить за счет земель, входивших некоторое время в состав Франции. Теперь она состояла из двух территориально разобщенных частей — основной, включавшей в себя историческое ядро государства, и западной, куда входили две провинции: Рейнская область и Вестфалия.

Несмотря на территориальные приобретения, сторонники усиления Пруссии считали сохранение пусть и «урезанной» Саксонии серьезным дипломатическим поражением Александра I. Тем не менее в этот раз Арндт был вынужден признать, что Россия, в отличие от Англии и Австрии, чью политику он назвал «особенно подлой и коварной», оказалась единственным союзником Пруссии, готовым оказать ей реальную поддержку. «У всех держав, за исключением России, — с горечью констатировал Арндт во время Венского конгресса, — обнаруживается единогласное стремление препятствовать Пруссии во всех ее шагах, мешая возникновению в Германии какой-либо самостоятельной величины. Они ведут себя так, как будто мстят Пруссии за ее великую судьбу»¹.

Параллельно с разочарованием двойственной политикой России во время мирных конгрессов 1814–1815 гг., направленной на создание в Европе системы сдерживания и противовесов, в либеральной прессе продолжала развиваться, казалось, уже забытая тема «русской угрозы». На фоне присоединения к России Финляндии и герцогства Варшавского за основу новых политических конструкций был взят старый тезис французской пропаганды о расширении территорий, которое неизбежно должно привести, с одной стороны — к ослаблению России, а с другой — к новой европейской войне. Одним из первых, кто наиболее последовательно начал развивать тезис о «русской угрозе», был известный историк, профессор Йенского университета Генрих Люден^[3], издававший с 1814 г. историко-политический журнал «Немезида». Исходя из программной задачи журнала — в рамках германского

¹ *Arndt E.M. Fantasien zur Berichtigung der Urtheile über künftige teutsche Verfassungen // Der Wächter. Bd. 2. S. 280.*

конституционного дискурса содействовать развитию немецкого национального самосознания, Люден анализировал происходившие политические события. Уже в сентябре 1814 г., через четыре месяца после заключения первого Парижского мира, он публикует «Предварительные замечания к третьему тому «Немезиды», под заголовком «Знаки времени», где пытается сформулировать идею о «духе, который будет господствовать в наступающую эпоху»¹. Анализируя политическую ситуацию, сложившуюся в Европе после Венского конгресса, он, как и большинство либералов, был вынужден с прискорбием констатировать, что «прежняя вера в будущее живет еще только в юношах и мечтателях», в то время как «повсюду мы встречаем разочарование, сулящее нам принуждение и гнет»². Главным потенциальным источником «принуждения и гнета» автор считает непропорционально усилившуюся после конгресса Россию, которая «отныне прочно защищена от внешней угрозы». Главную опасность для Европы и самой России Люден, как и его французские и немецкие предшественники, видит в ее дальнейшем территориальном расширении, так как «полнота русского господства уже распространилась через все границы». Люден считал, что пока Россия колонизирует и приобщает к цивилизации более отсталые народы, она выполняет свою культуртрегерскую миссию форпоста Европы в Азии. Однако если Россия попытается распространить свое господство на «образованные народы, которые видят рабство в любом иностранном насилии, то тогда этот гигант не сможет сохранить свою целостность»³. Теперь, пишет Люден, Россия подошла к самым границам цивилизованных государств, и многие уже снова видят в ней «русского колосса, тяжело нависающего над Европой»⁴. Поэтому именно сейчас европейцам следовало бы задуматься над тем, «как новые великие победы могут повлиять на воинственный дух и обычаи русских? И как на них воздействует вид наших прекрасных земель со всеми их богатствами и наслаждениями?»⁵

Таким образом, отчетливо выраженная новая тенденция в освещении событий либеральной и, отчасти, официальной прессы, которая наметилась уже в 1814 г., получила свое продолжение

¹ *Luden H.* Die Zeichen der Zeit. Vormerkungen zum dritten Bande der Nemesis // Nemesis. 3. Band. 1814. S. 35ff

² *Ibid.* S. 40.

³ *Ibid.* S. 44.

⁴ *Ibid.* S. 46.

⁵ *Ibid.* S. 47.

и в 1815 г. Она проявилась, прежде всего, в публикациях, в которых тезис о необходимости поддержания «европейского равновесия» был тесно связан с вновь реанимированной идеей о «русской угрозе». Примером тому могут служить многочисленные статьи Генриха Людена в его журнале «Немезида» на внешнеполитические темы. Уже в 1815 г. в пространной статье «О немецком союзе» он настаивал на том, что политическое единство Германии является единственным гарантом внутреннего развития и поддержания внешнего баланса в Европе. Главными врагами Германии и сохранения политического «status quo» он объявлял Францию, так как «французы — это заклятые недруги нашего отечества», и Россию, так как «постоянный прирост территорий стал потребностью для этого государства, поэтому оно будет стремиться заполучить к Польше также и Пруссию»¹.

Итак, быстрое превращение Российской империи в ведущую политическую и военную силу на континенте на фоне растущей зависимости немецких государей от воли ее императора, при усилении общего экономического и социального недовольства содействовало дальнейшему изменению общественного мнения. Уже в 1817–1818 гг. в германской прессе развернулась новая дискуссия о внешнеполитических целях России и опасности усиления ее влияния в Европе. Ее отголоски ощущались во всех слоях немецкого общества. Весной 1816 г. Фридрих фон Генц, советник князя Клеменса фон Меттерниха, писал своему влиятельному патрону, который в то время занимал пост министра иностранных дел Австрийской империи: «Все то, что Россия могла бы достигнуть благодаря своей победе над Наполеоном, она полностью достигла к большому прискорбию остальной Европы. Помогая Бурбонам взойти на трон, император Александр тем самым заложил основу для политической системы, которая во всех случаях является самой выгодной для России, но, к сожалению, самой опасной для остальных держав»². Развивая эту же мысль, двумя годами позднее немецкий публицист швейцарского происхождения Генрих Чокке (1771–1848) писал в своей брошюре «Упадок Европы — подъем Америки» об опасности для Европы роста тесной зависимости Австрии и Пруссии от России, так как, когда «одна колоссальная

¹ *Luden H. Ueber den Teutschen Bund // Nemesis. 5. Band, 1815. S. 220.*

² *Genz an Metternich vom 15. 03.1816 // Briefe von und an Friedrich Von Gentz. Auf Veranlassung und mit Unterstützung Der Wedekind-Stiftung Zu Göttingen / Hrsg. Von Fr. C. Wittichen. 2 Bde. München und Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1909. Bd. 2. S. 251ff.*

военная сила удерживает два других мощных государства в определенной степени подчинения, ее влияние, оказываемое через них, ощущается в самых отдаленных частях Европы»¹.

В 1817–1818 гг. уже не просто раздражение, но глубокое разочарование политикой России ощущалось и в верхах, и в интеллектуальной среде, и на бытовом уровне. Это дало повод тому же Августу фон Коцебу писать о дальнейшем росте всеобщего раздражения «демонстративным военным превосходством» и «самонадеянностью» русских. В 1817 г. в своей биографии под названием «Мои различные призвания в гражданской жизни», опубликованной впервые только в 1922 г., он был вынужден признать: «Ни один беспристрастный наблюдатель не будет отрицать, что Пруссия, как и вся Германия, обязана России своим освобождением; но груз этого великого благодеяния, тяжело давит на прусскую национальную гордость. Это, к сожалению, злая дурная привычка большинства человеческих сердец, что они чувствуют некое отвращение в отношении благодетеля, которого они не могут вознаградить. Это отвращение, почти что ненависть, прусаки выражали в отношении русских при всяком удобном случае. Когда они приуменьшали значение их действий; приписывали себе счастливые успехи, самые высокие побуждения русских, гордились слишком охотно более высоким образованием, говорили пренебрежительно о характере русских, называли их невежественными и одержимыми болезненной страстью к грабегам. Если русский солдат когда-либо позволял себе самое незначительное излишество, то слухам и жалобам на это не было конца, хотя они терпеливо сносили ранее самые тяжелые притеснения французов»².

Рост экономического и политического недовольства происходил на фоне подъема национального и конституционного движений, охвативших Германию на волне победы в освободительной войне с Наполеоном. Нарождавшееся в этих условиях гражданское общество стремилось к национальному объединению, что нашло свое выражение во множестве гуманитарных инициатив, которым старались придать общегерманский характер. Так, например, благодаря деятельности Немецких обществ, организованных по предложению Эрнста Морица Арндта, годовщина Битвы народов под Лейпцигом в октябре 1814 г. впервые была отмечена как всеобщий национальный праздник, хотя основанный во время Венского кон-

¹ Zschokke H. Europas Niedergang — Amerikas Aufgang. Leipzig: bei H. U. Köchly, 1818. S. 17.

² Kotzebue von A. Meine verschiedenen Bestimmungen im bürgerlichen Leben // Jahrbuch der Sammlung Kippenberg. Bd. 2. Leipzig, 1922. S. 171–213, S. 198 f.

гресса на месте Священной Римской империи Германский союз совсем не был похож на сплоченное национальное объединение. Он состоял из 35 государств—королевств, княжеств и свободных городов. Однако он не был даже национальной конфедерацией. К членам Союза германских государств принадлежали английский король в качестве курфюрста Ганновера, датский король как герцог Гольштейна, голландский король как великий герцог Люксембурга. Король Пруссии был членом Союза, однако провинции восточной и западной Пруссии — будучи частями его королевства — не подчинялись Германскому союзу, так же как и большая часть австрийских областей. Единственным действующим органом власти Союза был Бундестаг — представительный конгресс, который заседал без приостановления его деятельности во Франкфурте-на-Майне.

Надежды на скорое создание единого национального государства и либеральные реформы не оправдались. В студенческой среде среди бывших приверженцев реформ в духе французского Просвещения разочарование сменилось оппозиционным национально-демократическим движением за обновление отечества. Организованный студентами-лютеранами 18 октября 1817 г. в Тюрингии Вартбургский праздник уже проходил под знаком национального протеста против раздробленности Германии и реставрации абсолютизма. Поводом для него послужил трехсот-летний юбилей начала Реформации и четвертая годовщина Битвы народов под Лейпцигом. Это празднество вызвало мощный отклик и послужило сигналом к началу национально-демократического оппозиционного движения. Принятые в Вартбурге «Основные принципы и решения 18 октября» представляли собой политическую программу, в которой радикально-демократические принципы сочетались с высокой степенью готовности студентов перейти к активным практическим действиям, вплоть до индивидуального террора. В следующем году в Йене был создан Общегерманский студенческий союз, ставший первой организацией, выступившей с позиций национального объединения всех немецких студентов на демократической основе. Активность этих быстро радикализирующихся движений отражала высокую степень политической напряженности, которая царила тогда в немецком обществе. Частично это напряжение вылилось в еврейские погромы, которые прошли летом 1819 г. в Вюрцбурге, Гамбурге и Франкфурте.

Примером политического пессимизма и радикализма, охватившего часть либерально настроенных немецких интеллектуалов в этот период, могут служить рассуждения о России и ее месте

Карл фон Роттек (1775–1840) — немецкий политик, историк, правовед

в европейской истории известного баденского политика и историка Карла фон Роттека^[4], опубликованные им в 5–9 томах «Всеобщей истории от начала исторического знания до нашего времени», которая выходила в свет в течение 5 лет в 1813–1818 гг.¹ Девятый том его труда, посвященный событиям 1789–1815 гг., содержал пространные размышления о «внутренней природе» России и ее внешней политике, во многом повторяющие уже, казалось, прочно забытые политические спекуляции Малле дю Пана, которые опять были взяты на вооружение либеральными интеллектуалами.

В основном его картина русской истории со всеми атрибутами вновь реанимированных представлений о русском варварстве и «русской угрозе» мало отличается от аналогичных изысканий его предшественников конца XVIII–начала XIX в. Незначительным отличием можно считать лишь то, что, если большинство немецких авторов этого периода продолжали рассматривать Россию как, пусть и отсталое, но все же европейское государство с северо-восточных окраин континента, то Роттек сразу выводил Россию за пределы Европы, причисляя ее к Азии, как это впоследствии было принято в либеральной среде в 30–40 гг. XIX в. Начальный период русской истории, а также ее развитие в Средние века, его мало интересовали из-за «духа варварства и деспотизма», который господствовал тогда в «Московии», и по причине того, что «Европа еще не знала эту страну»². Он упоминает только о призвании варягов и крещении Руси, так как видел в этом «утверждение элементов европейской цивилизации». Далее Роттек пропускает весь период татаро-монгольского ига и борьбу русских князей за его свержение, одарив вниманием только Ивана III, именуемого им Иваном I,

¹ Rotteck K. v. Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten. 9 Bde. Freiburg, 1813–1818.

² Rotteck K. v. Allgemeine Geschichte vom Anfang... Bd. 5. S. 30.

в годы правления которого русские земли были освобождены от «монгольского рабства» и объединены в некое подобие государства, которое, несмотря на все усилия, продолжало оставаться слабым. Причину слабости и отсталости русского государства он традиционно видел в «азиатском деспотизме», так как все усилия очередного правителя были направлены на укрепление собственной власти, а не на заботу о процветании страны и ее народа, который «прозябал в диком рабстве и невежестве»¹. И даже формально свободные аристократы, в отличие от западного рыцарства, во многом определившего развитие европейской цивилизации, оставались «рабами трона»². Далее, этот «азиатский деспотизм» растет и развивается в прямолинейной прогрессии на протяжении всей последующей истории России и наивысшего своего проявления достигает, по мнению Роттека и большинства его коллег, в период царствования Ивана Грозного, которого он называет Иваном II. Стремясь вывести «Московию», несмотря на резкий рост ее контактов с Западом в XVI в., за пределы Европы и подчеркнуть азиатскую природу русской системы правления, Роттек ставит Россию в один ряд с главным антагонистом христианства и европейской цивилизации в этот период — Османской империей. Он постоянно сравнивает царя с турецким султаном, а стрелецкое войско — с янычарами³, хотя Иван Грозный был первым из русских монархов, кто предпринял серьезные усилия, чтобы встроиться в европейскую политическую и династическую системы. В частности, претендуя на духовное наследие Византии, он присвоил себе титул цезаря, продлил свою родословную до римского императора Августа и неоднократно вел переговоры о включении России в «антитурецкую лигу» христианских монархий.

Таким образом, для Роттека определяющим фактором, сформировавшим характер и судьбу русского народа, является деспотическая форма правления в ее самом худшем азиатском варианте. И даже правление Петра I, с которым было принято связывать начало европеизации России, по своим жестоким методам ее насаждения мало отличалось от «восточной тирании» его предшественников. Роттек продолжает рассматривать его в духе Руссо, как «благородного дикаря» и талантливого подражателя. «Петр, — по его мнению, — действовал больше в рамках внешних заимсткова-

¹ Ibid. Bd. 6. S. 161.

² Ibid. S. 215–216.

³ Ibid. Bd. 7. S. 348ff.

ний, нежели содействовал глубокому укоренению цивилизации»¹. Реформы Петра не имели большого успеха, так как были только имитацией культурных и политических преобразований, которые не затронули цивилизационных основ русского общества. Как считал Роттек, при Петре в стране продолжали господствовать все те же «варварство и деспотизм», выражавшиеся в «переплетении самых диких форм рабства с неумной тягой к роскоши и чувственным наслаждениям»². Он полагал, что «жажда славы в большей степени, чем истинная гуманность, побуждала русского царя к кипучей деятельности и он, оставаясь по своей природе таким же тираном, как и его предшественники, своей волей приносил народ в жертву собственным начинаниям», что в полной мере доказала гибель царевича Алексея³. В итоге, говоря о причинах неудачи петровских реформ, Роттек подчеркивал, что «неограниченная власть Петра», который «своей волей утверждал цивилизацию и своей же волей ее нарушал»⁴, а также полное подавление общественных свобод препятствовали цивилизационному развитию России. В результате все свелось в основном к техническим заимствованиям, прежде всего, для переустройства армии по европейскому образцу.

Затем, осудив эпоху дворцовых переворотов, как полный крах легитимной передачи власти, принятой на Западе, в отличие от Востока, где «троны захватывались путем интриг в казарме или серале»⁵, Роттек переходил к правлению Екатерины II. Ее внешнюю и внутреннюю политику он оценивает в стиле Малле дю Пана, подчеркивая нелегитимность ее правления и претензий на первенство в Европе, а также отсутствие твердых моральных устоев, необходимых для хорошего правителя. «Выбирая между внешним блеском и внутренним долгом, — писал Роттек о Екатерине, — между шумным времяпрепровождением и тихой гуманностью, она всегда предпочитала первое»⁶. В результате все ее действия внутри страны привели к дальнейшему процветанию восточной деспотии, а не закона⁷. Что же касается внешней политики русской императрицы, то его наибольшему осуждению, как

¹ Rotteck K. v. Allgemeine Geschichte vom Anfang... Bd. 8. S. 152.

² Ibid. S. 141.

³ Ibid. S. 169.

⁴ Ibid. S. 170.

⁵ Ibid. S. 225–226.

⁶ Ibid. S. 314.

⁷ Ibid. S. 316.

и следовало ожидать, подверглись разделы Польши, ответственность за которые Роттек полностью возложил на Екатерину II, в то время как монархи Австрии и Пруссии предпринимали различные шаги, чтобы принудить Россию к признанию независимости Речи Посполитой¹. И далее Роттек настолько точно воспроизводит все основные положения французской публицистики 90-х гг. XVIII в., что создается впечатление, что время пошло вспять, и прошедшие двадцать лет не оставили и следа в его восприятии России и ее истории. Например, так же как и Малле дю Пан, он, вернувшись к идее «русской угрозы», считал опасным чрезмерное расширение границ Российской империи в результате русско-турецких войн и разделов Польши, полагая, что «путь, который избрала Россия, приведет ее либо к смуте и утверждению нового направления, либо к гибели»².

Единственный правитель России, который избег упреков Роттека — Александр I. Он видит в нем «завершителя дела Петра Великого». «Русский император, — по его мнению, — продолжает прилагать усилия как для достижения благополучия отдельного человека, так и для государства в целом»³. Но и его успехи обманчивы, так как «азиатский дух империи так и не был им сломлен. Александр желал счастья и мира народам, он хотел также, чтобы они обрели свободу, но эта свобода должна исходить от трона. Свобода, понимаемая как право народа, вызывает у него страх»⁴. В итоге, реанимируя идеологический фантом Малле дю Пана, в военном и политическом триумфе России последних лет Роттек видел угрозу для будущего Европы, так как «направление российской политики осталось враждебным свободе ... Россия, — утверждал он, — заклятый враг свободного развития. Как прежде мы боялись западного деспотизма в лице Наполеона, так теперь должны опасаться восточного»⁵.

Таким образом, Роттек, говоря о будущем Европы, возвращается к забытым идеологемам, порожденным историческим пессимизмом конца XVIII в. Он представляет ее своим читателям вновь зажатой между Азией и Америкой, между деспотическим и республиканским «духом», и связывает с этими двумя полюсами проблему будущего упадка или прогресса народов континента. Если, как писал Роттек, к победе придет партия, к которой ныне прислу-

¹ Ibid. Bd. 9. S. 212–213.

² Ibid. Bd. 8. S. 317.

³ Ibid. Bd. 9. S. 471–472.

⁴ Ibid. Bd. 9, S. 851.

⁵ Ibid. S. 853.

шиваются немецкие князья, «то Азия станет тем зеркалом, где мы сможем увидеть нашу будущую судьбу... Постепенно упадок доведет нас до жребия китайцев, и русские будут нашими победителями. Конечно, по этой причине свобода не уйдет совсем из мира; но Европа увидит свет святого огня, который она до сих пор хранила, только издали, на другой стороне Атлантического океана»¹.

5.2. «Казус Коцебу» и переход к политике Реставрации: радикально-националистический взгляд на «Русский вопрос» (1818–1819)

Однако исторический пессимизм, которым были проникнуты изыскания Карла фон Роттека, еще не носил в Германии массового характера. Ключевыми понятиями в дискурсе немецких интеллектуалов продолжали оставаться «конституция» и «единство нации». Большая часть немцев, вдохновленная речью Александра I, произнесенной на открытии Польского сейма 27 марта 1818 г., продолжала ждать от России активных действий, направленных на установление конституционного строя в германских землях. И Россия действительно, вплоть до начала 20-х гг., проводила в Германии политику постепенной конституционализации. Более того, распространение конституционного устройства по всей Европе по примеру Польши было открыто объявлено Александром частью русской европейской политики. Петербургский кабинет полагал, что во всех княжествах, составляющих Германскую конфедерацию, необходимы были демократические преобразования. Уже на Венском конгрессе российская делегация поставила вопрос о либеральных учреждениях в германских государствах. Под ее давлением в статью 13 Союзного акта, пусть и в несколько пространных выражениях, было внесено предписание введения представительных учреждений и конституций в землях членов Германского союза. В 1816 г. великий герцог Саксен-Веймарский и герцог Саксен-Кобург-Саальфельдский по рекомендации и при поддержке русского императора даровали конституции своим подданным. Желание это было продиктовано не только либеральными убеждениями монархов, но и стремлением угодить русскому императору, так как в нем видели единственного заступника суверенитета их государств от постоянных посягательств австрийских

¹ Rotteck K. v. Allgemeine Geschichte vom Anfang... Bd. 9. S. 867.

Сцена убийства Августа фон Коцебу студентом Карлом Зандом. Мангейм, 1819 г.

Габсбургов. Другие германские князья, как, например, великий герцог Баденский и король Вюртембергский, склонялись к смене формы правления в пользу конституции, еще и потому, что являлись близкими родственниками Александра и находились под его непосредственным влиянием. В результате до 1830 г. в пятнадцати германских государствах были введены конституции. Особенность этих конституций — сохранение монархического принципа, двухпалатный ландтаг, цензовое избирательное право, наделение законодательной инициативой государя и правительство.

Однако далеко не все ожидания на скорые преобразования оправдались. Проблема национального единства немцев оставалась нерешенной. Конгресс в Аахене осенью 1818 г., с которым поначалу связывали надежды на урегулирование «германского вопроса», закончился ничем. Александр I повсюду заявлял, что он не считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела Германии, передав всю инициативу в решении «германского вопроса» венскому и берлинскому дворам в рамках прежнего «австро-прусского»

дуализма. Изменение позиции русского императора на Аахенском конгрессе стало катализатором еще одного серьезного разочарования немецкого общества в политике России, и оно было связано в первую очередь со скандалом вокруг публикации записки члена российской делегации Александра Стурдзы^[5] «О современном положении Германии»^[6]. Именно это событие роковым образом предредило судьбу веймарского литератора и издателя Августа фон Коцебу, обвиненного немецкими радикально настроенными националистами в предательстве и шпионаже в пользу Российской империи. В обстоятельствах его убийства как в зеркале отразился новый этап трансформации восприятия России в германских землях и его взаимосвязь с внутренними проблемами немецкого общества. На волне подъема национального самосознания и связанного с ним поиска внешнего врага «русский вопрос», продолжая оставаться частью общих рассуждений на тему «вечного мира» и сохранения европейского баланса сил, впервые начал встраиваться во внутренний национально-политический дискурс.

* * *

Через полгода после окончания конгресса в Аахене, 23 марта 1819 г., около пяти часов после полудня, в Мангейме молодой человек в старонемецкой одежде без всякой видимой причины тремя ударами ножом в грудь убил почтенного отца многочисленного семейства, которого видел впервые в жизни, в его собственном доме. Убийцей оказался 24-летний студент теологии из Йены Карл Людвиг Занд (1795—1820). Его жертвой стал известный немецкий писатель, драматург, статский советник, дослужившийся до столь высокого чина за долгие годы безупречной службы на благо Российской империи, Август фон Коцебу (1761—1819).

Август Коцебу, вошедший также в анналы русской литературы, благодаря знаменитому стихотворению А.С. Пушкина «Кинжал»¹, был самым успешным немецкоязычным публицистом своего времени, издателем популярных политических и литературных журналов. Таких, например, как «Der Freimüthige, oder Ernst und Scherz» («Простодушный или серьезность и шутка»), который он издавал вместе с уже не раз упоминаемым нами Гарлибом Меркелем; журнал выходил в 1803—1807 гг. в Берлине и был посвящен борьбе про-

¹ См.: Додолев М.А. А.С. Пушкин и события в Германии 1819—1821 гг. // Россия и Германия. Вып. 2 / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 2001. С. 62—65.

тив Гете и романтиков. Или сатирическое ежеквартальное издание под названием «Die Biene» — «Пчела», которое печаталось в 1808—1809 гг. в Кенигсберге и было направлено против Наполеона. Лучшим доказательством популярности журнала стал сразу же последовавший его запрет французскими властями на оккупированных территориях. Через два года после того, как «Пчела» под сильным нажимом французской дипломатии в 1809 г. прекратила свое существование, Коцебу возродил журнал под названием «Сверчок».

В годы французской оккупации судьба Коцебу была во многом схожа с участью многих других немецких публицистов, боровшихся против Наполеона. Когда Пруссия оказалась в руках французов, он, так же как и его собрат по перу Гарлиб Меркель, бежал в Лифляндию, где «не прекращал бороться с французами и их императором всеми средствами, доступными для остроумного писателя. Немецкая публика жадно расхватывала его листки, так как в Германии, находившейся под гнетом французской полиции, она все реже могла услышать свободное и смелое слово»¹. В 1813 г., будучи уже на русской службе при армии Витгенштейна, Коцебу издает свой знаменитый «Russisch-Deutsches Volksblatt» («Русско-немецкий народный листок»), цель которого — бороться с французским влиянием на германских территориях и распространять достоверную информацию о ходе военных действий. Ее, в свою очередь, автор получал непосредственно из штаба фельдмаршала М.И. Кутузова через его секретаря А.И. Данилевского. 28 марта 1813 г. «в награду оказанного усердия к пользам Отечества, в поощрение на будущее время и в воздаяние за службу детей» Коцебу получает от российского правительства чин статского советника. С тех пор его карьера складывается хоть и вдали от Петербурга, но вполне успешно.

Хорошо зарекомендовав себя на русской службе, с 1813 по 1816 г. новоиспеченный статский советник занимает пост генерального консула в Кенигсберге, а с 1817 г. — становится литературным корреспондентом российского Министерства по делам культуры и религии. Все это время он продолжает литературную и публицистическую деятельность, тесно связанную с политикой. С консервативных позиций Коцебу в довольно резкой форме выступает против последствий Французской революции, за восстановление принципа легитимности в Европе, ярким воплощением которого для него являлся русский император Александр I, освободитель

¹ [Kotzebue] August von Kotzebues literarisches und politisches Wirken. Hamburg, 1819. S. 55.

Германии от «французского ига». В ходе полемики Коцебу довольно часто противопоставлял в своих сочинениях Наполеона и Александра I, а также исторические последствия французского и русского присутствия на территории германских государств. Помимо многочисленных статей и рецензий Коцебу издает «Политические листовки», направленные против преобладания Франции в Европе, препятствующего, по его мнению, национальному освобождению и единству немцев. Гарантом возрождения немецкой государственности он, как и многие люди его круга, видел императора Александра I, который был «готов данной ему Богом властью восстановить разрушенное здание германской независимости, при этом ничего не требуя взамен после того, как слава немецкой нации возродится вновь»¹. Для этой благой цели все немцы во главе со своими правителями должны сплотиться вокруг России и ее монарха. «Если Вы, — взывал к курфюрстам Коцебу в 1813 г. в своем знаменитом призыве "К немецким князьям", — и в этот раз не пожмете предложенную Вам дружескую руку русских, то из-за своей трусости Вы станете виновниками того, что наши освободители отвернутся от нас, и тогда все будет потеряно навсегда»². Идея необходимости ориентации на Россию во имя возрождения независимой Германии также стала одной из центральных тем при издании его последнего журнала «Literarisches Wochenblatt» («Литературный еженедельник»), призванного «освещать и пропагандировать» главные «веяния времени», связанные в основном с политикой Священного союза и «благотворной» деятельностью Александра I по умиротворению и духовному возрождению Европы. В результате многие видели в нем, прежде всего, бесстрашного полемиста, бескомпромиссного борца с французской оккупацией. Влиятельная гамбургская газета «Die Staats — und gelehrte Zeitung des Hamburger unparteiischen Correspondenten» писала в 1818 г.: «Политические высказывания Коцебу в высшей степени заслуживали внимания. Так, в период великого поворота политической ситуации в 1813 г. он оказался тем, почти единственным человеком, который, не зная страха, возбуждал в народах антифранцузские настроения, поднимая волну народного патриотизма и ненависти к угнетателям»³.

¹ [Kotzebue.] Politische Flugblätter von A. von Kotzebue in zwei Bände. Zweiter Band. Königsberg, 1816. S. 33.

² [Kotzebue.] An die Deutschen Fürsten. An die Deutsche Nation. Aus dem russischen Lager. Königsberg, 1813. S. 7.

³ [Anonym.] Korrespondenz aus Berlin // Die Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburger unparteiischen Correspondenten. 1818 № 15.. S. 320.

Консервативно настроенная часть германского общества, разделявшая политические взгляды Коцебу и составлявшая основную часть подписчиков его журналов, искренне восторгалась им, как «последовательным врагом всякой опрометчивости в политике» и бесстрашным борцом с «либеральной партией, этим порождением французской революции»¹. Все вышесказанное доказывает, что Коцебу не писал и не делал ничего криминального. Он был совершенно типичным немецким публицистом начала XIX в., сначала боровшимся с французской оккупацией, а затем связавшим позитивные надежды на будущее Германии с Россией и ее императором, а его взгляды ничем не отличались от большинства его консервативно настроенных соотечественников. Единственным и главным его прегрешением было то, что он никогда не скрывал, что был подданным российской короны, состоял у нее на службе и получал за это вполне приличное жалованье.

Бессмысленное и жестокое убийство такого яркого и известного человека ужаснуло нацию, вырвав ее из дремотного состояния начинавшейся эпохи Бидермейер. Напуганные умы, лояльные верховной власти, увидели Германию ведомой к краху вездесущей тайной «партией переворота». Они вдруг заметили в университетах очаги безнравственности и волнений. В каждом приближающемся студенте в старонемецком платье теперь они видели угрюмого убийцу, а под его черным сюртуком им мерещился «блеск смертоносной стали мятежа».

На другой стороне расколовшегося общества стояли те, кто осуждал покушение на Коцебу, но тем не менее пытался оправдать содеянное, ссылаясь на идейно-патриотические мотивы, которые двигали Зандом. Общественная дискуссия вокруг этого громкого убийства проливала яркий свет на умственное состояние нации. И то обстоятельство, что немецкий писатель Коцебу, кроме всего прочего, в свое время выбрал подданство России, имело для его критиков решающее значение.

Выпускник юридического факультета Йенского университета, получивший в 1780 г. место адвоката в Веймаре, он уже в 1781 г. под давлением обстоятельств покидает родину, приезжает в Петербург и становится русским подданным². Ему, немцу, рожденному в Веймаре, удалось послужить трем русским монархам: Екате-

¹ См.: *Kotzebue W.* August von Kotzebue. Urteile der Zeitgenossen und Gegenwart. Dresden, 1881. S. 100ff.

² См. более подробно: *Giesmann W.* Kotzebue in Russland: Materialien zu seiner Wirkungsgeschichte. Frankfurt a. M., 1971.

рине II, Павлу I и Александру I¹, о которых он всегда отзывался с большим почтением. При этом обращал на себя внимание и тот примечательный факт, что все эти годы, независимо от места пребывания и служебного положения (а карьера нашего героя в России была отмечена как взлетами, так и падениями), немецкий писатель Август Коцебу в своих сочинениях всячески подчеркивал свою принадлежность к России, именуя ее своим «любимым Отечеством»², а Александра I часто называл не иначе, как «мой государь». Неудивительно, что почти все немецкие издания, отозвавшиеся на сообщение об убийстве Коцебу, упоминают его чин статского советника и деятельность в качестве литературного корреспондента при русском правительстве. Несмотря на то, что после окончания Наполеоновских войн к русским в Германии относились как к «братьям по оружию», принесшим освобождение от «французского ига», а Александр I все еще оставался самым популярным иностранным государем, для большинства немецких патриотов было совершенно неприемлемо то обстоятельство, что Коцебу всю жизнь служил монархам другой, пусть и дружественной державы. И даже многие из тех, кто осуждал насилие, придерживались взгляда, что он заслужил свою участь, предав германское отечество. Очень характерной для этой позиции была дневниковая запись австрийского эрцгерцога Иоганна Баптиста фон Габсбурга. «Убийство Коцебу наделало много шума, — писал он, — жаль этого талантливого человека» — он безвременно погиб. Но, будучи в начале врагом Наполеона, после падения тирана он в качестве эмиссара России в Германии предоставил свое перо для продвижения идей этой державы. Он — немецкий Вольтер, который без всякого воодушевления подвергал все осмеянию, что абсолютно противоречит немецкому сознанию. За это его ничуть не жаль»³.

Наибольшую ненависть Коцебу своей прорусской позицией вызывал среди студентов, объединенных в первые национальные

¹ См., например: *Keller M.* «Agent des Zaren» August von Kotzebue // *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung.* München, 1991. S. 119–150.

² См.: *Дмитриева Е.Е.* Питербург, пригрезившийся градом на Неве, или Петербург в судьбе Августа Коцебу // *Образ Петербурга в мировой культуре: материалы международной конференции (30 июня — 3 июля 2003 г.).* СПб.: Наука, 2003. С. 324–356.

³ *Döblinger M.* Tagebucheintragungen des Erzherzogs Johann des späteren Reichsverwesers über Karl Ludwig Sand und die Karlsbader Beschlüsse // *Haupt H.* (Hrsg.) *Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung.* Bd. 8. Heidelberg, 1925. 2 Aufl., 1966. S. 151–153.

студенческие корпорации и гимнастические союзы. Именно они являлись наиболее радикально настроенной частью общества. Во время освободительных войн 1813–1815 гг. студенты образовали ядро добровольческих объединений. Именно они составили большинство «вольных стрелков Лютцова» — членов знаменитого на всю Германию добровольческого корпуса егерей под командованием барона фон Лютцова. Ненависть к врагу Германии и жажда его крови представляла собой общий эмоциональный знаменатель для этой среды тех лет. Со временем эти настроения продолжали радикализироваться, вылившись в активный поиск «предателей отчизны» в основном среди евреев и представителей консервативного лагеря, лояльного существующей власти и ее союзникам. Впервые они открыто проявились на Вартбургском празднике 18 октября 1817 г., организованном по случаю трехсотлетнего юбилея Реформации и четвертой годовщины Лейпцигской битвы. Тогда, наряду с прочими сочинениями «предателей родины», в Вартбурге была сожжена и многотомная «История немецкого государства» Августа Коцебу, которая начала издаваться с 1814 г.^[7] Рядом с этим костром во дворе Вартбургского замка стоял и Карл Людвиг Занд, где он, по всей видимости, впервые услышал имя Коцебу и увязал его с образом «врага Родины». Распространенные в этой радикально-националистической среде нетерпимость и обвинения в космополитизме, закулисной деятельности против Германии, отсутствии немецкого патриотизма и поддержке реакционной политики Меттерниха и Священного союза ставили в один ряд «предателей отечества» немецкого писателя Коцебу, еврейских банкиров и начальника Берлинской полиции барона фон Кампца^[8]. Либеральные идеи и политическая критика, национальный идеализм и антисемитизм, неразрывно связанные друг с другом, определили основные направления поиска «врага» внутреннего и внешнего, которые весной 1819 г. вылились в кровавое убийство Коцебу.

Уже на следствии выяснилось, что Занд, выбравший Коцебу на роль «предателя отечества», ничего не знал ни о его литературной деятельности, ни о внутренней и или внешней политике России¹. Он даже не интересовался этим. Ненавистный образ «предателя немецкого отечества» был для него лишь расплывчатым фантомом,

¹ Jarcke C.E. Carl Ludwig Sand und sein an dem kaiserlich-russischen Staatsrath von Kotzebue verübter Mord. Eine psychologisch-criminalistische Erörterung aus der Geschichte unserer Zeit. Neue aus ungedruckten Quellen vermehrte Bearbeitung. Berlin, 1831. S. 157.

в котором можно было сублимировать все, что казалось достойным осуждения. Такой враждебный образ не требовал никаких глубоких знаний и никаких критических рефлексий. Симптоматичным для этого способа мышления является следующее высказывание Занда во время судебных допросов: «Этот писатель был известен тем, — объяснял он мотивы своего преступления, — что во времена французов он сильно ругал их, ... но когда Россия затронула Германию своими преследованиями, он словно бросился к русским в объятья. Мы не видели с их стороны почти ничего похожего на то, что воспевали его казацкие песни и башкирские пьесы, целью которых было представить всю западную просвещенную европейскую жизнь ничтожной и незначительной перед лицом героической нации, пришедшей освободить всех. Он постоянно стремился доказать, что эти народы с Востока не являются варварами, что они сильно отличаются от всех других народов любезностью и доброжелательностью. Он считал своим единственным долгом обходиться с ними как со своими соотечественниками, хвалить их и превозносить. ... Коцебу всегда пытался доказать, что немецкое отношение к России должно быть таковым, что без одобрения оттуда немцу нельзя ни думать, ни действовать. Об этом свидетельствовали все его последние сочинения. Вместе с тем теперь полностью доказано, что он имел намерения подчинить русским немецкую свободу»¹.

Единственным источником, на основании которого Карл Занд вынес смертный приговор Августу Коцебу, был «Литературный еженедельник», журнал, который последний издавал в Веймаре с 1818 г. «с целью поддержания уважения к религии, борьбы с фанатизмом, чтобы хвалить все хорошее и препятствовать распространению всего дурного, и, наконец, кратко информировать публику обо всем интересном, что появилось в области литературы»². Это издание сразу же вызвало резкие нападки со стороны студенческих корпораций, которые уже после выхода первого номера обвинили Коцебу в том, что он является «русским шпионом» и занимается ничем иным, как «предает Германию, только что избавленную от французского ига, во много раз более худшей русской тирании»³. Однако, перелистывая номера «Еженедельника» за 1818 г., можно

¹ Jarcke C.E. Carl Ludwig Sand und sein an dem kaiserlich-russischen Staatsrath von Kotzebue verübter Mord... S. 159—161.

² «Literarisches Wochenblatt» von August von Kotzebue. Erster band. № 1—52, Weimar, 1818; Zweiter band. № 1—52. Weimar, 1819. Bd. I. № 1, 2. Aufl., 1818. S. 1.

³ [Anonym.] Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands. Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821. S. 140.

найти лишь несколько сообщений, которые напрямую касались России, и их автор был озабочен, прежде всего, тем, чтобы опровергнуть нарастающее в общественном мнении убеждение, что русский император вынашивает «ужасные планы установления русской тирании в Германии». Он пытался просвещать немецкого читателя, отсылая его к академическим изданиям, таким, как «Материалы по изучению России и ее истории», опубликованным Густавом Эверсом и Моритцем фон Энгельгардтом в Дерпте, или восьмитомная «Русская история» Николая Карамзина¹. Он выступил с критикой серии статей известной писательницы Фанни Тарнов в «Hamburger Originalen», утверждавшей, что “до сих пор русская история была только коллекцией анекдотов, так как народ рабов не может иметь историю”². Он иронизировал по поводу старых страхов перед русскими планами экспансии, нашедших свое выражение во втором выпуске «Der Politische Journal» от 1818 г.: “Снова поется та же старая песня о растущей силе России: Европа еще узнает страшную мощь этой силы, если история когда-нибудь призовет другого Петра Великого на русский трон. История! Когда история хоть раз призывала правителя на престол? Пустые страхи, существовавшие задолго до Священного союза!”³. Однако все эти попытки рассеять подозрения, направленные против политики Александра и Священного союза, рассматривались в либеральных и, в частности, в студенческих кругах как доказательства предательского образа мыслей автора. Все, кто испытывал разочарование политикой Реставрации, начавшейся с 1815 г., читая отзывы Коцебу по этому поводу, находили его аргументы неприемлемыми. Весьма типично мнение одного из его современников, проливающее некоторый свет на причины ненависти к Коцебу значительной части немецкого общества. Очевидно, что подобные настроения, связанные с нарождающимся ощущением общегерманского единства и чувством уязвленной национальной гордости, уже просто витали в воздухе. «Коцебу, — утверждал сразу после убийства Фридрих Шотт, преподаватель Королевской Саксонской академии в Дрездене, — который писал в Германии, на немецком языке и для немцев, так глубоко задел национальные чувства этого народа, его чувство собственного достоинства, его благородную гордость тем, что он во всех отношениях противопоставлял немецкой нации

¹ Literarisches Wochenblatt. Bd. I. 1818. № 17. S. 131.

² Ibid. 1818. № 20. S. 160.

³ Ibid. 1818. № 41. S. 324.

Россию как пример и образец для подражания, что он, забыв и презрев все правила благоразумия, насмеялся над ее важнейшими основами государственного устройства, абсолютно не замечал присущий ей оригинальный характер, и только всегда восклицал: так это устроено в России! Так думают в России!»¹

Разочарования, вызванные двойственной позицией Александра на Аахенском конгрессе, способствовали росту нетерпимости и раздражения в радикально-националистической среде. Уже 8 октября 1818 г., когда эта дипломатическая конференция была в полном разгаре, Занд записал в своем дневнике: «Когда я размышляю о Германии, то часто прихожу к мысли, что следует взять на себя мужество, чтобы ударом кинжала выпустить кишки Коцебу или другому такому же изменнику Родины»². И как раз в это время произошел знаменитый скандал, связанный с «Запиской» Александра Стурдзы.

Конгресс уже подходил к концу и немецкая общественность обратилась к другим мировым событиям, как вдруг в Париже появилось небольшое сочинение под названием «Меморандум о современном состоянии Германии». Титульный лист не содержал имени автора, однако, скоро распространилось мнение, что автором сочинения является выходец из одного из молдавских княжеств, наполовину грек, находящийся на русской службе, государственный советник, чиновник Министерства иностранных дел, Александр Стурдза. «Меморандум» не был предназначен для публикации. Напечатанный в количестве 50 экземпляров текст был передан по приказу царя для доверительного ознакомления участникам конгресса. Один экземпляр таинственным образом попал в руки журналистов и был предан огласке. Очень скоро в «Европейских анналах» издателя Котта в Тюбингене появился его немецкий перевод³. А уже в декабре 1818 г. газета «Vossische Zeitung» в Берлине опубликовала на двух страницах комментарии к этому сочинению⁴. Без сомнения Стурдза задел болевые точки немецкой политики. Если

¹ *Schott Fr.* Kotzebue, Deutschland und Russland. Nebst einem Vorwort an den Herrn Professor Krug in Leipzig. Leipzig und Merseburg, 1820. S. 103.

² *Carl Ludwig Sand.* Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Altenburg, 1821. S. 151.

³ [Sturdza.] Denkschrift über Teutschlands jetzigen Zustand // Europäische Annalen 1819. Bd. I. S. 3–29.

⁴ [Anonym.] Antwort auf das Schreiben des Herrn von Sturdza «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne» // Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats und gelehrten Sachen. Im Verlage Vossischer Erben. Jg. 1818. № 153. S. 22–24.

Варшавская тронная речь Александра I в марте представлялась многим многообещающей увертюрой к Аахенскому конгрессу, то брошюра Стурдзы положила конец надеждам на реформы, нанеся сильнейший удар по престижу России. У большей части читающей публики возникло впечатление, что она хочет лишить Германию последних плодов ее победы над Францией, достигнутой ценой больших потерь и жертв. Более того, вдруг выяснилось, что русский император, с которым многие немцы связывали надежды на лучшее будущее, на Аахенском конгрессе не только не поддержал их стремление к объединению, но даже санкционировал нападки на духовную жизнь и порядки страны.

Преданный огласке «Меморандум» вызвал бурю негодования в немецкой прессе и вспышки гнева у националистически настроенной молодежи, наиболее радикальные представители которой призывали «наколоть гиперборейского наглеца на рапиры». Доходило до актов вандализма в отношении памятных мест, связанных с российской императорской семьей, которые сильно шокировали мирных немецких бюргеров. Так, например, в идиллическом Веймаре несколькими возбужденными студентами были снесены и сожжены триумфальные ворота, сооруженные в честь русской вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Чем было вызвано такое общественное возмущение?

Свое сочинение Стурдза начинает с довольно банальной мысли, что Германия — это «сердце Европы», где всегда встречались влияния и движения, исходящие как с Востока, так и с Запада. Поэтому в будущем ей суждено играть роль некоего «ключа от европейского спокойствия». Однако в последние три года Германию то и дело захлестывают религиозные и политические волнения, среди которых автор выделяет «возмущение в Бреслау, шумное негодование в Вартбурге, кровавое неповиновение геттингенских студентов» и др.¹ Причины телесных недугов, по мнению Стурдзы, кроются в болезненном состоянии духа. Поэтому одну из главных причин общественных волнений в Германии он видит в недостатках системы народного образования. Он называет немецкие университеты «готическими обломками средневековья, едва совместимыми с учреждениями и потребностями нашего века», «объединениями без смысла и цели, составляющими государство в государстве, оживленными надмен-

¹ Стурдза А. Записка о нынешнем положении Германии... Ноябрь 1818 / Пер. Е. Ляминой // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия 18 — начало 20 вв. М.: Венеция, 1999. С. 150

ным духом студенческих корпораций, который сбивает юношей с истинного пути и пагубно влияет на общественные настроения»¹. С их академической свободой и собственной юриспруденцией университеты давно превратились в пережиток, «где юношество, избавленное от власти законов, предаётся всяким бесчинствам — плодам вольнодумства и испорченной нравственности»². Автор советует полиции обратить свое внимание на «бунтовские союзы», которые действуют по всей стране под видом студенческих корпораций. По мнению Стурдзы, «лишь решительная реформа образования может осушить источник зла и обещать Германии наступление лучших времен». Поэтому все академические привилегии должны быть отменены, а университеты следует заменить профессиональными школами с утвержденными учебными планами. Ни один студент не должен иметь права посещать лекции вне его специальности без согласия академического сената. Далее следовали нападки на свободу печати в Германии, которая угрожала перерасти в «разнузданность прессы»³. Итак, в целом меморандум практически не содержал ни одной мысли, которая прежде не высказывалась бы каким-либо немецким консервативным изданием, «возмущенным безобразиями, творящимися в немецких университетах». Однако впервые эту болевую точку германского общества задел иностранец, космополит без определенной национальности, да еще находящийся на русской службе, что было воспринято как бесцеремонное вмешательство России во внутренние дела и покушение на часть основных гражданских свобод, еще сохранившихся в Германии. Как писал известный публицист Йозеф Гёррес, Россия, с которой немцы «с давних пор связывали надежды на лучшее будущее», на Аахенском совещании не только не поддержала их стремление к объединению, но даже подвергла нападкам духовную жизнь и порядки страны⁴.

Чтобы проиллюстрировать силу поднятой в прессе кампании, достаточно процитировать некоторые из нападок в адрес Стурдзы. Редактируемое известным Йенским профессором естествознания Лоренцом Океном^[9] издание «Изида или энциклопедический журнал» уже в своем ноябрьском номере уделило брошюре Стурдзы большое внимание. «От людей, которых с юности приучили к турецкому послушанию, а затем к русскому наследному крепостничеству, — раздраженно писал Окен, — нельзя требовать,

¹ Стурдза А. Записка о нынешнем положении Германии... С. 152.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 155.

⁴ Goerres J. L'Allemagne et la revolution. Paris, 1819. P. 127.

чтобы они постигли значение гражданских свобод, активности молодежи и либеральной прессы. Единственное, что они должны были понять, исходя из своего жизненного опыта, что еще не настало время, когда немцы позволят учить себя русским или грекам. Пока что оба эти народа должны были с благодарностью принимать тот свет знаний, который благосклонно дарит им Германия. Сначала сбросьте ваши оковы и покажите, что вы умеете быть свободными, а после этого, осмеливайтесь говорить со свободными народами!»¹

Также от академического сообщества, но с более сдержанных позиций выступил уже известный нам профессор философии Вильгельм Трауготт Круг, получивший к тому времени кафедру в Лейпциге. В издаваемом им журнале «Гермес» он опубликовал подробное обсуждение меморандума Стурдзы, которое ранее было напечатано в виде отдельной брошюры под названием «Снова о “Меморандуме о современном состоянии Германии”»². По мнению Круга, «не стоящий выеденного яйца» вопрос приобрел такое значение из-за места и обстоятельств развития событий. «Высокие союзные державы были собраны именно в Аахене, чтобы обсудить основы прочного мира во всем мире. Там перед ними выступил автор брошюры со словами: “Все ваши думы и чаяния напрасны, если Вы первым делом не погасите пожар, который еще не горит, но уже начинает разгораться в центре Европы, в издревле перевозимой за свою любовь к свободе Германии. Поэтому из Аахена крик о пожаре быстро распространился по всей Европе”»³.

Круг полностью отказывается от ярлыка клеветника по отношению к автору меморандума, а также от критических замечаний в адрес России — чем была переполнена уже процитированная выше статья из журнала Окена «Изида». Он в большей степени беспокоится о том, что инкриминированная русскому правительству брошюра может навредить хорошим отношениям с Россией. «Мы откровенно ценим русских как сильный, смелый и восприимчивый народ и почитаем их императора как великодушного правителя, воплотившего в себе все величие и благородство в соедине-

¹ Oken L. Stourdzas Denkschrift über den gegenwärtigen Zustand von Deutschland // Isis oder enzyklopädische Zeitschrift/ Hrsg. von Lorenz Oken. Jena, 1818. Bd. I, Heft 6. S. 1941 ff.

² Krug W. Tr. Auch eine Denkschrift über den gegenwärtigen Zustand von Deutschland, oder Würdigung der Denkschrift des Herrn von Sturdda in juridischer, moralischer, politischer und religiöser Hinsicht. Leipzig, 1819.

³ Ibid. S. 295.

нии с любовью. Тем сильнее наше сожаление, что автор, который заявляет о себе как о русском государственном советнике, совершил такую большую ошибку и содействовал врагам России тем, что так сильно скомпрометировал собственное правительство. Да для честного немца [...] едва ли понятно, как человек, который должен был знать общественно-политические условия и настроения, по крайней мере, так же хорошо, как он хочет знать наши ошибки, мог совершить нечто подобное. Если только не предположить, что этот автор, как амфибия, которая не является ни немцем, ни русским, живет то тут, то там, не встречая подлинного доверия ни со стороны России, ни со стороны Германии. Поэтому во взаимных отношениях и настроениях он вызвал у них лишь недоверие и косые взгляды в адрес друг друга. Однако и это пройдет. Так как русские и немцы, которые всегда хорошо ладили друг с другом, не будут ссориться из-за этого сочинения. Но гораздо существеннее политическая ошибка автора отразилась на том, что он своими необдуманными высказываниями навлек подозрения также на хорошее дело, которое сначала исходило именно от русского правительства, и на которое мы возлагаем большие надежды, а именно на Священный союз»¹. Очевидно, что Круг, как и многие его современники, искренне продолжал надеяться на положительные перемены, связанные с подписанием акта о Священном союзе, и спустя два года после публикации своего сочинения о его благотворном влиянии на будущее Европы сохранял связанные с ним иллюзии.

И эти иллюзии совсем не были так уж беспочвенны. Русское правительство продолжало прилагать усилия к реализации плана «вечного мира» на международных конгрессах 1818–1820 гг. Первый проект создания «всеобщего равноправного союза» европейских государств для обеспечения мира в Европе на демократических основах был разработан графом И.А. Каподистрия по поручению Александра именно для Аахенского конгресса 1818 г. Его доклад «О встрече в Аахене» был одобрен императором и стал программой российской делегации на конгрессе, но был отклонен представителями английской и австрийской делегаций².

Тем не менее усилия России по созданию системы обеспечения «вечного мира» в Европе остались почти незамеченными, зато скандал вокруг меморандума Стурдзы, попав на благодатную почву общественного раздражения, продолжал разгораться. Про-

¹ *Krug W. Tr. Auch eine Denkschrift...* S. 298.

² *Чернов А.В. Указ. соч. С. 35.*

вокационные статьи, наподобие публикации профессора Лоренца Окена, выражали мнение большинства членов студенческих корпораций и сочувствующих им либерально настроенных преподавателей. За Стурдзой, после того как записка попала в печать, развернулась настоящая охота: группы молодых людей обходили квартал за кварталом тихого Веймара, где поселился русский чиновник, разыскивая предполагаемого автора записки. Предусмотрительные домовладельцы вывешивали объявления для студентов: «Господин Стурдза здесь не проживает»¹. В таких условиях Август фон Коцебу подвергал себя большой опасности, выступив в защиту сочинения своего «единомышленника», друга и покровителя Александра Стурдзы и русской политики в целом. В «Литературном еженедельнике» он опубликовал несколько острых полемических статей, в которых отстаивал точку зрения, что Стурдза был только «редактором» спорного «меморандума», намекая, что его автором являлся сам царь. «Это уже не свобода прессы, а разнузданность прессы, — писал Коцебу, — если некто, кто хочет прослыть остряком, позволяет себе пренебрежительно отзываться о сочинении, напечатанном по высшему повелению в нескольких экземплярах для конфиденциального распределения среди представителей держав, которые собрались для обсуждения мер по благоустройству Германии ... Ни один благоразумный и законопослушный человек, — заключает он далее, — который только издали наблюдает за современными гимнастическими и студенческими бесчинствами, не сомневается в необходимости вывести молодежь из лабиринта, в котором она сейчас блуждает»².

Яростная защита меморандума привела к тому, что Коцебу очень многими начал восприниматься как вдохновитель этого сочинения, постепенно навлекая на себя перекрестный огонь нападков и оскорблений. Незадолго до кровавой трагедии, разыгравшейся в Мангейме, Лоренц Окен снова возвращается к критике меморандума, впервые поставив его «полурусского» автора в один ряд с ненавистным немецким литератором. В этот раз статья Окена содержала прямые угрозы в адрес Стурдзы и Коцебу. «Мы считаем, — писал автор, — что такого человека необходимо выпороть кнутом сатиры и сарказма. Его следует сечь так крепко и так долго, пока, наконец, сама Германия не устроит ему, так же как и Коцебу, публичную литературную порку. С такими невежественными молодцами нель-

¹ См.: *Свербеев Д. Н.* Записки (1799—1826). М., 1899. Т. 2. С. 85.

² *Literarisches Wochenblatt*. Bd. 2. 1819. № 7. S. 56.

зя вести себя сдержанно и благовоспитанно. ... Их надо дразнить, пинать, щипать, а в случае необходимости — топтать ногами, чтобы они видели и знали, что мы — люди, которые умеют презирать таких, как они, и выбрасывать их за дверь, если незванные варвары вторгаются к нам в дом и пытаются вмешиваться в наши домашние дела. Никто в Германии не переломит с ними куска хлеба. Никто не предложит бокал вина. Никто не даст им глотка воды, чтобы они почувствовали, наконец, все презрение немецкого народа!»¹

Эта статья Окена носила явно подстрекательский характер. Очень скоро устные угрозы и анонимные письма, которые автор меморандума получал в большом количестве, сменились попытками физической расправы. Широкой огласке был предан эпизод, отчет о котором опубликовали почти все немецкие газеты. Два йенских студента, члена корпорации, 14 февраля 1819 г. вызвали Стурдзу на дуэль. Опасаясь за свою жизнь, последний был вынужден бежать из Веймара в Дрезден. Из Дрездена он отправил открытое письмо с объяснениями, которое накануне убийства Коцебу, в начале марта 1819 г., напечатали газеты. В частности, еженедельное издание «Allgemeiner Anzeiger der Deutschen» сообщало: «Господин фон Стурдза отвечал из Дрездена, что он не может ни пером, ни шпагой ответить на все нападки, которые до сих пор были выдвинуты против него, так как во всем, что он делал, он исполнял приказы русского министерства. Посему, появившееся под его именем сочинение было задумано, написано и опубликовано им только по приказу его суверена»². После этого объяснения оба дуэлянта сообщили через то же издание: «Так как г-н фон Стурдза говорит, что он действовал как слуга по приказу — только по приказу русского императора он думал, писал и действовал, то они, как свободные немцы, не имеют оснований требовать удовлетворения от этой думающей, пишущей и действующей машины и берут обратно свой вызов»³. Но и в Дрездене после публикации открытого письма Стурдза не чувствовал себя в безопасности. Ночью с фальшивым паспортом он тайно покинул Германию, избежав, таким образом, страшной участи своего немецкого собрата по несчастью.

Безусловно, Коцебу тоже чувствовал, что земля горит у него под ногами. 5 декабря 1818 г. он пишет прошение об отставке и бежит

¹ Isis. Jg. 1819. Bd. 1, Heft 2. S. 361 ff.

² Allgemeiner Anzeiger der Deutschen. № 66. Montags, den 8. März 1819. Gotha. S. 705–707.

³ Ibid. S. 707.

из Веймара и Мангейм. В феврале 1819 г. Александр I разрешил ему вернуться в Россию, но было уже поздно: убийца преследовал его по пятам. Судя по дневниковым записям, в начале ноября 1818 г., когда скандал с «Меморандумом» Стурдзы только набирал обороты, Занд уже принял окончательное решение убить Коцебу¹. Из материалов уголовного дела также следует, что к этому времени он полностью убедил себя в том, что именно Коцебу, а не Стурдза, являлся автором злосчастного меморандума. Как было сказано в протоколах суда, «поводом для преступления стало последнее сочинение Коцебу, которое, по мнению Занда, имело целью привести Германию в состояние, в котором находилась страна после Вестфальского мира, а именно состояние зависимости и без самостоятельности, раздробленности и без политической силы. При удобном случае Коцебу снова написал бы подобное сочинение, и как тут осмелиться сказать что-либо об этой публикации, если она отражает образ мыслей русского императора и написана по его поручению»². 9 марта 1819 г. около 4 часов утра Карл Занд собрал свои пожитки и отправился вслед за Коцебу в свое последнее путешествие в Мангейм, чтобы через год закончить жизнь на эшафоте. Наконец образ «изменника», готовящего своему отечеству неслыханные бедствия, посланника повелителя темных сил реакции, русского шпиона обрел свою завершенность.

В период национальной консолидации всегда необходим образ внешнего врага. Во время антинаполеоновских войн немцев объединяла ненависть к Франции, оккупировавшей их отечество. В мирное время наряду со старыми фантомами были созданы новые. Главным требованием для молодых немцев, вернувшихся домой после окончания войны, стало объединение Германии и либеральные реформы. Главным внешним препятствием на этом пути считался реакционный Священный союз во главе с Россией. В немецком национальном сознании образ России как внешнего врага, и объявленный «русским шпионом» Коцебу, как враг внутренний, заполнили ставшую востребованной функциональную нишу. Поэтому осуществленное Зандом жестокое политическое убийство воспринималось патриотами как ритуал жертвоприношения, «заклания» предателя, как символический залог будущего единства Германии и ее народа. Таким образом поиск ответа на «русский вопрос» был вплетен в процесс становления националь-

¹ См.: Carl Ludwig Sand, dargestellt durch seine Tagebücher ... S. 170ff.

² Jarcke C.E. Carl Ludwig Sand ... S. 161 f.

ной и политической идентичности в Германии, постепенно становясь частью национального и партийного дискурсов.

* * *

Происшедшее в марте 1819 г. громкое убийство произвело огромное впечатление в германских государствах. Оно способствовало дальнейшей дифференциации общественного мнения и дало повод говорить о начале «морального бунта» в Германии. Консервативную часть немецкого общества вновь охватили растерянность, пессимизм и страх перед новой европейской революцией. Современные события воспринимались ею как «самоубийственный мятеж против великого авторитета», как низшая точка нравственного падения человечества. Воспользовавшись паникой, овладевшей многими немецкими правителями и пассивной позицией России, Меттерних уже в августе 1819 г. созвал в Карлсбаде конференцию представителей отдельных германских государств, где было решено подавлять полицейскими мерами любые проявления либерального и демократического движений. Для этого на конференции был разработан ряд так называемых карлсбадских постановлений, которые уже в сентябре были законодательно подтверждены союзным парламентом во Франкфурте-на-Майне. Согласно этим постановлениям в каждый университет назначался государственный чиновник, уполномоченный следить за «нравственностью и порядком, строжайшим исполнением существующих законов и дисциплинарными предписаниями». Студенческие союзы распускались. Профессора и доценты, «уличенные в распространении идей, подрывающих существующее государственное устройство», не принимались на работу ни в один немецкий университет.

Вводился особый закон о прессе, согласно которому земельным властям предписывалось подвергать цензуре периодику, а также все печатные издания объемом, превышающим 20 страниц. Кроме того, все постановления о цензуре содержали в себе отдельной статьей «Положение о защите от критики в адрес дружественных государств и монархий», как, например, «Положение», изложенное в статье 2 «Постановления о прусской цензуре» от 8 октября 1819 г. Последовательное и регулярное применение этого «Положения» в Пруссии привело к тому, что там до 1848 г. не было напечатано ни одного антирусского сочинения. Зато в Саксонии, Тюрингии и южно-германских землях цензура была намного мягче. С 1830-х гг. наметилась тенденция к ослаблению цензурного

режима, в частности, в Саксонии в 1844 г. была отменена предварительная цензура для изданий, объем которых превышал 20 страниц. В результате сочинения, запрещенные в Пруссии, печатались в других немецких государствах, а также за пределами Германии. В итоге в условиях полицейского режима в период с 1819 по 1830 г. в германских землях, за редким исключением, публиковались только положительные отзывы о России.

5.3. Россия в эпоху Реставрации – спасение или угроза? Консервативно-ретроспективный взгляд на «Русский вопрос»: *Йозеф фон Гёррес (1819–1822)*

Итак, «жертвоприношение во имя освобождения Родины», как писал об этом Карл Занд, оказалось напрасным. Более того, редкая политическая акция в истории приводила к последствиям, настолько противоречащим замыслам ее исполнителя, как убийство Коцебу. Покушение Занда и последовавшая за ним цепная реакция неудавшихся аналогичных преступлений^[10] дало долгожданный повод «партии власти» развернуть ответные репрессии против патриотически настроенной молодежи и на долгие годы погрузить Германию в летаргический сон, похоронив всякие надежды на национальное возрождение и либеральные реформы.

Не дожидаясь окончания следствия, австрийский двор объявил о раскрытии тайного заговора, направленного на свержение существующего порядка. Еще в то время, когда Занд находился в заключении, помимо следственной комиссии в Мангейме для дальнейшего расследования были созданы дополнительные комиссии в Дармштадте, Гессене и Веймаре, в помощь к ним придавалось прусское Министерство полиции. 8 ноября 1819 г. к уже существующим комиссиям на местах была добавлена созданная под эгидой Германского союза Центральная следственная комиссия в Майнце, которая с большим трудом пыталась совладать с нарастающим хаосом в разделении компетенций многочисленных следственных органов, препятствующих действиям друг друга.

Одновременно в ходе борьбы с объявленным Меттернихом политическим заговором по всей Германии прокатилась волна арестов. В Баварии и Веймаре этот процесс затронул почти все студенческие корпорации, центр которых с началом расследования убийства Коцебу переместился из Йены в Берлин. Местная полиция, очевидно, заранее подготовила списки для арестов

и обысков, так как за несколько дней в июле 1819 г. было задержано большинство членов патриотических союзов в Берлине, а также в других прусских университетских городах. Также были арестованы духовные вожди национального движения: Фридрих Людвиг Ян^[11] в Берлине, Эрнст Моритц Арндт и братья Велькер^[12] в Бонне, а Йозеф Гёррес, спасаясь от политических преследований, должен был бежать из Кобленца в Страсбург.

Законодательное закрепление Карлсбадских постановлений 1819 г. ознаменовало собой начало долгого периода Реставрации, перевернувшего жизни большинства патриотически настроенных немецких интеллектуалов: кто-то из них эмигрировал и продолжил борьбу за пределами Германии, кто-то сменил род деятельности или умер, а кто-то кардинально поменял свои взгляды. К числу последних принадлежал Йозеф Гёррес. В изгнании под влиянием реставрационного политического процесса, охватившего всю Европу, происходит глубокая метаморфоза взглядов Гёрреса. Бывший «якобинец» и революционный бунтарь, эмигрировав после принятия Карлсбадских постановлений в Швейцарию, примерился с Римско-католической церковью, переключившись с политики на изучение христианской мистической литературы. Но талантливый человек талантлив во всем, чем бы ни занимался, и Гёррес очень быстро обрел славу выдающегося консервативного историка, католического мистика и теолога.

Йоханн Йозеф фон Гёррес (1776–1848) – немецкий католический мыслитель, писатель, журналист.

Это была не первая мировоззренческая трансформация в жизни Гёрреса. В юности, разочаровавшись во Французской революции, которая «очень быстро закончилась деспотизмом», 24-летний «якобинец» Гёррес оставил политическую публицистику, найдя прибежище в частной жизни. С 1800 г. он был учителем естествознания в гимназии Кобленца, а в 1806–1808 гг. преподавал в должности приват-доцента в Гейдельбергском университете. Там он познакомился с «гейдель-

бергскими романтиками» — А. фон Арнимом^[13] и К. Brentano^[14]. С последним Гёррес издавал «Газету для отшельников», увлекшись немецким национальным фольклором и мифологией. В 1808 г. он возвратился в Кобленц.

Второй всплеск политической активности Гёрреса приходится на период освободительных войн, когда в 1814—1816 гг. он возглавлял работу над ежедневным антинаполеоновским изданием «*Rheinischer Merkur*» («Рейнский Меркурий»), которое он очень быстро превратил в первую крупную политическую газету Германии (ее тираж достиг 30 000 экземпляров). В этот период, после того как французские войска были вытеснены с левого берега Рейна, Гёррес боролся с Францией на стороне прусской монархии, так как именно прусские власти утвердили публициста из Кобленца в качестве редактора нового издания. Он должен был из газеты «*Mercure de Rhin*», созданной во время французской оккупации Рейнской области, создать инструмент немецкой пропаганды. Таково было требование прусских властей, из которого журналист никогда не делал секрета.

Четыре раза в неделю со страниц редактируемого им издания Гёррес выступал против Наполеона, а также агитировал за либеральное устройство и конституцию федералистской Германии. Публикации «*Rheinischer Merkur*» постоянно производили фурор по всей Европе, так как Гёррес был прекрасно информирован о ходе военных действий. Даже Гете, посетив Кобленц, счел необходимым засвидетельствовать свое почтение редактору газеты.

Прусская цензура закрывала глаза на вольнодумство издания ровно до тех пор, пока Наполеон представлял собой опасность для германских государств. 3 января 1816 г. «*Rheinischer Merkur*» был запрещен указом Прусского кабинета. Последним всплеском политической активности Гёрреса в Германии стала публикация в 1819 г. брошюры «Германия и революция»¹, которая повлекла за собой преследования со стороны полиции.

В Страсбурге он вновь обращается к религии и уже с охранительных позиций в 1821 г. пишет продолжение на шумевшего сочинения «Германия и революция» — философско-исторический труд «Европа и революция»², который стал последним ярким публицистическим высказыванием Гёрреса на политическую тему и еще

¹ *Görres, J. v. Deutschland und die Revolution. Coblenz: In Commission von H. Hölschet, 1819. 216 S.*

² *Görres J. v. Europa und die Revolution. Stuttgart: J.B. Weßlerischen Buchhandlung, 1821. 366 S.*

одной попыткой ответить на вечный вопрос: что есть Россия? Является ли она спасительницей и наследницей Европы или все еще представляет для нее угрозу? Для этого Гёррес, как и многие до него, в том числе и Роттек, делает экскурс в русскую историю, начиная от призвания варягов. При этом ее он делит на два обособленных друг от друга периода: допетровскую и послепетровскую Россию.

Причину всех несчастий допетровской России и ее главное отличие от Европы он традиционно видит в так называемой «рабской сущности русских», о происхождении которой немцы начали спорить еще со времен Герберштейна. Но в отличие от своих либеральных предшественников, Гёррес полагал, что ранняя история русских мало отличалась от европейской. Лишь установление тиранической системы правления отделило Россию от остальной Европы и положило конец ее естественному развитию. Поворотным моментом он считал царствование Ивана Грозного, который «стал именовать себя Цезарем». «С тех пор, — считает Гёррес, — в этой стране утвердилась та отвратительная тирания, которая ввергла русский народ в состояние глубочайшего унижения, превратив его историю в нескончаемую цепь самых чудовищных злодеяний. В то время как в Западной Европе власть редко была сосредоточена в одних руках, а напротив, была равномерно распределена среди представителей высшего сословия, сформировавшихся в недрах феодальной системы»¹. Сравнение русской истории с европейской проходит рефреном через все сочинение. Установившийся деспотизм не дал развиваться в России «рыцарскому духу», который сформировал современную Европу, где «подчинение власти заменялось служением ей и сочеталось с дерзкой гордостью и благородным сердцем; когда на фоне традиционного неравенства сохранялось равенство моральное и чувство внутренней свободы»². Эта внутренняя свобода, которая полностью отсутствует у русских, обеспечила прогрессивное развитие европейских стран, превратив их в образец для подражания для всего мира.

По причине равного подавления всех слоев общества в России также не сформировалось полноценное самостоятельное дворянство, которому западная культура обязана своими достижениями. В России же «эта полностью зависимая аристократия превратилась в восточную, абсолютно закрытую касту, тщательнейшим образом

¹ Görres J. v. Op. cit. S. 262.

² Ibid. S. 263.

упорядоченную на основе генеалогий, записанных в разрядных книгах, в которых очень подробно, вплоть до мелочей, были обозначены их фамильные привилегии»¹.

Еще одним зависимым и полностью подавленным сословием, по мнению Гёрреса, является духовенство — закостеневшее, деградировавшее и лишенное всякого уважения в обществе. Армия же, состоящая из тех же рабов, превратилась в руках деспота в главный инструмент подавления собственных подданных. Таким образом, делает вывод Гёррес, все свободные в Европе сословия, «как аристократия и армия, так и духовенство, в России объединены в одну замкнутую касту со строгой иерархией личного подчинения, членом которой также можно рассматривать в качестве рабов короны»².

И, наконец, главное преступление русского деспотизма состоит в том, что «простой народ, лишенный имущества и имени, низведенный до уровня домашнего скота, при жестоком обращении полностью утратил чувство собственного достоинства и личной чести. В результате «общество, охваченное апатией и безразличием ко всему, не в силах бороться за улучшение своей участи»³. Исследовав все последствия установления деспотизма и подводя итог допетровскому периоду истории России, Гёррес делает свой вывод: «Таким образом, на основе угнетения двух подвластных каст и третьего сословия крепостных париев, среди северной суровости возникла типичная по своей форме восточная империя, многовековое существование которой привело к дальнейшему закреплению азиатской деспотической формы правления»⁴.

Хотя картина ранней истории «Московии» у Гёрреса мало отличается от традиционных канонов европейской историографии, но все же, рисуя ужасы деспотического правления в России, он, в отличие от Роттека, не был пессимистом. Напротив, у него был собственный, заимствованный у просветителей прогрессистский взгляд на развитие истории. По его собственному образному выражению, история — это «великое путешествие по человеческим душам спустившейся вниз на землю божественной “высшей идеи”», которая, несмотря на все сопротивление «земного духа», продолжает вести его вперед, сама оставаясь при этом неизменной, «неподвластной течению времени»⁵. Период русской исто-

¹ Ibid. S. 264

² Ibid. S. 264.

³ Ibid. S. 266.

⁴ Ibid. S. 267.

⁵ Ibid. S. 21.

рии, когда движение «земного духа» совпало с «высшей идеей», начался, по мнению Гёрреса, с правления Петра Великого, которого он, по аналогии с европейским эпосом о короле Артуре, называет «одним из титанов-реформаторов круглого стола Святого князя Владимира»¹. Именно с этого момента началось постепенное вхождение России в Европу, которое проявилось, в том числе, в начавшемся «с тех пор противостоянии между отжившими традициями и прогрессом, которое окончательно разделило Европу»². Политическая борьба между условными либералами — сторонниками реформ и европеизации страны, и консерваторами, «ненавидящими все чужеземное, готовыми сопротивляться любому изменению, объявляющими любые элементы цивилизации губительными для России, полными упрямого невежества и варварских предрассудков», определяла и продолжает определять судьбу России. От победы той или иной партии зависит будущее страны. Но Гёррес верит в прогресс истории и полон оптимизма. Он полагает, что отсутствующее пока третье сословие, «следуя природе вещей, должно, наконец, сформироваться», и «старой» России «рабов» будет «противостоять постепенно выросшая из ее недр свобода». Уже сегодня можно наблюдать, что «Россия медленно, как огромная тающая льдина, уносится течением от старых берегов. Очевидно, что в новейшее время ей уготована великая судьба, и теперь для нее начнется действительно великолепная история»³.

В сочинении «Священный союз и народы на конгрессе в Вероне», опубликованном в следующем 1822 г., его взгляд на будущее России еще более оптимистичен. «Россия, — считает он, — после отказа от старой хищнической политики фактически вступила в семью европейских государств, действительно перейдя на более высокий уровень цивилизации. На наших глазах произошла удивительная трансформация: государство, прежде основанное, подобно азиатским деспотиям, только на военной добыче, заняло почетное место среди цивилизованных великих держав, став в силу внутренней необходимости частью целого»⁴. Теперь, наконец, она может следовать своему историческому предназначению: «Перерабатывая с помощью европейской культуры огромную массу сырого человеческого материала, прививая к дикому ство-

¹ *Görres J. v. Europa und die Revolution...* S. 268–269.

² *Ibid.* S. 269.

³ *Ibid.* S. 280.

⁴ *Görres J. v. Die Heilige Allianz und die Völker auf dem Congresse zu Verona.* Stuttgart: J.B. Weßlerischen Buchhandlung, 1822. S. 92.

лу достижения цивилизации, ... России суждено стать благословением и освободителем той части света, где она простирается как колония Европы»¹.

Единственным диссонансом на фоне этой радужной картины настоящего и будущего России является сюжет, связанный с русской армией. Следуя за просветителями и философией истории Гегеля, Гёррес полагал, что каждый народ в своем развитии должен воплощать некий предопределенный свыше «принцип». Таким «принципом» для России стала, по его мнению, регулярная армия. «Дух русских, — пишет он, — есть собственный и истинный дух действующих армий: повиноваться каждому толчку, который направляется сверху вниз, оставаясь при этом лишенным собственной воли»². С создания Петром регулярной армии, Россия начала воплощать свой «принцип» и «вошла в мировую историю, став с момента создания постоянной армии действующей силой в Европе». Гёррес полагал, что ни один народ мира не создан так для военной службы и связанных с ней лишений и строжайшего повиновения, как русские. Поэтому «регулярные армии, со всем, что с ними связано, являются лишь продолжением России, которое предстанет перед нами, когда Азия, перешагнув в Европу, утвердит восточный принцип в центре Запада»³.

Картина русской истории, созданная новообращенным консерваторм Гёрресом, совсем не так однозначна и целостна, как у либерала Роттека. Его восприятие России так же противоречиво, как и эпоха, которая его сформировала. С одной стороны, она «колония Европы» в Азии, несущая цивилизацию диким народам, а с другой — «восточный принцип в центре Запада», потенциально угрожающий этой цивилизации. С одной стороны, Россия «фактически вступила в семью европейских государств»; с другой стороны, Гёррес пишет о том, что «Российская империя, как государство крестьян и регулярных армий, из Азии постоянно нависает над нами». В конце концов, он сам подчеркивает амбивалентность России, соединив воедино противоположные полюса Запада и Востока: «С одной стороны, эта огромная империя, пусть и на свой лад, уже сформирована европейской культурой, в то время как ее азиатская часть все еще подобна эмбриону, скрытому в лоне природы. При этом она постоянно растет, созревает и расширя-

¹ Ibid. S. 92–93.

² Ibid. S. 282.

³ Ibid. S. 283.

ется, как никто другой, все время поглощая новые варварские племена и, тем самым, приобщая их к культуре и цивилизации»¹. Признание амбивалентности России, как одной из форм ее самобытности, на этом новом витке развития внешнеполитического дискурса было очень важным шагом в дальнейшем формировании восприятия Российской империи, так как допускало как существование нового позитивного образа России — носителя европейской культуры, приобщающего к ней дикие азиатские племена, так и реанимацию всех прежних мифов, связанных с «русской угрозой» и азиатским варварством «деспотического правления».

Примечания к Главе V

- [1] Фридрих Александр Бран (Friedrich Alexander Bran, 1767–1831) — немецкий либеральный журналист, писатель, издатель.
- [2] Вогезы — горный массив, расположенный параллельно Рейну на его западном берегу, составляющий западную границу Верхнерейнской низменности. На протяжении всей своей истории был причиной раздора между Францией и Германией, стремящейся овладеть Эльзасом и Лотарингией. Принадлежит Франции.
- [3] Генрих Люден (Heinrich Luden, 1788–1847) — немецкий историк, профессор университета в Йене. Сторонник либеральных идей и немецкого национального государства, Люден содействовал развитию немецкой историографии, дав образцы художественно-научного изложения. Кроме курсов всеобщей истории народов и государств древности (1814, 1824) и средних веков (1821–22, 1824), он написал главный свой труд — «Историю немецкого народа» (“Geschichte des deutschen Volkes”. Gotha, 1825–27). Издавал журнал политики и истории “Nemesis” (Веймар, 1814–18).
- [4] Карл фон Роттек (Karl von Rotteck, 1775–1840) — баденский политик, историк, правовед. В 1798 г. Роттек стал профессором кафедры всеобщей истории Фрайбургского университета. С 1813 по 1829 г. публикуются все тома первого издания его «Всеобщей истории», ставшей очень популярной в Германии.
- [5] Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) — дипломат и писатель из рода Стурдза, исследователь политических и религиозных вопросов, пользовался протекцией графа Каподистрии и под его руководством на русской дипломатической службе достиг чина тайного советника.
- [6] В 1818 г., во время Аахенского конгресса, Стурдза по поручению императора представил членам конгресса написанную им записку «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne». Против воли конгресса и самого Стурдзы, она в конце 1818 г. была опубликована в газете «Times», а отсюда перепечатана немецкими газетами, в том числе популярным журналом «Europäische

¹ Görres J. v. Die Heilige Allianz und die Völker auf dem Congresse zu Verona. Stuttgart: J.B. Weßlerischen Buchhandlung, 1822. S. 259.

Annalen». Испугавшись недовольства, вызванного этой публикацией в немецких государствах, Стурдза был вынужден бежать в Дрезден. После того как студент из Вестфалии граф Бухгельн вызвал его на дуэль и вызова этого Стурдза не принял, он, опасаясь за свою жизнь, срочно по подложным документам вернулся из Германии в Россию. Однако Александр I постарался компенсировать ему понесенный моральный ущерб: за оставление на конгрессе политической линии России Стурдза был награжден орденом Святого Владимира.

- [7] Студенты сожгли также вещественные символы угнетения и реакции. Кроме книг в огонь полетели солдатская коса, капральский жезл и жан-дармское обмундирование. Каждый сжигаемый предмет предварительно демонстрировался толпе на высоко поднятых вилах.
- [8] Карл Альберт фон Кампц (Carl Albert von Kamptz, 1769 — 1849) — известный немецкий юрист и государственный деятель консервативно-реакционного толка. С 1809 г. — судья Берлинского апелляционного суда, с 1817 г. — исполнительный директор Департамента полиции Берлина, с 1825 г. — министр юстиции Пруссии. Вызвал особую неприязнь у либеральной части немецкого общества своим преследованием «демагогов» — участников праздника в Вартбурге в 1817 г., получив в прессе прозвище «пожирателя либералов».
- [9] Лоренц Окен (Lorenz Oken, 1779—1851) — немецкий ботаник, натуралист, физиолог, доктор медицинских наук, философ, профессор Йенского университета.
- [10] 1 июля 1819 г., находясь под впечатлением политического убийства Коцебу, ученик аптекаря Карл Фридрих Лёнинг в Бад-Швальбахе (Гессен) совершил неудачное покушение на жизнь президента правительства княжества Гессен-Нассау Карла Фридриха Эмиля фон Ибелля, что также способствовало скорейшему принятию Карлсбадских решений.
- [11] Фридрих Людвиг Ян в 1819 г. был арестован и осужден за организацию патриотических спортивно-гимнастических обществ. До 1821 г. он содержался в крепости Кольберг, а затем вплоть до 1825 г. находился в ссылке.
- [12] Карл Теодор Велькер (Carl Theodor Welcker, 1790—1869) — немецкий юрист, публицист и либеральный политик; младший брат Фридриха Готлиба Велькера (1784—1868) — известного филолога и археолога. В 1819 г. братья Велькер были вынуждены оставить преподавательскую деятельность в Боннском университете.
- [13] Карл Йоахим Фридрих Людвиг фон Арним (Carl Joachim Friedrich Ludwig von Arnim, 1781—1831) — немецкий писатель, основной представитель (вместе со своим другом Клеменсом Брентано) гейдельбергского романтизма. Вместе с Брентано составил антологию народных песен «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn») в трех томах (1805—1808), оказавшую значительное влияние на развитие немецкой лирики XIX в.
- [14] Клеменс Брентано де ла Рош (Clemens Brentano, 1778—1842) — немецкий писатель и поэт.

ГЛАВА VI

ПРОЕКЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЙ И НАДЕЖД. «Русский вопрос» как основа для формирования новых смыслов (1822–1830)

- 6.1. Возрождение комплекса «русской угрозы» для создания новых идеологических конструкций. Пропагандистский взгляд на «Русский вопрос»: «Завещание Петра Великого» и миф об «англо-русской диктатуре» в Европе (1822–1824)

В качестве примеров постепенного возрождения старого комплекса «русской угрозы» могут служить два сочинения, анонимно изданные в 1824 г.: «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России»¹ и «Политическое завещание императора Наполеона в сравнении с политическим завещанием Петра Великого, императора России»². Одновременно с последним сочинением вышла еще одна брошюра, видимо, переведенная с французского языка, с похожим названием и аналогичная по содержанию³. Обе публикации отличаются только авторскими комментариями, которые являются наиболее интересной частью для анализа. В первом сочинении, судя по всему, они сделаны немцем и потому представляются нам более предпочтительными.

¹ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland. Schmalkolden: bei Th. G. Fr. Barhagen, 1824.

² [Anonym.] Des Kaisers Napoleons politisches Testament im Vergleich mit dem politischen Testament Peters des Großen, Kaisers von Russland. Leipzig: Verlag der Ernstischen Buchhandlung, 1824.

³ [Anonym.] Des Kaisers Napoleon politisches Testament. Nebst einem Verzeichnisse der Vermächtnisse, welche er hinterlassen hat. Zweite vermehrte Auflage. Mit dem politischen Testament Peters des Großen, Kaisers von Russland- Leipzig, 1824.

Наполеон Бонапарт, образ которого уже был овеян мифами и легендами, скончался в мае 1821 г. на острове Святой Елены. А в 1823 г. в Лондоне вышла наделавшая много шума и сразу ставшая бестселлером книга графа Эммануэля Огюста де Лас Каза «Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне»¹. Она представляла собой дневник, который вел граф Лас Каз^[1], последовавший за Наполеоном в изгнание на остров Святой Елены. День за днем он записывал все, что делал и говорил император, более того, часть дневниковых записей была продиктована самим Наполеоном. В основном это геополитические рассуждения, некоторые из которых были связаны с Россией. Так, например, продолжая надеяться на то, что ему удастся покинуть место своего заточения, в 1815 г. Наполеон утверждал, что «при настоящем порядке вещей в течение десяти лет вся Европа может стать казачьей или окончательно республиканской»², и только он может спасти континент от грозящих ему опасностей. В следующем 1816 г. он снова не раз возвращался к теме России, сравнивая ее с головой гидры, готовой проглотить Европу, справиться с которой сможет только новый Геркулес³, под которым он, разумеется, подразумевал себя. Высказывания Наполеона были точны и остроумны и очень скоро разошлись на цитаты, а интерес к его личности, жизни и смерти вновь охватил всю Европу. Поэтому неудивительно, что с 1823 г. европейскую прессу заполнило множество разнообразных текстов, которые выдавались за его «мемории» и «политические» завещания.

Что же касается «Завещания» Петра Великого, то связанная с ним история еще более интересна. Тест, выдаваемый за «Завещание», являлся исторической фальсификацией, созданной с политическими целями в эпоху Французской революции в конце XVIII в. в эмигрантской среде во Франции. В его основу легло сочинение польского эмигранта М. Сокольниковского «Взгляд на Россию», написанное в 1797 г., текст которого так и не был опубликован. Накануне вторжения Наполеона в Россию эти материалы были использованы в пропагандистских целях французским чиновником Мишелем Лезуром, который, будучи одновременно историком, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала

¹ *Las Cases E. Mémorial de Sainte Hélène. Journal of the private life and conversations of the Emperor Napoleon at Saint Helena. Vol. 4. London: H. Colburn and co, 1823.*

² *Las Cases E. Op. cit. Vol. II. P. 233.*

³ *Ibid. Vol. IV. P. 113ff.*

его и до XIX века»¹, опубликованную уже в 1812 г. Тест, известный позднее как «Завещание Петра Великого», был включен в это сочинение и впервые представлен публике Лезуром в качестве «Плана Петра Великого». Этот памфлет был предназначен для того, чтобы убедить европейскую публику в наличии долгосрочных агрессивных и наступательных планов у российского правительства во внешней политике. Петру I приписывалась идея о необходимости для России осуществлять территориальную экспансию в северном, южном и восточном направлениях вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии, то есть речь шла о письменном доказательстве существования «русской угрозы», нависшей не только над Европой, но и над всем миром. В преамбуле Лезур писал, что «Французская революция и революция в Польше должны нанести смертельный удар по планам Петра», дабы предотвратить грозящую катастрофу. По словам автора, этот секретный план императора был якобы найден среди бумаг русских архивов, захваченных в 1794 г. в Варшаве². Следующее упоминание о «плане Петра Великого» можно встретить в небольшой брошюре генерала Роберта Вильсона «Очерк на тему военной и политической мощи России в 1817 году»³, вышедшей в Лондоне. И, наконец, в 1824 г. в Лейпциге «План Петра Великого» Лезура впервые был опубликован на немецком языке как его «Завещание» и именно в таком виде вошел в литературный и политический обиход.

При этом мода в Европе на поддельные завещания монархов продолжала расти. В этот же период было очень популярно фальшивое «завещание» Екатерины II, которое под заглавием «Добрый и последний совет Екатерины II Павлу I, найденный в бумагах государыни после ее смерти» было первоначально опубликовано в 1802 г. в анонимно изданной в Париже и Лондоне книге «История России, сокращенная до изложения только важных фактов»⁴.

Все эти политические фальсификации впоследствии на протяжении полутора столетий использовались для разжигания военной истерии на основе комплекса «русской угрозы» в период меж-

¹ *Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812.*

² *Сироткин В.Г. Наполеоновская война перьев против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 143–144.*

³ *Wilson W. Sketch on the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. London, 1817.*

⁴ *Histoire de la Russie, reduite auf seuls faits importants. (Devise; – multapaucis) 'A Londres et a Paris chez Buisson. L'anx, 1802.*

дународных конфликтов. Однако представленное нами сочинение было написано совсем с другой целью. Памфлет с публикацией «завещаний» двух императоров интересен тем, что его анонимный автор, либерал и пацифист, обратился к старым французским пропагандистским материалам не для того, чтобы вызвать ненависть к России или военную эскалацию. Более того, Россия как таковая, судя по всему, его вообще мало интересует. Он использует это заведомо сфальсифицированное «свидетельство» «русской угрозы» как повод для изложения собственного либерального манифеста и призыва к «вечному миру», полагая, что законодательное урегулирование принципов Священного союза поможет избежать международных конфликтов, а вовремя проведенные либеральные реформы — политического раскола в обществе и гражданских войн. Автор брошюры с «завещаниями» Петра и Наполеона также неоднократно выражал сомнения в их подлинности, однако приводит их в качестве политических свидетельств, чтобы показать, насколько опасными могут быть для германских государств давящие на них с запада и востока соседи — Франция и Россия.

Текст брошюры разбит на три части и выглядит как три монолога — Наполеона, Петра Великого и автора, который выступает со своими комментариями, основываясь на предыдущих двух тестах. Большая часть «Завещания» Наполеона посвящена прогнозам на будущее для основных держав Европы и Турции. По мнению «Наполеона», Францию ждет новая революция, которая окончательно сметет власть Бурбонов, а Англию — затяжной экономический и политический кризис, вызванный общественным расслоением и ростом эксплуатации большинства населения разбогатевшим на торговых и финансовых операциях меньшинством. Турция, как якобы считал бывший французский император, будучи варварской державой, чуждой Европе, должна быть вытеснена «из этой части света». О будущем России он не говорит ничего, кроме того, что она обладает самой сильной в мире армией. Наибольшее внимание, как и следовало ожидать, «Наполеон» в своих предсказаниях уделяет Германии, произнося, по сути, либеральный манифест патриотически настроенных немцев. Он видит Германию свободной не только от иностранного гнета, под которым следует подразумевать, прежде всего, влияние России, но от тирании местных правителей. Главным препятствием на пути к полному освобождению французский «прорицатель» считает противодействие России и Австрии, но все же выражает надежду на национальное и политическое возрождение Германии.

Далее «Наполеон» объясняет причины начала русско-французской войны 1812 г. продолжением своей борьбы за сохранение мира в Европе. «Император Александр, — утверждает “Наполеон”, — может мобилизовать многочисленные армии, чтобы в любой момент вывести их за пределы своих границ. Русским ничего не помешает установить свое господство над Европой, если на то будет воля Александра»¹.

Подтверждением слов «Наполеона», по мнению автора брошюры, является приведенное следом «Завещание Петра Великого». Причину того, что Россия «издавна демонстрировала стойкое стремление к экспансии на Запад и Юг, — как он считает, — следует искать в политическом завещании Петра Великого. Петр I совершенно откровенно описал проекты, безотлагательное осуществление которых он рекомендует своим наследникам, и последние добросовестно исполнили многие из них. Представленный на суд читателей документ относится к условиям и намерениям России относительно Турции, Польши, Швеции и других соседних стран»².

После изложения основных тезисов «Завещания Петра Великого», позаимствованных из книги Лезура, в заключении автор памфлета опять берет слово, чтобы поделиться с читателями своими мыслями о возможности и необходимости сохранения «вечного мира», угрозу которому он видит в политике быстро возрождающейся Франции и России. Он считает, что стремление к экспансии, ставшее источником многих кровавых войн, «не только не прекращается, но, наоборот, постоянно возрастает», и пока «внутренние государственные институты не будут служить насаждению нравственности в обществе, сохранение мира между народами будет всегда основано только на страхе перед бедствиями, которые производит война»³. Автор считает, что сохранение мира может основываться только на всеобщей законности, совмещенной с уважением прав каждой личности.

Установление новых правовых международных институтов и проведение либеральных реформ, по его мнению, особенно актуально для Германии. Возвращаясь к представленным выше документам — «Завещаниям» Наполеона и Петра Великого, автор напрямую обращается к читателю с назидательной речью: «Итак, дорогой читатель, два представленных на твой суд документа еще

¹ Des Kaisers Napoleon politisches Testament... S. 15.

² Ibid. S. 21.

³ Ibid. S. 17.

раз напоминают нам об угрозе двойной экспансии — с Запада и с Востока, которая совсем недавно нависала и продолжает нависать над Германией и над всей Европой со стороны двух империй: Французской и Российской, о чем свидетельствуют политические завещания их властителей»¹. Единственную защиту от грозящей экспансии автор видит «в принятом большинством народов» международном законодательстве и либеральных реформах: «Справедливый закон гарантирует всем безопасность, а мудро составленная конституция предотвращает как опасность угнетения, так и дряблое безволие власти»².

Итак, перед нами довольно интересный пример использования старых пропагандистских инструментов для обоснования совершенно новых политических целей. По сути, автор в условиях политического обскурантизма периода Реставрации использует идею гипотетической французской и русской «угрозы», не для эскалации ответных мер со стороны Германии, а для аргументации в пользу проведения либеральных реформ и законодательного закрепления основных положений Священного союза, хотя делает это по цензурным соображениям в весьма туманных выражениях, не давая никаких конкретных рекомендаций.

Вторым сочинением, основанным на старых мифологемах времен Французской революции, является изданное в том же 1824 г. анонимное эссе под названием «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России»³. В его основе лежит старый тезис об «англо-русской диктатуре» над Европой, получивший наибольшее распространение во французской прессе во время военной компании 1798 г. Тогда продвижение войск второй коалиции описывалось как повторение древних варварских нашествий на Европу. Франция же представлялась как «лидер цивилизованной Европы», противостоящий «варварским империям» — Австрии, Британии и России. Впоследствии после ряда поражений, Австрия была убрана из этого списка, зато миф о «диктатуре» двух окраинных империй, не принадлежащих Европе — морской и континентальной — получил новое развитие и надолго закрепился в про-французской европейской публицистике. Суть его была озвучена еще в начале 1795 г. депутатом Антуаном Франсуа Буасси д'Англа на заседании конвента 21 января и сводилась к формуле: «Россия

¹ Ibid. S. 24.

² Ibid. S. 25.

³ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland. Schmalkolden: bei Th. G. Fr. Barhagen, 1824.

стремится к владычеству на суше, тогда как надменный Альбион — к владычеству на море»¹.

Впоследствии наиболее полное развитие пропагандистская тема о русско-английской угрозе получила в публицистике молодого Гёрреса, в частности в его аналитической статье 1798 г. «Исторический обзор новейших политических событий», открывавшей шестую часть первого тома журнала «Красный листок», где он пишет об угрожающей всей Европе «всемирной диктатуре английской торговли и русской военной политики»².

Последовавшие победы Франции в Европе и новые войны на время сделали этот сюжет неактуальным. Затем после недолгого затишья тема «англо-русской диктатуры» оживилась снова. Так, в 1823 г. вышло программное сочинение блестящего французского публициста аббата Дюфура де Прадта¹²¹ «Сопоставление английского и русского могущества относительно Европы»³, в котором он доказывал, что угроза Европе с моря в лице Англии и с суши — со стороны России продолжает сохраняться и в современных условиях. Она требует от европейских держав сплотиться и приложить все усилия для восстановления сильной Франции, которая одна может возглавить общее сопротивление грозящему всем народам «двойному игу».

Экономическое превосходство Англии и засилье английских товаров, как и военное превосходство России и политическое давление с ее стороны, в равной степени вызывали раздражение в германских землях. Поэтому реанимированная Прадтом тема «англо-русской диктатуры» оказалась близка и немецким интеллектуалам, но они интерпретировали ее по-своему. Автор брошюры «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России», вышедшей через год после книги Прадта, говорит о существовании двух полюсов, между которыми находится Европа — Англии и России. Но он призывает европейцев не бороться с ними, а примкнуть к одному из них, так как существование двух сверхдержав, которые пусть разными способами, но продолжают распространять свое влияние, рано или поздно должно привести к конкуренции и про-

¹ Цит. по: *Groh D.* Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961. S. 106.

² *Görres J. v.* Historische Übersicht der neuesten politischen Ereignisse // *Das rothe Blatt: eine Dekadenschrift.* Bd. I, Heft VI. Koblenz: Lasaulx Verlag, 1798/99. S. 175–185.

³ *Pradt D. de.* Parallèle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe, suivi d'un aperçu sur la Grèce. Paris: chez Bechet aine, 1823.

тивостоянию между ними. И когда мир расколется пополам, «вы не сможете уклониться от влияния одной или другой державы. Вся ваша свобода будет ограничена только этим выбором»¹, — обращается он к своим читателям. При этом автор продолжает придерживаться старого тезиса о периферийности, а следовательно, слабой включенности этих двух империй в Европу, в чем видит главную опасность сложившейся ситуации: «Протекторат над обществами, близкими друг другу в своем нравственном и гражданском развитии, оказался в руках двух держав, которые по своей прихоти вынесли принятие судьбоносных для европейских народов решений за рамки их территорий, их жизни и деятельности. Отныне право определять судьбу Европы принадлежит двум окраинным империям, образованным из элементов, почти полностью противоречащих друг другу, и на очень различных основах»². Далее, автор пытается показать противоположность этих основ, помогая читателю сделать правильный выбор той или иной стороны. При этом он претендует на полную объективность и беспристрастность суждений, подчеркивая, что не является сторонником ни английской, ни русской партий в Европе.

В брошюре действительно дается системный геополитический анализ состояния России с точки зрения размеров ее территории, рельефа и климата, состава населения, развития цивилизации, конкурентоспособности ее армий, системы государственного управления и принципов внешней политики. Характеризуя российскую империю, как сильную европейскую державу с огромной территорией, но с неблагоприятным для жизни климатом, с постоянно растущим населением, и обладающую «всеми могущественными рычагами цивилизации, которые объединяют Россию с остальным миром», автор выражает уверенность, что эти «рычаги», «со временем так разовьют духовные силы русского общества, что это неизбежно должно повлечь за собой развитие гражданского общества. Гражданские свободы — это самое сильное стимулирующее средство для государств, и Россия, подобно другим народам, почувствует силу его острия. С его помощью она окончательно и полностью разовьет свои силы»³.

После оптимистичной картины будущего, автор переходит к анализу нынешнего состояния России в области внутренней

¹ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland... S. 111.

² Ibid. S. 2.

³ Ibid. S. 98.

и внешней политики. Главные проблемы ее внутреннего устройства автор видит в отсутствии третьего сословия и свободы общественного мнения: «В России не существует никакого общественного мнения, никакого законодательно обязательного оповещения, никаких протестов и возражений, никакого признанного народом права. Идеи восточного деспотизма живут и претворяются в жизнь со всей строгостью: солдаты, рабские машины, так сильно подавляют свободу жителей, как будто речь идет о насаждении политики иностранных поработителей»¹.

Затем, продолжая нагнетать читательское напряжение и страхи, автор анализирует ее современную внешнюю политику. Он переходит к одной из главных составляющих комплекса «русской угрозы», а именно к теме растущей мощи российской армии, которая в случае войны представляет собой большую опасность для Европы. «При этом, — уточняет он, — самим европейским армиям не удастся напасть на Россию так, чтобы причинить ей ощутимый ущерб. Она не имеет ни морской торговли, ни колоний, не какого-либо другого уязвимого места»². Подобная неуязвимость дает России возможность вести успешную экспансию на Западе и Востоке, при этом постоянно вмешиваясь в дела европейских государств, будучи лишь периферийной империей. «С 1799 года, — констатирует автор, — Россия пять раз вмешивалась со своими армиями в дела Центральной Европы. С тех пор она стоит во главе континентальной политики. — После Венского конгресса Европа должна была сплотиться и снова закрыться перед Россией, чтобы единодушно препятствовать любому участию в своих делах державе, которая не имеет здесь никакого непосредственного интереса, но может нарушить равновесие европейских государств в свою пользу»³.

Далее, развивая тему русско-английской диктатуры и проводя сравнительный анализ политики двух империй, автор постепенно выводит из этой схемы английскую составляющую, заменяя всю с таким трудом созданную политическую конструкцию старой мифологемой «русской угрозы». Общий ход его рассуждений таков: если Англия несет по всему миру цивилизацию и культуру, а в случае войны может лишь лишить своих врагов части их богатств, то Россия со своей огромной армией может не только прекратить само их существование, но и уничтожить всю Европу. Образ «мер-

¹ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland... S.108.

² Ibid. S. 103–104.

³ Ibid. S. 100.

кантильной» Англии был им использован только для того, чтобы на контрасте доказать, что «от России не следует ожидать ничего, что касается развития общественной свободы в Европе. Наоборот — главный принцип ее правительства противоречит любой форме свободного развития»¹. То есть речь опять идет о необходимости либеральных реформ в германских землях, которые необходимо проводить, несмотря на реальное или мифическое давление России, которую было проще и удобнее всего обвинить во всех собственных неудачах. Таким образом, из изобретенного французами пропагандистского тезиса о «русско-английской диктатуре» немецкими либеральными интеллектуалами был полностью выхолощен заложенный в него первоначальный смысл. И мы еще раз смогли наблюдать, как в условиях жесткой цензурной политики, запрещавшей любые формы либерального дискурса, старые инструменты и клише французской политической риторики спустя тридцать лет вновь используются немецкими публицистами для создания собственных новых идеологических конструкций.

6.2. Россия как форпост европейской цивилизации на Востоке. Геополитический взгляд на «Русский вопрос»: *Михаэль Александр Липс (1828–1830)*

Помимо русской экспансии в Европу немецких интеллектуалов также занимала тема продвижения России на Восток, которая давала повод рассматривать ее, с одной стороны, как форпост, защитный вал от турецкой агрессии; с другой стороны, — с точки зрения ее культуртрегерской миссии, — как европейскую колонию в Азии, «несущую блага цивилизации диким племенам на Востоке». Однако мысль о том, что Россия не сразу вступила в европейскую цивилизацию, имела свою оборотную сторону — напоминание о том, что она возникла как цивилизация азиатская. Между Российской и Османской империями часто проводились политические и культурные параллели. Кроме того, в европейской политике существовало вековое противопоставление Турции и России, как чужаков для европейской цивилизации, которых периодически можно было использовать друг против друга, объявляя союзниками и включая в коалиции. В XVIII в. произошла замена антитезы «христианство — ислам» на противопоставле-

¹ Ibid. S. 108.

ние «цивилизации» и «варварства». Представления о культурном и цивилизационном единстве, определяемые такими критериями, как «гуманность», «право», «общественные нравы», вытеснили христианскую общность в качестве главного признака, по которому Европа отличала себя от неевропейских обществ. В результате Россия и Турция периодически оказывались в одном лагере, как варварские и деспотические государства. Кроме того, постепенное распространение принципов «Realpolitik» для сохранения баланса сил в Европе давало повод для того, чтобы менять их местами, поддерживая Турцию против России и наоборот. Однако если восприятие России европейцами предполагало некую амбивалентность, то в отношении Османской империи ее не было, и действовал только голый расчет «реальной политики».

Соперничество России и Турции со времен «Греческого проекта» Екатерины II также имело первостепенное значение для европейских правительств с точки зрения сохранения баланса сил. Франция и Англия, а также Швеция периодически поддерживали Турцию в русско-турецких конфликтах. Так, накануне очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. британское правительство приняло решение: если Россия попытается захватить Константинополь, то этому необходимо воспрепятствовать, применив военную силу на стороне Турции¹.

Насколько эта тема была актуальна для Европы можно судить по большому количеству сочинений, появившихся в 1828 г. накануне русско-турецкой войны. Одним из них был трактат известного немецкого экономиста, профессора философского факультета университета Эрлангена Михаэля Александра Липса^[3] «Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы»². С помощью этого сочинения немецкий профессор пытался донести до широкой публики свои соображения о необходимости вытеснения турок с европейского континента и предложения о том, как сохранить политическое равновесие и «вечный мир» в Европе. По сути, это был, наверное, один из первых европейских планов «умиротворения» России. И хотя немецкого «кабинетного профессора» из провинциального Эрлангена

¹ Gleason J. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion (1815–1841). Cambridge: Harvard University Press, 1950. P. 96.

² Lips A. Der Krieg im Osten, aus dem Gesichtspunkt der Zivilisation, der Politik und allgemeinen Interessen von Europa. Nürnberg; Erlangen: Chr. Fr. Müller Verlag, 1828.

не смогли заподозрить в ангажированности даже оппоненты, многократно критиковавшие его за прорусскую позицию, занятую им при написании другого знаменитого памфлета о Венском конгрессе¹, изложение его взглядов на «восточный вопрос», судя по всему, во многом совпадало с мнением русского правительства.

В центре исследования Липса находится рассмотрение тактики европейских государств в отношении Турции и России с точки зрения потребностей цивилизации и так называемой «Realpolitik», то есть политической целесообразности. По мнению автора, со всех точек зрения Россия является частью Европы и важнейшим игроком на политической арене. Что же касается Османской империи, то она ради спасения цивилизации и в интересах реальной политики должна быть вытеснена из Европы, «которая не может больше существовать рядом с варварством и деспотизмом»². Далее Липс совершает своего рода интеллектуальную подмену понятий и образов. Он изымает Россию из того круга политического отчуждения, куда ее периодически ставили французские и немецкие публицисты, и помещает на ее место Турцию, обратив на нее всю ту риторику, что использовалась против России. Он призывает всех правителей Европы, куда, по его убеждению, входит и Россия, объединиться и свергнуть «деспотизм Азии», так как «такое правление, как турецкое, ни в коем случае не подходит Европе, а возможно только в Азии, на родине деспотизма и униженного человечества»³. В том же ключе он говорит о «турецкой угрозе», несмотря на то, что сам многократно подчеркивал слабость и военную деградацию Османской империи: «Европейская политика должна была обратить внимание на опасность, которая возникнет, если она позволит существовать рядом с собой этому вооруженному на европейский манер народу, воодушевленному фанатизмом и верой в слепую судьбу. С учетом ее физических возможностей, религиозных принципов и национальной ненависти Порту следует бояться гораздо больше, чем Россию, тем более что ислам — единственная религия, которая в наши дни стремится стать господствующей»⁴.

¹ *Lips A. Der Wiener Kongress oder was muss geschehen um Deutschland vor seinem Untergang zu retten. Erlangen & Ghr. Fr. Müller, 1814; Nürnberg, 1825; Gissen, 1833.*

² *Lips A. Der Krieg im Osten...* S. 31.

³ *Ibid.* S. 33.

⁴ *Ibid.* S. 59.

Далее Липс отвечает всем противникам войны с Турцией, которые стремятся сохранить последнюю в качестве противовеса дальнейшему усилению России для обеспечения баланса сил в Европе. Он задается вопросом: «А существует ли политическое равновесие в Европе и может ли подобное явление существовать?». — И сам отвечает на этот вопрос: «Существует много различных заблуждений в жизни, но самым большим из них, без сомнения, является распространенная идея о равновесии сил в Европе, этот фантом, призрак, который, несмотря ни на что, продолжает существовать для тех, кто в него верит. В действительности, среди европейских государств нет ни малейшего равновесия, в этом отношении все является игрой случая, а именно истории государств!»¹. Липс готов согласиться, что страх перед «русской угрозой» возник не на пустом месте: Россия, действительно, систематически вторгалась в Европу и, расчленив Польшу, продвинулась до границ Германии. Поэтому он предлагает европейцам поддержать войну России с Турцией, дав ей захватить все, что она хочет, перенаправив, таким образом, «ее продвижение с запада Европы на Юг и Восток, переместив с границ Польши в направлении Турции»².

Обосновывая справедливость своего плана «умиротворения» России, Липс утверждал, что «она будет следовать в этом направлении до тех пор, пока не удовлетворит свои потребности захватчика. Продвижение на Юг является естественной потребностью этой империи. Она инстинктивно следует за этим импульсом, и ни гуманная, ни жестокая политика соседних государств не может противостоять ей в этом, а потому не стоит вставать на ее пути»³. Более того, продвигаясь на Юг, Россия сможет выполнить свою историческую миссию — освободить христианское население турецких провинций от «бескрайних страданий». И даже в захвате Россией Константинополя, чему противились, пожалуй, все европейские правительства, кроме Австрии, Липс видел много позитивного для Европы, так как, «получив возможность полностью посвятить себя Константинополю, она благодаря древней культуре этой земли сможет стать более просвещенной, гуманной и отказаться от всех дальнейших захватов. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то нужно просто не препятствовать тому, чтобы самая

¹ Lips A. Der Krieg im Osten... S. 65–66.

² Ibid. S. 60.

³ Ibid. S. 63.

большая часть европейской Турции перешла к России, чтобы здесь ее интересы нашли свое умиротворение»¹.

Компенсацией за возможность завладеть Константинополем, по мнению Липса, должно было стать удаление России из западной части Европы. Как он считал, Россию следует «принудить добровольно возвратить» Польшу, так как она «слишком далеко, подобно клину проникла в Европу между Австрией и Пруссией, возбуждая тревогу соседей», и направить свою экспансию на Юг, «в безопасную для Европы сторону»². Кроме того, Россия должна будет содействовать «оформлению правильного устройства Германии», настояв на выведении из состава Германского союза Пруссии и Австрии, что сделает его «более сплоченным и однородным».

В результате после фактического «удаления» из Европы не только Турции, но и России, наступит новая эпоха «христианского правления», о которой так мечтал император Александр I, и «правители будут руководствоваться в своей деятельности идеей всеобщего блага для человечества». Рисуя утопическую картину будущего «вечного мира», Липс писал: «Европа должна будет поставить перед собой новую, более благородную задачу. Политике необходимо предложить новую великую идею, новый базис, когда непродуманные действия на международной сцене будут заменены общими для всех принципами новой политической жизни: необходимо сделать законы цивилизации и Просвещения действующими по всей земле, и, таким образом, победить и уничтожить империю произвола, деспотизма и варварства всюду, где она правит. — Мир стоит на пороге новой эры!»³ — почти пророчески провозглашал Липс.

И он был прав: мир, действительно, стоял на пороге новой эры, только не «вечного мира», а эры новых революций и гражданских войн, когда Европа снова, как и во времена Французской революции, будет расколота на два политических лагеря — сторонников и противников грядущих революционных перемен. И в идеологической борьбе либералов и консерваторов образ России, обросший старыми и новыми мифами, по-прежнему будет играть большую роль, окончательно превратившись в политический символ. Мирная эпоха немецкого «Бидермайера» вместе со всеми связанными с ней страхами, разочарованиями и надеждами подошла к концу!

¹ Ibid. S. 70.

² Ibid. S. 76.

³ Ibid. S. 49.

Примечания к Главе VI

- [1] Граф Эммануэль Огюстен де Лас Каз (Emmanuel, comte de Las Cases. 1766—1842) — французский картограф, конфидент Наполеона во время ссылки на остров Святой Елены, автор воспоминаний о нем.
- [2] Доминик Жорж Фредерик де Риом де Пролиак Дюфур де Прадт (Dominique Dufour de Pradt, 1759—1837) — аббат, депутат генеральных штатов от второго сословия, впоследствии дипломат и приближенный Наполеона.
- [3] Михаэль Александр Липс (Michael Alexander Lips, 1779—1838) — известный немецкий экономист, правовед, профессор экономики, адъюнкт-директор философского факультета университета Эрлангена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что ощущения людей, живущих на рубеже веков, более обострены, чем у последующих поколений. Люди, вступающие в новое столетие, вершат суд над уходящей эпохой и связывают с новым веком свои несбывшиеся надежды. То, что не получилось тогда, должно обязательно произойти после пересечения временной границы: безумие и пороки предыдущего века должны быть поглощены «океаном вечности», а его мудрость и добродетели будут унаследованы нарождающимся столетием. Эти рассуждения тем более справедливы для XIX в., канун и начало которого были отмечены великими потрясениями, разделившими историю на «до» и «после». Для современников важнейшими рубежами между уходящей и наступающей эпохой, ставшими предметом активной общественной рефлексии в первой трети XIX в., как в Германии, так и во всей Европе, были Французская революция с ее катастрофическими последствиями и окончание антинаполеоновских войн. 1789 и 1814 гг. дважды потрясли всю политическую систему континента до такой степени, что это повлекло за собой необратимые изменения, сопровождавшиеся политическим расколом в немецком обществе и ощущением наступившего рубежа эпох, после которого Европа уже никогда не будет прежней. Обе эти даты можно рассматривать как вехи, ознаменовавшие собой последовательные этапы развития европейского общества. Период между Французской революцией и окончанием Освободительной войны был временем кровопролитных сражений, всеобщего смятения и разочарований, породивших в умах европейцев множество страхов перед реальными и вымышленными угрозами,

одним из которых был страх перед «русской угрозой», сформированный во многом постреволюционной французской и либеральной немецкой публицистикой. Причем сами Освободительные войны 1812–1814 гг. вполне можно рассматривать как переходный период между разочарованиями и надеждами (с Россией в качестве главной их проекции), который сопровождался у немцев ростом национального самосознания на фоне общественно-политического движения за независимость и единство Германии. Последовавшая за антинаполеоновскими войнами новая эпоха стала временем надежд на духовное возрождение Европы и установление «вечного мира», гарантом которого большинством немецкой интеллектуальной и политической элиты была объявлена Россия и ее император. Анализируя различные источники, как личного, так и публицистического характера, мы могли наблюдать, как за недолгий период между 1879 и 1814 гг. внешнеполитический дискурс и связанный с ним «Русский вопрос» полностью сменил свою повестку и содержание: на смену «русской угрозе» пришло восприятие России как проекции надежд на «вечный мир» и счастливое будущее. Но уже начиная с 1815–1817 гг., в связи с быстрыми изменениями общественных настроений от надежд к разочарованиям и обратно последовали очередные трансформации образа России, когда новые позитивные и старые негативные стереотипы существовали параллельно, то выпадая на время из внешнеполитического дискурса, то возвращаясь вновь и создавая при этом совершенно новые смыслы.

Таким образом, в результате анализа литературных текстов немецких авторов первой трети XIX в. мы можем выделить два противоположных тренда в развитии восприятия России в Германии: негативный и позитивный. Первый из них наиболее четко сформировался в период между Французской революцией и началом немецкой Освободительной войны и связан с комплексом «русской угрозы», второй возник после победы над Наполеоном, как важный элемент нового пространства позитивных ожиданий, впоследствии став частью идеологии Венской системы коллективной безопасности.

Люди, жившие во время событий, обрушившихся на них лавиной после июля 1789 г., чувствовали, что в этих глобальных переменах зашифрованы глубокие скрытые смыслы. Однако они были не в силах их объяснить, исходя из рациональной картины мира, заложенной просветителями XVIII в. Позитивистский взгляд на развитие человечества и вера в прогресс уступили место общему

ощущению растерянности и беспомощности, вызвав в интеллектуальной среде Германии кризис европейского самосознания, на смену которому шла стремительно развивающаяся немецкая национальная идентичность. В контексте становления новых либеральных и националистических тенденций, порожденных Французской революцией, мы можем рассматривать Малле дю Пана и Эрнста Морица Арндта, в некотором роде, как ключевые фигуры, ознаменовавшие собой начало и итог внешнеполитической дискуссии о месте России в Европе в период, последовавший за 1789 г.

Во взглядах Малле дю Пана, заложившего основы комплекса «русской угрозы» в европейском дискурсе, еще не было национальной составляющей. Он был подлинным космополитом, родившимся в Швейцарии, сделавшим научную карьеру в Германии, добившимся наибольшего политического и общественного успеха во Франции и закончившим свои дни в Англии. Главной составляющей его восприятия России была культивируемая им идея о якобы исходившей от нее военной опасности. Главным воплощением Российской империи и этой опасности стала действующая правительство — Екатерина II. В своем памфлете, написанном в разгар русско-шведской войны и, как полагали современники, по заказу короля Швеции Густава III, Малле дю Пан обвинял русскую императрицу в экспансии и узурпации власти как внутри страны, так и в отношении соседних государств. Ее правление и, следовательно, вся ее политика были порочны и нелегитимны, что, в свою очередь, подчеркивалось деспотизмом и связанным с ним рабством внутри страны. Из-за унаследованного от просветителей персонифицированного подхода к истории, именно в политике монарха Малле дю Пан видел причину всех бедствий России. Но, с другой стороны, созданная им негативная картина русской жизни не несла жесткой предопределенности и вселяла надежду на то, что со сменой дурного правителя на хорошего должен измениться вектор развития не только отдельной страны, но всего континента. Не зря он заканчивает свое сочинение надеждой на то, что «мы еще можем... увидеть в Европе правителя, который будет руководствоваться в своей политике исключительно принципами благородства... Тогда он утешит нас за горечь стольких бесполезных войн. Он заменит, наконец, ложный блеск на истинное величие, которое проистекает из самоограничения правителей и счастья их подданных»¹.

¹ [Mallet du Pan J.] Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa... S. 160.

Главными приоритетами для Малле дю Пана были «законность» и «свобода» в духе просветителей XVIII в., которые он наделял самым широким смыслом, распространяя на внутреннюю и внешнюю сферы российской политики. Отправной точкой мировоззрения Арндта стала «нация» и формирование национальной идентичности у немцев через чувство превосходства над другими народами. Именно различный выбор приоритетов этими двумя авторами оказал решающее воздействие на создаваемый ими «концепт» России. Если у Малле дю Пана в 1789 г. еще присутствует надежда на возможный выход из европейского кризиса и постепенное вхождение России, при мудром правлении благородного монарха, в число европейских государств, то у Арндта в 1810 г. ничего подобного нет и в помине. Главной угрозой для Европы, и, прежде всего, для Германии он считает Францию, которая уже установила свое «иго» на всей территории германских земель. Противостояние «революции» и «деспотизма» закончилось, а европейский кризис достиг своего апогея: антифранцузские коалиции разгромлены, Австрия и Пруссия порабощены, Англия далеко и находится в полной изоляции. Европейского баланса, о сохранении которого так беспокоился Малле дю Пан, больше не существует. В этой ситуации Арндт мог делать ставку только на Россию, которая, на время «забыв о своем долге» перед разгромленными союзниками, в этот момент всячески демонстрировала приверженность политике «европейского диктатора» — Франции.

Но Германия уже была «беременна» национально-освободительным движением, одним из главных идеологов которого был Арндт. Закладывая основы немецкого национализма, как главной движущей силы антифранцузского сопротивления, в своих сочинениях он начинает формировать «доказательную базу» об исключительности потомков «древних германцев», то есть современных немцев, которые должны повторить подвиги своих великих предков и вновь разбить «проклятых галлов», объявивших себя наследниками Рима. Для немцев, не имевших ни национальной государственности, ни связанной с ней национальной идентичности, чьи земли были вечным полем боя для всех европейских войн, развитие национального дискурса было очень актуально. В этом контексте политический нарратив о России как инструменте формирования немецкого самосознания пришелся как нельзя кстати. Пытаясь имитировать научность и объективистскую отстраненность, свойственную эпохе Просвещения,

Арндт в 1809/10 гг. пишет одно из первых больших аналитических сочинений о Российском государстве «Краткое слово о России, ее отношении к остальной Европе до и после Петра Великого». В нем он продолжает эксплуатировать негативный образ России, уже детально разработанный Малле дю Паном и немецкими радикалами на рубеже веков. В основу своих рассуждений Арндт положил климатическую теорию просветителей, которая должна была доказать биологическую предопределенность высокого развития одних наций, прежде всего немцев, и, соответственно, неполноценности других. Отсюда тезис о природном детерминизме «рабской сущности» и «варварстве» русских, исключаящий, по сути, всякие надежды на изменение ситуации к лучшему. Противоположность Европы и России укладывалась в старые рамки дихотомии «цивилизация—варварство» и объявлялась природной, неизменной, а значит, вечной.

Проявившийся после Французской революции кризис прежних идентичностей — религиозной, сословной, европейской, — на фоне наступающей эпохи национальных государств требовал поиска новых теорий, дефиниций и мифологем для самоидентификации, а также новых ответов на старые вопросы, в том числе и на «Русский вопрос». Окончательный отход от космополитизма и объективизма Просвещения и использование образа России в качестве инструмента для конструирования собственных идеологических теорий сделали ее какое-либо адекватное восприятие в этот период невозможным. В начале XIX в. на смену научному интересу и традиционным образам пришли политические лозунги, идеологические схемы и национальные мифы, ставшие реакцией на обостряющийся европейский кризис. В дальнейшем примеры их проявления мы увидим и в академических трудах университетского профессора Карла фон Роттека, опубликованных между окончанием освободительной войны и началом Реставрации, и в журнальной политической полемике после Аахенского конгресса и накануне убийства Коцебу, и в пропагандистских анонимных памфлетах середины 20-х гг. Во всех перечисленных случаях немецкие авторы продолжали использовать старые французские пропагандистские клише и стереотипы, но не для того, чтобы вызвать ненависть к России. Более того, Россия как таковая, их всех не очень интересовала. Даже Роттек при написании своей «Всеобщей истории» не обращается к источникам, а использует чужие работы для компиляции, причем делает это настолько небрежно, что путает имена русских царей и выкидывает целые

временные пласты русской истории. Комплекс «русской угрозы» к началу 20-х гг. XIX в., с одной стороны, полностью утрачивает свое первоначальное назначение; с другой стороны — закрепляется в либеральной публицистике одновременно и как повод, и как инструмент для политической агитации за проведение конституционных реформ в Германии, а также сплочения нации перед лицом нового «нашествия варваров» с Востока, так как «от России не следует ожидать ничего, что касается развития общественной свободы в Европе»¹. То есть на этот раз речь идет не о военной угрозе европейской цивилизации со стороны России, как об этом писал Малле дю Пан и его немецкие последователи, а о необходимости либеральных реформ в германских землях, которые необходимо проводить, несмотря на реальное или мифическое давление со стороны «северной империи». Тем более что внешнего врага всегда было проще и удобнее обвинить во всех собственных неудачах. Таким образом, из изобретенного французами пропагандистского тезиса о «русской угрозе» немецкими либеральными интеллектуалами был полностью выхолощен заложенный в него первоначальный смысл. И мы можем наблюдать как старые инструменты и клише французской политической риторики спустя тридцать лет вновь используются немецкими публицистами для создания собственных идеологических конструкций.

После Французской революции окончание Наполеоновских войн стало вторым временным рубежом, который воспринимался современниками не просто как завершение старого и начало нового века, но и как фундаментальная граница, начало новой эпохи в истории человечества. Влияние исхода 25-летнего противостояния Европы экспансии Наполеона на формирующийся «концепт» XIX в. было двояким. С одной стороны, война и порожденная ею Венская система содействовали укоренению взгляда на европейскую политику как на «концерт великих держав» с Францией, Англией, Россией, Пруссией и Австрией в роли главных действующих лиц, подчиняющийся рациональному закону баланса сил. С другой стороны, в общественном сознании присутствовал огромный потенциал ожиданий после победы в многолетних кровопролитных войнах с Францией. Во всей Европе преобладало «благое упование на Божью помощь и прекрасная надежда на лучшее счастливейшее будущее человечества», как писал один из

¹ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland... S. 108.

первых хронистов освободительных войн в Германии¹. Главным воплощением этой надежды стала идея «вечного мира». Впервые мирное состояние народов начало восприниматься в европейском сообществе не как отсутствие войны, а как особым образом организованный порядок. Этим «вечный мир» кардинально отличался от «обычного» мира. Если последний был всего лишь временным интервалом между войнами, то первый исключал саму возможность кровопролитий. Эта идея, охватившая умы многих образованных людей в Европе, была близка той просвещенческой утопии, которая возникла в XVIII в. и получила свое развитие, начиная со знаменитого сочинения французского дипломата аббата Сен-Пьера «Проект относительно того, как сделать мир в Европе постоянным» (1713) и заканчивая аналогичным по содержанию философским трактатом «К вечному миру» Иммануила Канта (1795). В них речь шла о мире без войн и разрушений, где все споры государств между собой разрешались бы общими усилиями в духе взаимоуважения, где не нужно было бы содержать большие армии, а главным принципом международных отношений стала бы братская любовь между народами как членами одной семьи.

Одним из первых в 1814 г. к теме «вечного мира» обратился ректор Дерптского университета Георг Фридрих Паррот. Его рассуждения по этому поводу во второй Академической речи можно рассматривать как начало европейского дискурса о создании принципиально новой системы безопасности на континенте после окончания череды Наполеоновских войн. Паррот еще до Венского конгресса и Священного союза дает нам картину представлений своих современников о прошлом, настоящем и будущем европейской политики, границей между которыми является победа над Наполеоном. Если в прошлом «насилие диктовало условия мира», а «политика была лишь поводом для новой войны», то в будущем в атмосфере взаимного доверия между народами можно ожидать «особенно длительного мира», который должен привести к полному искоренению войн, упразднению армий и перераспределению освободившихся средств во благо всего общества, что приведет к росту благосостояния каждого из его членов. Залогом этого счастливого будущего было, по мнению Паррота, не менее прекрасное настоящее, в котором российский император, осво-

¹ *Venturini C.* Russlands und Deutschlands Befreiungskriege von der Franzosen-Herrschaft unter Napoleon Bonaparte in den Jahren 1812–1815. In zwei Teilen. Leipzig; Altenburg, 1816. Teil 2. S. 527–528.

бодитель Европы, «вознесенный Проведением на вершину власти и признания», отныне всегда будет стоять на страже мира, так как «все народы Европы охотно признают в нем своего арбитра». То есть после «Армагеддона» Французской революции и победы над «новым Аттилой» определенно наступал «русский век», когда Россия выдвигалась далеко вперед из общего ряда «великих держав» Европы. Именно с ней связывали свои ожидания обыватели, интеллектуалы и политики, так как верили, что российский император, пожертвовав очень многим для спасения континента от французского «ига», ничего не ищет для себя и не будет претендовать на европейские территории. Его недостижимый авторитет и бескорыстие представлялись им залогом того, что только он, Благословенный Александр, не нуждаясь ни в каком коллегиальном международном органе, собственной волей может обеспечить «вечный мир» и восстановление государственности у народов, утративших ее в ходе французских имперских завоеваний. Последовавшее обнародование «Трактата братского христианского союза» между российским, австрийским и прусским монархами нашло широкий одобрительный отклик не только среди интеллектуалов, таких, как Вильгельм Траугот Круг и Йозеф Гёррес, или представителей образованного сословия, к которым принадлежал Людвиг Франц Бацко, но и в сердцах простых европейских обывателей.

Закрепленная решениями Венского конгресса новая система международной безопасности оправдала надежды большинства европейцев, так как, несмотря на все свои противоречия, на протяжении 35 лет сохраняла мир на континенте. До начала 30-х гг. XIX в. созданная при активном участии Александра I Венская система воспринималась современниками как эффективное средство поддержания баланса сил между «великими» державами, в число которых входила Россия. Поэтому для нас представляет большой интерес взгляд на Россию и ее роль в сохранении «вечного мира» Михаэля Александра Липса, изложенный им накануне начала кризиса Венской системы и связанной с ней идеи «вечного мира». Он как раз обращался к читателям из того «прекрасного будущего», о котором так мечтал Паррот. И за прошедшие 14 лет многое изменилось. Иррациональные ожидания, порожденные эйфорией победы над Наполеоном, сменились отрезвлением. Эпоха Реставрации окончательно похоронила надежды немцев на государственное единство и конституционные реформы. Наивная вера в бескорыстие России после присоединения ею Финляндии, Бессарабии и большей части Польши также рассеялась. Ей на

смену вместе с реанимацией комплекса «русской угрозы» пришла идея «умиротворения» России для сохранения «вечного мира», с которой выступил Липс. Он был полностью согласен с тем, что страх перед «русской угрозой» возник не на пустом месте: Россия действительно систематически вторгалась в Европу и, расчленив Польшу, продвинулась до границ Германии. Новый прирост российских территорий был несопоставим даже с тем, как увеличивались границы России во времена Малле дю Пана. «Северная империя» опять угрожающе «нависла» над континентом, но европейская система и роль в ней России необратимо изменились. Поэтому вместо вооруженного противостояния с ней, к чему призывал Малле дю Пан, Липс предлагает новый план вывода России из центра Европы на периферию, а именно «умиротворение» русских за счет осуществления «Греческого проекта» и обмена Польши на Константинополь. Липс призывает европейцев поддержать войны России с Турцией, дав ей возможность захватить все, что она хочет, вплоть до Константинополя. Таким образом, ее продвижение будет перенаправлено с запада Европы на Юг и Восток, переместившись с границ Польши и Германии в направлении Турции, за счет которой Россия и в дальнейшем сможет удовлетворять «свои потребности захватчика». Оправдывая целесообразность этих сложных внешнеполитических маневров, Липс многократно подчеркивал, что компенсацией за осуществление «Греческого проекта», которому так противились все «великие державы», за исключением Австрии, должно было стать полное удаление России из «сердца старой Европы» на «вечные времена».

Вторым отличием трактовки Липсом идеи «вечного мира» является ее подчеркнутый европоцентризм. Он говорил о «великих державах» в целом, не выделяя Россию из их числа и не связывая с ней сохранение «вечного мира». В отличие от своих предшественников, он видит гарантом баланса сил в Европе Священный союз, как некую международную структуру, наделенную чрезвычайными полномочиями прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела государств, которая на коллегиальной основе должна осуществлять европейскую политику. Главную задачу этой коллективной политики Липс видит в экспансии, то есть в распространении «европейских законов цивилизации и Просвещения» за пределы континента на весь мир и вовсе не мирными способами. Но перед этим необходимо вытеснить из Европы все «элементы, чуждые европейской системе ценностей» и препятствующие развитию «ее собственной культуры и благосостояния». Под «чужды-

ми элементами» Липс, прежде всего, имеет в виду Турцию, а также все, что связано с «произволом, деспотизмом и варварством», то есть под это определение в изменившихся обстоятельствах с легкостью могла попасть и Россия. И хотя Липс ни разу не упоминает о ней в негативном ключе, тот факт, что он предлагает Россию и Турцию фактически вытеснить из Европы и «замкнуть друга на друга», говорит о многом. Таким образом, комплекс «русской угрозы», пусть и в завуалированной форме, но все же присутствует в созданном Липсом внешне позитивном образе России как одного из гарантов «вечного мира», придавая этому образу традиционную амбивалентность и противоречивость.

* * *

В заключение хотелось бы сказать также несколько слов об общих выводах из области исторической имагологии, на которые нас наталкивает анализ немецкоязычных текстов о России первой трети XIX в. Как мы могли наблюдать, образ России, созданный во внешнеполитическом дискурсе Германии в этот период, отличается переплетением компонентов рационального и иррационального характера, то есть взаимосвязи между субъективным восприятием, с одной стороны, и объективными реалиями страны и ее политики, с другой — носят весьма опосредованный характер. Российское государство и его правители со всеми их подлинными и мнимыми достоинствами и недостатками причудливо преломляются в этом «зеркале» в соответствии с присущими немецкому обществу его собственными интересами, установками и предубеждениями. Поэтому сложившийся в Германии образ России часто в большей степени говорит об особенностях немецкого менталитета в данный исторический момент, чем о самом Российском государстве и его европейской политике. В частности, демонизация России на первом этапе после Французской революции или ее идеализация на втором этапе после победы над Наполеоном связаны не столько с ее реальной политикой в Европе, сколько с собственными страхами и фрустрациями немцев или же с их надеждами и ожиданиями, возникающими в германском обществе по мере развития его внутренних проблем и противоречий.

Говоря об образе «Другого», важно также иметь в виду два уровня его формирования и восприятия: политические и интеллектуальные элиты, создающие и определяющие политический дискурс, и их реципиенты — массовые потребители адресованной

им информации. Если говорить о восприятии России на массовом, обывательском уровне, то в данном случае мы не располагаем значительным количеством письменных источников, к которым лишь очень условно можно отнести сочинения Людвиг Бацко и Михаэля Липса. Судить о действительно массовых настроениях в обществе мы можем по нескольким дневниковым свидетельствам, оставленным Августом фон Коцебу, газетным отзывам 1814—1816 гг., журнальной полемике после Аахенского конгресса в университетской среде, радикализация которой привела к убийству Коцебу, а также по общественной реакции на это преступление. На основании анализа этих немногочисленных свидетельств мы можем сказать, что адресаты сконструированного элитой образа России не всегда оставались лишь пассивными потребителями предназначенной для них информации. Иногда идеологическое воздействие на массы толкало их на действия, последствия которых было невозможно предсказать. Что же касается представителей политической и интеллектуальной элиты, то это были, безусловно, наиболее активные участники процесса формирования образа России, реализовавшие с его помощью собственные политические цели или выполнявшие определенный информационный заказ.

Итак, на протяжении веков Россия являлась для Европы не просто одной из ведущих стран мирового сообщества, а скорее, неким знаковым явлением. Ее восприятие с самого начала стало для западной цивилизации одним из средств самопознания, превратившись в дальнейшем в инструмент национальной и политической самоидентификации. Причем самоидентификация «от противного» срабатывала гораздо чаще и успешнее, чем этот же процесс, но на основе «положительного» примера, который демонстрировала Россия. Так, например, «русская угроза» способствовала национальному и политическому сплочению народов и партий. Идеологические штампы о «деспотизме», «рабстве» и «варварстве» должны были укрепить европейцев в их приверженности собственным либеральным ценностям, социальным институтам и идеям Просвещения. Кроме того, последние два столетия созданный интеллектуалами образ России также служил Европе проекцией ее страхов, разочарований и надежд, время от времени материализуя сомнения различных групп европейского сообщества в универсальной пригодности их собственной цивилизационной модели.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1812–1814 годы

Взгляд на современность и ближайшее будущее¹

Две академические речи, прочитанные профессором Георгом Фридрихом Парротом в Дерпте в 1812 и 1814 годах

Георг Фридрих Паррот²

Речь Первая. 12 декабря 1812 года

— Сегодня ровно четыре месяца^[1] прошло с тех пор, как я на этом самом месте при рассмотрении сложившейся на тот момент политической ситуации обратился к обществу с просьбой о сохранении выдержки и присутствия духа, о содействии правительству и особенно о доверии. Счастье, казалось, повернулось спиной к русским и ко всему человечеству. Но уже тогда я говорил с самым живым убеждением, что еще «пробьет час, когда героическое мужество, патриотизм и энтузиазм народов добудут лавровый венок для самого благородного императора». Тогда я молился: «Боже милосердный, повелитель небесной рати! Тебя молят народы на многих языках о благе России, о счастье Твоего помазанника. Боже!

¹ *Parrot, G.Fr.* Ansicht der Gegenwart und der nächsten Zukunft. Zwei academische Reden von *G.F. Parrot*, Professor in Dorpat. Gedruckt auf Verlangen des Conseils der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. Dorpat: bei J.F. Meinshausen, Universitäts-Buchhändler, 1814.

² Паррот Георг Фридрих (Parrot Georg Friedrich, 1767–1852) — известный немецкий физик и естествоиспытатель, профессор Кёнигсбергского и Дерптского университетов, в августе 1802 г. был избран ректором Дерптского университета и оставался на этом посту до 1813 г., несколько лет состоял в личной переписке с Александром I.

Ты знаешь Его, благословенного императора, которого Ты сам дал нам. Его сердце чисто и справедливо перед Тобой, отцом человечества! Защитник правого дела! — Ты подаришь ему победу!».

И эту молитву слышали сорок миллионов. И вот сегодня раздается крик победы^[2]. Триумф! — звучит призыв с запада Сибири до берегов Вислы. Враг уничтожен. Русские довели до конца короткую, но тяжелую борьбу. Россия вышла победительницей из этого великого противостояния и предлагает Европе независимость, каждому ее гражданину — свободу, каждому человеку — мир и человеческое достоинство.

Германия, имеющая благодаря кровным узам общее с нами происхождение^[3], родство духа и общность культуры, близкая нам Германия поднимет ли гордую некогда голову и захочет, наконец, стать свободной? Проснутся ли там дремлющие пока герои, чтобы сказать немецкому народу: ты свободен, ты избавил себя и своих правителей от рабства? Сможет ли новый немецкий герой одним своим видом обратить в бегство новых галльских орлов? — Германия! Поднимайся! Не жди свободы, добивайся ее, потому что Ты знаешь ей цену!

Однако куда случайно забрел мой взгляд? — Возвращайся назад, в Россию! Душа моя, обратись снова к сегодняшнему дню, который всегда был для тебя самым важным и дорогим. В этот великолепный момент поставь передо мной образ нашего любимого императора. Явись мне, герой человечества! Явись во всем своем моральном величии, которое пока осознают лишь немногие!

Сегодня миллионы чистых душ, честных сердец по всему миру обращаются к Правителю вселенной с молитвами за чистейшую душу и за честнейшее сердце на троне России. Утренняя заря видела, как возносятся эти молитвы. Счастлив тот, кто в своем тихом уединении ощутил единство с этими миллионами, которые любят Его и молятся за то, чтобы Ему в это мгновение стало теплее.

Пытаясь избежать великого кровопролития, поначалу этот благородный правитель долго медлил, пока ужасы войны не коснулись его народа. Затем он сам обнажил меч, положив, таким образом, последнюю гирию на чашу весов войны, что окончательно определило судьбу человечества. Он лично начал эту самую страшную из всех войн. Он мужественно вынес все трудности, охотно делил опасности со своим героическим воинством до тех пор, пока судьба была к нему немилостива; до тех пор, пока народы Европы, наконец, не объединились в непреодолимую силу, способную добиться победы. Затем Он посвятил себя внутренним задачам,

заботе о своих солдатах и своем народе, став мирным правителем посреди яростной войны. Победа дала ему знак вернуться. Но напрасно счастье сулило Ему лавровый венец. Он передал Его своим полководцам и остался мирным правителем. Ему достаточно славы Его народа и заботы о Его счастье. Он — настоящий герой.

Сегодняшняя утренняя заря нашла Его в благородном торжественном настроении. Он благодарил Всемогущего Господа за победу русского оружия и за любовь преданного ему народа. Если бы душа моя могла воспарить, ей открылась бы благородная картина: как весь русский народ, с одной стороны, и Александр — с другой, припали в глубоком благоговении к ногам Господа, переполненные благодарностью и самыми благородными чувствами! Что более возвышенное и великое может предложить человечество Богу?

О! Он счастлив, наш император, счастлив благодаря самому яркому успеху своего оружия, счастлив благодаря небывалой боевой славе своего народа, счастлив, прежде всего, потому, что сознательно посвятил себя исполнению великого долга правителя. Он победил благодаря своему народу, Его народ победил благодаря Ему.

И сегодня мы задаемся вопросом: как некоторые трусливые души на континенте могли усомниться в этой победе русского оружия? Европа не устыдилась того, что поверила, будто бы французский Опустошитель земель может заслуживать неувядающих лавров победителя. Правители Европы робко двигались за ним и сражались против себя самих, так как, воюя против нас, они воевали против собственных народов! Они полагали, что он может быть побежден только в Испании, так как там нация, лишенная руководства, сама поднялась на борьбу. И они продолжали двигаться за ним! Они воображали, что любовь к свободе не может соединиться с любовью к монарху; и они вновь двигались за ним! Они думали, что в России есть только трусливые рабы, но нет подданных, способных сражаться, воодушевленных пылающей любовью к своей родине и к своему монарху; и они продолжали двигаться за ним, воюя против России!

Какая ирония и горечь заключена в этих фактах! Правители и народы Европы! Доверьтесь собственному опыту и запомните, наконец, что двойные узы духа свободы и любви никогда не рвутся. Конечно, для этого необходим народ, который умеет любить своих правителей и не хочет терпеть «ига» чужого тирана, который смело и по собственной инициативе идет на самую жестокую борьбу, сжигая свои города и деревни, уничтожая свои посевы, дома, отцовское наследство, чтобы ничего не досталось врагу. Конечно,

для этого необходим такой великий монарх, как Александр, которого так любит его народ, великодушный и справедливый правитель, даже в отношении врага, голос своего столетия, который всегда действует, руководствуясь только чувством долга. Правитель, который чувствует страдания своих подданных глубже, чем свои собственные, весь образ которого дышит любовью и сердечностью. Так, здравствуй Ты, наш Александр! Да здравствует твой добрый народ! Да здравствует государство Российское — пример для монархов и народов!

Речь Вторая. 10 февраля 1814 года

— Дорогие, собравшиеся здесь, друзья науки! На этом празднике (выборы ректората Дерптского университета — *прим. Ред.*) на меня, как на нового ректора, возлагается обязанность сказать несколько слов о текущих событиях в контексте нашего времени, так как именно речь соединяет человека с человеком как членов большой семьи. К какому бы общественному кругу не принадлежали люди, какой бы деятельностью не занимались, обращенная к ним речь сближает и объединяет их, чтобы совместно действовать для общего блага.

И какая еще тема могла бы находиться в таком же полном согласии с нашим образом мыслей и чувствами, как современные актуальные события, которые переполняют радостью и возвышенными чувствами грудь каждого друга человечества и, прежде всего, каждого русского гражданина? И, конечно же, прежде всего, это — поразительный природный феномен, который возник на северо-востоке и закончился на юго-западе. Я говорю о северном сиянии^[4], которое образовалось над равнинами России: из всполохов возникла небесная корона, переливавшаяся такими великолепными красками, что едва ли оратор со всем своим искусством и талантом сможет передать ее неземную красоту. Без сомнения, это было великое знамение, которое больше принадлежит божественному, чем физическому миру, которое затрагивает наше сердце, греет нашу душу и вселяет в нас надежду. Итак, благородное собрание, я решаюсь обсудить с Вами события современной истории.

Мы удивляемся чудесам нашего времени. Мы видим в них удивительное соединение примет героической античной эпохи Греции и Рима и века великого переселения народов^[5] и хотели бы спросить: будут ли так же думать наши потомки? Будут ли чудеса французской революции занесены в учебники истории? Будут ли наши потомки достаточно подготовлены к чуду нового возрождения Европы?

Будет ли и впредь неограниченное честолюбие новых завоевателей угрожать миру и свободе народов Европы? Мы видим, как на наших глазах происходит нечто колоссальное, невероятное, казавшееся до сих пор невозможным. Мы соединяем наше ликование с ликованием народов России, Германии, Европы и с гордостью взираем на источник всеобщей радости, повторяя: Это — он, это — наш Александр! Бывают такие моменты в истории человечества, когда за чередой событий мы видим перст Проведения, моменты, которые определяются Божьей волей, чтобы вновь показать человеческому роду, что Бог управляет нашей судьбой. На наших глазах духовные и нравственные начала Европы вместе с таким трудом завоеванной гражданской свободой оказались на краю бездны. Самый смелый и удачливый из всех завоевателей со времен Карла Великого^[6] встал во главе всех вооруженных сил южной и западной Европы, чтобы обрушить их на Россию, на последнюю державу континента, которая еще противостояла этому чудовищному деспоту^[7]. Казалось, что только равный ему по жестокости завоеватель, который также бы купался в крови на протяжении двадцати лет, и для которого самая страшная война была бы только игрой, мог остановить его опустошительное продвижение. Но как ошибались самоуверенные в своем благоразумии главы европейских государств! Охваченные слепотой, они не хотели замечать своего спасителя^[8], этого великого правителя, этого полководца с холодным последовательным умом и неподвластным эмоциям сердцем, поэтому со страхом ожидали угрожающего их народам французского ига. Только те немногие, кто в своих расчетах возлагал надежды на неиспорченную человеческую природу русского народа, на хладнокровное мужество его благословенного императора и справедливость проведения, предрекали даже во время самых больших несчастий грядущее спасение и победу русского монарха. Конечно, их предсказание было скорее туманным видением, вызывавшим недоверие и насмешки, чем твердым убеждением. Но вскоре, однако, тьма начала рассеиваться, и перед удивленными взорами открылся путь к счастливому спасению. Миру явился наш Александр, тот единственный, кто мог сотворить долгожданное чудо. Избранный Господом, он стоял один, в своей непорочной чистоте, с сердцем, преисполненным любви к людям, сильный, благодаря непоколебимой воле, утвердившей независимость России, и безграничной любви народа. Великие несчастья, выпавшие на долю России, закалили его стойкость, проявили его мужество, зажгли энтузиазм его нации. Дело России, а значит, и человечества, наконец, стало побеждать, и теперь император Александр

с берегов Немана протягивал руку немецкой свободе^[9], приветствуя победу народов Германии. Фридрих Вильгельм^[10] последовал за этим приветственным знаком дружбы, воодушевленный троекратным энтузиазмом добрых пруссаков и их мужеством. Он помнил свою клятву, данную у гроба его бессмертного дяди^[11], и вступил в борьбу, движимый силой подлинного чувства, став вторым повелителем для немцев^[12]. Кто мог еще так сильно воздействовать на прусского короля и его народ, кроме нашего Александра, особенно после более ранней неудачной попытки?^[13] Какой непоколебимой должна была быть вера в честность, стойкость и верность русского героя, чтобы во второй раз поставить все на карту? Какими бессильными на фоне великой дружбы двух монархов должны были казаться действия Кабинета и дипломатическое красноречие? А остальная Германия? Кому она себя доверила? В чьи руки она передала свою судьбу? Был ли это сильнейший, победитель? — Нет, таких героев она тоже боялась, и была наказана за нерешительность долгим французским игом. А затем она, вслед за Пруссией, покорилась благородному герою, который уже дважды пытался спасти Германию и в благословенный момент на могиле Фридриха II поклялся его племяннику в дружбе и помощи.

Тогда большая европейская политика не обратила внимания на этот союз сердец. Она забыла, что страшные времена подвластны не холодному расчету, а чувству, что растоптанный народ Германии, который долгое время рассматривался только как темная бездушная масса, состоит из людей, готовых присоединиться к ниспосланному им вождю с великой душой, чтобы преданно следовать за ним. И когда постепенно все народы Германии присоединились к справедливому делу, а все князья отреклись от своих заблуждений, кто объединил эти такие разные армии? Кто объединил такие различные интересы в единую задачу общего спасения? Кто отказался от пустого честолюбия, задушил зависть, устранил раздор? Кто превратил слабость всех коалиций в силу? Только один человек мог это сделать, только тот, кто не желал ничего лично для себя, кто, всегда забывая о себе, только Богу приписывал победы, кто в момент высшего счастья был столь же по-человечески добр и нетребователен, как тверд и смел в несчастьи. — Бог должен был создать такой характер, когда человечество больше всего нуждалось в нем, оказавшись в смертельной опасности. Только перед такой душой бессильны коварство, которое сеет раздор, и золото, которое разрушает союзы. Все народы доверяют ему. Его любит всякий, кто хоть раз видел его лицо, исполненное высокой про-

стоты и мягкости. Его глубоко почитает всякий, кто хоть раз видел, как он управляет судьбами наций. Ему преданы людские сердца. Перед ним стихает зависть, и только благородное честолюбие, направленное на борьбу во имя отечества, воодушевляет всех, кто приближается к нему. Так сияет над нами его добродетель и согревает небесным огнем миллионы, что готовы сегодня бороться за свое человеческое достоинство. О, Германия! — Нет, не высекай Ему памятника из мрамора или гранита, а Расскажи просто своим сыновьям и внукам, что Александр сделал для тебя, и пусть каждый свободный немец и через 1000 лет будет Ему живым памятником.

Однако еще продолжается последний акт великого действия, которое определит судьбу человечества. Чем бы оно ни закончилось с точки зрения политики, для человеческой истории под руководством Александра все происходящее может завершиться только счастливо, даже для французской нации, которая так долго была инструментом тирании и источником наших страданий. Так давайте позволим себе перескочить через короткие промежутки времени и не предсказывать заранее грядущих политических событий. Давайте лучше рассмотрим те бесконечно благотворные последствия, которые, без сомнения, вызовет современная победоносная эпоха.

До сих пор каждая война заканчивалась компромиссным соглашением сторон, когда державы торжественно клялись друг другу во взаимной дружбе с определенным намерением нарушить договоренности при первом же благоприятном случае. Тогда побежденный мечтал вернуть себе утраченные позиции, победитель грезил о новых завоеваниях. Сохранение мира не являлось для них общей целью, а политика была лишь поводом для новой войны. Такова в двух словах история мирных соглашений. Эта история и не могла быть другой, так как обычно ни во время войн, ни в ходе мирных переговоров никто не вспоминал о чистоте души и помыслов. Корысть зажигает факелы войны. Насилие диктует условия мира. Сегодня же все определяет чистый благородный дух согласия, верности и любви между народами, который вел современную святую войну к победе. В воцарившейся атмосфере взаимного доверия между нациями мы можем ожидать особенно длительного мира, так как он благоприятен для всех, даже для побежденной стороны. Кроме того, союзники, которые искренне стремятся к сохранению всеобщего мира, не только политически связаны друг с другом, но также сплочены взаимным личным уважением и совместными интересами, и в этом великом союзе царит не мертвый расчет,

а лишь живое чувство, которое отныне руководит скипетрами. Конечно, было бы большой ошибкой полагать, что только холодный разум должен определять условия мирных соглашений между нациями. Последствия этих заблуждений у нас всегда перед глазами. Кровь народов снова и снова проливалась в расприх, которые были им чужды. Где иссякает чувство, там исчезает присутствие Бога. Человек узнает Господа только с помощью чувства. Если чувство его покинет, как он сможет распознать божественное начало и всерьез стремиться к благу для ближних, и раскрыть свое сердце для братской любви? Таким образом, нынешний мир будет заключен полностью под воздействием благородного чувства, которое вызволило наше время из тьмы недавно прошедших лет.

Едва ли какой-либо венценосный честолюбец попытается помешать этому миру, основанному на справедливости и любви народов. Но если ни общественное мнение, ни позиция остальных правителей, ни призыв собственной нации не удержат его от агрессии, то на страже мира всегда стоит сила России и воля Александра, в котором Европа охотно признает арбитра. Долгих лет тебе, наш Александр! И через много лет европейцы будут почитать память о Тебе! Будущие правители Европы будут стремиться во всем подражать Тебе и продолжать Твое благородное дело! О Провидение, не смейся над моим благочестивым желанием. Не называй его мечтой о вечном мире. Долгий кризис, который испытывал Европу с начала французской революции до окончания последнего антифранцузского похода^[14], вызвал небывалый подъем духовных сил наций. За это время человеческий дух опробовал все направления развития, исследовал все возможные состояния народов. Он рассмотрел правление властителей и повиновение им народов под совсем другим углом зрения, чем раньше. Пока продолжался кризис, общественная мысль неуверенно колебалась, меняя направление. Теперь идейный переворот, который становится все более важным и глубоким, чем политический, подошел к концу. Интересы народов и правителей обрели, наконец, полную ясность, раскрывшись не в поэтическом произведении или в философском трактате, а в самой прекрасной действительности и, найдя опору в чистоте помыслов Александра, распространились повсюду. Отныне нации Европы думают и чувствуют в соответствии с благородными принципами великого человека, вознесенного Провидением на вершину власти и признания. Союз между правителями и народами, который возродился из пламени этой войны обновленным и еще более прекрасным, будет существо-

вать долго. Язык доверия между правителями и народами не будет больше вытеснен феодальным варварским церемониалом. Этого не произойдет, пока общественное мнение может свободно высказываться и окружено всеобщим уважением, так как оно является (и сегодняшняя история это доказала) самым мощным бастионом не только против иностранной тирании, но и против внутренней. Оно является тем инструментом, с помощью которого развиваются патриотизм и все гражданские добродетели. Поистине, главной силой человека становится не физическая, а нравственная сила, которая определяет его деятельность, и умственная сила, которая этой деятельностью управляет.

Из новых гуманных принципов внешнеполитических отношений между народами возникают благоприятные условия для создания общественного блага внутри страны. Сохранению мира содействует убеждение, что колоссальные регулярные армии подрывают общее благосостояние страны и спокойствие соседей, что их содержание является не защитной мерой государства, а его наказанием и сильнейшим рычагом для завоевателей. Эта война во второй раз учит нас тому, что нам уже наглядно показала Французская революция, а именно, что любая нация может вооружиться, начать действовать и выигрывать сражения, затратив на все шесть недель. Регулярные армии следует преобразовывать в небольшие мобильные отряды, которые служат для быстро вооружаемой нации примером патриотизма и центрами объединения. Каждый гражданин становится солдатом. Не покидая своих мирных занятий, каждый юноша охотно будет упражняться с оружием, чтобы в случае необходимости по первому призыву отечества поспешить на его защиту. Победители тирании в России, Германии и Франции с радостью и отцовской заботой будут руководить обучением своих сыновей и внуков военному делу и, наряду с физической ловкостью, научат их любви к императору и отечеству, а также героическим добродетелям отцов. И как будет себя чувствовать регулярная армия рядом с этим нововведением! Государство не только сможет более интенсивно заботиться о своих солдатах, но меньшая их численность также позволит вести строгий надзор за ежедневным медицинским уходом и продовольственным снабжением, который вряд ли возможен в огромной армии. Ужасные злоупотребления, жертвами которых так часто становились солдаты в мирных и военных условиях, должны уменьшиться на фоне сокращения численности армии. И если когда-нибудь у границ отечества покажется новый разрушитель, то армия могла бы ограничиться несколькими битва-

ми на окраинах государства. И тогда, возможно, удалось бы избежать всех тех необозримых бед, ценой которых так дорого покупается слава многочисленных побед и продолжительных походов.

Прежде после окончания войн веками использовались одни и те же средства, чтобы залечить нанесенные кровопролитием раны. Столетиями ничего не менялось в будничной череде прежнего существования. Самое большее — то там, то сям правители ограничивались отдельными мероприятиями и часто в неподходящем месте. Отстраивались заново несколько разрушенных деревень, открывались подписки, чтобы чем-нибудь помочь в первую очередь там, где нужда проявлялась наиболее остро. Но наше время, породившее так много новых идей, отыщет также новые средства помощи страждущим, установит и реализует новые представления о благе народов. Польются источники благоденствия там, где раньше глаз наблюдателя замечал только пустыню, источники, которые будут брать начало не из искусственных лабиринтов камералистики, а из великих либеральных идей нашего времени. Уже одно изменение военной системы, которое неизбежно должно произойти в этот победный период, позволяет распространить богатство и благосостояние на все общественные классы. Люди и продукты их труда больше не будут требоваться в таком избытке для пополнения и обслуживания многочисленных армий, которые, при всей их численности, тем не менее, неизбежно редуют в первом же походе. При этом государству в условиях мира они каждый год стоят процветания тысяч граждан и около половины его доходов. Если пытаться глубже вникнуть в этот предмет о новых течениях, возникших вследствие последней войны на основе формирования прогрессивных взглядов и опровержения отживших идей, то прежде нельзя не вспомнить о герое, который скоро осчастливит нас своим присутствием после окончания великого предприятия^[15]. Мы не должны не судить о нем, не резонерствовать, а просто верить ему, твердо верить в надежного друга человечества, который хорошо знает свою страну и свой народ. Его сердце так богато, разум так ясен, его характер мягок и тверд одновременно! Он не упустит ни одной возможности, чтобы осчастливить свой народ. Он тщательно его опекает, заботится о нем с отцовской любовью до тех пор, пока не исчезнут все следы вражеского варварства, и благосостояние и счастье не заполнят тысячи артерий его великой империи. Дух императора воздействует на его окружение, как на войне, так и в мирных условиях. Каждый, кому выпало счастье работать под его руководством, чувствует себя более значительным. Даже

простой гражданин благодаря воспоминаниям о великих жертвах, которых потребовало возрождение отечества, будет более восприимчив к благодеяниям своего повелителя и искренне благословит руку, которая дарит ему это счастье.

О! Возвращайся скорей, наш любимый, почитаемый всеми Александр! Наше счастье и гордость! Возвращайся с пальмовой вервью мира в свою, столь страстно Тебя ожидающую Россию, которая может быть счастлива только с Тобой, и только с Тобой хочет быть счастливой. Восхищение Европы, почитание чужих правителей и народов не так дороги Тебе, как любовь твоего народа. — О! если бы этот призыв мог бы достигнуть твоего уха не для того, чтобы ускорить твое возвращение, так как твое великое дело должно быть закончено, а лишь затем, чтобы посреди ликования чужих народов твое большое сердце также радовал бы голос твоего народа, твоей России.

Примечания к тексту

- [1] 14 сентября 1812 г. Наполеон занял оставленную русскими войсками после Бородинского сражения Москву. Французская оккупация продолжалась чуть больше месяца и стала переломным моментом Отечественной войны 1812 г.
- [2] Декабрь 1812 г. ознаменовался полным разгромом французской армии. После форсирования Березины 5 декабря Наполеон оставил армию на маршалов Мюрата и Нея и бежал в Париж.
- [3] Речь идет о «балтийских» немцах», населявших Остзейские провинции Российской империи — этническом немецкоязычном меньшинстве, с XII в. проживавшем на восточном побережье Балтийского моря, на территории современных Эстонии, Латвии и Литвы. Балтийские немцы составляли верхние слои местного общества — аристократию и большую часть среднего сословия — свободных городских граждан (бюргеров) в Остзейских провинциях: Курляндии, Лифляндии и Эстляндии.
- [4] «Аврора бореалис», или северное сияние наблюдалось в январе—феврале 1814 г. в небе во многих странах Европы и было воспринято как предзнаменование великих грядущих событий. Издаваемый в Англии химиком Томасом Томсоном естественнонаучный журнал «Annals of Philosophy» (1813—1827) описал ночное сияние в небе над Лондоном, приписав его падающему метеору.
- [5] Великое переселение народов — условное название совокупности этнических перемещений в Европе в IV—VII вв., главным образом с периферии Римской империи, инициированное вторжением гуннов с востока в середине IV в. н.э.
- [6] Карл I Великий (Carolus Magnus, 742/747—814) — король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г., еще при жизни именовался «Великим».

- [7] Имеется в виду Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — император Франции в 1804—1814 гг. и в марте—июне 1815 г., в общественном мнении часто ассоциировался с Карлом Великим.
- [8] Имеется в виду Александр I Павлович (1777—1825) — император и самодержец Всероссийский. После Отечественной войны 1812 г. возглавил в 1813—1814 гг. антифранцузскую коалицию европейских держав. Был одним из руководителей Венского конгресса 1814—1815 гг. и организаторов Священного союза.
- [9] В марте 1813 г. Пруссия вошла в антифранцузскую коалицию с Россией. Предтечей русско-прусского союза стала Таурогенская конвенция от 30 декабря 1812 г. между прусским генералом Йорком и российским генералом Дибичем о взаимном нейтралитете. Таурогенское соглашение, заключенное вопреки воле прусского короля, полностью перенаправило международную политику Пруссии, в результате чего она отошла от Наполеона и вступила в союз с Россией против Франции.
- [10] Фридрих Вильгельм III (Friedrich Wilhelm III.; 1770—1840) — король Пруссии с 1797 г., внучатый племянник Фридриха II Великого, отец российской императрицы Александры Федоровны (Шарлотты Прусской), дед российского императора Александра II.
- [11] В октябре 1805 г. император Александр I находился с дружественным визитом в Берлине, где ему был оказан торжественный прием. Поздно вечером 4 ноября состоялась историческая встреча Фридриха Вильгельма III с Александром, на которой они в присутствии королевы Пруссии Луизы поклялись в вечной дружбе и сотрудничестве в борьбе с Наполеоном над гробом Фридриха Великого в склепе гарнизонной часовни в Потсдаме.
- [12] ...«став вторым повелителем для немцев» после короля Пруссии Фридриха II Великого, признанного основоположника прусско-германской государственности.
- [13] Имеется в виду Война Четвертой коалиции, известная также как русско-прусско-французская война — война наполеоновской Франции и ее сателлитов в 1806—1807 гг. против коалиции великих держав: России, Пруссии и Великобритании. Началась с нападения королевства Пруссии на Францию, но в двух генеральных сражениях под Йеной и Ауэрштедтом Наполеон разгромил Пруссию и 12 октября 1806 г. вступил в Берлин.
- [14] Имеется в виду Война Шестой коалиции — война коалиции европейских держав против Наполеоновской Франции и ее союзников. Антифранцузская коалиция сложилась после уничтожения Великой армии Наполеона в России в ходе Русской кампании 1812 г.
- [15] Имеется в виду возвращение Александра I в Россию через Дерпт (Тарту) из заграничного похода русской армии 1813—1814 гг.

1814 год

**Россия и Франция.
Историческое сравнение, основанное
на поразительных фактах¹**

Людвиг Франц Адольф Йозеф фон Бацко²

С. 17

(...) Итак, возникает вопрос: является ли Россия гарантом мира в Европе, или же она всегда стремилась к установлению универсальной монархии?^[1] Последнему со стародавних времен нет ни одного доказательства. Что мы знаем о русской истории? — Рюрик^[2], Синеус и Трувор^[3], как и Аскольд и Дир^[4] с прибывшими с ними варягами, переняли язык и обычаи славян. Олег^[5] с помощью завоеваний объединил государства на Волхове и Днепре. Вид Черноморского побережья склонял смелых мореплавателей снова искать привычные для них приключения на южном море. Как и в войне со Святославом^[6], византийское государство должно было много страдать. Однако русские ни в коем случае не стремились к захвату или угнетению византийцев. Владимир, скорее, ослабил собственное государство, разделив его среди 12 сыновей, и только в ходе правления Ивана Васильевича несколько княжеств снова были объединены между собой. Сосредоточив в своих руках значительную власть, Иван IV выдворил татар из России. Россия победоносно воевала с монголами, которые разбили немцев и опустошили большую часть Польши и Венгрии^[7]. Она стала для Европы оплотом против деспотизма вождей азиатских орд, остановив, таким образом, новое великое переселение народов. Ни новый Атила^[8], ни Тимур^[9], ни Чингис-хан^[10] не представляли угрозы для европейской культуры с тех пор, как Россия обрела силу. В наши дни Франция стремится, отсекая другие нации от моря, установить свое господство над ними. Едва культура начала

¹ *Baczko L. F. von.* Rußland und Frankreich: eine historische Vergleichung, auf merkwürdige Tatsachen gegründet. Halle, 1814.

² Людвиг Франц Адольф Йозеф фон Бацко (Ludwig Franz Adolf Josef von Baczko, 1756—1823) — известный прусский историк, писатель и издатель.

проникать в Россию, как ее благоразумные повелители открыли для себя, что связь с морем необходима для процветания великого народа.

До сих пор русские много страдали от своих соседей. Литва, которая в прежние времена простиралась до Немана, в XIII столетии пыталась увеличить свою территорию за счет России. В то время как Россия терпела поражение за поражением в войне с татарами, литовцы с 1216 г. использовали эту ситуацию для военных набегов, захватывая части опустошенной несчастной страны, от Гродно до Бреста. Новгород стал более ранней добычей; в дальнейшем Полоцк, Пинск и Туров, Чернигов и все Северское княжество также стали добычей литовцев^[11], и в XIV столетии великий литовский правитель Гедиминас захватил Владимир, Луцк и Киев^[12]. Князь Ольгерд подчинил себе Волынь^[13]. Следовательно, Великое герцогство Литовское в период своего наивысшего расцвета состояло большей частью из тех провинций, что были отняты литовцами у русских в результате подлого использования их бедственного положения.

Похожим способом стремилась увеличить свою территорию за счет России Польша, которая уже в XI в. успешно воевала под предводительством Болеслава Храброго^[14]. Болеслаус II^[15] стремился использовать семейные ссоры русских князей для увеличения собственного государства. Казимир^[16] принуждал Червонную Русь^[17] подчиниться ему. Постепенно Россия возвратила обратно некоторые из захваченных провинций. Северские земли вернулись к России в 1491 г., по условиям мирного договора с Польшей 1494 г. Россия вернула себе владение Новгородом, Тверью и Вязьмой. В 1509 г. был отвоеван Плесков, в 1514 — Смоленск, и в 1563 г. — Полоцк. Только польский король Стефан Баторий^[18] после выигранной войны по условиям перемирия 1582 г. восстановил Полоцкое воеводство^[19].

Ужаснее всего, однако, Россия притеснялась Польшей, когда последняя, воспользовавшись внутренними беспорядками, навязала нации Лжедмитрия, а после того, как он был убит в 1606 г., пыталась усадить на русский престол еще двух похожих на него мошенников. Русские делали все, чтобы восстановить мир: в 1610 г. они предлагали корону польскому принцу Владиславу^[20]. Поляки вместо того, чтобы заключить с русскими договор о вечной дружбе, обманывали их самым гнусным образом, строя за их спиной планы раздробления и уничтожения Русского государства. Однако нация возмужала. В 1612 г. в подожженной поляками Москве

русские с помощью голода принудили тех, кто еще пытался удержать за собой Кремль, к капитуляции, а уже в 1613 г. в результате свободного выбора народа на престол был возведен княжеский род Романовых. Несмотря на эту победу, Россия все еще была ослаблена внутренними распрями, поэтому по мирному договору 1618 г. во владении Польши остались Литва, Северское княжество, Смоленск и Чернигов. Это положение было закреплено по условиям мира, заключенного на реке Поляновке в 1634 г., по которому Литве также уступался Новгород^[21]. Таким образом, поляки, которых фанатичная ненависть к приверженцам греческой церкви привела к постоянной вражде с Россией, а также литовцы, движимые непрерывной страстью к захватам, использовали все возможности для увеличения своих территорий за счет России.

Дом Романовых возродил силу Русского государства, и, поставив своей задачей освобождение от постоянной зависимости и враждебного влияния Польши, а также утверждение собственной самостоятельности, повел борьбу за возвращение потерянных пограничных крепостей. Когда казаки, которых поляки притесняли из-за их приверженности к греческой религии и хотели превратить из свободных военизированных земельных собственников в польских крепостных, в 1614 г. присягнули царю Алексею, этому достойному предшественнику Петра Великого, Полоцк и Смоленск также были быстро завоеваны русскими. И казаков, поистине, нельзя винить за то, что они, натерпевшись от поляков множества притеснений, в свою очередь, также воспользовались внутренним расстройством Речи Посполитой. Перемирием 1667 г. закреплялась граница по Днепру и русское владение Северскими землями, Полоцком и Черниговом, что подтверждалось условиями мирного договора с Польшей 1686 г.^[22]

Едва ли бы России не удалось вынудить Польшу вернуть захваченные ею провинции, если бы интриги Франции не ослабили Речь Посполитую, которую к этому времени Франция стала рассматривать и использовать в качестве средства для достижения собственных целей, в этой стране не распространились бы внутренние междоусобицы. Король Владислав, который в свое время мог бы стать Московским царем, взял в жены француженку, Луизу Марию Гонзаго^[23], после его смерти которая снова сочеталась браком с его братом и новым королем Польши, Иоанном Казимиром. Она соединяла в себе со многими отталкивающими качествами склонность к интригам, безграничное властолюбие, которое особенно чувствовал ее супруг, большую приверженность к своим сопле-

менникам^[24], и, напротив, антипатию к самым достойным признания деятелям Польши. Поэтому она принуждала благородного Любомирского к гражданской войне^[25], в которой он нашел свою смерть, будучи, по общему мнению, отравлен. Она расшатывала Польшу, чтобы герцог Лонгвилль мог заполучить польский трон^[26] вопреки желанию лучшей и большей части нации. Ян Собеский^[27], спаситель Польши и Вены, потерял уважение народа и будущего поколения из-за позорных недостатков своей жены, француженки, Марии де Ла Гранж^[28], дочери маркиза д'Аркьен. Эта мерзкая женщина, движимая самой низкой скупостью, лестью и хитростью заполучила для своих соотечественников не только должности и другие материальные свидетельства королевских милостей, но даже покупала справедливость. С помощью еврейских посредников, которые бесстыдно вели свой бизнес, она скопила большие сокровища. В конце концов, ее корыстолюбие лишило короля Яна Собеского любви и уважения польского народа, для блага которого он так часто рисковал жизнью на поле битвы. Под влиянием этой гнусной женщины король гарантировал русским по случаю заключения «вечного мира» в 1686 г. передачу захваченных ранее Польшей земель за 1,5 млн гульденов. Она из низкого корыстолюбия рассорилась со своим старшим сыном, принцем Якубом^[29]. И хотя история Польши до сих пор не знала примеров того, чтобы сын короля был лишен отцовского трона, из-за низости этой француженки, его собственной матери, принц Якуб был обойден при выборе претендента на польский престол, на который королева стремилась посадить принца Конти^[30].

По праву говорит Гельвеций^[31], что каждая нация формируется своими правителями. Благодаря француженкам, которых короли Польши возвели на престол, в страну потянулось множество французов, которые, как и повсюду, плели интриги при дворе и с помощью лести втирались властителям в доверие. В результате французские обычаи и распущенность по примеру двора распространились по всей Польше. Поляки стали часто путешествовать во Францию и благодаря росту доходов стремились покупать как можно больше французских товаров. Их новые потребности в роскоши, с которой они познакомились в Париже, удовлетворялись за счет еще больших притеснений несчастных крестьян. Однако одновременно с ростом видимой утонченности и внешней образованности в обществе совсем не возрастало внутреннее интеллектуальное и моральное воспитание. В результате слепое подражание французам и их нравам привели несчастную Польшу

к упадку. Так из-за чужеземного влияния польский национальный характер был полностью извращен. Высокая религиозность и остаток рыцарского духа, который так великолепно проявился еще при Яне Собеском в сражении под Веной^[32], были окончательно утрачены. Французская легкомысленность, засилье фавориток и мода на супружеские измены лишали уважения женский пол. Что же касается пола мужского, то благодаря распространению французских вин среди мужчин распространилась склонность к пьянству, а из-за азартных игр — алчность и продажность по примеру двора разошлись по всей Польше. Поэтому после смерти Яна Собеского, который пережил свою славу только по вине его французской супруги, две партии^[33], — одна за принца Конти, другая за герцога Августа Саксонского, — начали, торговать короной Польши. Известно, что саксонская партия победила, так как Флемминг был в состоянии заплатить больше, чем французская партия^[34]. Известно, что Август, который боялся влияния Франции и только недавно перешел в католичество, благоприятствовал иезуитам, чтобы легитимировать себя в глазах народа, и поэтому опустил до преследования инакомыслящих. Известно, что он, чтобы заполучить любовь поляков и укрепиться на троне, строил захватнические планы, и когда они не удались, пытался использовать саксонские войска для притеснения поляков^[35].

В результате Польша пришла к своему нынешнему бедственному состоянию, так как французы испортили характер нации, сделали ненавистной для народа центральную власть, навязав ему выбор правителей, откровенно действовавших в интересах иностранных держав, и распространив во всех слоях общества французские обычаи. Так Станислав Лещинский^[36], достойный уважения деятель, был силой навязан Польше Швецией, старым союзником Франции, поэтому он не мог возбудить любовь у соотечественников, хотя Франция демонстрировала ему доказательства своего глубокого уважения. То, что Мария Лещинская^[37] стала супругой Людовика XV, не прибавило уважения ее достойному отцу, который еще носил титул короля Польши. Отношение Франции к Лещинскому проявилось наиболее ярко, когда всемогущий государственный министр, кардинал Флери^[38], выделил ему только 800 тысяч ливров для того, чтобы тот снова занял польский престол. Чтобы препятствовать росту влияния французской и шведской партий при дворе и связанных с ними гражданских междоусобиц, Россия должна была установить контроль над Польшей, что в подобных обстоятельствах, безусловно, явля-

лось политической необходимостью. Известно также, что только смерть Петра Великого помешала ему создать коалицию между несколькими протестантскими правителями, чтобы отомстить за проявленную Польшей жестокость в отношении протестантов^[39]. Кто может упрекать подавляемую партию религиозных диссидентов^[40] в том, что она, лишенная многих прав, хотя ни разу не была замечена в проявлениях фанатизма, не искала поддержки во Франции, которая всегда была врагом протестантов, а искала поддержки у иностранного двора? И кто может осудить русских, если они стремятся активно поддерживать желание Пруссии дать возможность полякам возводить на престол не иностранных правителей, а своих соотечественников, и по этой причине передать корону Станиславу Понятовскому, чтобы поддержать партию диссидентов?^[41] То, что Франция подстрекала нацию против королей и верховной власти, хорошо известно.

Раздел Польши может оправдать политика, но не мораль. Она дает право упрекнуть соседние государства за то, что они во имя собственной безопасности и независимости стремились ограничить польскую нацию. Но при этом нельзя забывать, что поляки никогда не действовали самостоятельно, а являлись только инструментом французского влияния в Европе. Благодаря приросту территорий, населения и сельскохозяйственного производства Речь Посполитая могла достичь размеров и военной мощи, опасных для соседних стран. Они пытались таким способом предотвратить угрозу собственной безопасности, тем более что знали по опыту, как меняется политика Польши с захватом чужих территорий и населения. На фоне испорченности национального характера и возросшей коррупции здесь всегда во власти находились продажные люди, готовые во всякой войне, которую ведет Франция, поддерживать ее действия против других государств и, вероятно, в настоящий момент сделали бы с Польшей то, что сейчас происходит с Испанией из-за французского влияния?^[42] Однако, как отличается при этом гуманность России от поведения Франции! Костюшко^[43], последний защитник Польши, пойманный русскими, обратился к великодушию Павла I и был отпущен на свободу, одаренный милостями. Напротив, Андреас Гофер^[44], защитник Тироля, который, если бы счастье благоприятствовало ему, наряду с Вильгельмом Теллем^[45] оставил бы блестящий след в истории, за то, что пытался защитить свободу своего отечества, был схвачен и убит французами. Однако наивысшая степень мерзости поведения Франции проявилась в отношении вождя всех черноко-

жих, Туссена-Лувертюра^[46]. С этим поистине великим человеком, который сохранил для Франции Сан-Доминго, заслуги которого признали французы, последние начали войну, когда он отказался ползать в пыли по приказу первого консула^[47]. Вынужденный отступить при перевесе сил, Туссен был арестован по лживому недоказанному обвинению, доставлен во Францию, где был брошен в башню и, в конце концов, умер. Как блестяще выглядит на этом фоне гуманность России, особенно в сравнении с теми методами, которые использует Франция в отношении своих благородных врагов!

Поляки! Все порядочные люди польской нации, в чьей груди еще пылает огонь! Если в вашей душе еще горит патриотизм и жажда независимости, сбросьте повязку с глаз и не позволяйте позорно использовать себя подобно механической игрушке! Надеюсь, вы еще не забыли своих несчастных земляков, отправленных первым консулом Франции в Сан-Доминго в составе польского легиона!^[48] Надеюсь, вы еще помните ваших несчастных соотечественников, которые доверились слову Наполеона, отбыв по его приказу подавлять восставших на Гаити!^[49] Там он подверг ваших соотечественников страшным испытаниям, обрушив на их головы множество бедствий, а также справедливую ярость негров, вызванную отвратительными действиями французов против Туссена^[50], а тем немногим полякам, которым удалось избежать эпидемий и пыток, «повезло» быть захваченными в плен англичанами^[51]. Я заимствую эти факты из многочисленных сочинений ваших соотечественников, написанных на польском языке, и каждый немец полностью убежден в правдивости этих сведений, а также в том, что части польского легиона были насильно или обманом погружены на судно, плывущее в Сан-Доминго. Если вы это забыли или все еще сомневаетесь в правдивости этих сообщений, то вспомните о вашем наивысшем унижении, которое кроме польского правителя, пожалуй, не терпел ни один монарх от дружественной державы^[52]. Вспомните о судьбе Антония Павла Зулковского^[53], достойного представителя старого польского княжеского рода, который за свои заслуги перед Францией был удостоен Наполеоном генеральского звания и графского титула, а потом изгнан из французской армии. Если это все вас не трогает, то взгляните на слезы отцов, матерей и братьев, родственников которых принесли в жертву в Испании, используя как средство для достижения Францией своих целей. Что забыли ваши поляки в Испании? И если вы верите еще в божественную справедливость, то вы не можете надеяться

на то, что Бог вознаградит поляков самостоятельностью и национальной независимостью, если они сами стремятся отнять и то, и другое у испанцев, этого благородного народа. Народа, который исповедует единую с вами религию, близок вам своей преданностью католической церкви, и точно так же, как и вы, перед такими же алтарями умоляет Господа и святых о справедливости и наказании своих угнетателей, к которым вы принадлежите. Если сегодня вы ощущаете сокращение собственных наличных средств, если вы погружаетесь в пучину нищеты и бедности, то вспомните, что ваши деньги уходят из страны, что вы вынуждены посылать свои последние сбережения вашим детям, мужьям и братьям, которые борются за несправедливое дело Наполеона в чужой стране. Французы до тех пор будут держать вас в нищете, высасывая последние силы и средства, пока доходы от собственности, которую Наполеон в вашей стране подарил своим приближенным, идут во Францию. А континентальная система делает вас полностью нищими, так как она не позволяет вам продавать за границу по выгодным для вас ценам сельскохозяйственные продукты, ваше единственное богатство.

Современники и беспристрастное будущее поколение смогут решить, поступала ли Россия когда-нибудь похожим способом, действуя только из страсти к захватам. Скорее известно, что Россия стремилась приблизиться к Балтийскому морю не для того, чтобы отрезать от моря соседние нации с помощью жестоких крупномасштабных мероприятий, а только ради новых возможностей для собственного экспорта. Петр Великий использовал все, чтобы для восстановления равновесия получить от Швеции, которая в течение предыдущих войн отрезала русских от Балтийского моря, единственную гавань на Балтийском море, и только после переговоров взялся за оружие. И как сегодня армия Наполеона, в свое время шведская армия также была уничтожена в России. Хотя Россия могла потребовать большую часть побежденной ею страны, она, однако, довольствовалась несравненно меньшим, так как Швеция, используя все влияние зарубежных посредников, умолила великодушного Петра отказаться от части земель во время заключения мира на острове Аланд^[54]. Швеция, от которой в результате надолго отвернулось счастье, на протяжении столетий была верным союзником Франции на севере Европы и вечной сценой для французских интриг и коррупции. Россия скоро ощутила это. Густаву III, благодаря поддержке Франции, удалось добиться суверенитета^[55]. Но не должна ли была Россия всего

этого опасаться? А если бы Польша, обработанная Францией тем же способом, что и Швеция, получила бы находящегося под французским влиянием короля, который благодаря Конституции 1791 г. также приблизился бы к суверенному правлению?^[56] Тем более что турки тоже были союзниками Франции, и она, следовательно, обладала достаточной возможностью окружить Россию нациями, которые могли бы в один прекрасный момент выступить против нее согласно намерениям Франции? Достаточно того, что Франция, чтобы поддержать союзных с ней турок, склонила Густава III к войне против России^[57]. Кронштадт и даже Петербург находились бы тогда в опасности. И какие перспективы были бы у России, если несравненно более сильной Польшей стал бы руководить талантливый человек, выступающий, находясь под влиянием Франции, против России? Не должна ли была Россия, чтобы предотвратить это, все больше думать о разделе Польши? Тем более что Франция не гнушалась никакими средствами для достижения своих целей, доказательством чему могут служить действия ее посланника де ла Шетарди^[58], пытавшегося с помощью французских денег повлиять на престолонаследование в России. Средство, которое благородная Россия никогда не позволяла себе использовать против другой державы, так как она всегда открыто побеждала монархов и народы на поле битвы и только с помощью своего оружия. При этом она никогда не пыталась лишить трона монархов, которые ее ненавидели. Она никогда не унижала себя теми методами, к каким недавно прибегал Наполеон в Венгрии и России, который, склоняя подданных обещаниями и несбыточными надеждами к мятежу, стремился лишить таким способом престолы и самих властителей монаршей чести и уважения народов. Только ради сохранения титула императора Франции он усердно заключал в тюрьму писателей и убивал книготорговцев.

Однако никогда поведение Франции и России не было более противоположным со всех точек зрения, чем их действия в отношении турок. Эта нация довольно сильно отстала от других, однако ее религиозное и политическое устройство делает турок весьма опасными для остального человечества. Пример визиря Кюперли^[59] доказал, как легко великому человеку разбудить дремлющие силы этого народа. И возможно уже в наши дни судьба визиря Мустафы Байрактара^[60] даст нам еще одно подтверждение разрушительной силы турецких фанатиков. Какую огромную волну фанатизма может вызывать Коран, демонстрирует нам также пример карматиров^[61], могущественной секты, сторонники которой

без колебаний шли на смерть по приказу Имама. В то же время современные ваххабиты^[62] показывают нам, как легко раздуть этот фанатизм снова. Коран приказывает им вести постоянную борьбу против язычников. Коран — это политический и моральный свод законов, который считается воплощением и сущностью высшей мудрости. Он препятствует любому продвижению этого народа по пути духовного развития и наполняет его неумемной национальной гордостью так же, как и евреев, которые даже под римским игом считали себя первым народом земли и поэтому в момент ярости, как демонстрирует нам история разрушения Иерусалима, были способны на страшную жестокость. Поэтому Европа должна все еще очень бояться турок, особенно если во главе этого народа встанет великий человек, повелитель, власть которого не сдерживается ни могущественным дворянством, ни другими сословиями, и который как духовный и светский глава управляет не только имуществом и физическими силами своих подданных, а даже их совестью. Там господствует деспотизм вождей азиатских орд, которых кормят рабы, так как вся подчиненная им народная масса является их собственностью. Эти жестокие деспоты веками присваивали себе все, что производили или захватывали их рабы. Так, согласно учению Корана, даже добрый поступок раба засчитывается не ему, тому, кто его совершил, а его господину в качестве пропуска в рай. Этот ужасный деспотизм сохранялся, когда вожди азиатских орд захватывали чужие земли и рассматривали их как свою собственность. По своему усмотрению они раздавали захваченные земли в пользование своим рабам, из которых до сих пор состоит нация. Даже их визири, их самые влиятельные царедворцы и приближенные, в глазах султанов оставались лишь рабами, или, как говорит один турецкий писатель, стеклянными колоннами в основании трона, которые ярко сверкают до тех пор, пока сидящий на троне благоволит к ним, а потом будут разрушены одним ударом его ноги. Эта система, которая очень удобна для деспота, по всей видимости, пленила Наполеона в Египте и вызвала у него стремление распространить ее на всю Европу. Эта ужасная система деспотизма, соединенная со страшным религиозным фанатизмом турок, не только опасна для остального человечества, но и препятствует формированию человеческого духа, поэтому не удивительно, что и сами турки в целом должны вызывать ненависть у других народов. Даже у самого толерантного человека возникает желание рассматривать турок как врагов человечества до тех пор, пока они не откажутся

от своих опасных принципов. Все монархи, все народы Европы, за исключением французов, чувствовали это, когда Франциск I связывал себя тайным союзом против Австрии с Сулейманом I, хотя такой альянс^[63] стал предметом всеобщего отвращения. И хотя Хайреддин Барбаросса^[64], этот гнусный пират, вызывал всеобщую ненависть в Европе, Франция объединила с ним свой флот, захватила Ниццу^[65], приняв ее капитуляцию, и позволила пирату, несмотря на капитуляцию, грабить город.

Таким образом, турки также всегда использовались французами как средство для достижения своих целей. Они хотели бы направить внимание турок на создание морской державы. Таким образом они обладали бы Средиземным морем и, наверное, в скором времени позволили бы подвергнуть собор Святого Петра в Риме участи храма Святой Софии в Константинополе. Конечно, иногда Франция также предоставляла вспомогательные подразделения против турок, однако только в том случае, когда она знала наверняка, что мир уже предreshен. Известно, что прославленный Людовик XIV^[66], когда турки осаждали Вену, а он полагал, что христианскому миру больше неоткуда было ждать помощи, кроме Франции, сосредоточил свои войска в Эльзасе, объявив условием своего содействия передачу германского императорского титула во Францию. Однако Ян Собеский и Карл Лотарингский самостоятельно отбросили турок Вены, без помощи Франции, поэтому попытка Людовика XIV использовать сложившуюся ситуацию потерпела неудачу.

То, что Франция при заключении всех мирных соглашений стремилась усилить преимущество турок, так же хорошо известно, как и стремление России ограничить действия этих врагов человеческого рода и выдворить их из Европы, и каждый друг человечества должен с благодарностью принимать эти усилия России.

Что стало с греками, самым великолепным народом еще со времен древнего мира? Спартанцы выродились в грабителей-майнотов^[67], а благородные Афины пережили глубочайшее унижение, став вотчиной начальника черных евнухов в константинопольском серале. Могущественный кислар-ага^[68] занял место великих афинских филэллинов^[69], милостиво снисходя к нуждам города и защищая его от злоупотреблений турецких правителей. Малая Азия, эта страна, над которой природа пролила все свое изобилие, и где миллионы людей могли бы вести райскую жизнь, сегодня является почти пустыней. Если теперь самый мужественный народ человечества снова стремится вернуть себе утраченные блага, кто может его осудить? И кто не был бы рад тому, если бы Россия,

которая когда-то была защитным валом Европы против монголов, снова стала бы ее защитой от турок и обеспечила бы людям, которые томятся под игом деспотизма, защиту законности, безопасности личности и собственности, а также искусства и науки там, где они блистали когда-то во всем изобилии, а теперь прозябают? Следовательно, войны России против турок были справедливы и заслуживают одобрения человечества. Кто готов осудить за многочисленные жертвы взятие русскими Измаила и Очакова, тот должен помнить, что участь всех взятых штурмом городов всегда была ужасна. Пусть он вспомнит о судьбе несчастного Любека^[70] в наши дни взятого французами, вспомнит, как Наполеон поступил с Бинаско, жители которого были закованы в кандалы. Таким образом, французы действовали не против врагов, которые защищали себя, а против беззащитных людей. Еще недавно жителей Ольденбурга, Бремена и Люнебурга французы заковывали в цепи, и многие из тех, кто хотел сохранить верность своим прежним суверенам, были убиты как преступники. Гамбург, этот свободный имперский город, грозил Наполеону, своему угнетателю, страшной местью, когда пытался отстоять свободу.

То, что Франция никогда не поддерживала турок из великодушия, а только из личной выгоды, доказывает предпринятый Бонапартом против султана, союзника Франции, поход для захвата Египта. И насколько при этом делалось все, чтобы использовать турецкий народ, даже его фанатизм, для блага Франции, доказывал французский манифест, в котором Наполеон утверждал, что он явился от имени Бога, который не имел сына. Тем самым французы пытались уверить турок, что они сами якобы являются большими друзьями и почитателями ислама^[72].

Поразительно, с каким цинизмом все, что наиболее свято и дорого для человека, или, по крайней мере, должно было быть таковым, Франция издавна использовала как средство для достижения своих целей. Разве Россия когда-нибудь пробовала практиковать подобные вещи? Разве не пытался Петр, прежде чем силой выйти к берегам Балтийского моря, с которых Швеция вытеснила его предков^[73], получить одну единственную гавань мирным путем?^[74] Стремился ли он к захватам? Петр захватил большие территории в Персии. Его наследники добровольно возвратили их^[75], так как не стремились ни к созданию универсальной монархии, ни к экстенсивному расширению. Россия подстрекалась Францией к участию в Семилетней войне, однако она по мирному договору возвратила захваченные земли Пруссии ее королю^[76].

Россия никому не навязывала своей веры: то была свободная воля немецких принцесс принять православие при бракосочетании с представителями русского правящего дома. Россия не стремилась поработить соседние государства, стараясь разрушить систему политического равновесия сил в Европе. Она никогда не злоупотребляла религией как инструментом для осуществления низких намерений. Она не раз спасала христианство, которому угрожали турки, наводя ужас на эту нацию, стремящуюся навязать свою веру поработленным народам и уничтожить всякую культуру. Будучи свободной от религиозной ненависти, Россия поддерживала папу против незаконных притязаний Франции. Она стремилась восстановить положение королей Сардинии. Она великодушно предоставила святое право гостеприимства эмигрантам из Франции. Она всегда была верным и справедливым союзником, посылая своих сыновей воевать за Неаполь, Германию и Пруссию, чтобы пресечь чужие незаконные притязания. Французы! Можете ли вы обнаружить такие же примеры в своей истории? Вы порицали русских «варваров», — так на вашем современном языке называются люди, которые имеют уважение к Богу, добродетели и справедливости, которые не преклоняют свои колена перед идолом и не приносят своих детей в жертву молоху. Но нет! Русским нечего бояться при их доверии к Богу и справедливости. Нечего бояться тем, кто борется с великим мужеством против бесчисленных легионов Франции, кто способен даже оставить свою столицу Москву, чтобы измотать врага. Имя города, которое на протяжении тысячелетий будет жить в памяти всех людей, имеющих представление о величии, мужестве и силе, даже если история забудет название Парижа — столицы всемирного разбоя. Ваши французы порицают русских варваров, считают себя более образованными, чем они. Но вспомните поведение русских солдат, их человечность, их боевое мужество в занятых ими прусских городах! Это покажется вам сказкой. Будущее поколение удивится тому, с какой человечностью действовала эта армия, чтобы спасти страну, которая была вынуждена предоставить Франции свои полки в борьбе против России. Даже несмотря на то, что король Пруссии называл Францию, эту грабительницу, покрывшую себя позором, своим союзником.

Ужасно то, что Франция изобрела метод, позволяющий ей на протяжении ряда лет после окончания военных действий использовать плоды усердия, ослабленного и поработленного ею государства. То, что она принуждала несчастную Пруссию под предлогом задолженностей к новым поборам, чтобы кормить гарнизоны кре-

постей, которые ей сама навязала. То, что она бесчестно не убрала эти крепости даже после того, как ей были уплачены обещанные суммы. То, что она назначала наместников в государствах союзников, которые, как Луазон^[77] в Кенигсберге, ежемесячно получали от города 1000 талеров и облагали налогом речное судоходство, получая проценты в свой карман. Отвратительнее всего, однако, является то, что армия, на подобие французской, ведет с собой полчища распорядителей и комиссаров, виновных во множестве злоупотреблений. Из этих людей формировалась армия шершней, которые высасывают кровь угнетаемых ими людей и обращаются со своими союзниками исключительно подло, когда, например, у жителей Пруссии насильно были изъяты около 40 тысяч лошадей, а также частично силой были мобилизованы местные конюхи. В результате как люди, так и животные, были брошены на голодную смерть и с возмутительным варварством обречены на страшные мучения. Сотни человек стали свидетелями этого зверства в Пруссии, и ни один народ Европы, кроме французов, не смог бы пойти на такие преступления. Если вы, французы, упрекаете русских, что они позволили себе некоторую твердость в борьбе против турок, то вспомните, что в отношении захваченных городов все народы действовали довольно безжалостно. Вспомните о бесчестных убийствах и поджогах, которые армия Людовика XIV учиняла в местах, жители которых не совершали никаких преступлений. Вы подняли большой крик, когда русские подожгли пригороды Риги^[78]. Это была их собственная страна, где они для защиты от врага избрали именно эту меру. А кто позволил вам в стране ваших союзников поджигать окрестности крепостей, которые были заняты вами без всякого на то права? Почему вы поджигали города, которые вовсе не являются крепостями, такие как Лабау, Брауншвейг и Белиц? Почему вы разрушили Кремль? Разве он мог быть для вас опасен после вашего отхода? — Только если вы собирались предпринять новый крестовый поход на Москву или паломничество к могилам уничтоженной Великой армии. — Нет, вы хотели отомстить любым способом и, как обычно, взрывали крепости, чтобы истерзанные вами монархи, когда они, наконец, в отчаянии призовут народ к восстанию, были бы обезоружены этим. При этом вами двигал не столько военный расчет, а, прежде всего, страсть к разрушению и слепая ярость. Ваш Наполеон позволяет себе сооружать, в свою честь, триумфальные арки и колонны, каких не возводил ни один монарх при своей жизни, и только рабы во времена римских императоров ставили подобные монументы своим тиранам при их правлении. Но память

о руинах сожженных вами городов, когда триумфальные колонны будут давно разрушены, останется в сознании будущих поколений вечным напоминанием о вас как о врагах человечества.

Только у такого глубоко опустившегося народа, как французы, смог возникнуть такой ужасный атеизм и произойти такая кровавая революция. Обратим взгляд на Россию. Как ранее в Афинах, самом образованном государстве мира, каждый, кто верил в богов и не разрушал их статуи, мог думать о религии все, что он хотел. Также в России никто не лишен того, что ему дает утешение и душевное спокойствие, религия народа сохранена в целости, без повреждения нравов, что, однако, не препятствует умственной свободе отдельной личности. Даже индус или какой-либо другой язычник может в России приносить жертвы своим богам. Он не будет чувствовать себя ущемленным, оставаясь верным вере своих отцов. И если бы можно было упрекнуть в чем-нибудь эту нацию, то упрек состоял бы в том, что французский язык, французские обычаи и французские писатели получили в этой стране слишком большое распространение и по этой причине постепенно начали оказывать влияние на религиозность и нравственные качества русских. Для каждого доброго христианина свойственна высокая религиозность. Русские в своих военных сообщениях за свои победы благодарно возносили хвалу Господу и Проведению. Французы определенно приписали бы гибель такой большой армии только счастью и гению их великого императора, а также смелости своей великой нации, в то время как освобожденные Россией от французского ига народы сегодня одновременно указали бы также на Бога, как на источник своего счастья. И если Кант^[79] прав в том, что единственный пример высокой добродетели воздействует на людей больше, чем сто морализаторских сочинений, то сама Россия также имеет высокую заслугу перед человечеством, возвращая к Богу другие народы примером своей религиозности.

Но Франция сделала много в области законодательства. Монтескье^[80] знакомит нас с духом законов, Руссо^[81] — с идеей гражданского договора. Как только Национальное собрание провозгласило права человека, Франция с помощью своих философов сделала то же самое в законодательстве, и в то же время сама покорилась произволу корсиканского захватчика. Так как Франция сама не уважает установленные ею же принципы, за границей они также теряют заслуженное уважение. Наполеону удалось с помощью своих приближенных составить свод законов, осчастливив тем самым не только французскую нацию, но и поработанных

им иностранцев. Именно на основе этих законов лучшие представители поработенных народов предстали перед военным судом, были осуждены и расстреляны по закону военного времени, чему в Пруссии в 1807 г. можно обнаружить многочисленные примеры.

А в каком духе действовало законодательство России? Царь Алексей Михайлович, который упорядочил в 1649 г. законы России^[82], советовался с патриархом, с духовенством, дворянством, купечеством и простыми гражданами. Несколько законов из этого старого Соборного уложения демонстрируют нам дух русского законодательства: «Жена и дети изменника родины, которые ничего не знали о его измене, получают поддержку из изъятого добра. Дезертирство без перехода на сторону врага никогда не наказывается смертью. Пристрастный судья, если его преступление доказано, в тройном размере оплачивает претензии истца и теряет, если он — боярин, свой сан и титул. Писец, который фальсифицирует судебный протокол, потеряет руку. Ни один патриарх, митрополит, архиепископ, епископ или монастырь не может покупать наследственные имения, владеть ими, получив в залог, или принимать от кого-либо на вечное поминание его души» Россия имела такие гуманные законы уже в 1649 г., и еще один из этих законов: «Если кто-то виновен одновременно перед русским и иностранцем, то в первую очередь компенсацию должен получить иностранец, а затем уже русский». — Какой нации в наибольшей степени должны доверять народы Европы, когда речь идет о гарантиях в отношении торговли? Русским, самые первые законы которых уже заботятся о безопасности иностранцев, или автору континентальной системы и нации, пытавшейся навязать всему миру Кодекс Наполеона, согласно которому самые благоприятные условия повсюду гарантировались жителю Франции? Екатерина II говорит в инструкции к общему своду законов: «Не народ существует для правителя, а правитель для народа». — Французы! Вы позволили одержимому болезненной страстью к захватам правителю поставить себя и все человечество на край губительной пропасти, так учитесь теперь у русских правильному отношению народов к своим государям!

Немцы, которые с присущей их нации скромностью всегда искали золотые зерна только в доисторических временах и за границами своего многострадального отечества, но никогда в современной эпохе и в себе самих, пренебрегли также своим языком, примешали в него массу иностранных осколков и сохранили про-
странный канцелярский стиль. Так как немцы никогда не закры-

вали глаза на чужие заслуги, они признавали также преимущества французских сочинений о государстве, и вместо того, чтобы обратить внимание на причину, которая сформировала этот стиль, они верят, что в основе всего лежит французский язык. Затем французские беженцы распространились по всей Германии, как и по всей Европе. Они вспоминали много хорошего из того, чем они наслаждались прежде на родине, так же как в древности израильтяне, вспоминали горшки, полные мяса, оставленные ими в Египте, и тоже были готовы, подобно еврейскому народу, вернуться в прежнее рабство. Они хвалили дух, язык, оригинальность своего народа со свойственным их нации тщеславием, стали сами частично чтецами и учителями и навязали свой язык нам, бедным доверчивым обманутым немцам, а с нашей помощью остальной Европе. Они сделали нас, готовых хвалить любой посредственный французский продукт, безразличными и неблагодарными в отношении заслуг наших собственных соотечественников.

На нас, немцах, частично лежит вина за распространение французского языка среди соседних народов. Среди поляков, которые, как и brave венгры, больше всего ценили латинский язык и разгорались от духа древних римлян. Поляки имели Залуского^[83], Замойского^[84], а литовец Коялович^[85] совсем в стиле Ливия написал историю их общего отечества. С тех пор как для высших сословий имеет значение только французский язык, высокая латынь выродилась в язык монахов или врачей. У русских также французская литература и французский язык получили широчайшее распространение. Однако русские всегда были многосторонней нацией, их характер наиболее похож на характер усердных немцев. Английскому и немецкому языку и литературе русские также воздают заслуженную справедливость и с подлинным патриотизмом заботятся о развитии своего собственного языка. Народы, которым дорога самостоятельность, чувствуют значение своего родного языка. Они изгоняют французский язык из дипломатических переговоров, из круга общения высших сословий, принуждая каждого иностранца, который приезжает к ним, учить язык своей страны, а также одновременно надлежащим образом знать и ценить свои заслуги и самобытность!

Каждый народ должен стремиться к тому, чтобы быть благородным народом, достойным уважения и одобрения человечества. Напротив, все нации объединяются во всеобщем отвращении к тому народу, который, стремясь стать великим и удовлетворить свои территориальные претензии, угрожает спокойствию всех

остальных народов. Росту собственного влияния в мире он пытается содействовать с помощью внедрения своего языка среди других народов. Если мы требуем введения общего дипломатического языка, то мы уже владеем языком, внедрения которого должен желать каждый дипломат и каждый друг классической литературы, так как большинство документов прошлых времен составлены на латинском языке. Мы говорим так много о восстановлении классической литературы. Много людей только чтобы выгладить учеными и разбудить веру готовы использовать латынь. Как только латинский язык будет использоваться как дипломатический язык во всех переговорах между дворами, каждый человек, стремящийся к духовному развитию, также должен будет обратиться к изучению классики, и польза от этого для наук и человечества будет велика. Юноши из высших сословий вместо поверхностного воспитания должны будут со всей серьезностью обратиться к наукам. Они будут учиться самостоятельно и напряженно работать, а не полагаться, как это часто бывает, на слуг и подчиненных. Душа юноши воспитывается на примерах великих людей прошлого. Глупые незначительные безделушки, бесполезные картины разгоряченной фантазии не увлекут мальчика и юношу, который с юности познал восхищение справедливостью Аристиды^[86], редким мужеством и решимостью Леонида^[87] и Эпаминонда^[88], конечно, великими людьми античности, и который ничего не желает более страстно, чем когда-нибудь занять почетное место в памяти благодарного будущего поколения. Таких людей требуют отчизна и человечество, а изучение классической литературы может разжечь дремлющую искру, дать человечеству новую опору и новых спасителей, и там, где деспот стремится приблизить гибель человечества, он получит сильнейший отпор словом и действием.

Сегодня мы испытываем в этом крайнюю необходимость. До сих пор античная литература всегда была религией образованных людей, защищавших типографское искусство от варварства и деспотизма. Они верили, что всякая великая и прекрасная мысль, многократно размноженная и введенная в обращение с помощью печатного пресса, никогда не погибнет, а, напротив, будет сохранена для человечества. От этого прекрасного сна нас разбудила Франция, когда она с помощью своих прокламаций и бюллетеней продемонстрировала нам, что вместо распространения духа истины, можно цинично злоупотреблять типографским искусством для распространения духа лжи. Ложь, которая произносится с почти невозможной наглостью, воспринимается как правда. С помощью

софизмов и ораторского искусства затуманивается разум, подавляется истина. Как во времена монашества человеческий разум находился в оковах религии, так и в наше время Франция с помощью самых гнусных иезуитских приемов ослепляет людей и с политической точки зрения заковывает разум в оковы. Однако этому намерению французов препятствуют обстоятельства, закрывающие их языку доступ к другим народам.

Торговля — это прекрасная связующая нить между народами. Однако необходима ли нам торговля с Францией? Ее вина являются, вероятно, единственным продуктом, который все еще пользуется спросом. Но лишь до тех пор, пока Россия не начнет уделять больше внимания великолепным винам Молдавии. Кроме того, в Крыму, а также в ее азиатских провинциях быстро развивается виноградарство. Для столов великих мира сего Россия поставляет Херес с берегов Каспийского моря. Из Германии поступают рейнские вина, из Англии — Мадера и испанское вино. Таким образом с европейского рынка могут быть вытеснены французские вина. Швеция и Дания могут удовлетворять свои незначительные потребности в вине из Испании, Португалии и Германии. — Польша и Пруссия! Природа показывает вам, направляя вдоль течения Вислы, где вы можете взять напиток услады для ваших больных и стариков. Вы найдете его в благородной Венгрии, у этого смелого народа, который был бастионом христианского мира против турок и так героически боролся против Франции. Мы должны покупать вино у народа, который сплотился с нами, немцами, благодаря своим немецким повелителям; у народа, вино которого является крепким как его дух, и поэтому немецкие врачи так охотно прописывают его слабому больному как напиток бодрости и услады. Позвольте Варшаве сохранить за собой перепродажу вина, пруссаки могут платить за него продуктами, которые прибывают по морю. Благородный король Пруссии может доказать, что он готов любезно протянуть руку повелителю Австрии как немец немцу, благоприсягнув импорту венгерского вина, чтобы уменьшить ввоз вина из Франции. Ведь это долг Европы — максимально сократить Франции, ее общему врагу, все источники дохода, чтобы таким образом одновременно лишить это государство любых вспомогательных средств для ведения новых захватнических войн.

Наконец, чтобы пресечь рост влияния Франции, позвольте нам в наших школах запретить занятия на французском языке. Изучение греческого и латинского языков приносится в жертву изучению современных языков. Позвольте нам оградить наших дочерей от

изучения французского языка. Позвольте им оставаться чистыми немецкими девушками с безупречными нравственными устоями, чтобы когда-нибудь стать хорошими женами и матерями. С каждым днем безнравственность Франции распространяется все больше, так как свод законов Наполеона гласит: *La recherche de la paternité est interdite*^[89]. Этой статьей может воспользоваться любой бездельник и сластолюбец, чтобы соблазнить невинную девушку. Он свободен от всякой ответственности. Он никем не является несчастному существу, которому дал жизнь, и согласно этим законам не обязан оказывать даже самую необходимую поддержку ребенку и его матери. Немцы, разве такой образ мыслей и поведения должен насаждаться законодательством! Так дело дойдет до воспитательных домов и отмены законов против детоубийства, тем более что Франция заставляет юношей Рейнского союза с рабской покорностью идти за себя на смерть, а следовательно, делает браки в Германии более редкими. Чтение французской литературы благодаря раздражению чувственности развращает невинных немецких юношей и девушек, а французский образ мыслей, презрение к религии и добродетели из-за общения с французами получает все большее распространение. Если принято думать, что высшим сословиям для общения, чтобы сделать его более конфиденциальным, необходим иностранный язык, то следовало бы выбрать итальянский язык, который уже и без того получил одобрение у друзей музыки.

Народы Европы, и особенно немецкий народ! Что воодушевляло древних греков? Отечество, религия и романтические виды прекрасной природы. Думайте о вашем немецком отечестве, о подвигах предков! Проявите себя достойными их памяти! Пусть повсюду стоят памятники людям, имеющим выдающиеся заслуги перед человечеством и нашим немецким отечеством! Пусть повсюду только высокий патриотизм руководит резцом и кистью немецких мастеров! Дюрер^[90], Зандарт^[91], Менгс^[92], Лессинг^[93], Гердер^[94] и Винкельман^[95], как много эти немецкие мужи сделали для развития искусства! Они обратились к изучению национальной истории и культуры, раскрыв красоту, благородство и величие немецкой души. Эти великие мужи, подобно героям Эллады, своими деяниями заслужили бессмертие, и восторженные немцы, как ранее греки, сохраняют память о своих титанах в будущих поколениях.

Итак, при трезвом рассмотрении вы не найдете веской причины, которая заставила бы нас учить французский язык. Литература Франции уже пережила свой золотой век; под давлением деспотизма изнемогает не только искусство, но и наука. Воодушевление

французов похоже на их шампанское, которое дает лишь короткое опьянение. Мы часто можем наблюдать, как у этого народа страсти и чувства быстро просыпаются и так же быстро исчезают. Слезы участия и жестокая твердость, дружба и ненависть, часто сменяют друг друга у одного и того же человека в течение часа. Поэтому великие деятели искусства, постоянство и усердие которых равнялись бы их таланту, едва ли могут появиться из недр этого народа. Их музыкальное искусство оказывает такое же влияние на немецкую музыку, как до него — восточные мотивы, которые в основном будили низменные страсти и сладострастные чувства. Возвышенные традиции простой музыки древних греков, изысканность спартанской флейты и благородство военных песен афинян больше не оказывают на людей прежнего воодушевляющего воздействия. Постоянное блуждание от одного сюжета к другому заложено во французском национальном характере. Даже «Аркадия» известного художника Николя Пуссена^[96], как и многие другие шедевры величайших деятелей искусства Франции, страдает перегруженностью деталями и отсутствием подлинного вкуса. С другой стороны, для французов типична определенная церемонная чопорность. Этикет, который часто отделяет благородных аристократов от образованных людей других сословий, был изобретением Франции. К какой неестественности ведет эта чопорность доказывает французское садовое искусство, когда деревья и цветы выстраиваются по прямой линии. Нация, художественному гению которой присущ подобный вкус, едва ли может сохранить высокое подлинно художественное и эстетическое чувство, а следовательно, в этом отношении вряд ли может быть учителем для остальной Европы и принуждать других к изучению своего языка. Она может поставлять на рынок искусств прекрасные художественные мелочи. Она может выгодно отличаться определенным изяществом и легкостью в строительстве военных кораблей. Но соединение приятного с полезным, красоты с прочностью, высокого с простым не заложено в ее характере. Каждая нация должна сохранять свою самобытность, и поэтому немцы не должны себя унижать рабским подражанием французским ордам. Немцы имеют собственный взгляд на искусство. Готические кафедральные соборы в Страсбурге, Ульме и Магдебурге, собор в Кельне^[97], арсенал в Берлине^[98], выдающиеся шедевры немецких художников и скульпторов, а также наши философы и поэты, наши проповедники, наши писатели с оригинальным немецким взглядом на мир, почему они не должны оставаться для нас образцами?

Мы так же мало нуждаемся во французских фабричных изделиях, как и в произведениях искусства. Элегантная фривольность их художественной литературы, их двусмысленность и сладострастие также чужды нам. Но особенно большой ущерб наносит нам беглое знание французского языка, так как соблазны и коррупция, сопровождаемые свойственным французам искусством внушать симпатию, никогда не достигали таких масштабов, как в век Наполеона. Дарю^[99], фаворит французского императора, рассказывал без краски стыда, что, когда Наполеон при форсировании Березины наблюдал ужасную трагедию своей армии, он воскликнул с негодованием: в моей кассе еще есть 6 млн франков, которые я разошлю повсюду, даже в Англию, и мобилизую столько врагов русских, что они должны будут сильно пожалеть об этом. Бесчестный ключ, которым Наполеон открывает ворота крепостей и письменные столы в кабинетах европейских правителей, называется коррупцией, и только благодаря знанию другими народами французского языка помощники Наполеона могут воздействовать на иностранных чиновников с помощью своего софистского красноречия, что было бы невозможно, если бы последние не знали этого языка.

Мы знаем, как во время последних войн в Германии и Пруссии были арестованы государственные чиновники, а затем доставлены к французским маршалам. Французы месяцами таскали их за собой, грозили смертью, если они не хотели выдать необходимую информацию. Даже старым воякам из армии Фридриха, французы, после того, как привлекли их на свою сторону лестью, делали оскорбительные предложения. Вряд ли при незначительном или полном отсутствии знания французского языка могли бы произойти такие позорные вещи, как, например, двойное вероломство некоторых женщин, которые с помощью французской обходительности и лести в преступных целях были склонены к предательству и соращению своих мужей. И именно чтение пошлых французских сочинений, авторы которых, по их собственному выражению, хотят рассуждать обо всем и философствовать, вредит немецкому прилежанию и серьезности, превращает нас в тупиц, и привносит много поверхностного в нашу немецкую литературу. Так, например, хотя установленные Вольтером^[100] представления об истории были весьма полезны, то, все же, для нас они имели губительные последствия. Теперь наша немецкая историческая школа, которая, так же как летописцы древних греков и римлян, философствовала только на основании исторических фактов и в рамках истории,

превратилась в новую, но жалкую историческую школу, которая философствует об истории, полностью предаваясь собственным фантазиям. Со смелостью ремесленника она выхватывает из контекста несколько слов или идей, рассматривает их под углом новых представлений и напускает на себя такой вид, как будто бы с помощью этих гипотез она может объяснить важнейшие вещи. А потом она требует, чтобы весь мир пал ниц перед их золотым тельцом и поклонился в ноги. Так у нас обстоят дела в большинстве наук благодаря французскому влиянию. «Эмиль»^[101] Руссо, при всем его превосходстве, возбуждает филантропию и предлагает сто тысяч способов для того, чтобы превратить воспитание в фарс. Когда-то их проповедники также пытались воздействовать на наших предков, стремились внушить им свои идеи о воспитании и с помощью литературы закрепить их в памяти. Но тем не менее, не все немецкие институты были изуродованы, а немцы сохранили убеждение, что смогут самостоятельно понять любую вещь, сохранив добрую волю, усердие и прилежание, а также и уважение к своему долгу. И сегодня они могут пожертвовать для высокой цели познания всем, сделать все, что в их силах. Такие мужи как Морхоф^[102], Томазий^[103], Лейбниц, Вольф^[104], Лессинг^[105], Виланд^[106], ставшие гордостью немецкой системы воспитания, были сформированы немецким усердием, немецким духом и немецкой силой. Сегодня французские священники обосновались в южной Германии, французские гувернантки повсюду калечат наших детей, и все ради французского языка, чтобы образованный француз всегда имел возможность посмеяться над произношением подражающих ему северян. Однако какие плоды приносит это основанное на подражании всему французскому воспитание гувернанток? Невинность и супружеская верность, а также добрые жены и матери, у нас, бедных обманутых немцев, стали встречаться все реже, с тех пор, как святая вера, детская простота и привычка с тихим постоянством и любовью следовать своему долгу были преданы поруганию; с тех пор, как благородная простота стала вытесняться внешней элегантностью, и наш женский пол, испорченный французским воспитанием, научился говорить любезности, но при этом так и не научился думать; с тех пор, как из-за французского кокетства, желания нравиться, целые семьи были разорены в результате женской расточительности; и с тех пор, как для того, чтобы нравиться испорченным и глупым женщинам, ценящим, прежде всего, внешнюю элегантность, нам стали прививать французские глупости, что испортило и развратило много мужских характеров здесь, в Германии.

Если мы хотим вернуть себе самостоятельность, то позвольте нам с мужской силой разорвать те оковы, которыми нас сковали предубеждения и страсть к подражанию, навязанные французским воспитанием и копированием французских нравов. Позвольте нам снова вернуться к тому, что было изначально заложено в нас самих, к нашим домам и семьям, в наши университетские аудитории и библиотеки, позвольте нам быть немцами. Национальность нераздельно связана с языком, и народ, который теряет свой язык, перестает быть нацией. Немцы! Услышьте жалобы ваших книготорговцев. Я вовсе не требую, чтобы на каждой ярмарке бесчисленные писательские сочинения продавались как модный товар. Однако это возмутительно, если забываются немецкие шедевры. Это возмутительно, если наши предприниматели жалуются, что немецкая книготорговля находится на грани разорения частично также потому, что среди наших высших сословий господствует только французская литература. Хотим ли мы, усваивая образ мыслей, присущий гению того языка, на котором мы говорим, перестать думать, как немцы, и начать думать, как французы? Неужели все то горе и бедствия, что этот народ принес Европе, и особенно Германии, должны служить только для того, чтобы немцы, отказавшись полностью от самостоятельности, добровольно протянули бы руки для чужих оков?

Один из основных источников всех наших бедствий — это чудовищная военная реформа Наполеона, с помощью которой он отбросил человечество на несколько столетий назад^[107]. С незапамятных времен войны в Европе вели только регулярные армии, благодаря чему хлебопашец оставался при своем плуге, горожанин — при своем ремесле и торговле. С тех пор как Карл V ввел регулярное снабжение армии продовольствием с помощью специально созданных комиссариатов, провиантских складов, полевых кухонь и пекарен, война перестала быть гибельным предприятием для мирных жителей, оказавшихся в зоне боевых действий. Почтовое сообщение продолжало действовать без ограничений, и люди, несмотря на войну, сохраняли связи между собой. Торговля находилась под защитой военной администрации. Солдаты противоборствующих армий воевали на поле боя, но после битвы они общались друг с другом как люди и братья. Принц Конти^[108] посылал хирурга герцогу Брауншвейгскому^[109], когда в бою у Хюкельма^[110] последний был ранен в бедро. В свою очередь, тот же герцог Брауншвейга на поле битвы около Миндена^[111] укрыв своей шинелью, украшенной фельдмаршальской звездой, молодого фран-

цуза, с которым он познакомился во время похода, и сам скакал рядом, чтобы удостовериться в удобности повозки, вывозившей его с поля боя. Во время Семилетней войны не раз были продемонстрированы доказательства взаимного уважения между немцами и французами. С пленниками обращались с большой вежливостью, и через короткий срок их возвращали на родину. Теперь же их отправляют воевать в удаленные провинции, где принуждают, как это делал Наполеон с испанцами и португальцами, бороться за угнетателей их отечества^[112], чтобы потом сообщить безутешным семьям об их гибели. Система реквизиций дает комиссариату, да и всякому облеченному властью негодю неограниченную свободу действий. Даже с союзниками французы обращаются как с рабами. В результате оккупированные ими страны обречены на ужасные испытания. Их огромные армии сразу разоряют всю страну, несут за собой голод, эпидемии, превращая города в большие лазареты. Таким образом, любой стране, через которую двигается французская армия, грозят нищета и страшные бедствия. Толпы следующих за обозами мародеров грабят врагов и друзей, так как любое преступление остается безнаказанным. Одичавшие из-за долгой войны люди, которые сами ощутили на себе ее бедствия и стремятся заглушить их с помощью всех доступных им удовольствий, ввергнуты в это несчастное положение современной военной системой. При этом во французской армии служит много великолепных и благородных людей, поэтому каждый, кто хорошо знает эту армию, должен сожалеть о народе, солдаты которого живут без жалованья, но с разрешением грабить земли, через которые они проходят. Не удивительно, что к дальнейшему продвижению за пределы Франции эту армию толкает ныне только открытая страсть к наживе и захватам.

Ужасным образом также проявила себя коммерческая и финансовая система, созданная Наполеоном. Он хотел подавить Англию^[113], и по этой причине потерял французские колонии и торговлю. Французские фабрики, торговля с Ближним Востоком пришли в упадок: ограбленная Наполеоном Европа не могла больше покупать французские вина, шелковые изделия и предметы роскоши, так как он препятствовал притоку в подвластные ему страны золота и серебра из других частей света, нанеся смертельный удар колониальной торговле. Таким образом Наполеон не только вверг всю Европу в страшную бедность, но и парализовал индустрию подавляемой им Франции, а Англия, которую он стремился лишить торговли с Европой, в результате этих его усилий получила

монополию торговли в остальных частях света. Франция потеряла все, что процветало в ней раньше, не приобретя взамен ничего, кроме ужасной славы. Когда-то любимая всеми и уважаемая нация вызывает теперь у народов Европы только отвращение и страх. То, что французы приобрели благодаря своим изысканным изделиям, усердию и художественному вкусу, было отнято у них Наполеоном, когда он вынашивал порочную идею создания континентальной системы. Как огромный полип распространяет в море свои щупальца, чтобы обвинить несчастное существо, до которого он может дотянуться, и сдавливать его до тех пор, пока оно в мучениях не испустит дух, так и Наполеон распространил свои щупальца до всех приморских стран^[114]. Так, в мирный период он овладел северным побережьем Германии не потому, что имел право на это, а потому, что хотел увеличить собственные территории и навредить Англии. Какую пользу принесли Гамбургу и Любеку «благотворные» реформы Наполеона, продемонстрировала радость населения при вступлении в эти города русских войск. С другой стороны, он захватил всю Италию и стремился через Триест выйти к Далмации, чтобы приблизиться к туркам и также поработить их в ближайшее время. И все это только для того, чтобы якобы утвердить свободу мореплавания. О, бедные народы! В состоянии ли вы поверить в это? У вас отнимают ваши гавани и приморские провинции, чтобы вы получили свободу мореплавания? Нет, все это для того, чтобы уничтожить благосостояние Англии, захватить ее фабрики, торговлю, военные корабли и колонии, все то, что так жаждет заполучить Наполеон, мечтающий поработить эту страну. Он стремится захватить ее прибрежные воды, морскую торговлю и судоходство, чтобы превратить англичан во французских подданных, чтобы казна Наполеона пополнялась награбленными богатствами и ему хватило средств для ведения войны. Остальные обедневшие нации в результате этого погрузились бы в полную нищету, навсегда превратившись в рабов Франции.

Таким же «великолепным», как континентальная система, является его государственное право, когда с помощью декрета он отобрал трон у короля Неаполя^[115], отнял у своего брата корону Голландии^[116] и объединил этот ранее свободный народ с Францией. Без всякого смущения он объявляет силовое превосходство Франции, после заключения мира отбирает у германского императора его корону^[117], с помощью Рейнского союза превращает свободных князей Германии в своих вассалов^[118], объявляет папу в своей стране вне закона^[119].

А теперь обратим взгляд на более ранние, но тем не менее, очень показательные примеры поведения Наполеона в Европе. Король Сардинии должен был сначала предоставить свои крепости французам, а после этого отказаться от всех своих провинций на континенте^[120]. Бедные швейцарцы попали в зависимость от Франции. Голландцы, свободный народ, должны были терпеть короля, навязанного им Наполеоном. А его союзники могли спокойно владеть своими государствами только до тех пор, пока это было угодно произволу Наполеона. Так, объединившись с Типу-Саибом^[121], чтобы получить возможность выступить против Англии, он в мирный период атаковал Египет, страну своего союзника — турецкого султана. В Испании он сам нарушил самые священные союзы, подстрекал отца^[122] и сына против друг друга, заманил их во Францию и отобрал у них, как только они оказались в его власти, их империю. Правители Европы! Вы видите в этом зеркале свою судьбу. Никто из вас не уверен в надежности своего трона: еще один декрет Наполеона — и ваше правление будет закончено. Где тот герой, у которого еще есть сильная рука и грозный меч? Где тот правитель, в груди которого еще бьется сердце монарха, который еще не использовал всех возможностей, чтобы спасти свою страну?

Наполеон не признает самостоятельности ни одного государства. Герцог Энгиенский^[123] насильно был вывезен из нейтрального государства и убит, и книготорговец Пальм^[124], подданный чужого государства, был убит французами назло правителю этого государства, известному своей справедливостью и гуманизмом. Герцог Ольденбург^[125] в мирное время потерял свою страну. Ганзейские города в мирный период из маленьких счастливых республик сделались французскими рабами. Как раньше у Швейцарии отняли часть страны, так ныне часть Вестфалии была присоединена к Франции. Ни к правам, ни к собственности других правителей не было выказано ни малейшего уважения. Наполеон объявил себя всемирным судьей, и жители Европы должны были стать для него «glebae adscriptus»^[126]. Декреты Наполеона против министра Штейна^[127] или австрийского генерала Шателера^[128] являются тому яркими доказательствами. Люди! Существовали ли когда-нибудь большие самомнение и наглость, и не чувствуете ли вы железную необходимость пожертвовать всем, чтобы избежать такого рабства?

Даже то, что человеку наиболее свято и дорого, религия и умственная свобода, используются Наполеоном в своих целях. Католики, разве вас не трогает святотатство в отношении папы,

руководителя вашей церкви? Является ли католицизм, который пока еще оставил вам Наполеон, подлинной римско-католической верой?^[129] И если вы принимаете эту последнюю, то ваша совесть — в опасности. Помните, что, прежде всего, вы должны служить Богу и Церкви. Вспоминаете ли вы святой *Legio Thebaica*^[130], тех святых мучеников, которые отдали свою кровь за Бога и учение Христа? Итак, к оружию, воины всех народов, рожденные в лоне Римско-католической церкви и приверженные святой вере ваших отцов! Вы стоите перед выбором: либо вы служите под знаменами Наполеона, антихриста, который сделал святую Церковь своей служанкой, который присвоил себе часть наследия святого Петра и держит под стражей истинного руководителя церкви, наследника Христа. Он погибнет, если вы падете на поле битвы, преданные анафеме Церкви. Либо вы сражаетесь за правое дело, за восстановление Церкви и веры, и вас ждут не только лавры героя, если вы идете на смерть за правое дело, но слава мучеников Христа, которые, если вы пострадаете за веру и Церковь, по-братски примут вас на небесах и введут в царство вечной радости. Вы сражались против государства антихриста, против Наполеона, который только ради собственной выгоды притворялся приверженцем христианства, который отрекся от христиан, страдающих под властью турок, публично объявил себя отрекшимся от Бога. И так как он не уважает ни Бога, ни добродетель или человечество, он презирает вас и пренебрегает вами, французские католики, используя вас как инструменты для осуществления своих корыстных эгоистичных целей, и ведет к вечной гибели. Не дайте ввести себя в заблуждение фальшивыми заповедями Наполеона! Вы должны хранить верность своим духовным авторитетам. Прежде всего следует служить Богу, а потом уже человеку!

Немцы! Если чужак, который не уважает ни Бога и ни его волю, хочет принудить вас сражаться за себя, против святых уставов Церкви, против счастья вашего отечества, то выбирайте защиту веры и справедливости. Вступайте в борьбу за Бога и свою веру, она разбудит ваших правителей, которые сейчас похожи на мертвецов.

Вы клялись в верности немецким князьям, которые были скованны клятвами своих предков, верностью и долгом перед императором и германской империей. Императоры и Рейх пожаловали их землями и подданными, поэтому если князья были неверны императору и Рейху, то, изгнав их из империи, у них могли отобрать их земли. Таким образом, отречение от императора и Рей-

ха несло с собой урон княжеской чести и изгнание из империи. Сила страшного врага принудила князей Германии отказаться от императора и Рейха. Благородные князья определенно сделали это неохотно: теперь пришло время спасения, и тот, кто все еще привержен врагам Германии и действует против императора и Рейха, сам является имперским врагом, находящимся вне закона. Если в этом случае подданные продолжают повиноваться своему князю, то они больше не являются надежными добрыми подданными, а, напротив, являются клятвопреступниками, мятежниками против германского императора и Священной Римской империи. Где теперь наши императоры и наш Рейх? Наполеон не был избран курфюрстами согласно Золотой булле^[131] немецким императором. Он сам короновал себя императором Франции, нарушив клятву верности, данную Французской республике. Наполеон сделал это, публично заявив: «Где вы найдете такого глупца, чтобы предпочесть республику королевской власти!». Но прежде он громогласно провозглашал: «Гренадеры! Направьте штыки в эту грудь, если я когда-нибудь нарушу клятву верности республике!». Этот клятвопреступник, упрекавший русских за присоединение Польши без завоевания и территориальных уступок, овладевает Германией после того, как он заключил мир^[132] с императором и Рейхом, и тоже без завоевания и без уступок. Дальберг^[133], последний эрцканцлер немецкой империи, курфюрст, архиепископ Майнцский, под давлением Наполеона самонадеянно взял на себя право выбора духовного главы для немецких католиков^[134] и выбирает человека, который не является по праву рождения рыцарем, а следовательно, не может стать немецким имперским князем. Он сделал своим преемником кардинала Феша^[135], опозорив тем самым пурпур князя Римской церкви. Вскоре он идет еще дальше. Называя себя священнослужителем, не понуждаемый необходимостью, а из рабской страсти, он самовольно превращает церковное имущество в светское^[136], а свою немецкую землю он предоставил французу, вице-королю Италии^[137], который не имеет на нее никаких прав. Немцы потеряли свою империю, так как их император вел неудачную войну и потерпел в ней сокрушительное поражение, а немецкие князья не были готовы проливать свою кровь за свободу Германии.

Немецкие князья, благородные господа, которых правители из дома Габсбургов никогда не делали своими рабами, ваши имперские армии возникали на основе обоюдного соглашения между императором и имперскими сословиями^[138]. Даже если эти согла-

шения не исполнялись, как по-отцовски снисходительно императоры Германии обращались с вами! И что сделал с вами учредитель Рейнского союза? Вы должны воевать против Пруссии и Австрии, против немцев, чтобы принудить их покориться чужому господству. Вы должны, чтобы лишить благородный народ Испании веры его отцов, принудить его к католицизму Наполеона. Вы должны, чтобы навязать этому народу брата Наполеона в качестве короля^[139], посылать своих подданных в Испанию, и чтобы удовлетворить страсть Наполеона к захватам, послать их в Россию на страдания и гибель. Немецкие князья, благородные господа! Пусть вы никогда не почувствуете того, что вытерпело сердце вашего благородного императора, когда он вас, как потерянных детей, предоставил своей участи, позволив идти своим путем. Однако вы не освободили его от обязательств перед нацией! Предстаньте перед ним, как добрые послушные дети! Просите его, чтобы он, чьи предки защищали Европу и христианский мир от заклятого врага на Востоке, прикрыл вас сегодня от заклятого врага на Западе, и как хороший отец заботился бы снова о счастье своих немецких детей. Вспомните о великой жертве, когда великодушный император Австрии отдал свою благородную дочь Наполеону, чтобы она смягчила сердце завоевателя в пользу установления мира и счастья человечества, а также счастья Германии и сохранения истинной святой Римской церкви. Богобоязненный монарх всегда будет помнить о небесном отце, который отдал своего сына для спасения человечества. Он с радостью раскроет вам сердце отца, если вы, немецкие князья, обратитесь к нему. Он принесет любую жертву для вашего освобождения.

Взгляните, немцы, с другой стороны — Россия предлагает вам руку, Россия, которая никогда не угрожала спокойствию Германии. Петр Великий, когда он хотел сломить Карла XII, предлагал ему, тем не менее, сохранить нейтралитет для Шведской Померании^[140], и покинул ее, как только прусский король Фридрих Вильгельм I обещал ему не допускать нападения с этих территорий. Наполеон, напротив, занял Ганновер^[141], когда ему противостоял английский король, не обращая ни малейшего внимания на суверенитет этого немецкого государства. Петр Великий во время Северной войны ждал отклика от датского рикстага, однако был далек от того, чтобы самому овладеть Висмаром^[142], как бы ему этого не хотелось. Напротив, Наполеон в условиях мира овладевает государством герцога Ольденбурга и Ганзейскими городами, потому что ему так было угодно. Российская императрица Анна посылала атакованной Германии вспомогательные подразделения

против Франции. Людовик XIV, наоборот, был готов снять осаду с осажденной турками Вены только при условии, что корона Германской империи перейдет под господство Франции. Петр Великий, когда поляки позорно притесняли протестантов, хотел принять польских диссидентов у себя и позаботиться об угнетенных. Екатерина II хотела предоставить всем некаатоликам в Польше возможность не только свободно исповедовать свою религию, но и равные права с местным населением. Напротив, Франция посылает восторженным конфедератам^[143], которые хотят уничтожить всех диссидентов в Польше, и среди которых находится неудавшийся убийца короля Пулавский^[144], свою помощь. Елизавета захватывает Пруссию и часть Померании, Петр III и Екатерина II возвращают эти земли великому Фридриху. Наполеон, обласканный счастьем, овладевает прусским государством, угоняет воевать половину прусских подданных и захватывает, глумясь, родовое гнездо прусского короля. Павел и Александр абсолютно бескорыстно предоставили в помощь немецкому государству целую армию, чтобы защищать его от могущественного завоевателя. Император Александр не жалея себя, вступил в борьбу за свободу Германии, против разрушителей этой свободы — Франции и Наполеона. Немцы, вы навсегда покроете себя позором за черную неблагодарность, если не признаете великие заслуги правителей России перед Германией! Эй! Кто еще является мужчиной и имеет меч, вставайте! А тот, кто не может сражаться, тот пусть, по крайней мере, разделит с благородными воинами свое имущество и последний кусок хлеба, чтобы наши внуки не стыдились своих предков, а немецкие родословные не были бы опозорены французским рабством.

Наполеон считал себя полубогом. Его растущее тщеславие было безгранично. Если бы его совесть была чиста, он смог бы насладиться радостями высшего счастья. Но внутреннее беспокойство всегда толкало его к новым вмешательствам в чужие дела, что, в свою очередь, вело к новым преступлениям. Он стремился сделать всех других правителей своими рабами и присвоить себе чужую собственность, чтобы всякий раз убеждаться в том, что люди — это жалкая отвергнутая Богом порода, которая не достойна лучшей участи. С помощью подкупа, лести и обмана, — в чем он изрядно преуспел, — с помощью подавления свободы прессы, с помощью сдерживающих государственных союзов он сохраняет перевес сил в Европе и утверждается во Франции. В то время как он увеличивал за чужой счет свои возможности, например, содержал свою армию частично на средства других государств, масса

ведомств и чиновников пользовалась плодами его правления, льстила его тщеславию, награждая орденами, поощряла жадность, выделяя все новые денежные средства, а он думал, что его мировое господство обосновано и незыблемо. Чтобы в дальнейшем вести успешные войны, он для получения новых материальных ресурсов угнетал чужие нации, а также разжигал, как в Испании, внутренние беспорядки. Немецкие союзники представлялись ему менее значительным сортом людей, чем его всегда надежные французы, и таким образом росла дерзость завоевателя, который равнодушно посылал на смерть своих немецких рабов во имя собственной выгоды. Монарх, который боится Бога, верит в высшую справедливость и любит своих подданных, никогда не решился бы на подобную жестокость. Однако Наполеон проливал потоки крови. Когда благородные народы, которые подобно испанцам дорого продали свою жизнь и свободу и убили сотни тысяч его рабов, ему это было безразлично. Теперь он подражает искусному приему Марка Аврелия Проба^[145], который послал гепидов^[146] сражаться в Британию, а франков — в Фазис^[147], где эти люди были полностью изолированы, не понимая языка местных жителей и не имея никаких связей со страной. Но при этом они находились в полной зависимости от своего хозяина, а потому должны были слепо ему подчиняться. Этот изощренный прием, вследствие которого человек становился средством для достижения цели деспота, Наполеон использовал, сохраняя абсолютное презрение к самым святым для человека правам. Чтобы полностью подавить сопротивление в Испании, он послал на смерть и лишения своих союзников — поляков и немцев, используя их как пушечное мясо.

Вообще ни право, ни закон не были для него святы: подстрекать подданных против правителя — он считал вполне оправданным делом, если это давало хоть малейшее преимущество. Так он действовал в Италии, на западе и юге Пруссии, так он действовал в Галиции и России. Он требовал, но напрасно, чтобы благородные венгры отделились от Австрии. Тот, кто подстрекает к бунту по научению приспешников Наполеона — клятвопреступник, который делает с ним общее дело, и он не будет наказан французской администрацией как мятежник. Но если народы, которых Наполеон подчинил себе насильственным способом, стремятся спастись от его ига, то он угрожает им огнем и мечом. Его военные суды, где французами и согласно их кодексу, творится расправа над людьми, которые никогда не были подчинены ни Наполеону, ни его закону, являются повторением позорной кровной мести герцога Альбы, который

позволял испанцам приговаривать к смерти свободных голландцев и фламандцев по своему произволу и согласно испанским законам. Короче, подражая мерзости всех убийц прошлого, когда, с одной стороны, был узаконен государственный террор, а с другой — господствовала высшая форма самонадеянности и пренебрежения к людям, он подавлял своих противников и запугивал народы. Теперь последствия его самонадеянности очевидны. Он воображал, что, овладев Москвой, сможет управлять русскими, забыв об уроках, которые дает нам история. Так, Фридрих Великий в 1744 г. совершил большую военную ошибку, продвинувшись глубоко в тыл врага без достаточной операционной базы, без обеспечения своих флангов. Карл Лотарингский и граф Траун^[148] вынудили его отступить с большими потерями. Похожим способом принц Кобург^[149] продвигался вперед к Ландреси и потерял, таким образом, Бельгию; воспоминание о том, как Пишергю^[150] и Журдан^[151] атаковали врага с двух сторон и объединились в тылу вражеской армии, еще свежо в памяти каждого образованного офицера. Только Наполеон, полубог, не считал возможным для себя такое развитие событий. Он не хотел верить в то, что, если он продвинется вперед со своей бесчисленной армией вплоть до русской столицы, то деморализованный народ отважится выступить против него, забыв, что задолго до него именно так другие полководцы погубили свои армии. Он всегда двигался вперед с безграничной самонадеянностью, поэтому не обращал внимание на подразделения Витгенштейна^[152] и Чичагова^[153], которые стояли у него во флангах, стремясь объединиться в его тылу и уничтожить его армию.

Теперь Бонапарт пытается спастись с помощью двух средств: используя порядочность своих противников и террор в отношении них. Он рассчитывает на то, что благородный Александр и человеколюбивый Фридрих Вильгельм будут вести войну со свойственной им гуманностью, в то время как он сам, подобно Аттиле и Чингисхану, позволит себе все средства и таким образом сможет восстановить утраченные позиции. Он вероломно захватил крепости в прусском государстве. С гражданами Люнебурга^[154], которые сопротивляются французскому игу, обращаются как с самыми ужасными преступниками. Король Саксонии должен был бежать. Саксонцы и поляки пожертвовали всем, чтобы оставаться рабами Франции. Немецкие князья должны были послать ему своих последних подданных, чтобы и они погибли в борьбе за Францию. И чтобы этот способ действий опять не дал ему нового перевеса сил, необходимо, как бы мы не приветствовали проявлений гуман-

ности на любой войне, победить террориста его же оружием террора. Наполеон объявил испанцев, которые боролись за своего законного короля, разбойниками. С помощью своих приказов он ставил благородных героев, которые выступали против него, вне всяких правовых норм. С помощью своих декретов он лишал трона любые династии и любых правителей. Франция давала нам ужасные примеры террора, объявляя командиров и личный состав гарнизонов крепостей, которые не сдавали свои бастионы по первому приказу, вне международного права и приговаривала их к смерти. Не следует ли поэтому действовать аналогичным образом против французских комендантов и гарнизонов, захвативших саксонские и польские крепости? Какой монарх, какие граждане требуют их обороны? Французский гарнизон внушает местным жителям ужас. Не следует ли нам обращаться с французскими комендантами и офицерами этих крепостей, если они не сдают их по первому требованию, как с преступниками против человечества и сослать их на рудники в Сибирь? Кроме того, в Польше^[155] ведут войну профранцузские партии, состоящие в основном из разбойников, которые препятствуют счастью своей нации, и поэтому их по праву можно считать людьми вне международного права, и, если они не хотят повиноваться голосу разума, усмирять силой оружия. Германия поработана с помощью коварства и интриг Бонапарта. Немцы, унизившие себя тем, что ковали оковы для своего отечества, — вне закона, вне международного права. Благородный генерал Теттенборн^[156] сделал первый шаг к тому, чтобы наказывать немцев, которые в этой войне провинились против своего отечества, ссылкой в Сибирь. Если его предложение получит одобрение, то запятнавшие себя предательством немцы навсегда покинут свою родину, чтобы с помощью заселения Восточной Сибири, по крайней мере, хотя бы частично возместить человечеству тот ущерб, который они ему нанесли.

Эта война посягнула на самое святое для человека, свободу и отечество. В ней не было места для пощады в отношении людей. И как Москва будет вечно жить в истории, так и каждый народ, подобно русским, не забудет тех, кто был готов пожертвовать всем ради отечества. Примером из далекой истории для нас может служить женщина, Кахина — королева берберов^[157]. Терпя непрерывную агрессию со стороны арабов, она призвала свой народ разрушать собственные города, закапывать золото и серебро, и удовлетвориться тем, что может дать природа. «Лучше вести кочевую жизнь, — говорила она своему народу, — чем пожертвовать

свободой и независимостью». Когда французы под предводительством Людовика XIV стояли под Амстердамом, тогда мужественные жители города погрузили все на корабли и решили разрушить морские дамбы в случае приближения врагов. Они были готовы покинуть Голландию морем и идти в Батавию^[158], чтобы основать там новое отечество. Немцы! Все народы, которые томятся под игом Наполеона, взгляните на пример ваших предков. Вспомните о родном доме, где вы впервые пролепетали материнское имя; дереве, под которым вы вели свои детские игры; алтаре, перед которым вы обещали посвятить себя добродетели и религии; могилах ваших друзей, братьев и родителей — это все ваши святыни. Но покиньте все это, если независимости и свободе, священности законов, счастьем человечества, вере в Бога и добродетели угрожают завоеватели! Там, где нет гарантий безопасности личности и неприкосновенности собственности, там нет государства, нет отечества, там человеку больше ничего не свято.

Поэтому не позволяйте врагам глумиться над вами: их власть пошатнулась, но еще не уничтожена, оставьте дом, чтобы с богатой силой оказать врагу сопротивление. Государи! Позвольте нам с помощью силы оружия и духа продемонстрировать нашим врагам высокую честь и мужество. Каждый, кто еще способен держать в руках меч, пусть сражается так долго, как только может, пока не будет достаточно воинов для защиты отечества. Позвольте нам, подражая афинянам, отослать женщин, детей и ценности. Если судьба будет против нас, а враги будут продвигаться вперед, то пусть каждый город и каждая деревня будут оставлены жителями и стоят пустыми. Отравите оставленные блюда и напитки! Где еще остались в запасе начиненные ядра, спрячьте их и вложите фитили, чтобы после вступления врага произвести сокрушительный взрыв, чтобы армия Наполеона нигде не нашла добычи для удовлетворения своих потребностей, а только голод и нищету, смерть и гибель. Давайте запрудим реки, чтобы их воды вышли из берегов и распространяли чумную заразу! Следует разрушать мельницы, поджигать города, чтобы продвигающийся враг не нашел ничего, что могло бы привлечь его. Даже в лесах следует затруднять ему продвижение, сделав чащи с помощью наших стрелков опасными для врага. Его продвижение должны замедлять разбросанные в ночное время капканы и разрушенные мосты. А мины на каждой дороге и в каждой ложбине при обнаружении могут так запугать неприятеля, что уже в силу своего воображения враг, исполненный страхом, будет чувствовать опасность даже там, где ее нет. Мы готовы

многим пожертвовать в этой борьбе, но нам остается родная земля, и положение французов внезапно изменится. История служит нам тому доказательством.

А теперь обратим взгляд на Францию! Маршалы и гражданские чиновники высокого ранга, префекты, комиссары, короче вся французская элита поднялась благодаря ее близости к власти имущему деспоту, который обогащал ее, делая подарки за чужой счет, раздавая милости, титулы и ордена. В то же время он позволял себе безнаказанно высасывать последние соки из других порабожденных им народов. Так, во времена Рима безродные выскочки достигали небывалых богатств и положения только благодаря своей близости к деспоту. Множество молодых людей надеялись получить богатство и общественное положение похожим способом, и поэтому слепо следовали за деспотом, даже в Москву, к месту своей гибели. Но если иссякнет этот источник быстрого богатства и высокого положения, если французские армии, которым ныне позволено грабить все города, через которые они проходят, не найдут ничего, чем можно было бы поживиться, то будет уничтожена приманка, которой Наполеон привлекает людей к себе. Та редкая верность, с которой французы, проклиная его, все равно следуют за ним, основывается только на эгоизме, который он сделал главной чертой своего народа, и на корысти, которую он разбудил надеждой на быструю наживу. Если эту надежду отобрать у французов, то вскоре проснется мужество обманутых, и они повернут оружие против автора своих бедствий. Только таким способом можно победить эту страсть к захватам, так как она схожа с яростной страстью игрока. Когда он решается на все ради выигрыша и в итоге получает его, он больше не может расстаться с игрой. В результате игрок мало обращает внимание на все те несчастья, которые приносит ему полученная прибыль, так же мало завоеватель обращает внимание на ужасы, которые сопровождают его военное счастье. Ни битва со скифами, о которой Александр^[159] запрещал говорить в своей армии, ни отход из Индии, когда из-за голода и жажды много македонцев расстались с жизнью, не ослабили страсть Александра к завоеваниям. Благородный Траян^[160], который умел ценить людей, благодаря военному счастью был захвачен страстью к захватам. Карл XII всю свою жизнь строил новые планы захватов чужих территорий. Также всегда действует и Наполеон, никакие поражения не умирят его, никакой мир не вызовет у него желания длительного покоя. Он использует его, как Людовик XIV, чтобы собрать за это время новые силы для войны. Поэтому не может

быть мира с этим врагом человечества, — таково заявление народов Европы.

Будь Наполеон другим человеком, он мог бы объявить свою благородную супругу регентом, ее признали бы правительницей Франции и опекуницей ее сына, с нею вели бы переговоры; а сам Бонапарт, навсегда покинув Европу, считался бы умершим. Он мог бы провести остаток жизни в достатке и спокойствии. Но нет, Наполеон, пока он жив, будет представлять собой опасность для человечества. Автор системы перевеса сил не оставит нам шанса на почетный мир и несет лишь всеобщую гибель для Европы. Если нам не удастся его остановить и последнее неизбежно, то позвольте нам покинуть наше отечество. Когда от границы Китая неслись полчища гуннов, все народы покидали свое отечество. Давайте последуем этому примеру. Острова южных морей, новая Голландия, Бразилия и незаселенные земли Чили, где природа дарит людям все свои сокровища, ласково манят нас. Если не хватит кораблей, чтобы доставить туда нас с женами и детьми, то стоит обратить свой взор на малонаселенную южную Россию. Наши филологи утверждают, что существует сходство между немецким и персидским языком, и благородный русский император Александр не откажет нам в просьбе обрести новое отечество в Грузии, которая лежит так близко от родины наших праотцов. Немецкая верность, немецкое мужество подготовят нам новое немецкое отечество, если мы возьмем с собой туда наши знания, наше усердие, наше постоянство и старание. Массу немецких поселенцев снова объединят наша религия, наши обычаи, наш язык. И мы, если напряжем все наши силы, после преодоления трудностей будем вознаграждены уважением и богатством. Фазис^[161], который течет в Каспийское море, покажет нам новое направление для торговли. Позвольте нам под защитой благородных правителей создать на этих плодородных землях новое отечество. И когда мы в нашей мирной хижине, в тени деревьев, которые мы посадили, расскажем нашим внукам о подвигах и страданиях их предков и призовем их к верности и благодарности в отношении добрых правителей, тогда опустошенная Германия сможет стать для завоевателя символом его позора и примером в назидание для будущих поколений. Как яростно сражался благородный немецкий народ, который пожертвовал всем в великой борьбе за свободу и независимость, чтобы не потерять свою веру в Бога и добродетель, чтобы не опуститься до рабства и одновременно до подлости, которая неразлучна с характером раба. Остальная Европа, если она тер-

пеливо сносит оковы, которых избежали мужественные немцы, может опуститься до такого же состояния, как и цветущая прежде Азия, опустошенная и униженная сегодня под турецким господством. Каждый завоеватель может сам, взглянув на этот пример, увидеть, как в зеркале, последствия своих предприятий, и, если он не лишен человеческих чувств, то он должен остановиться перед бедствиями, которые он готовит человечеству, перед проклятием и отвращением будущих поколений, и если он еще имеет совесть, перед высшей судьей на краю могилы!

Примечания к тексту

- [1] Универсальная монархия, в данном случае — объединение всей христианской Европы под властью одного монарха на основе принципа «универсальности», то есть сакральной общности всего культурно-политического пространства западно-христианского мира. Среди великих проектов XVI в. важное место занимает первая сознательная попытка создания универсальной монархии, предпринятая императором Священной Римской империи Карлом V (1500–1558). Будучи правителем половины континента, он открыто стремился к созданию новой великой империи, наследницы Древнего Рима и державы Карла Великого.
- [2] Рюрик (ум. 879) — летописный варяг, первый новгородский князь и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей на Руси. Нередко рассматривается как основатель Древнерусского государства.
- [3] Синеус и Трувор — легендарные братья варяга Рюрика. По традиционной летописной версии («Повесть временных лет») в 862 г. Рюрик стал князем в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в земле кривичей, в Изборске; через два года Синеус и Трувор умерли, и Рюрик принял единоличную власть.
- [4] Аскольд и Дир (2-я пол. IX в.) — легендарные варяги, киевские князья, согласно «Повести временных лет» были боярами (дружинниками) новгородского князя Рюрика, отпустившего их в поход на Царьград. Они обосновались в Киеве, захватив власть над полянами. По словам летописца, в 866 г. под предводительством Дира и Аскольда был совершен первый поход Руси на Царьград. В 882 г. Аскольд и Дир были обманом убиты новгородским князем Олегом, решившим самому править в Киеве.
- [5] Олег (ум. 912) — легендарный варяг, князь Новгородский с 879 г. и великий князь Киевский с 882 г. Получив власть над новгородскими землями после смерти Рюрика, как регент его малолетнего сына Игоря, Олег захватил Киев и перенес туда столицу, объединив, тем самым, два главных центра восточных славян.
- [6] Русско-византийская война 970–971 гг. — походы великого князя киевского Святослава на Болгарию и Византию в 968–971 гг.
- [7] Речь идет о Западном походе войск Монгольской империи в Восточную и Центральную Европу в 1236–1242 гг. во главе с чингизидом Батыем и военачальником Субэдеем.

- [8] Атила (Attila, умер в 453 г.) — правитель гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги. Память о вожде гуннов сохранялась на протяжении веков в устном германском эпосе и перешла в скандинавские саги. В ранних сказаниях германцев, сложенных в эпоху Великого переселения народов, Атила представлен как второй по значимости великий правитель.
- [9] Тамерлан, Тимур (1336–1405) — среднеазиатский тюркский полководец и завоеватель из тюркизированного монгольского племени барласов, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси, основатель империи Тимуридов (1370) со столицей в Самарканде.
- [10] Чингисхан (ок. 1155 или 1162–1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу. Основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи. После смерти в 1227 г. наследниками империи стали его прямые потомки по мужской линии, так называемые чингизиды.
- [11] Новгород-Северское княжество (Северское княжество) — русское княжество, располагавшееся в бассейне средней Десны и ее притоков, образовалось в составе Черниговского княжества в 1097 г. С 1164 г. находилось под властью отдельной ветви Рюриковичей, в XIV–XVI вв. в составе Великого княжества Литовского.
- [12] Гедимин (Gedeminnus; ок. 1275–1341) — великий князь литовский с 1316 по 1341 г., основатель династии Гедиминовичей, подчинил себе всю территорию современной Белоруссии, пытался оторвать Псков и Новгород от Москвы, пользуясь сепаратистскими настроениями в этих городах, и поддерживал тверских князей в борьбе против московских. Гедимин конкурировал с великим московским князем в деле собирания земель русских. В написанных на латыни грамотах называл себя «королем литвинов и русских», а также продолжал именовать себя великим князем. В 1324 г. двинулся на Русь. Заняв Овруч и Житомир, он столкнулся с коалицией киевского, переяславского, черниговского и брянского князей под общим командованием Станислава Киевского. Коалиция была разгромлена, а Гедимин занял Киев.
- [13] Ольгерд (около 1296–1377) — великий князь литовский, сын Гедимины, в период своего правления с 1345 по 1377 г. значительно расширивший границы государства. В 1362 г. установил контроль над Подольской землей и частью Черноморского побережья в районе современной Одессы. Сын Ольгерда Владимир занял княжеский престол в Киеве. За обладание Волинью Ольгерду пришлось выдержать упорную борьбу с польским королем Казимиром III. Долголетний спор был закончен лишь в 1377 г., при Людовике, преемнике Казимира. Между Ольгердом и Людовиком был заключен договор, по которому уделы Берестейский, Владимирский и Луцкий были признаны за Литвой, а Холмская и Белзская земли отошли к Польше.
- [14] Болеслав I Храбрый (Bolesław I Chrobry, 966–1025) — первый король Польши (1025), князь Чехии в 1003–1004 гг., участвуя в междоусобной

- войне сыновей Владимира I на стороне Святополка Окаянного против Ярослава Мудрого, в 1018 г. разбил войско Ярослава и овладел Киевом. Киевляне восстали, и Болеслав был вынужден оставить город, но удержал за собой червенские города (Червонная русь).
- [15] Болеслав II Смелый (Bolesław II Śmiały; около 1042–1081) — польский князь (1058–1076 гг.) и король Польши (1076–1079 гг.), возобновил завоевательную политику в духе своего прадеда, Болеслава I Храброго, совершив два похода на Киев в 1068 и 1077 гг.
- [16] Казимир I Восстановитель (Kazimierz I Odnowiciel, 1016–1058) — святейший князь Польши (с 1039), в 1042 г. женился на сестре великого князя киевского Ярослава, Добронеге. Благодаря поддержке шурина Казимиру удалось вернуть под власть Польши Мазовию и другие земли в 1047 г. Его попытки вернуть Польше захваченные ранее Болеславом Храбрым червенские города закончились неудачей.
- [17] Червонная Русь (Красная Русь) — историческая область в X–XVIII вв.; часть Руси, расположенная на западе современной Украины и востоке, и юго-востоке современной Польши. Синонимами Червонной Руси являются исторические названия Галиция (преимущественно конец XVIII — начало XX в.) или Червенские города (X–XII вв.). Червенские города упомянуты в летописях 981 г., когда великий князь Владимир присоединил их к Древнерусскому государству. В 1018 г. ими овладела Польша, однако уже в 1031 г. они были возвращены в состав Руси. После распада Древнерусского государства эти земли стали частью Галицко-Волынского княжества, а с 1240 г. — под номинальной властью Золотой Орды. В 1340 г. во время Войны за галицко-волынское наследство польский король Казимир III Великий организовал против Галицко-Волынского княжества большой поход и захватил Галичину. Червонная Русь вошла в состав Польши вплоть до XVIII в.
- [18] Стефан Баторий (Stefan Batory, 1533–1586) — король польский и великий князь литовский (с 1576), сын Иштвана IV, воеводы Трансильвании. В 1579–1582 гг. принимал участие в Ливонской войне (1558–1583) и добился ряда побед над войсками Русского царства, сведя на нет все завоевания Ивана Грозного в Ливонии.
- [19] Полоцкое воеводство — одно из воеводств Великого княжества Литовского, было образовано в 1504 г. с центром в Полоцке. Город был взят войсками Ивана IV в 1563 г. в ходе Ливонской войны и до 1579 г. оставался в составе Русского царства. В 1579 г. Полоцк осадил и вернул в состав речи Посполитой польский король Стефан Баторий, что было закреплено условиями Ям-Запольского перемирия 1582 г. между Речью Посполитой и Русским царством.
- [20] Владислав IV (Władysław IV Waza, 1595–1648) — король польский и великий князь литовский с 1633 г., старший сын Сигизмунда III. По договору от 4 февраля 1610 г., который был заключен под Смоленском между королем Сигизмундом и московским посольством, королевич Владислав должен был занять после принятия православия русский престол. 27 августа (6 сентября) 1610 г. в качестве русского царя он даже принял присягу московского правительства (Семибоярщины). Однако в Москву Владислав не приехал, православия не принял и официально венчан на царство не был. В октябре 1612 г. в Москве было низложено бояр-

ское правительство королевича Владислава; в 1613 г. царем был избран Михаил Фёдорович. До 1634 г. Владислав продолжал пользоваться титулом Великого князя московского.

- [21] Поляновский мир — мирный договор между Русским царством и Речью Посполитой, подписанный 17 (27) мая— 4 (14) июня 1634 г. в селе Семлево на реке Поляновке, между Вязьмой и Дорогобужем. Он завершил русско-польскую войну 1632—1634 гг. Условиями договора подтверждались границы между Россией и Речью Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г., то есть последние сохраняла за собой Черниговскую землю с городами Чернигов и Новгород-Северский (именно его имел в виду автор, говоря о Новгороде) и Смоленскую землю.
- [22] Вечный мир — мирный договор, заключенный между Россией и Польшей в 1686 г., разделял территорию Украины (Гетманщины) между Россией и Польшей. Мир 1668 г. завершил русско-польскую войну, длившуюся с 1654 г. за территории современной Украины и Беларуси. Договор подтверждал постановления Андрусовского перемирия 1667 г.
- [23] Мария Луиза де Гонзага (1611—1667) — королева Польши, супруга последних королей династии Ваза — Владислава IV и Яна II Казимира. Дочь французского герцога Шарля де Невера из дома Гонзага.
- [24] Прибыв в Польшу в сопровождении обширной свиты соотечественников, Мария Луиза принялась преобразовывать варшавский двор на французский манер. Следуя в фарватере французской политики, она пыталась склонить супруга, Владислава IV, к войне с турками, но в целом влияние ее было ограничено вопросами культуры и образования.
- [25] После смерти Владислава в 1648 г. королем был избран его кузен Ян Казимир. Мария Луиза согласилась стать его супругой. На второго мужа, менее искушенного в государственных вопросах, она имела большое влияние. В частности, королева спровоцировала его противостояние с магнатской партией князя Любомирского. Польские патриоты негативно отзывались о ее роли в управлении государством.
- [26] Не имея собственных детей, королева Мария Луиза настаивала на избрании нового короля еще при жизни правящего монарха (принцип *vivente rege*), она мечтала видеть следующим королем Польши мужа своей племянницы, герцога Энгийенского, либо внука своей воспитательницы, юного герцога Лонгвилля.
- [27] Ян III Собеский (Jan III Sobieski, 1629—1696) — выдающийся польский полководец, король польский и великий князь литовский с 1674 г. В его правление, ознаменовавшееся затяжными войнами с Османской империей, Речь Посполитая в последний раз пережила взлет как европейская держава.
- [28] Мари Казимира Луиза де Ла Гранж д'Аркьен (Marie Casimire Louise de La Grange d'Arquien; 1641—1716), более известная как Марысенька — супруга короля польского и великого князя литовского Яна Собеского, попавшая в Польшу в возрасте 5 лет в составе французской свиты королевы Марии Луизы Гонзага. В правление мужа, который подолгу отсутствовал в столицах, она прославилась большими тратами, интригами и неустанным попечением о благополучии французских родственников.
- [29] Якуб Людвик Генрих Собеский (Jakub Ludwik Henryk Sobieski, 1667—1737) — старший сын короля польского и великого князя литовского

Яна III Собеского и Марии Казимиры Собеской. претендент на престолы Речи Посполитой, Прусского и Венгерского королевств, а также Молдавского княжества. В 1691 г., благодаря браку с немецкой принцессой Ядвигой Елизаветой Нойбургской, получил титул князя Священной Римской империи, на основе союза с Габсбургами попытался создать свою собственную политическую партию. Якуб Собеский находился в тесном контакте с венским двором и выступал в качестве неофициального посла императора. В 1693–1695 гг. отчасти благодаря интригам «партии» королевы-матери Марии Луизы отношения между ориентированным на Францию польским королем Яном Собеским и его старшим сыном Якубом, представлявшим интересы Габсбургов, были крайне напряженными. В 1697 г. Якуб Собеский выдвинул свою кандидатуру на королевский престол Речи Посполитой. Несмотря на поддержку австрийского и шведского дворов, а также великопольской и малопольской шляхты выборы были проиграны.

- [30] Франсуа-Луи де Бурбон-Конт (François Louis de Bourbon-Conti, 1664–1709) – принц де Ла Рош-сюр-Ион, 3-й принц де Конт (1685), кузен Людовика XIV, военачальник и претендент на польский престол. В 1697 г. при поддержке «партии» королевы Марии Луизы на сейме в Варшаве большинством голосов был избран новым королем Польши, но отказался от короны, убедившись, что ему не справиться с армией его главного соперника, Августа Саксонского, поддерживаемого Петром I.
- [31] Клод Адриан Гельвеций (Claude Adrien Helvétius, 1715–1771) – французский литератор и философ.
- [32] В 1683 г. Ян Собеский, будучи союзником австрийского императора Леопольда, пришел ему на помощь, когда 90-тысячное войско Кара-Мустафы, визиря турецкого султана Мехмеда IV, осадило Вену. Он прибыл к стенам города с 25-тысячной армией и принял командование объединенным 75-тысячным войском коалиции христианских держав, нанеся туркам сокрушительное поражение под Веной 12 сентября 1683 г. и навсегда остановив продвижение Османской империи вглубь Европы.
- [33] Борьба за польский престол, развернувшаяся после смерти Яна Собеского, в июне 1696 г. приобрела чрезвычайно острый характер. Она имела не только внутривнутриполитическое, но прежде всего международное значение. Решался вопрос о дальнейшей внешней политике Речи Посполитой. Борьба развернулась первоначально между французским кандидатом – принцем Конт и австрийским кандидатом – королевичем Якубом Собеским. Большое влияние на выборы оказала позиция России. Решительно враждебное французскому кандидату, русское правительство готово было поддержать такого кандидата на польский престол, который был бы заинтересован в продолжении борьбы с Турцией. Таким кандидатом оказался саксонский курфюрст Фридрих-Август. В значительной мере благодаря поддержке России и преодолев яростное сопротивление профранцузской партии, он добился престола под именем Августа II.
- [34] Граф Якоб Генрих фон Флемминг (Jacob Heinrich Reichsgraf von Flemming, 1667–1728) – государственный и военный деятель Саксонии и Речи Посполитой, фаворит саксонского курфюрста Августа Сильного, оказал ему важные услуги на польском сейме 1697 г., на котором Август был избран королем Польши. За оказанную поддержку в 1698 г. он был

произведен в генерал-майоры, тайные военные советники, генерал-почтмейстеры Саксонии.

- [35] Для того чтоб занять польский престол, протестант Август принял католицизм 1 июня 1697. Его попытки внутренних реформ и усиления королевской власти обернулись провалом. В 1710 г. под предлогом защиты от турецкого и шведского нападения Август II ввел саксонские войска на территорию Речи Посполитой. Содержание саксонского корпуса легло тяжким бременем на страну. К лету 1714 г. его численность на территории Речи Посполитой составила 25 000 человек, что усилило недовольство шляхты, которая начала создавать воеводские конфедерации. Так в 1715 г. для лоббирования сословных интересов шляхты и магнатов, недовольных абсолютистскими тенденциями короля Августа II, была создана Тарногородская конфедерация, деятельность которой была направлена лично против короля, который пытался использовать введенные в Речь Посполитую саксонские войска с целью укрепления своей власти.
- [36] Станислав I Лещинский (Stanisław Leszczyński; 1677–1766) — король польский и великий князь литовский в 1704–709 гг. и в 1733–1734 гг., а затем последний герцог Лотарингии в 1737–1766 гг., тесть короля Франции Людовика XV. В ходе Северной войны в 1702 г. шведский король Карл XII вторгся в Польшу и нанес ряд тяжелых поражений Августу II. Большинство польской шляхты перешло на сторону Швеции. В 1704 г. Варшавская конфедерация низложила короля Августа II и объявила период бескоролья. Станислав Лещинский был отправлен конфедерацией ко двору шведского короля и вскоре под давлением Карла XII был избран новым королем Речи Посполитой, хотя часть польской шляхты осталась верна Августу II. Раскол польской шляхты привел к Гражданской войне. В 1706 г. Карл XII принудил Августа II подписать Альтерштадтский мир, по которому тот отрекся от польского престола в пользу Станислава Лещинского. После этого Лещинский стал полноправным королем Польши и великим князем Литовским.
- [37] Мария Катерина София Фелиция Лещинская (Maria Katarzyna Zofia Felicja Leszczyńska, 1703–1768) — королева Франции, супруга короля Людовика XV. Дочь бывшего короля польского и великого князя литовского Станислава Лещинского.
- [38] Его Высокопреосвященство кардинал Андре-Эркюль де Флëри (André-Hercule de Fleury, 1653–1743) — французский государственный деятель, с 1726 г. — кардинал и фактический правитель Франции. В 1733 г., вопреки его желанию, Франция приняла участие в войне за Польское наследство, однако под влиянием Флери вместо крупномасштабной помощи Станиславу Лещинскому для возвращения ему польского престола Версаль, ограничившись более чем скромными средствами, направил к театру военных действий лишь одну небольшую эскадру с 1500 солдатами десанта.
- [39] Польские протестанты, как и все христианское некаатолическое население Речи Посполитой, подвергались дискриминации, в частности они не могли избираться в Сейм, занимать государственные должности и открывать новые храмы, а также не могли рассчитывать на беспрепятственное пользование своими имениями и на личную безопасность. Идея уравниения в правах протестантов и православных встречала жест-

кое сопротивление со стороны крупных магнатов, мелкой шляхты и католического духовенства. В первой половине XVIII в., начиная с Петра I, Россия добивалась от польского правительства соблюдения обязательств о свободе вероисповедания для православных, взятых Речью Посполитой по Договору о Вечном мире 1689 г., и признания за Россией права представлять интересы православных перед польским правительством. В 1724—1725 гг. по просьбе Швеции Петр I при поддержке Англии, Пруссии и Голландии выступал также перед польским правительством в защиту всех притесняемых протестантских «диссидентов».

- [40] Диссидентами (*лат.* *dissidens* — несогласный, расходящийся) в Речи Посполитой называли подвергавшихся преследованиям и дискриминации приверженцев кальвинизма, лютеранства, ариан, анабаптистов, квакеров, меннонитов, а после 1596 г. и православных. Диссидентский вопрос приобрел особенно важное значение в 1760-е гг., когда он стал причиной или поводом для вмешательства России и Пруссии во внутренние дела государства. Его обострение привело к усилению зависимости Речи Посполитой от соседних держав, направлявших свои усилия на недопущение реформ государственного строя.
- [41] Станислав II Август Понятовский (Stanisław August Poniatowski, 1732—1798) — последний король польский и великий князь литовский в 1764—1795 гг. После смерти короля Августа III был выдвинут партией Чарторыйских на трон Речи Посполитой. В 1764 г. при поддержке Екатерины II его избрали королем. Однако по прошествии нескольких лет выяснилось, что политика нового короля не во всем соответствует интересам России и некоторых представителей шляхты. Начиная с 1767 г., недовольные политикой Понятовского группировки шляхты при поддержке соседних держав, России и Пруссии, объединялись в конфедерации. Так называемый, Репнинский сейм в конце 1767 — начале 1768 г. под давлением представителя Екатерины II Н. Репнина разработал текст Варшавского договора между Российской империей и Речью Посполитой. Он подтверждал господство в Польше римско-католической конфессии, однако одновременно уравнивал в гражданских правах с католиками так называемых диссидентов — православных и протестантов. Россия, в свою очередь, выступала гарантом Польше в неприкосновенности ее владений и основных законов.
- [42] До 1808 г. политику Испании определял всемогущий временщик Мануэль Годой — фаворит королевы Марии-Луизы, жены ограниченного и безвольного короля Карла IV. Годой придерживался политики союза с французами, закрепленной договором в Сан-Ильдефонсо (1796) и рядом последующих соглашений, за что лично Годой за лояльность Франции было обещано княжество на юге Португалии. Руководствуясь тайной договоренностью о разделе Португалии, 13 ноября 1807 г. Наполеон получил возможность ввести свои войска в Испанию. При посредничестве подкупленного Годоя он вмешался в семейные раздоры испанского королевского дома. Действуя в интересах французов, Годой убедил короля Карла IV в необходимости бежать из Испании в Южную Америку. Однако по дороге к морю королевский двор был перехвачен так называемыми «фернандистами», которые добились отставки Годоя и передачи власти сыну короля — Фердинанду VII. В то же время фран-

цузские войска двинулись к Мадриду, который был ими занят 23 марта. Обоих испанских королей, отца и сына, по приказу Наполеона доставили для объяснений во Францию. Оказавшись в плену у Наполеона, оба монарха отреклись от короны, и в результате всего этого произошло избрание на испанский престол брата Наполеона неаполитанского короля Жозефа Бонапарта.

- [43] Анджей Тадеуш Бонавентура Костюшко (Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko, 1746—1817) — военный и политический деятель Речи Посполитой и США, участник Войны за независимость США, руководитель польского восстания 1794 г., национальный герой Польши. После Второго раздела Речи Посполитой, в марте 1794 г., он организовал и возглавил восстание. В октябре 1794 г. в сражении при Мацевевицах главные силы повстанцев были разбиты российскими войсками, а сам Костюшко взят в плен. В 1796 г., после смерти российской императрицы Екатерины II, Костюшко был помилован ее преемником Павлом I и эмигрировал в США.
- [44] Андреас Гофер (Andreas Hofer, 1767—1810) — тирольский народный герой, организатор и руководитель партизанской войны против французских и баварских оккупантов в 1809—1810 гг.
- [45] Вильгельм Телль (Wilhelm Tell) — легендарный народный герой Швейцарии, уроженец кантона Ури, живший в конце XIII — начале XIV в., искусный стрелок, борец за независимость своей страны от Австрии и Священной Римской империи. Долгое время считался историческим лицом.
- [46] Франсуа-Доминик Туссен-Лувертюр (François-Dominique Toussaint-Louverture, 1743—1803) — чернокожий лидер Гаитянской революции, единственного в истории успешного восстания рабов, произошедшего во французской колонии Сан-Доминго в 1791—1803 гг., в результате которого колония, сменившая название на Гаити, получила независимость от Франции. Прибывшей флотилии Наполеона не удалось подавить восстание. Гаити стала первой республикой под управлением бывших рабов.
- [47] 7 июля 1801 г. Колониальное собрание приняло конституцию, согласно которой Сан-Доминго оставалось владением Франции, но получало автономию, а Туссен-Лувертюр становился пожизненным губернатором. Рабство было окончательно отменено. Но первый консул Франции Наполеон Бонапарт отказался признать конституцию и в конце года направил на Гаити для восстановления французской власти экспедиционный корпус под командованием Шарля Леклерка, который 29 января 1802 г. высадился на Гаити. 5 мая Лувертюр согласился на перемирие, предложенное Леклерком, обещавшим не восстанавливать рабство. Лувертюр был помещен под домашний арест в своем поместье, а 6 июня, по приказу Леклерка, его вместе с семьей отправили во Францию, где он умер от пневмонии 7 апреля 1803 г. 20 мая 1802 г. указом Бонапарта на Гаити было восстановлено рабство.
- [48] Польские легионы — добровольческие польские воинские формирования, создававшиеся в XVIII—XX вв. в армиях разных государств. После восстания Костюшко много поляков эмигрировало в Италию и Францию. В 1796 г. генерал Ян Домбровский предложил французской директории сформировать особый корпус из поляков. Было сформировано

2 легиона по 3 батальона и 1 арtdивизиону в каждом. Солдаты легионов носили польские мундиры с французскими кокардами. В 1798 г. участвовали в действиях против Папской области и Неаполитанского королевства. Во время Войны Второй коалиции Франция в 1799 г. взяла на себя содержание польских легионов, и они участвовали в 1799—1800 гг. в боевых действиях в Италии против русско-австрийских войск. Всего в 1797—1807 гг. через польские легионы прошло около 35 тыс. человек, часть которых составила костяк польской армии Герцогства Варшавского, а часть осталась на французской службе (около 8 тыс. человек) в так называемом Польско-Итальянском легионе.

- [49] В 1802 г. 2-я и 3-я полубригады польского легиона в составе французского экспедиционного корпуса были отправлены на остров Сан-Доминго и использованы для подавления антифранцузского восстания негритянского населения; в результате в боях и от болезней легионом было потеряно более $\frac{2}{3}$ состава.
- [50] В октябре 1802 г. на Гаити вновь было поднято восстание чернокожих рабов. В это же время началась эпидемия желтой лихорадки, от которой умер Шарль Леклерк, и значительная часть французского корпуса. После кровопролитных боев с повстанцами 1 января 1804 г. была провозглашена независимость Сан-Доминго от Франции, острову вернули старое индейское название — Гаити. В феврале—апреле 1804 г. произошла страшная резня белого населения, в ходе которой погибло от 3 до 5 тысяч человек. В итоге в стране остались жить только мулаты и негры. Лишь три категории белых пережили резню: польские легионеры, дезертировавшие из французского экспедиционного корпуса, небольшая группа немецких колонистов и группа врачей.
- [51] В 1803 г. Великобритания, возобновившая войну с Францией, начала помогать восставшим на Гаити чернокожим рабам. Британская блокада Гаити лишила французов возможности доставки подкреплений на остров. 18 ноября 1803 г. французы потерпели окончательное поражение и 29 ноября оставили западную часть Гаити. Часть французского экспедиционного корпуса, включая подразделения польского легиона, была пленена англичанами и вывезена с острова.
- [52] В 1807 г. по Тильзитскому миру между Россией и Францией из польских земель, которые отошли во время Второго и Третьего разделов Речи Посполитой к Пруссии, было образовано Великое Герцогство Варшавское. Герцогство находилось под протекторатом Франции, его главой был король Саксонии Фридрих Август III. Это был плацдарм Французской империи в Восточной Европе, с помощью которого французский император мог оказывать давление на Пруссию, Австрию и Россию. Польский вопрос сильно портил отношения между Францией и Российской империей. Русское правительство было против признания за Герцогством прав на земли в границах 1772 г. Это означало отторжение от России значительных территорий Белой Руси, Литвы и Украины. Поэтому Наполеон избегал называть Герцогство Варшавское польским государством и уверял Петербург, что не собирается восстанавливать Польшу. Русское правительство предложило Наполеону заключить конвенцию по польской проблеме, в которой Париж должен был официально признать, что «Польское королевство никогда не будет восстано-

лено». 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.) французский посол Коленкур и глава МИД России граф Румянцев подписали в Петербурге соглашение по польскому вопросу. Французская сторона соглашалась никогда не восстанавливать Польшу и не способствовать этому. Кроме того, Варшавское Герцогство, созданное французами в 1807 г. за счет земель Пруссии и расширенное в 1809 г. за счет территорий Австрии, не могло больше увеличиваться.

- [53] Антоний Павел Зулковский (Anton Paul Fürst Sulkowski, 1785—1836) — польский генерал, проявивший себя как выдающийся военный стратег на службе у Наполеона, где с 1806 г. в звании бригадного генерала командовал частями польского легиона. Во время русской кампании был тяжело ранен и повышен до звания дивизионного генерала. После Лейпцигской битвы возглавлял все польские подразделения в составе французской армии, с которыми отступал после поражения Наполеона в «Битве народов». Во время отступления под Фульдой у Зулковского возник конфликт с Наполеоном. Зулковский обещал уставшим от войны польским легионерам возвращение на родину, Наполеон же требовал от поляков оставаться в составе французской армии. В результате Зулковский сложил с себя командование и вернулся в Польшу.
- [54] Речь идет об Аландском конгрессе 1718—1719 гг. — двухсторонних переговорах между Россией и Швецией, проводившиеся с мая 1718 по октябрь 1719 г. на Аландских островах с целью выработки условий окончания Северной войны.
- [55] Густав III (Gustav III, 1746—1792) — король Швеции с 1771 г. Пришел к власти путем монархического переворота при финансовой поддержке Франции, обещавшей Густаву для его осуществления ежегодную субсидию в размере 1,5 миллиона ливров. После коронации Густав III распустил парламент и установил единоличный контроль над всеми сферами политической и общественной жизни, став суверенным правителем.
- [56] Конституция 3 мая 1791 г. была принята Четырехлетним сеймом, сословно-представительным органом Речи Посполитой. Конституция должна была урегулировать политический кризис, вызванный злоупотреблением шляхетскими привилегиями, и ввести принципы конституционной монархии.
- [57] Русско-шведская война (1788—1790) — война, начатая Швецией, воспользовавшейся тем, что главные русские силы были отвлечены на войну с Турцией, с целью возвращения территорий, утраченных в ходе предшествующих войн с Россией. Важным фактором для начала войны явилось вооружение российской эскадры, предназначенной для боевых действий в Средиземном море.
- [58] Жак-Иоахим Тротти, маркиз де ла Шетарди (Jacques-Joachim Trotti marquis de la Chétardie, 1705—1759) — французский дипломат и генерал, который в качестве французского посланника в России в 1739—1742 гг. способствовал низвержению императрицы Анны Леопольдовны и приходу к власти Елизаветы Петровны в результате дворцового переворота 1741 г.
- [59] Кёпрюлю Мехмед-паша (Köprülü Mehmed-paşa, 1575/1578/1583—1661) — великий визирь Османской империи при султанах Мехмеде IV. Наделенный особыми полномочиями, Кёпрюлю Мехмед на протяжении пяти лет нахождения у власти самым жестоким образом подавлял восстания

местного населения в европейских и азиатских провинциях Османской империи. Наибольшим гонениям подвергались христиане. Совершенно беспрецедентной была казнь через повешение православного патриарха на том основании, что он поощрял христиан Валахии на восстание против Османского правления в 1656 г.

- [60] Мустафа Байрактар («Знаменосец», 1755–1808) — турецкий государственный и политический деятель, османский великий визирь в 1808 г. Наибольшую известность приобрел своей борьбой с реакционной «партией» янычар за «обновление» Османской империи. В 1807 г., после янычарского бунта в Стамбуле и низложения султана-реформатора Селима III возглавил тайный политический кружок его сторонников, стремившихся путем реформ предотвратить распад Османской империи. В июле 1808 г. вошел со своими войсками в Стамбул, где по его инициативе султаном был провозглашен Махмуд II, а сам Байрактар стал при нем визирем. На посту визиря он провозгласил и пытался проводить в жизнь некоторые реформы, в том числе создание новой армии по европейскому образцу, но уже в ноябре 1808 г. был убит во время очередного восстания янычар.
- [61] Карматы — крупная ветвь религиозно-политической секты исмаилитов, создавшие утопическую общину в Бахрейне и в Мултане, в 899 г., отделившуюся от основной ветви исмаилитского движения. Карматы не признали основателя Фатимидского государства Убайдаллаха имамом и махди и ожидали пришествия истинного «сокрытого» имама Мухаммада ибн Исмаила.
- [62] Ваххабизм — религиозно-политическое движение в исламе, сформировавшееся в XVIII в., названо по имени Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703–1792), который полагал, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда и выступал против всех последующих инноваций.
- [63] Франко-турецкий союз был заключен Франциском I и Сулейманом I Великолепным в 1528 г. на почве взаимного интереса в ослаблении Великой Римской империи Карла V Габсбурга. Предлогом для альянса была «защита христианских подданных Османской империи». Этот «святоотеческий альянс Лилии с Полумесяцем» вызвал скандал в христианской Европе, где еще были живы идеи совместных «крестовых походов» против «неверных» турок, и потому редко афишировался, хотя по сути оставался в силе до вторжения Наполеона в Египет (1798). В результате турки оказывали французам финансовую поддержку и координировали с ними свои боевые действия против Габсбургов. Кроме того, алжирские корсары, ставшие ударной силой Османской империи на море, получили возможность базироваться в портах на юге Франции. В 1537 г. алжирцы развернули войну против христиан на Средиземном море.
- [64] Барбаросса Хызыр Хайреддин-паша (1475–1546) — турецкий флотоводец и вельможа, командуя мусульманским (турецким) флотом, стал правителем Алжира, а затем адмиралом Османской империи. Сулейман I назначил его главнокомандующим всего своего флота. Так как Турция в это время заключила негласный союз с Францией, воины Барбароссы вели боевые действия против флота противников короля Франциска I, прежде всего Священной Римской империи.

- [65] Осада Ниццы — эпизод Итальянской войны 1542–1546 гг., произошедший 8–22 августа 1543 г. — единственный случай совместных боевых действий Франции и Османской империи в условиях действия франко-турецкого альянса.
- [66] Людовик XIV де Бурбон (Louis XIV Le Roi Soleil, 1638–1715) — король Франции и Наварры с 1643 г. Во время Венской битвы 1683 г., состоявшейся после двухмесячной осады Вены турецким войском и навсегда положившей конец завоевательным войнам Османской империи в Европе, Людовик XIV, будучи противником Габсбургов, не только отказался помогать Священной Лиге христианских монархов в борьбе с Османской империей, но и воспользовался ситуацией для нападения на Южную Германию.
- [67] Маниоты или майноты — жители полуострова Мани в Пелопоннесе на юге Греции разных эпох, включая спартанцев, прямыми потомками которых и считают себя современные маниоты. В XII–XIX вв. среди маниотов, часто промышлявших контрабандой и разбоем, сложилась особая клановая система социальных отношений, очень похожая на мафиозные структуры соседней Южной Италии, причем предпосылки к ее формированию здесь существовали еще во времена ранней античности.
- [68] Кислар-ага — надзиратель над евнухами при Османском дворе.
- [69] Филэллины (буквально — «друг грека») — представители обществности Европы и Америки, сочувствовавшие или в той или иной форме помогавшие борьбе Греции за освобождение от турецкого ига в конце XVIII — начале XIX в.
- [70] Любек (Lübeck) — «вольный» город на севере Германии (юго-восток земли Шлезвиг-Гольштейн), стратегически важный порт на Балтийском море. Во время войн антифранцузских коалиций сохранял нейтралитет, который, однако, не спас его от разорения. 6 и 7 ноября 1806 г. на улицах города произошла кровопролитная битва между остатками прусской армии генерала Блюхера, отступавшего после поражения под Ауэрштадтом, и преследовавшими его французскими войсками. В ходе сражения при Любеке пруссаки потеряли около 3000 солдат убитыми и 5000 пленными, после чего Блюхер был вынужден сдаться. С 6 по 9 ноября в Любеке, несмотря на вмешательство старших офицеров, продолжались грабежи и погромы, в ходе которых погибли множество мирных жителей, а городу был нанесен ущерб в размере 12 млн франков.
- [71] Бинаско (Binasco) — коммуна в Италии, в провинции Милан области Ломбардия. Речь идет о событиях итальянской компании Наполеона 1796–1797 гг., в ходе которой коммуны Бинаско и Павия стали символом зверства французских оккупантов. Преследуя австрийскую армию, французы заняли малые государства Центральной и Северной Италии, грабя дворцы монархов и местное население. Так, например, только Ломбардия выплатила Наполеону 25 млн франков. Целые караваны подвод, груженных драгоценностями и произведениями искусства, потянулись из Италии во Францию. В результате уже во второй половине мая 1796 г. в Северной Италии начались восстания против французских оккупантов. 10 тыс. крестьян из Бинаско и окрестностей напали на французский гарнизон в Павии. Начались волнения в Милане. Французы подавили эти восстания с беспощадной жестокостью. Павию разбомбили и разграбили, ее городской совет был расстрелян в полном составе. Коммуна

Бинаско была сожжена и разграблена, а ее мужское население, включая стариков и подростков, полностью уничтожено.

- [72] Готовясь к Египетской экспедиции 1798—1801 гг., Наполеон конфисковал в Риме и установил на борту корабля «Ориент» типографию с арабским шрифтом, а затем взял с собой в экспедицию арабистов и переводчиков, готовивших для него обращения на арабском и других языках Востока. Типография выпускала прокламации, заверявшие египтян в любви и верности Наполеона и французов к Корану и вообще к исламу. Из обращения к жителям Каира на следующий день после каирского восстания 23 октября 1798 г.: «О Вы, Мусульмане! Французы были во все времена друзьями мусульман и ислама, врагами идолопоклонников и их суеверий. Французы друзья и верные союзники нашего господина Султана, что вызывает к нему злобу России, задумавшей завладеть Константинополем. Русские возжелали завладеть храмом Святой Софии и другими храмами, принадлежащими настоящему Богу, чтобы превратить их в церкви для моления невежественных и испорченных верующих. Но, если небу будет угодно, французы помогут нашему господину Султану восстановить свое господство над страной и уничтожить неверных». *Климович Л.И.* Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М., 1986. С. 123—124.
- [73] Территориальные претензии России к Швеции включали прежде всего Ингрию и Карелию, которые были отторгнуты Швецией в Смутное время по Столбовскому договору 1617 г., но распространялись и на земли Ливонии, о подвластности которых Руси в XI — начале XIII в. помнили по летописям и считали их древними «отчинами» русских государей. В ходе войны 1656—1658 гг. была сделана попытка возвратить эти земли, и русским войскам удалось временно оккупировать Ингрию и восточную часть Лифляндии: были захвачены Ниеншанц, Нотебург и Динабург; была осаждена Рига. Однако возобновление войны с Речью Посполитой вынудило Россию подписать Кардисский мирный договор и вернуть Швеции все завоеванные земли.
- [74] В июле 1699 г. в Москву прибыло посольство из Швеции для подтверждения Кардисского договора, заключенного между Россией и Швецией в 1661 г., по которому Россия отказывалась в пользу Швеции от всех завоеванных и отошедших к ней по Валиесарскому перемирию 1658 г. эстляндских и лифляндских городов: Кокенгаузена, Дерпта, Мариенбурга, Анзля, Нейгаузена и др. Осенью этого же года Петр подтвердил договор, заверив шведского короля в «соседственной дружбе и любви».
- [75] Основным событием восточного направления внешней политики Петра был успешный Каспийский (Персидский) поход на Кавказ и в Иран 1722—1723 гг. В итоге в 1723 г. в Петербурге был подписан русско-иранский договор, по которому к России отошли провинции Ирана на западном берегу Каспийского моря (с городами Баку, Дербент и другие.) В 1724 г. был подписан Константинопольский договор между Россией и Турцией, разграничивший их интересы в Закавказье: султан признал приобретения России в Прикаспии и отказывался от притязаний на Персию, а Россия признала права султана на Западное Закавказье. Позднее, в связи с обострением русско-турецких отношений, российское правительство, чтобы избежать новой войны с Османской империей и будучи заинтересованной в союзе с Персией, по Рештскому договору

- (1732) и Гянджинскому трактату (1735) возвратило все прикаспийские области Персии.
- [76] После смерти императрицы Елизаветы Петровны, последовательной противницы Пруссии, воспринимавшей ее усиление как угрозу русским западным границам и интересам в Прибалтике и на севере Европы, и вступления на русский престол императора Петра II, поклонника Фридриха II Прусского, 24 апреля (5 мая) 1762 г. между Россией и Пруссией был подписан мирный Петербургский договор, по которому Россия выходила из Семилетней войны и добровольно возвращала Пруссии территорию, занятую русскими войсками, включая Восточную Пруссию.
- [77] Луи Анри Луазон (Louis Henri Loison, 1771–1816) — французский генерал, участник Наполеоновских войн. Во время кампании 1812 г. в России Луазон командовал тыловыми частями в Кенигсберге. Во главе сводной дивизии он попытался овладеть Вильно и Ригой, под Митавой потерпел поражение от генерала Штейнгеля.
- [78] В июле 1812 г. Десятому корпусу французского маршала Макдональда, нацеленному на Петербург, предстояло занять Ригу. Подступив к укреплениям Риги, но не имея осадной артиллерии, французский корпус остановился на дальних подступах к городу. В ночь с 11 на 12 июля 1812 г. военный губернатор Риги генерал Магнус Густав фон Эссен приказал сжечь застроенные деревянными домами предместья и заперся в городе с сильным гарнизоном. Из-за сильного ветра пожар оказался неконтролируемым. В результате в угли превратились почти восемь сотен домов, шесть с половиной тысяч человек лишились жилья и имущества.
- [79] Иммануил Кант (См.: Примечания к Главе IV [10]. С. 124).
- [80] Шарль Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де Монтескьё (Charles Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu, 1689–1755) — французский писатель, правовед и философ, автор труда «О духе законов» (1748), разработал доктрину о разделении властей.
- [81] Французский философ Жан-Жак Руссо впервые в политической философии попытался объяснить причины социального неравенства и его виды, иначе осмыслить договорный способ происхождения государства. Руссо полагал, что государство возникает в результате общественного договора. Согласно общественному договору верховная власть в государстве принадлежит всему народу. Суверенитет народа неотчуждаем, неделим, непогрешим и абсолютен.
- [82] Алексей Михайлович Тишайший (1629–1676) — второй русский царь из династии Романовых. При нем в 1649 г. Земским собором было принято Соборное уложение — свод законов Русского царства, действовавший почти 200 лет, до 1832 г.
- [83] Юзеф Анджей Залуский (Józef Andrzej Załuski, 1702–1774) — польский церковный и государственный деятель, библиофил и меценат, поддерживал отношения с массой как польских, так и заграничных знаменитостей, все свои доходы использовал на составление богатейшей библиотеки, которую сделал доступной для публики.
- [84] Ян Замойский (Jan Zamoyski, 1542–1605) — польский государственный деятель, крупный магнат, королевский секретарь (с 1565 г.), великий канцлер коронный (1578–1605), генеральный староста краковский (1580–1585), гетман великий коронный (1581–1605), 1-й ординат Замойский

(1589–1605), основатель и строитель города Замосць, сторонник и приближенное лицо польского короля Стефана Батория, сделавшего его вице-канцлером, а потом канцлером и коронным гетманом. Замойский пользовался в Польше небывалой властью и уважением, был душою всех проектов внутренних преобразований в Польше, а также принимал деятельное участие в военных походах Батория. Немало стараний приложил Замойский и для развития наук, приглашал в Польшу известных европейских ученых. Со многими учеными и писателями он поддерживал тесные отношения, любил себя окружать деятелями науки и искусства, оказывал им личное покровительство. В 1580 г. на месте своего родового имения основал город Замосць, где в 1595 г. учредил «Замойскую академию» по образцу итальянских университетов.

- [85] Альберт (Войцех) Виук-Коялович (Wojciech Wijk Kojałowicz, 1609–1677) – литовский писатель, историк, иезуит, был профессором и ректором Виленской академии. Кроме большого числа полемических сочинений, оставил ряд написанных на латыни сочинений по истории Литвы и западной Руси.
- [86] Аристид (ок. 530–467 гг. до н.э.) – афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500–449 гг. до н.э.). Уже современники воспринимали Аристида как воплощение добродетелей, в высшей степени честного человека. Популярность Аристиду создали его нравственные достоинства – благородство, справедливость, неподкупность. В трудах античных историков Аристид характеризуется однозначно позитивно.
- [87] Леонид I – царь Спарты из рода Агидов, правивший в 491–480 годах до н. э. Участник греко-персидских войн, погибший в Фермопильском сражении.
- [88] Эпаминонд (ок. 410 до н. э. –362 до н. э.) – военный и политический деятель Древней Греции, глава Фив и Беотийского союза, внесший большой вклад в развитие военного искусства. Историки описывают Эпаминонда как одного из самых достойных исторических деятелей античности. Он предстает философом и аскетом, дипломатом и военачальником, который отдает все силы и военные таланты служению отечеству – Фивам.
- [89] «Установление отцовства запрещено» (*фр. La recherche de la paternité est interdite*) – известная правовая норма французского гражданского кодекса (Кодекс Наполеона) согласно которому отец ребенка, рожденного вне брака, освобождался от всяких форм опеки над этим ребенком и от выплаты алиментов его матери.
- [90] Альбрехт Дюрер (Albrecht Dürer, 1471–1528) – немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса. Признан крупнейшим европейским мастером ксилографии, поднявшим ее на уровень настоящего искусства. Первый теоретик искусства среди североευропейских художников, автор практического руководства по изобразительному и декоративно-прикладному искусству на немецком языке, пропагандировавший необходимость разностороннего развития художников.
- [91] Иоахим фон Зандрарт Старший (Joachim von Sandrart d. Ä., 1606–1688) – немецкий художник, график и историк искусства, переводчик.

- [92] Антон Рафаэль Менгс (Anton Raphael Mengs, 1728–1779) – самый крупный немецкий живописец эпохи классицизма.
- [93] Готхольд Эфраим Лессинг (Gotthold Ephraim Lessing, 1729– 1781) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель. Основоположник немецкой классической литературы.
- [94] Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744–1803) – немецкий писатель и теолог, историк культуры, создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «все рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII в. Один из ведущих деятелей позднего Просвещения.
- [95] Иоганн Иоахим Винкельман (Johann Joachim Winckelmann, 1717–1768) – немецкий искусствовед, основоположник современных представлений об античном искусстве и археологии.
- [96] Никола Пуссен (Nicolas Poussin, 1594–665) – французский художник, стоявший у истоков живописи классицизма. Долгое время жил и работал в Риме. Практически все его картины – на историко-мифологические сюжеты. Пуссен увлекался учением античных философов-стоиков, призывавших к мужеству и сохранению достоинства перед лицом смерти. Мысль о бренности человека и проблемы жизни и смерти легли в основу картины «Аркадские пастухи», около 1629–1630 гг., к которой он вернулся в 50-е (1650, Париж, Лувр). По сюжету картины, жители Аркадии, где царят радость и покой, обнаруживают надгробие с надписью: «И я в Аркадии». Это сама Смерть обращается к героям и разрушает их безмятежное настроение, заставляя задуматься о неизбежных грядущих страданиях.
- [97] Кёльнский собор – римско-католический готический собор в городе Кёльне, в XIX в. недостроенный собор стал символом национального возрождения и единства Германии. Строительство главного храма Кёльнской архиепископии велось в два приема – в 1248–1437 гг. и в 1842–1880 гг. По окончании строительства 157-метровый собор на четыре года стал самым высоким зданием мира.
- [98] Имеется в виду Цейхгауз (Zeughaus) – здание в Берлине, было построено в качестве арсенала на бульваре Унтер-ден-Линден и является его старейшим зданием и одним из самых красивых сооружений немецкого барокко в Северной Германии. Первый камень в основание арсенала был заложен в 1695 г. Строительство завершилось лишь в 1730 г.
- [99] Пьер-Антуан-Ноэль-Матье Брюно Дарю (Pierre-Antoine-Noël-Mathieu Bruno Daru, 1767–1829) – генерал-интендант армии Наполеона во время похода в Россию, пэр Франции, премьер-министр Франции во время Ста дней.
- [100] Вольтер историей занимался профессионально, он был автором сочинений: «История Карла XII» (1731), «История России в царствование Петра Великого» (1759–1763), «Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях» (1756–1759) и др. Главная идея Вольтера – соединение истории с просветительской философией. Задача историка – не просто собирание фактов, но критическое осмысление их с точки зрения разума. Вольтер исходил из того, что все действия людей, в том числе исторические, определяются их сознанием, а также подчеркивал, что само сознание имеет земные источники. «Три вещи, – писал он

в одном из своих трудов, — влияют на человеческий разум: климат, правительством и религия».

- [101] «Эмиль, или О воспитании» является ключевым педагогическим сочинением великого философа Жана-Жака Руссо, который целиком посвящен вопросам формирования и становления человеческой личности.
- [102] Даниэль Георг Морхоф (Daniel Georg Morhof, 1639–1691) — немецкий историк и писатель.
- [103] Христиан Томазий (Christian Thomasius; 1655–1728) — немецкий философ и юрист, деятель Просвещения, первый из немецких философов начал писать и выступать с лекциями по юриспруденции на немецком языке, заложил основы немецкой философской терминологии, основатель первого научного журнала «Ежемесячные беседы» (die Monatsgespräche) (1688–1690) на немецком языке для общего образования, принимал участие в создании Университета Галле (1694).
- [104] Иероним Вольф (Hieronymus Wolf; 1516–1580) — немецкий гуманист, филолог, основатель византистики.
- [105] Готхольд Эфраим Лессинг (Gotthold Ephraim Lessing, 1729–1781) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель. Основоположник немецкой классической литературы.
- [106] Кристоф Мартин Виланд (Christoph Martin Wieland, 1733–1813) — крупнейший поэт и идеолог немецкого рококо, издатель первого в Германии журнала литературы и искусства «Германский Меркурий».
- [107] Система укомплектования французской армии определялась законом 19-го Фруктидора VI г. республики (6 сентября 1798 г.) и декретом 8-го Фруктидора XIII года (26 августа 1805 г.). Традиционная регулярная армия, состоявшая из волонтеров, была заменена всеобщей воинской обязанностью. Армия комплектовалась набором по призыву (конскрипцией) и частичным поступлением волонтеров. Основанием для конскрипции служило положение, прописанное в законе 19-го Фруктидора, о том, что «всякий француз — солдат и обязан защищать отечество». Согласно этому положению все французы от 20 до 25 лет подлежали призыву на военную службу.
- [108] Луи Франсуа Жозеф де Бурбон (Louis-François-Joseph de Bourbon-Conti, 1734–1814) — французский принц крови из династии Бурбонов, последний (6-й) принц де Конти (1776–1814). Участвовал в Семилетней войне (1756–1763), в чине генерал-майора принимал участие в битвах при Хастенбеке (1757) и Крефельде (1758).
- [109] Фердинанд, принц Брауншвейгский (Ferdinand von Braunschweig, 1721–1792) — прусский генерал-фельдмаршал, командующий объединенной армией союзников Пруссии в Семилетней войне, шурин прусского короля Фридриха II.
- [110] Имеется в виду Битва при Крефельде — сражение Семилетней войны, состоявшееся 23 июня 1758 г. между 47-тысячным французским войском под командованием графа Клермона и 30,5-тысячным объединенным войском пруссаков и их союзников, возглавляемым принцем Фердинандом Брауншвейгским. Несмотря на значительное численное превосходство, французы потерпели сокрушительное поражение. По названию места битвы это сражение известно также как Битва на Хюкельме.

- [111] Минденское сражение — боевое столкновение 1 августа 1759 г. между британо-прусской и франко-саксонской армиями в ходе Семилетней войны. В сражении между 41-тысячной союзной армией англичан, пруссаков и их союзников под началом Фердинанда, принца Брауншвейгского и 61-тысячной армией французов и саксонцев маркиза де Контада, состоявшемся к северо-западу от Миндена, французским войскам было нанесено решительное поражение, сорвавшее французские планы вторжения в Ганновер.
- [112] Непрерывные войны, которые вел Наполеон, приводят к быстрой убыли во французской армии. С 1806 г. обычной нормы призыва уже не хватает. От каждой из стран, присоединенных к Франции или попавших от нее в вассальную зависимость, Наполеон требует вспомогательных военных подразделений. Таким образом в рядах французской армии сражались значительные отряды швейцарцев, итальянцев, испанцев, ганноверцев, баварцев, саксонцев, поляков, кроатов и иллирийцев и т.д. С 1809 г. французская армия теряет свой национальный облик. Так, за период с 1800 по 1815 г. Наполеон призвал во Франции на военную службу 3 153 000 рекрутов. По меньшей мере такое же число солдат было призвано им в оккупированных Францией иностранных государствах.
- [113] Речь идет о Континентальной блокаде — системе экономических и политических мероприятий, проводившихся Наполеоном в 1806—1814 гг. по отношению к своему основному противнику — Великобритании. Под запрет попали все торговые связи Европы с Британскими островами, и, прежде всего, экспорт Британией хлопка и колониальных товаров (кофе, какао, экзотических фруктов, различных красителей, сахара, бумажной пряжи для свечей и т.д.), бывших главными статьями английского экспорта. Согласно Берлинскому декрету о континентальной блокаде (21 ноября 1806 г.) Континентальная система распространялась на все подвластные Франции, зависимые от неё или союзные ей страны. В течение 1807 г. к блокаде английских товаров, помимо Франции, Италии, Нидерландов, Испании и Дании, присоединились согласно Тильзитским договорам 1807 г. Россия и Пруссия, а в 1809 г. — Австрия и Швеция.
- [114] Для контроля над всей береговой линией подвластных Франции и союзных с ней территорий Наполеон присоединил к своей империи Голландию, немецкие земли по побережью Северного моря, различные части Италии; для той же цели Австрия должна была уступить Наполеону Иллирийские провинции.
- [115] Имеется в виду Фердинандо Антонио Паскуале Джованни Непомучено Серафино Дженнаро Бенедетто ди Борбоне (Ferdinando Antonio Pasquale Giovanni Nepomuceno Serafino Gennaro Benedetto di Borbone, 1751—1825) — король обеих Сицилий под именем Фердинанда I (1816—1825), король Сицилии под именем Фердинанда III (1759—1816) и король Неаполя под именем Фердинанда IV (1759—1816); с прерыванием правления в 1799 г. и 1806—1815 гг., представитель Неаполитанской линии Испанской ветви дома Бурбонов. В марте 1806 г. Наполеон I своим декретом низложил неаполитанских Бурбонов и передал корону Неаполя своему брату Жозефу Бонапарту, которого в 1808 г. сменил на троне зять императора Иоахим Мюрат.

- [116] Голландское королевство — государство, созданное императором Наполеоном I на территории бывшей республики Соединенных провинций, существовало с 1806 по 1810 г. Это преобразование продолжало начатую с возникновением империи тенденцию создания в Европе монархий, управляемых родственниками Наполеона I или им самим через вице-королей. На престол Голландии Наполеон посадил своего младшего брата Людовика Бонапарта. В 1810 г. Наполеон, недовольный братом, который проводил собственную политику и стремился отстаивать интересы голландцев, упразднил нидерландскую государственность и объявил об аннексии всей Голландии Францией. Во время возникшего кризиса Людовик Бонапарт отрекся от престола.
- [117] Священная Римская империя германской нации — межгосударственное образование, существовавшее с 962 по 1806 г. и объединявшее многие территории Европы. В начале XIX в. в нее входило более 350 государств разной степени независимости. Священная Римская империя просуществовала до 1806 г. и была ликвидирована в ходе Наполеоновских войн после поражения Австрии под Аустерлицем и заключения унижающего Пресбургского мира 1805 г., когда был сформирован Рейнский союз, а последний император Франц II Габсбург отрекся от престола.
- [118] Рейнский союз — союз немецких монархий под патронажем Франции, вышедших из состава Священной Римской империи, заключенный под давлением Наполеона I в 1806 г. в Париже. Перед подписанием договора Наполеон поставил перед германскими монархами 24-часовой ультиматум, по которому в случае их отказа в южно- и западногерманские земли будут введены французские войска. Римская империя германской нации была упразднена, что также являлось частью выполнения ультиматума Наполеона.
- [119] Речь идет о взаимоотношениях Наполеона и Пия VII (1742—1823), папы Римского с 1800 по 1823 г. В 1804 г. папа приехал в Париж на ритуал коронации Наполеона. Однако не папа, а император сам короновал себя и свою супругу Жозефину. В 1805 г. вопреки воле Наполеона Пий VII вернулся в Рим. С этого времени возросло напряжение между папой и императором, который считал папское государство своим леном и распоряжался церковным имуществом по своему усмотрению. В 1808 г. французские войска заняли Рим. В 1809 г. Наполеон присоединил папское государство к Франции, а Рим объявил свободным городом. Папа осудил «грабителей наследства св. Петра», после чего 5 июля 1809 г. французские военные власти вывезли его в Савону, а затем — в Фонтенбло под Парижем. На Пия VII оказывали давление, чтобы он отказался от папского государства и полностью подчинился императорской власти. Королем Рима стал сын Наполеона от второго брака с Марией Луизой Габсбург.
- [120] Сардинское королевство — государство, существовавшее в Европе с 1720 по 1861 г., в состав которого входили, кроме Сардинии и Пьемонта, герцогства Аоста и Монферрат, графство Ницца, герцогства Савойя и Генуя. С началом революционных войн французская армия вторглась в Савойю и Ниццу. Сардинцы не оказывали сопротивления и обе области были включены в состав Французской республики. Король Сардинии Карл Эммануил IV употребил все силы, чтобы восстановить распадающееся государство, но тщетно. Внутренние волнения, война с новой

Лигурийской республикой и, наконец, война с Францией 1798 г. лишили его всех владений на материке. Он был вынужден оставить столицу и бежать на остров Сардинию. В Пьемонте Франция учредила временное правительство.

- [121] Типу-Саиб (1750—1799) — султан, мусульманский правитель (1782—1799) индийского государства Майсур. В союзе с французами вел войны с Британской Ост-Индской компанией, стремясь вытеснить ее из Индийского субконтинента и обеспечить свою гегемонию в Южной Индии. В поисках союзников для совместной борьбы с англичанами вел переговоры с французами в 1789, 1793, 1795—1796 и 1799 гг. В 1798 г. Наполеон высадился в Египте, не скрывая своих планов относительно британских колоний в Индии. В январе 1799 г. из Египта он отправил султану Типу-Саиду письмо о готовности помочь в деле освобождения Индии от англичан; однако его послание дошло слишком поздно: Типу был убит 4 мая 1799 г.
- [122] Карл IV (Carlos IV, 1748—1819) — испанский король (1788—1808). С 1803 г. являлся союзником Наполеона в войне с Великобританией и планах по разделу Португалии. Для усиления своего влияния при испанском дворе Наполеон активно вмешивался в борьбу придворных партий, поддерживая наследника престола Фердинанда в борьбе против отца. Анонимное известие о претензиях наследника на престол побудило короля дать приказ об его аресте (20 октября 1807 г.) и предании суду, что послужило предлогом для более активного французского вмешательства в испанские дела. Приближение французской армии к Мадриду и весть о намерении Карла бежать из столицы вызвали народный бунт, последствием которого было отречение Карла и провозглашение королем Фердинанда VII 18 марта 1808 г. Вскоре Карл IV и его сын Фердинанд были фактически арестованы Наполеоном в Байонне, под давлением отреклись от прав на престол, после чего Бонапарт посадил на испанский трон своего старшего брата Жозефа Бонапарта.
- [123] Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский (Louis Antoine Henri de Bourbon-Condé, duc d'Enghien, 1772—1804) — французский принц крови, единственный сын последнего принца Конде (одна из младших ветвей королевского дома Бурбонов). Мало известный при жизни, герцог Энгиенский вошел в историю тем, что был похищен из Бадена, где жил в эмиграции, вывезен в Париж и расстрелян во рву Венсенского замка по приказу Наполеона I 15 марта 1804 г.
- [124] Иоганн Филипп Пальм (Johann Philipp Palm, 1766—1806) — см. примечание 69. С. 52.
- [125] Петер Фридрих Людвиг Ольденбургский (Peter Friedrich Ludwig von Oldenburg, 1755—1829) — князь-епископ Любекский, с 1823 г. — великий герцог Ольденбургский под именем Петра I. См. примечание 91. С. 56.
- [126] «Приписанный к земле; прикрепленный к земле» — так назывались крестьяне эпохи древней Римской империи, приписанные к земельным участкам, с которых они не могли уйти, как бы эти участки не были малы и убыточны. Позднее, в средние века, это выражение было распространено также на крепостных крестьян, находившихся в феодальной зависимости от владельца земли, к которой крепостной был приписан.
- [127] Барон Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штейн (Heinrich Friedrich Karl Reichsfreiherr vom und zum Stein, 1757—1831) — см. примечание 84. С. 54.

- [128] Маркиз Иоганн Габриэль фон Шателер (Johann Gabriel von Chasteler, 1763–1825) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер, в 1799 г. — генерал-квартирмейстер штаба Суворова. В 1801 г. произведен в фельдмаршал-лейтенанты. В 1809 г. командовал частью 8-го корпуса австрийской армии, который был предназначен для поддержки антифранцузского восстания в Тироле. С 10 000-м отрядом занял Инсбрук, освободив весь Тироль от врага. В известной прокламации Наполеона объявлялось, что «так называемый генерал австрийской службы Шатле-Курсель, как виновник восстания тирольцев и ужасов, учиненных над пленными французами и баварцами, где бы его ни взяли, должен быть представлен в военный суд и расстрелян в 24 часа, как атаман разбойников».
- [129] По-видимому, речь идет о Конкордате Наполеона — соглашении между папой Пием VII и Французской республикой в лице Первого консула, заключенном 26 мессидора IX г. (15 июля 1801 г.), по которому католицизм законодательно больше не признавался государственной религией Франции, а объявлялся религией большинства французов. Священнослужители, как и светское чиновничество, предварительно дав клятву верности, назначались и оплачивались государством, а Церковь отказывалась от притязаний на возвращение своих земель, конфискованных во время революции. В результате церковная деятельность попадала под контроль светской власти на законных основаниях. Одновременно с ратификацией Конкордата, Наполеон представил в Законодательный корпус и обнародовал так называемые Органические статьи католического культа (*Articles organiques du culte catholique*), которые еще больше усиливали его власть над католической церковью, что вызвало ожидаемое раздражение Святого престола.
- [130] Фиваидский легион (*Legio Thebaica*, также известный как Агаунские мученики) — фигурирующий в христианской агиографии римский легион эпохи Диоклетиана, солдаты которого были замучены императором Максимианом в 286 г. Состоял из 6600 (по другой версии — из 6666) солдат-христиан и возглавлялся святым Мавриkiem.
- [131] Золотая булла (*Bulla Aurea*) — законодательный акт Священной Римской империи, принятый имперским рейхстагом в 1356 г. Булла регламентировала избрание германского императора коллегией семи имперских курфюрстов и определяла права этих курфюрстов. Текст документа, составленный на латыни, был утвержден императором Карлом IV Люксембургским. Действие буллы прекратилось с окончанием существования империи в 1806 г.
- [132] Пресбургский мир — мирный договор между Францией и Австрией, заключенный 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (Братислава) после разгрома Австрии в Аустерлицком сражении и ее полного поражения в войне Третьей коалиции. Изменения, предусмотренные Пресбургским миром, означали конец австрийского преобладания в Священной Римской империи и способствовали ее роспуску в 1806 г.
- [133] Карл Теодор фон Дальберг (Carl Theodor Anton Maria Reichsfreiherr von Dalberg, 1744–1817) — государственный деятель Священной Римской империи, первый и последний архиепископ Регенсбурга, последний эрцканцлер, второе лицо в государстве после императора, пошел на сближение с Наполеоном, надеясь на реформирование империи под

французским покровительством. В 1806 г. Дальберг стал одним из инициаторов создания Рейнского союза, сложил с себя титул и полномочия эрцканцлера, став впоследствии князем-примасом Рейнского союза. Несколько дней спустя Священная Римская империя с отречением Франца II перестала существовать.

- [134] Видимо, имеется в виду князь-примас — в Римско-католической церкви почетный титул церковного иерарха в стране, обладающего высшей духовной юрисдикцией над прочими епископами страны. Этот титул с 1806 по 1810 г. носил архиепископ Регенсбурга Карл Теодор фон Дальберг.
- [135] Жозеф Феш (Joseph Fesch, 1763—1839) — французский кардинал, брат матери Наполеона, возведенный при его содействии в кардиналы и получивший кафедру архиепископа Лионского. В 1806 г. Феш был назначен помощником и преемником архиепископа Регенсбурга князя-примаса Рейнского союза Карла Дальберга; это назначение вызвало протест даже со стороны приверженного Наполеону Регенсбургского сейма.
- [136] Архиепископство Регенсбург было образовано в 1803 г. для бывшего архиепископа Майнцского Карла Теодора Дальберга, владения которого были секуляризованы, и просуществовало до 1810 г. В 1809 г. в архиепископстве был введен Кодекс Наполеона, упразднявший сословные различия и церковные привилегии, став одной из основ формирования нового буржуазного общества в Германии, закрепив в своих нормах секуляризацию, равенство участников гражданского оборота, неприкосновенность частной собственности. Кроме того, на Регенсбург было распространено действие Конкордата Наполеона.
- [137] По Парижскому договору 1810 г. территория Регенсбурга была присоединена к Баварскому королевству. Зятем короля Баварии был Эжен Роз де Богарнэ (1781—1824) — пасынок Наполеона, вице-король Италии. 14 января 1806 г. благодаря посредничеству Наполеона он женился на дочери Максимилиана I принцессе Агнессе Амалии Виттельсбах, известной впоследствии как Августа Амалия Баварская.
- [138] Речь идет об Имперских матрикулах (Reichsmatrikel) — периодически утверждаемых рейхстагом перечнях сословий Священной Римской империи с распределением обязанностей по выставлению воинских контингентов в имперскую армию и уплате общеимперских налогов. Включение территории в имперский матрикул означало подтверждение ее статуса как непосредственного имперского лена, что предоставляло соответствующему правителю широкий объем прав и прерогатив, предусмотренных имперским правом для имперских сословий.
- [139] Имеется в виду Жозеф Бонапарт (Joseph Bonaparte, 1768—1844) — старший брат Наполеона I, король Неаполя в 1806—1808 гг., король Испании в 1808—1813 гг. под именем Иосиф I Наполеон. Несмотря на отмену инквизиции и конституционную реформу, он был крайне непопулярен в стране.
- [140] Шведская Померания — часть Померании, которую Швеция получила по Вестфальскому миру 1648 г. и которую сохраняла в своем составе до 1815 г. В территорию входили города Штральзунд и Грейфсвальд, а также остров Рюген, до 1720 г. также город Штеттин. Во время Северной войны была захвачена силами коалиции Дании, Польши, Пруссии и России.

По Стокгольмскому мирному договору 1720 г. большую часть этих территорий получила Пруссия.

- [141] Курфюрст Ганновера и герцог Брауншвейг-Люнебургский Георг I по Акту об устроении в 1714 г. стал королем Великобритании. В 1803 г. Великобритания объявила войну Франции, и в курфюршество Ганновер, государство в составе Священной Римской империи, вторглись французские войска. В том же 1803 г. Наполеон занял весь Ганновер, германское владение, принадлежавшее английскому королю, бывшему одновременно и ганноверским курфюрстом.
- [142] Висмар — город-порт на берегу Балтийского моря в Германии, по Вестфальскому миру 1648 г. вошел в состав Шведской Померании и превратился в крупнейшую крепость шведов на южном берегу Балтики. Во время Северной войны в кампанию 1716 г. русские и датские войска под прикрытием объединенного флота России, Англии, Голландии и Дании должны были вторгнуться в Шведскую Померанию. Для взятия Висмара союзники попросили Петра прислать дополнительные войска. Петр приказал Репнину с корпусом двинуться к Висмару. Но 7 апреля 1716 г. четырехтысячный гарнизон Висмара капитулировал перед 15-тысячной армией союзников до подхода русских подразделений. Репнин потребовал, чтобы русским войскам разрешили войти в Висмар, но получил отказ. Петр жаловался датскому королю, но дальнейших последствий этот инцидент не имел.
- [143] Барская конфедерация, созданная римокатолической шляхтой Речи Посполитой в 1768 г. для защиты внутренней и внешней самостоятельности Польско-Литовской республики от давления Российской империи. Конфедераты противостояли прорусскому окружению польского короля Станислава II Августа Понятовского, стремившемуся ограничить власть магнатов и прекратить наиболее одиозные преследования диссидентов, узаконив в равных правах католиков, протестантов, православных и униатов.
- [144] Казимир Михал Вацлав Виктор Пулавский (Kazimierz Michał Wacław Wiktor Pułaski, 1745—1779) — один из руководителей Барской конфедерации, в ноябре 1771 г. был организатором неудачной попытки похищения короля Станислава Августа.
- [145] Марк Аврелий Проб (Marcus Aurelius Probus), более известный в римской историографии как Проб, — римский император в 276—282 гг. Будучи военачальником на Востоке, после смерти императора Тацита Проб был провозглашен солдатами императором.
- [146] Гепиды (Gepedes) — древнегерманское племя, родственное готам.
- [147] Фасис, или Фазис — основанная в VI в. до н. э. милетская колония в устье одноименной реки на побережье Колхиды (неподалеку от современного Поти, Грузия).
- [148] Речь идет о Второй Силезской войне (1744—1745) — втором из трех крупных военных конфликтов в Центральной Европе, происходящих в рамках войны за Австрийское наследство или так называемых Силезских войн, в которых столкнулись интересы Пруссии и Австрии. 23 августа 1744 г. 70 тысяч пруссаков вступили без объявления войны в пределы Богемии. Однако поход в Богемию после первых успехов окончился полным провалом. Начавшиеся болезни, крайний недостаток продо-

вольствия и необходимость отдыха заставили Фридриха уйти в Силезию. Большинство городов с прусскими гарнизонами в Богемии были постепенно взяты австрийцами; в результате Фридриху в 1745 г. пришлось вновь защищать Силезию и даже Берлин, на который двигались австро-саксонские войска.

- [149] Фридрих Иосия Саксен-Кобург-Заальфельдский (Friedrich Josias von Sachsen-Coburg-Saalfeld, 1737–1815) — эрнестинский принц, командующий войсками Габсбургов в конце 1780-х и начале 1790-х гг. В начале 1793 г. принц Кобургский был назначен главнокомандующим войск в Австрийских Нидерландах, действующих против войск революционной Франции. После успешной осады коммуны Ландреси на северо-востоке Франции 17–30 апреля 1794 г. уже в мае в сражении против французской Северной армии под командованием генерала Пишегрю при Туркуэне войска принца Кобургского потерпели сокрушительное поражение: потери составили более 5,5 тысяч человек.
- [150] Жан-Шарль Пишегрю (Jean-Charles Pichegru, 1761–1804) — французский военный и политический деятель, дивизионный генерал (1793).
- [151] Жан-Батист Журдан (Jean Baptiste Jourdan, 1762 –1833) — французский маршал империи, участник Наполеоновских войн.
- [152] Граф, светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1843) — русский военачальник немецкого происхождения, генерал-фельдмаршал (1826). В Отечественную войну 1812 г. — командир отдельного корпуса на петербургском направлении. Действуя в отрыве от основной русской армии, сумел одержать ряд побед над наполеоновскими маршалами.
- [153] Павел Васильевич Чичагов (1767–1849) — русский адмирал, морской министр Российской империи с 1802 по 1809 г. В 1812 г. сменил Кутузова в качестве командующего Дунайской армией, руководил преследованием Наполеона по территории Белоруссии. Во время переправы французов через Березину должен был преградить неприятелю путь к отступлению, блокировать пути отхода наполеоновских войск через Березину, для чего армия под командованием Чичагова должна была, действуя совместно с армией Витгенштейна, нанести удар в тыл французским войскам.
- [154] Люнебург — ганзейский немецкий город в Нижней Саксонии, в 50 км к юго-востоку от Гамбурга. Во время Наполеоновских войн жители города оказали сопротивление при взятии Люнебурга французскими войсками. В 1813 г. на средства магистрата Люнебурга из его жителей был создан Люнебургский батальон, впоследствии принявший участие в сражении при Ватерлоо. Почти в полном составе батальон погиб при обороне Ге-Сент.
- [155] Великое Герцогство Варшавское — государство, образованное в 1807 г. по Тильзитскому миру из польских территорий, отошедших во время Второго и Третьего разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи. Великое Герцогство Варшавское являлось протекторатом наполеоновской Франции и просуществовало до 1813 г., когда оно было завоевано войсками Шестой коалиции. Герцогом был назначен король Саксонии Фридрих Август. 1 мая 1808 г. в стране был введен Кодекс Наполеона. 28 июня 1812 г. по решению сейма было объявлено о восстановлении Королевства Польского, которое стало самым верным из

союзников Наполеона и выставило 100-тысячную армию, сражавшуюся с первого до последнего дня войны.

- [156] Барон Фридрих Карл фон Теттенборн (Friedrich Karl von Tettenborn, 1778–1845) — немецкий генерал и дипломат, во время войн против Наполеона (1811–1818) состоявший на русской службе. С началом Отечественной войны 1812 г. был назначен в отряд генерала Винцингероде. Во время Заграничной кампании 1813 г., командуя сводным отрядом из четырех казачьих полков и пяти батальонов прусских и мекленбургских ополченцев, занял Гамбург, также участвовал во взятии Бремена и Берлина.
- [157] Дахия аль-Кахина — царица берберско-иудейского княжества в северной Африке в период арабских завоеваний. В 698 г. арабы направили против Африканского царства большую армию. Понимая, что встречаться лицом к лицу с такой силой чревато разгромом, Кахина, уклоняясь от генерального сражения, зашла арабам в тыл и подошла к городу Багия, удерживаемого византийским гарнизоном. Византийцы и христианское население города встретили ее войско как союзников, открыли им ворота и впустили в город. Когда арабы осадили Багию, берберы, византийский гарнизон и все горожане покинули город через подземный ход, бросив все свое имущество, чтобы потом ударить в тыл арабам.
- [158] Батавия — первоначально остров, населенный древним племенем батавов, потом — вообще вся страна, занятая батавами в Древнеримскую эпоху; затем латинское название Голландии и всего Нидерландского государства.
- [159] Имеется в виду Александр Македонский (Александр III Великий, 356–323 гг. до н. э.) — македонский царь с 336 г. до н. э. из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.
- [160] Марк Ульпий Нерва Траян (Marcus Ulpius Nerva Traianus), больше известный как Траян — римский император из династии Антонинов, правивший в 98–117 гг. Известен своими обширными завоеваниями. При Траяне территория Римской империи достигла максимальных размеров.
- [161] Речь идет о Риони — одной из крупнейших рек Закавказья, которая в древности была известна под названием Фазис.

1816 год

Священный альянс или памятник заключенному между Австрией, Пруссией и Россией братскому союзу.

Международное значение Священного союза
и его вероятных последствий¹.

*Вильгельм Траугот фон Круг*²

Итак, прекрасный союз трех императоров породил Священный союз. С его помощью была сокрушена власть принципа зла, который снова угрожал миру своим господством. Благодаря ему власть принципа добра, который уже давно был провозглашен в церквях и школах, но мало уважался при дворах и в ратушах, была признана также и сильными мира сего. Следовательно, этот святой союз, бесспорно, принадлежит к самым удивительным событиям старой и новой истории. Он — явление исключительное в своем роде — вызвал во всем мире большое удивление, которое обычно вызывают великие события, благотворно преобразующие общественные нравы. Может быть, именно поэтому общественное мнение еще мало высказывалось об этом союзе. Разумеется, при этом приходят на ум несколько обстоятельств, которые могут встревожить размышляющего наблюдателя нашего времени. Этот союз, который по форме и по содержанию полностью отличается от всех заключенных до сих пор политических договоров, внезапно, одним скачком, переходит от принятых до сих пор политических принципов к полностью противоположным. Он был заключен якобы уже в сентябре прошлого года^[1], но обнародован только в январе текущего, причем еще недавно даже слабый намек никак не указывал на его заключение. Объявление было сделано только одним

¹ *Krug W.T.* La Sainte Alliance oder Denkmal des von Österreich, Preußen und Rußland geschlossenen heiligen Bundes. Weltbürgerliche Betrachtungen über den heiligen Bund und dessen wahrscheinliche Folgen. Leipzig: bei H. U. Köchly, 1816.

² Вильгельм Траугот фон Круг (Wilhelm Traugott Krug, 1770—1842), известный немецкий философ и писатель, профессор философии университета Кенигсберга.

из трех родоначальников союза^[2], в то время как оба других до сих пор продолжают хранить глубокое молчание. Основной союзный договор был собственноручно подписан только августейшими основателями союза, но он не был, как это обычно бывает при подписании таких документов, скреплен министрами. Однако все эти обстоятельства не могут вызвать сомнение ни в подлинности документа, ни в твердой и искренней воле, с которыми был заключен этот союз. Автор этого сочинения, по крайней мере, не считает подобные сомнения правомочными. И если с учетом этих обстоятельств они могут возникнуть у некоторых сомневающихся, то их сомнения будут скоро развеяны последующими заявлениями и фактами. Мы считаем это событие серьезным и достойным пристального внимания, и хотели бы теперь рассмотреть его несколько подробнее с той точки зрения, которая является единственно правильной, а именно с точки зрения его влияния на международное сообщество. Очевидно, этот союз имеет не ограниченную направленность на то или иное государство, а направлен на весь христианский мир, а следовательно, и на все человечество, так как само христианство в своей сущности имеет универсальные тенденции.

Кому первому из высоких союзников пришла идея такого союза, для нас совершенно неважно. Когда-нибудь история, может быть, прольет свет на эти обстоятельства. Нам, современникам, достаточно повода, о котором говорит сам документ, а именно о тех великих событиях, которые происходили в Европе последние три года, когда божественное проведение распространило свою власть на государства, правительства которых доверили свои надежды и будущее этому проведению. Это было живое воспоминание о нуждах и опасностях, к которым прежняя политика привела правителей и народы Европы. Это было смиренное осознание того, что одна лишь человеческая сила и благоразумие не принесут спасения, но лишь высшая власть, которой подчинены правители земли, даст защиту притесняемым князьям и народам. Именно глубокая, сердечная благодарность Господу за его защиту подвинула августейших союзников к заключению Священного союза.

Чтобы почувствовать значение этих судьбоносных решений, нужно представить себе прежнюю международную политику — главный источник всех прошлых нужд и опасностей — во всем ее безобразии. Эта политика — почитаемая Наполеоном как высшее божество, так как именно она возвела его на трон Франции — не могла предложить никаких других инструментов, кроме циничного расчета, произвола или секретных договоренностей.

Ее главными решающими доводами были сабли, штыки и пушки, с помощью которых полководцы могли показать свое мастерство, а также народы в качестве инструментов для воспроизводства материальных ресурсов и солдат как пушечного мяса. Поэтому она разрывала на части народы и разделяла страны, давала и отнимала правителей, цветущие земли были превращены в голые пастбища, а народы — в пасущийся на них тощий скот, который при желании можно было подарить, обменять, продать или зарезать. Если кому-нибудь придет в голову в контексте этой политики говорить о честности и нравственности или о религии, как руководящем начале, и о разуме, как высшим арбитре, то мы посмеемся над ним как над наивным мечтателем. Эта политика имела на своей стороне массу известных защитников, которые стремились доказать частично на примерах из истории, частично на основе так называемой общечеловеческой мудрости, что политика и мораль издавна находятся в противоречии друг с другом и абсолютно несовместимы по своей сути. Они утверждали, что каждый — сам за себя и, не заботясь о другом, продолжает идти своей дорогой. При этом мораль вместе со своей сестрой религией необходима только для черни, которую ничто иное не сможет держать в узде. Поэтому низам помимо страха перед перспективой виселицы или колеса, стараются еще привить мораль и совесть, чтобы плебс боялся не только земной власти, но и Бога, и, таким образом, постепенно цивилизовался.

Что говорят в противоположность этому сиятельные члены Священного союза? Они открыто признают порочность этой политики и перед всем миром торжественно высказываются за то, чтобы отныне государственная политика отказалась от языческой жестокости используемых ею методов, от своей языческой бесчеловечной сущности, и подчинилась христианскому воспитанию и гуманному обычаю. Необходимо, чтобы правители и народы Европы впредь смогли жить сообразно принципам благопристойности и набожности, а следовательно, в мире друг с другом и спокойствии. Поэтому три сиятельных союзника объявляют, что политика отныне должна руководствоваться не только принципами общепринятой морали, но также и моралью христианской. Они категорически заявляют, что наставления нашей святой религии, а именно ее предписания справедливости, христианской любви и мира, которые издавна были применимы только в частной жизни, должны также иметь непосредственное влияние на решения правителей и руководить всеми их шагами. Именно поэтому ими (объединенными союзом монархами) принято непоколебимое

решение, как в управлении своими государствами (во внутренней политике), так и в отношениях с любым другим правительством (следовательно, также во внешней политике) руководствоваться всегда этими предписаниями христианства. По той же причине они объявляют свои народы не только членами единой христианской нации, которые должны быть всегда готовы оказать друг другу взаимные услуги и развивать вследствие этого неизменную доброжелательность в отношении друг друга. Они объявляют себя самих братьями и земляками, отцами семейств для своих подданных и армий, уполномоченными самим проведением, чтобы править тремя ветвями единой семьи при господстве небесного суверена, которому единственно принадлежит высшая власть, так как в нем воплощаются все сокровища любви, науки и мудрости. Более того, они приглашают также всех правителей, которые признают те же принципы, понимающих, как важно для счастья измученных войнами народов, чтобы эти истины в будущем оказывали влияние на судьбы человечества, — они приглашают всех этих правителей присоединиться к Священному союзу. Поистине, такая великая идея еще никогда не приходила на ум ни одному государственному деятелю! Лишь идеи Генриха IV о создании европейской христианской республики^[3] можно рассматривать в качестве чего-то похожего.

Будет ли осуществлена эта идея? Останутся ли высокие союзники верны их святому союзу? Последуют ли другие правители их приглашению и присоединятся к союзу? И не вызовет ли смерть главных союзников медленное угасание самого союза, не оставив после себя и следа своего существования? — Таковы вопросы, которые должны возникать у каждого читателя, озабоченного развитием современных общественных процессов. И так как ни одному смертному не дано приподнять занавес будущего и увидеть, что готовит нам судьба, то вряд ли сегодня можно дать ответы на эти вопросы.

Прежде всего, однако, мы должны помнить о несокрушимой власти идей — власти, которую вынужден признать даже самый гнусный, презирающий идеи деспот, когда-либо живший на земле. При неизбежном собственном вытеснении с политической сцены, на которой он выступал так уверенно, всякий тиран должен был осознать, что не власть правителей, а власть либеральных идей, которые он так сильно презирал, господствует над всеми. И какая идея была бы более либеральной в высшем смысле этого слова, чем высказанная идея Священного союза всех христианских правителей и народов? Не та ли это, по сути, идея, которую

давно уже пытается осуществить Церковь? Но она была не в состоянии выполнить эту великую задачу, так как ее руководитель подменял великие цели своими собственными мелкими задачами, вызывая этим раздор в Церкви. А затем папа снова и снова преодолевал этот раздор максимально нелиберальными средствами, увековечивая разногласия и все дальше уводя Церковь от первоначальной идеи. Три могущественных государя, которые считают себя принадлежащими к трем различным ветвям христианства, и поэтому признают только Бога, даровавшего нам христианство, своим общим руководителем, теперь пытаются осуществить эту идею, следуя другими путями. Они хотят основать союз государств, основной закон которого определяется ни греческим, ни римским, ни каким-либо еще языческим и варварским наследием, а должен быть по-настоящему христианским законом. Возможно, эта идея никогда не будет осуществлена полностью во всем своем бескрайнем величии. Но если она, однажды проснувшись, получит широкое распространение в человеческом духе; если она будет воспринята немцами с ясным сознанием и четко сформулирована немецкими словами; если люди, обладающие уважением и влиянием, выскажутся в пользу ее законности и воплощения в жизнь: то тогда она постепенно приобрела бы также практическую эффективность. В данном случае, однако, речь идет не только о людях, обладающих уважением и влиянием, речь идет о главах трех ведущих государств, сильнейших в Европе — Франция, пока она не покончит с внутренними беспорядками и не получит внешнюю независимость, не может считаться ведущей державой. Это государи, которые благодаря своим совместным усилиям освободили Европу от самого позорного порабощения, ныне заключили между собой Священный союз, основанный на идее христианской любви, и перед лицом всего мира дали слово руководствоваться ею во внешней и внутренней политике своих государств. Разве не должны были они, кто три года так твердо поддерживал друг друга, что только неверующий Фома мог рассказывать об их расхождении, в то время как они, как боги, парили над всеми интригами их министров в безмятежном согласии, — разве они не должны были также твердо вступить в единый союз, к которому их никто не принуждает и не препятствует его заключению, который никому не несет никакого ущерба, но может всем дать только преимущества? Никто не должен опасаться этого союза, кроме тех, кто упорно настаивает на сохранении старой нехристианской политики. Наконец, разве не должны будут последующие поколе-

ния относиться к нему с большим почтением, а будущие исторические хроники когда-нибудь станут восхвалять основателей этого союза как самых великих благодетелей человеческого рода и превозносить над всеми прочими государями мира? Ведь никогда еще не было такого трилистника правящих монархов, такого триумвирата, который продемонстрировал при таком значительном различии индивидуальных характеров и интересов такое единогласие в общих вопросах и заключил бы политический союз такого все-ленского масштаба.

Что же касается остальных европейских держав, то можно с большим или меньшим основанием предположить, что только три из них не будут присоединяться к Священному союзу. Османская Порта не является христианской державой и не может даже рассматривать себя в качестве приглашенной. Римская курия, которая, вне зависимости от личности святого отца, занимающего папский престол, остается всегда верной своим старым принципам, не может пойти на союз с мирскими правителями, так как этим союзом она бы подтвердила их божественные полномочия и претензии на власть над христианской церковью. Наконец, британское правительство вряд ли примет приглашение, если политика Священного союза окажется несовместимой с торговыми интересами Британии и присвоенным ею единовластием на море. Все другие христианские державы европейской суши, однако, могут и будут постепенно присоединяться к союзу. Даже если еще не у всех правителей Европы вызывает отвращение старая нехристианская, то есть противозаконная, аморальная и безбожная политика, хотя они все невыразимо пострадали от нее: все же, они в высшей степени навредили бы себе и своим народам, если бы отказались от присоединения к союзу. Вследствие этого вновь присоединившиеся члены придадут трем основателям союза, которые высказались за внедрение и использование христианской политики, помимо их без того огромного политического влияния на континенте еще и моральный перевес. Если они останутся верными своему судьбоносному заявлению, то вскоре приобретут не только неограниченную любовь своих подданных, но и одобрение общественного мнения во всей образованной Европе. Можно предположить, что, как только первые несколько держав, движимых уважением к благу делу, согласятся присоединиться к Священному союзу, другие не захотят оставаться в стороне из-за благоразумия или желания получить определенные преимущества. Если в результате Священный союз распространится на всю Европу,

и через некоторое время государства на собственном опыте убеждаются, что, руководствуясь новой христианской политикой, можно существовать не просто хорошо, а гораздо лучше, чем со старой языческой политикой, то смерть одного или другого члена союза или даже кончина всех первоначальных основателей не вызовут его роспуска.

Какие последствия будет иметь этот союз при условии, что он действительно будет поддержан христианскими державами европейского континента? — Эти последствия, конечно, могут потеряться в лабиринтах времени, так что наши внуки и правнуки не ощутят ни малейшего воздействия нынешних судьбоносных решений. Однако если этот союз поднимет на новый уровень и разовьет общественные нравы, и нашим потомкам благодаря ему откроется более гуманное и разумное будущее, то, возможно, последующие поколения будут жить намного счастливее нас.

В учредительном документе Священного союза было сказано, что наставления христианства должны служить союзным государствам неизменным руководством как в управлении своими собственными государствами, так и в политических отношениях с другими государствами. Уже при первом взгляде на внутреннее устройство государств Священного союза следует ожидать его благодатных последствий, хотя догматы христианства ничего непосредственно не говорят ни о конституции, ни о управлении государством. Вследствие этого они существенно отличаются от предписаний других великих религий, которые содержат кроме этических принципов также и политические нормы. Но дух христианства, который основатели святого союза очень удачно обозначают как дух справедливости, любви и мира, должен также касаться внутренних государственных отношений, иметь самое благотворное влияние не только на управление, но и на политическое устройство государств, так как конституция и управление разделимы только в теории, но не на государственной практике. Правители, которые воодушевлены этим христианским духом, ни в коем случае не могут одобрять деспотизм, за какой бы изощренной формой политического лицемерия он не скрывался. Они, без сомнения, дадут своим народам подлинно правовое устройство, то есть либеральные конституции, к чему уже готовы или приступили к их разработке многие христианские государи и без содействия союза. Во всем христианском мире они утверждают всеобщую терпимость для любой созидательной формы религии, которая уживается с правовыми нормами гражданского союза. Они должны законо-

дательным образом подтвердить свободу мысли как естественное право людей, и, таким образом, уничтожить все оковы, которые из преувеличенного страха перед возможными злоупотреблениями — продуктом старой коварной и недоверчивой политики — время от времени сковывали язык и литературу. Они будут проводить в жизнь нормы христианской политики, также принимая во внимание задачи торговли и любых форм человеческих связей и общения, где прежняя политика действовала настолько корыстолюбиво и недоброжелательно, что на всех причалах и дорогах установила цепи и шлагбаумы, а также поставила таможенников и пограничников для того, чтобы никто не мог наслаждаться дарами земли и моря, не оплачивая их пошлиной в двойном или тройном размере. Наконец, главное порождение старой политики — тайную полицию, в которой достигли наивысшей виртуозности во Франции, самом полицейском государстве, они отправят туда, откуда она собственно и возникла, а именно в пропасть ада, чтобы никакая полиция не распечатывала больше писем, подглядывая за жизнью почтенных семей и наполняя души страхом и отвращением. В государствах Священного союза будут идти рука об руку свобода со справедливостью, воспитание с любовью и самая живая предприимчивость с самым мирным единодушием.

Эта внутренняя гармония будет благотворно воздействовать на внешние отношения государств, так как всякая внутренняя жизнь находится в постоянном взаимодействии с внешней. Если догматы христианства будут непосредственно влиять на внешние отношения государств, как этого требует акт заключения Священного союза, то благодаря этому между объединенными государствами еще в большей степени укрепятся гармоничные отношения. Уже Венский конгресс пытался решить эту задачу. Здесь собрались многие христианские государи вместе с посланниками всех остальных христианских держав Европы, чтобы привести внешние отношения между государствами, которые были почти полностью разрушены за последние четверть века насильственных изменений, в новый гармоничный порядок и закрепить этот порядок на долгие годы. Однако параллельно с начатыми в Вене переговорами старая политика с разных сторон все еще продолжала вести свою гнусную игру, так как пока еще не все приняли благородную идею о полном отказе от прежней политики, чтобы присягнуть на верность новой политике, поистине человеческой или скорее божественной. Поэтому здесь, как и всюду, где плела свои интриги старая эгоистичная политика, — вспомните, например, Вестфаль-

ские мирные переговоры^[4] XVII столетия, имеющие определенное сходство с Венскими переговорами, — не удалось достичь гармоничного единства. На конгрессе продолжала сохраняться опасная ситуация, таящая в себе основу для возвращения к новым нарушениям договоренностей и беспорядкам. Поэтому, даже если нельзя полностью одобрить взгляды и суждения господина фон Прадта^[5], высказанные им в его последнем сочинении «Венский конгресс»¹, то этот труд определенно содержит очень много поучительных и достойных внимательного отношения рассуждений. Какие прекрасные и прочные результаты должна принести новая политика в развитии международных отношений для государств в создаваемом Священном союзе! Посланцы этих государств будут иметь репутацию честных, порядочных людей, в то время как прежде дипломатов при всех дворах подозревали в шпионаже. Поэтому на этот раз посланниками дружественных стран станут не самые хитрые, а самые добросовестные люди. Территориальные границы государств Священного союза будут свято уважаться, а какие-либо изменения пограничных линий, если они вдруг станут возможны, должны проходить с учетом прав всех заинтересованных сторон. При этом они должны осуществляться только путем мирных соглашений, а не с помощью меча. Так называемое «право завоевателя» должно быть заменено предписаниями справедливости, любви и мира, на основе которых Священный союз будет полностью связан общепринятым кодексом международного права. В результате союзные государства, по крайней мере, между собой больше не будут иметь поводов для ведения войны, а следовательно, они навсегда избавятся от необходимости содержать многочисленные и дорогие постоянные армии. Когда-то Наполеон похвалялся перед другими монархами, демонстрируя свою силу, что без его воли от Невы до Тахо не будет сделан ни один пушечный выстрел. Теперь основатели союза могут сказать то же самое, но только с точки зрения торжества не силы, а международного права.

Вечный мир, которого, кажется, все еще боятся военные комиссары и поставщики, а также все те, кто наживается на войне, вряд ли может быть провозглашен на всей земле. Так как христианский мир все еще должен вести внешнеполитическую борьбу с нехристианскими государствами, то в этой святой битве за иско-

¹ *Pradt de M.* Du Congres de Vienne, par l'auteur de L'antidote au Congres de Radstadt, de L'histoire de l'ambassade a Varsovie, etc. T. 1—2. Paris: Deterville, 1815. P. 285.

ренение принципов зла даже Священный союз не сможет избежать применения оружия. Он, например, мог бы призвать турок к более активной борьбе с чумой на подконтрольных им землях, чтобы они не угрожали постоянно Европе одним из самых страшных физических недугов. Он мог бы потребовать от турок, чтобы они не обращались с притесняемыми ими христианами как с рабами и, если они не захотят отказаться от жестокого подавления наших единоверцев, подвергнуть их самому жестокому наказанию. Если турки не захотят соответствовать простым и справедливым требованиям цивилизованного народа, будут впредь распространять смертельную заразу и насаждать жестокое варварство с помощью оружия, то тогда они с полным правом будут изгнаны участниками Священного союза из Европы туда, откуда явились. А их земли союзные государства не разделят между собой согласно так называемому праву захватчика — так как это было бы возвращением к старой безбожной политике язычников — а вернут их грекам как первоначальным владельцам, чтобы они снова стали великим, просвещенным и благонравным народом и, как христиане, также присоединились бы к Священному союзу.

С тем же правом союз положил бы конец преступным занятиям североафриканских грабительских государств^[5]. Не с помощью выплаты позорной дани и выкупа рабов-христиан — грабители именно этого хотят, а затем спокойно продолжают свое ремесло — а огнем и мечом, которые они заслужили по Божьим и человеческим законам, если хотят и впредь кормиться как дикие beasts за счет грабежей и убийств.

Не менее справедливо было бы желание Священного союза положить конец английскому деспотизму в области морской торговли. Всем известно, что Британия ради собственной выгоды защищает грабительские государства, так как они грабят только другие народы, чем препятствуют их торговле и судоходству к пользе английского деспотизма. Пресечь британское единовластие на море можно было бы с помощью открытого нападения на английский флот или добровольного введения новой континентальной системы. В отличие от наполеоновской системы, которая была рассчитана только на завоевание единоличного господства на суше и на море и не имела поэтому ни прочности, ни успеха, политика союза должна будет покоиться на другой основе, а именно на принципе национального равноправия. Таким образом, Англия будет вынуждена, как бы она этому не противилась, признать принципы Священного союза. Наконец, Британия должна будет добровольно к нему при-

соединиться, чтобы не нести вечно позорный упрек в том, что она, несмотря на свою прогрессивную конституцию, свободу прессы, щедрость, борьбу с работорговлей и сопротивление тирании Наполеона, хотела свободы, благосостояния и независимости только для себя, но не в отношении других народов.

Как союз будет вести себя в отношении папы, который, согласно основным принципам римской курии не может точно так же служить союзу, как любой другой властитель, то есть согласно своим лучшим душевным порывам? Нужно ли лишать его, так же как Наполеона, его светского трона и превращать лишь в архиепископа Католической церкви? Мы, со своей стороны, не считали бы это ни справедливым, ни умным. Трон папы такой древний и легитимный, как ни один другой престол в Европе, и миллионы христиан, как в Европе, так и за ее пределами, почитают папу как первого князя их церкви. Однако его княжеский сан и принадлежащую ему церковную империю порочит старая земельная собственность, которая смущает совесть тех, кто хотел бы почитать его во всем духовном величии. Посягательство на владения и авторитет римской курии было бы несправедливо, но также и неумно, так как это могло бы вызвать раздор в союзе и даже его роспуск. Следует оставить папу, так как отныне он больше не опасен светской власти. Рост влияния общественного мнения в Европе навсегда положил конец монопольному господству церкви над совестью. Папа, как земной наместник Христа, в конце концов, не сможет долго оставаться вне Священного союза и следовать за нехристианской политикой. Наконец, он научится уважать и любить как достойных сынов и истинных членов всеобщей Христианской Церкви тех, о ком сегодня сожалеет, как о заблудших чадах, или осуждает, как мятежников и еретиков. Он наденет тройную корону справедливости, любви и мира и откажется от тройного орудия наказания — анафемы, инквизиции и иезуитов, как от ложной опоры его трона, если он поймет, что ему не требуется никакой опоры в этом союзе. Таким образом, церковь примирится с государством и общественным мнением, чтобы совместно развивать идею Священного союза всех христианских правителей и народов.

Примечания к тексту

- [1] Союзный договор был подписан 14 (26) сентября 1815 г. тремя монархами — императором Францем I Австрийским, королем Фридрихом Вильгельмом III Прусским и императором Александром I.

- [2] Инициатором Священного союза был российский император Александр I.
- [3] Генрих IV Великий (1553–1610) — лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 г. (как Генрих III), король Франции с 1589 г., основатель французской королевской династии Бурбонов. Тридцатый том мемуаров Максимилиана де Бетюн, герцога де Сюлли, доверенного министра и суперинтенданта финансов короля Генриха, содержит изложение так называемого «Великого плана Генриха IV» по низвержению могущества дома Габсбургов, или же «Австрийского дома» и последующего устройства счастливой семьи европейских народов, в которой бы уже никто никогда между собой не воевал — Христианской Республики. Имя Генриха IV таким образом оказалось связанным с одним из проектов европейской интеграции и коллективной безопасности. Великий проект, скорее всего, разработан герцогом Сюлли между концом правления Генриха IV и смертью Сюлли в 1641 г. Сам Сюлли называет автором этого плана Генриха IV, а его важным соавтором — Елизавету I Английскую.
- [4] Речь идет о переговорах, приведших к заключению Вестфальского мира, то есть двух мирных соглашений — Мюнстерского и Оснабрюкского, подписанных 15 мая и 24 октября 1648 г. Ими завершилась Тридцатилетняя война в Священной Римской империи. Вестфальский мир являлся результатом первого современного дипломатического конгресса. Он положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Соглашения затронули Священную Римскую империю, Испанию, Францию, Швецию, Нидерланды и их союзников в лице князей Священной Римской империи. До 1806 г. нормы Оснабрюкского и Мюнстерского договоров являлись частью конституционного закона Священной Римской империи. Пиренейский мир, подписанный в 1659 г., положивший конец войне между Францией и Испанией, часто рассматривается как заключительный этап «всеобщего единения».
- [5] Имеется в виду аббат Доминик дю Фур де Прадт (Dominique Dufour de Pradt, 1759–1837) — видный французский дипломат и приближенный Наполеона, получивший известность как автор мемуаров и нескольких трудов по французской и европейской истории.
- [6] Речь идет о мусульманских пиратах, орудовавших в районе Северной Африки, начиная со времен арабских завоеваний и до середины XIX в. К моменту написания этого сочинения проблема североафриканского пиратства была очень актуальна. Действуя из множества портов Магриба, включая такие крупные, как Тунис, Триполи, Алжир и Сале, пираты держали в страхе все западное Средиземноморье, не ограничиваясь лишь нападениями на торговые суда. Часто они устраивали специальные рейды на прибрежные города Европы с целью захватить в плен христианских рабов и продать их на невольничьем рынке в Алжире или Марокко. С 1806 по 1812 г. начинается бурный рост пиратства на североафриканском побережье. В 1812–1814 гг. тунисские пираты совершили 13 разбойных рейдов, а в 1815 г. это число выросло до 41. В наибольшей степени в этот период времени пострадали прибрежные поселки Италии. Наиболее известным был захват города Сент-Андиоко на юго-западе Сардинии, из которого увели в рабство 160 жителей. Не меньшие успехи демонстрировали корсары Триполи. Если в период с 1808 по 1811 г. они захватили 20 судов,

то в 1812—1815 гг. это число достигло 60. За тот же период времени алжирцы захватили соответственно 22 судна в 1808—1811 гг. и 40 судов в 1812—1815 гг. Поскольку североафриканские регентства (Алжир, Тунис и Триполи) являлись формально владениями Османской империи, европейские державы долго и безуспешно требовали от Порты пресечения пагубной практики разбойных нападений на мирные торговые суда.

1821 год

Европа и революция¹

*Йозеф фон Гёррес*²

S. 259–270

Поскольку регулярные армии становятся мощной силой в Европе, на арену истории выходит Россия, вступая при этом во все более тесные отношения с Германией. Как и ее прародительница, скифская женщина-змея из Гилеи^[1], похитившая скакунов у Геркулеса, а затем в горной пещере зачавшая от него трех сыновей, ставших впоследствии родоначальниками трех племен, Российская империя объединяет в себе две природы: зверя и человека. Ее змеиное тело простирается далеко за пределы Северной Азии, вплоть до Америки, удерживая в своих кольцах более 20 народов, резко отличающихся друг от друга в языке, религии, обычаях и нравах. А до цепи Уральских гор раскинулась человеческая половина тела этого чудовища, глубоко врезавшись в Европу вплоть до Прута, Карпат и Одера. Или как те египетские полуживотные-полудемоны, рожденные согласно древним легендам, из ила и тины великого Нила, которые, пробудившись от утробного сна, обнаружили, что нижняя часть их тела еще бесформенна и находится в чреве матери, а верхняя часть уже окончательно сформирована и вознеслась над землей. Так и эта огромная империя: с одной стороны, она, пусть и на свой лад, уже сформирована европейской культурой, в то время как ее азиатская часть все еще подобна эмбриону, скрытому в лоне природы. При этом она постоянно растет, созревает и расширяется, как никто другой, все время поглощая новые варварские племена и, тем самым, приобщая их к культуре и цивилизации.

Открытые, почти полностью равнинные, покрытые лесами земли на востоке Европы на протяжении столетий служили транзитными территориями для перемещения огромных масс народов,

¹ Görres J. v. Europa und die Revolution. Stuttgart: J.B. Weßlerischen Buchhandlung, 1821. 366 S.

² Йозеф фон Гёррес (Joseph von Görres, 1776–1848) — известный католический мыслитель, писатель, журналист, взгляды которого проделали большой эволюционный путь от радикального якобинства и либерализма до консерватизма и католического мистицизма.

которые, подобно волнам, перекатывались через них туда и обратно, превращаясь в хаотично растущие орды. Наконец, когда Европа была заполнена наводнившими ее племенами, людской поток остановился, часть его здесь осела, и наиболее плодородные земли на Юге стали главным очагом развития земледелия в этом регионе.

Одна из ветвей большого племени славян, изгнанная с Дуная^[2], также нашла приют на этих землях, построила города на новой родине. Постепенно племя превратилось в народ, физически сильный, крепкий и выносливый, с добрым, веселым и мягким характером. Народ — живой и непостоянный в чувствах и страстях, скорее склонный к приспособлению, чем к твердости в убеждениях, изменчивый и пластичный, доходящий до вероломства в своем детском непостоянстве, с трезвым и практичным умом, не склонный к философии и с большим талантом к подражанию, при этом сообразительный, хитрый и коварный. В своей повседневной жизни эти люди просты, гостеприимны, покладисты и общительны. О справедливости этой характеристики свидетельствует вся история этого народа. Живя на открытой равнинной местности, где невозможно было найти укрытия и защиты от набегов соседних племен татар, хазаров, печенегов, а также венгров и поляков, однажды, как повествует их летописец Нестор^[3], они пришли к общему решению призвать на свои земли князя, чтобы он правил ими, наводил порядок и судил по справедливости. И они отправились за море к варягам в Скандинавию и сказали им: «Наша страна велика, богата и наделена всем, но нет в ней порядка. Приходите к нам, станьте нашими князьями и правьте нами!». И пришел к ним Рюрик с братьями, со всеми семьями и с большой дружиной, и основал спустя полвека после Карла Великого^[4] русскую империю, которая заняла обширные земли восточнее Великой германской империи, охватывавшей тогда всю Европу. Великий князь во главе своей варяжской дружины, которая сформировала основу находящейся в состоянии постоянной боеготовности регулярной наемной армии, не только защищал свой народ, но и совершал набеги на соседние земли. Обещая защиту, он обложил податями свободных землепашцев. Независимых мелких правителей в провинциях он заменил своими наместниками, чтобы они следили за исполнением законов, собирали земельный налог, штрафы и подати и рекрутировали солдат для армии великого князя. В России, как и в Скандинавии, эта система подчинения была характерна для ранних патриархальных отношений, когда землевладелец по отношению к безземельным крестьянам занимал то же положение,

что и хозяин дома по отношению к своим домочадцам. Он руководил полевыми работами, распределял бюджет и обязанности в домашнем хозяйстве, обеспечивал гостеприимство в отношении чужаков, разрешал споры среди членов общины и разнимал их, если ссоры между соседями переходили в потасовки, укрепляя тем самым свою власть над ними. Ростки правового насилия быстро развивались среди пассивного народа. Вскоре князья построили резиденцию в центре своих владений и окружили себя двором. Народ в безопасности жил под защитой своего владыки, не боясь больше внешних набегов. Но при этом он оставался беззащитен перед гневом своего хозяина. Через какое-то время великие князья из защитников превратились в завоевателей: после взятия Казани великий князь Иван Васильевич стал именовать себя Цезарем^[5], превратившись в самодержца и деспота, который не связан больше никакими законами и обязательствами, даже законом о престолонаследии. С тех пор в этой стране утвердилась та отвратительная тирания, которая свергла русский народ в состояние глубочайшего унижения, превратив его историю в нескончаемую цепь самых чудовищных злодеяний. В то время как в Западной Европе власть редко была сосредоточена в одних руках, а напротив, была равномерно распределена среди представителей высшего сословия, сформировавшись в недрах феодальной системы. Нигде в русской истории вы не найдете и следа средневекового рыцарского духа, когда подчинение власти заменялось служением ей и сочеталось с дерзкой гордостью и благородным сердцем; когда на фоне традиционного неравенства сохранялось равенство моральное и чувство внутренней свободы. В русской истории вы не почувствуете того романтического авантюрного настроения, которое заставляло европейских первооткрывателей двигаться вперед. Вы не найдете примеров той возвышенной любви, которая облагораживает жизнь даже в самых ужасных условиях. В отличие от европейцев, у русских почти нет романтических волшебных сказаний о чудесах и превращениях, за исключением нескольких историй о хитрости и изворотливости, проявленных их героями в строительстве разнообразных козней против чужеземных врагов. Вы ничего не найдете в них о тончайшей деликатности, которая, словно зеркало, может помутнеть от легчайшего дыхания, о поединках чести, о рыцарстве. Нигде не говорится о представительном органе благородной аристократии, собравшейся для обсуждения вопросов справедливого законодательства или правоприменения, или объявления войны, или заключения мира. Никогда, ни до падения династии

Рюриковичей, ни позднее, во время частых насильственных дворцовых переворотов, русское дворянство даже не помышляло о собственной *Magna Charta Libertatum*^[6].

Власть царя в России не ограничена ничем: ни законами, ни его собственными указами, он обладает такой же абсолютной властью над высшей аристократией, как она — над своими крепостными. Да, они — свободные землевладельцы, но лишены прав, присущих благородному сословию, а потому лично подвластны своему повелителю. И эта полностью зависимая аристократия превратилась в восточную, абсолютно закрытую касту, тщательнейшим образом упорядоченную на основе генеалогий, записанных в разрядных книгах, в которых очень подробно, вплоть до мелочей, были обозначены их фамильные привилегии. В зависимости от родословной, ранга и возраста на основе разрядных книг для представителей аристократии были заранее распределены все возможные позиции во время войны и мирной жизни. Ни разу ни один член этой закрытой корпорации не служил в подчинении у того, кто был ниже его по рангу или принадлежал к менее знатному роду^[7].

Как аристократия и армия, так и духовенство в России объединено в одну замкнутую касту со строгой иерархией личного подчинения, членов которой также можно рассматривать в качестве рабов короны. Хотя Византийская церковь распространилась в России довольно рано, она никогда не была для русских тем, чем для германцев стала Римская церковь. Чистое и разумное учение, как известно, отличалось от латинского учения только тремя догматами. Сохранялась литургия, упорядоченная в соответствии с характером ранней Византийской церкви, наиболее существенными моментами которой были роскошь убранства и торжественность ритуала, подобающее почитание традиций и соблюдение строго поста при полном отказе от какого бы то ни было нравственного воспитания и просвещения народа. Эта форма христианского учения распространялась в России без всяких трудностей и препятствий, но, не найдя в себе ни малейших сил для дальнейшего развития, она быстро потеряла гибкость и закостенеела. Так как это учение было миролюбиво и не агрессивно, в отличие от христианских церквей в других странах, где нация была раскола религиозными войнами, отсутствие внешней и внутренней борьбы лишило его необходимого жизненного импульса. Ее архаичная строгая символика не развивалась на дальнем севере, лишенном солнца, и должна была потускнеть и зачахнуть под сумрачным небом. Такая лишенная развития и самостоятельности церковь

вряд ли могла стать барьером для расползающегося деспотизма. Очень скоро она не только попала в зависимость от государства, но превратилось в его крепостную служанку. Низшее духовенство, чтобы компенсировать свое более чем рабское подчинение церковному начальству, деградировало, предаваясь обжорству и пьянству, впадая в невежество и жестокость, теряя человеческое достоинство, рабски следуя мертвым, застывшим традициям.

Неудивительно, что при таком положении вещей народ искал себе прибежище не у алтаря, а у меча своего землевладельца, а развившаяся со временем пассивность и поверхностность его добродушного характера были слабой защитой для его свободы. В результате он сам обрек себя на это позорное рабское существование, которое влачит на протяжении многих веков. Крестьянин возделывает земли своего хозяина за самое нищенское содержание. При этом хозяин может его продать, обменять, сдать в аренду и наказать, подвергая самому жестокому произволу. Кроме того, для крестьян не определено понятие о собственности, о владении каким-либо имуществом, которое он мог бы передать по наследству кому-то еще, кроме жены и детей. Итак, простой народ, лишенный имущества и имени, земли и закона, просто домашний скот, бесправное положение которого сделало его существом другой природы, при таком жестоком обращении едва ли мог сохранить чувство собственного достоинства и личной чести. Общество, охваченное апатией и безразличием ко всему, не в силах бороться за улучшение своей участи. Благородная гордость не может сформироваться среди унижения и рабской покорности. В народе подавлено стремление улучшить свою жизнь с помощью трудолюбия и усердия. Русский крестьянин работает по принуждению, становясь беспечным, так как живет только настоящим моментом, а также легкомысленным и неверным, так как у него нет ничего своего, даже собственного характера. Он безалаберный и распутный, так как ни любовь, ни домовитость не связывают его с семьей, которой его хозяин, словно скотом, распоряжается сообразно собственным интересам. Все его пороки являются продуктом многовекового угнетения. Его злостное коварство, его мстительная свирепость, косность и подлость — это только защитная реакция замученного естества против гнусной тирании. В условиях такого угнетения русский народ вынужден деградировать на протяжении столетий, как и другие родственные ему племена. Все добродетели, которые у него еще остались, свидетельствуют против его угнетателей, и в меланхолии русских народных песен все еще живы трогатель-

ные воспоминания о прежних лучших временах, когда свободный народ еще не знал никакой тирании.

Таким образом, на основе угнетения двух подвластных каст и третьего сословия крепостных париев, среди северной суровости возникла типичная по своей форме восточная империя, многовековое существование которой привело к дальнейшему закреплению азиатской деспотической формы правления. Первая попытка внедрить в России прогрессивные европейские принципы произошла в 1682 г., когда по предложению Голицына^[8] царь Федор Алексеевич отменил фамильные привилегии и приказал сжечь разрядные книги^[9]. А затем поднялся Петр I, это единственная гигантская фигура в современной истории, воистину один из титанов-реформаторов круглого стола Святого князя Владимира. Он сильной рукой насильственно вбросил свой народ в европейскую культуру. С тех пор противостояние между отжившими традициями и прогрессом, которое окончательно разделило Европу, не чуждо даже этому государству. Как это было в случае с реформами патриарха Никона^[10], когда старообрядцы-раскольники, среди которых были представители всех сословий, в едином движении души предпочли смерть и изгнание, но отказались принять литургические и лингвистические нововведения в православии, а аристократия разделилась на два противоположных лагеря. С одной стороны, — староверы, русские старой закваски, сторонники застывших традиций, ненавидящие все чужое, чужеземное, готовые сопротивляться любому изменению, объявляющие любые элементы цивилизации губительными для России, полные упрямого невежества и варварских предрассудков, хоть и часто наделенные при этом искренним нравом и незамутненными семейными добродетелями. С другой стороны, — их противники, сподвижники Петра, которые объединились вокруг ценностей европейской культуры. Если консерваторы группировались в Москве, то сторонники прогресса собрались в Петербурге при дворе. К прискорбию, из их среды, кроме реформаторов, впоследствии вышли еще и представители паразитического класса царедворцев, который был многократно описан в истории русского двора за последнее столетие. Но одновременно выдвинулось множество людей, опытных и хорошо образованных, имеющих большие заслуги перед своим отечеством, которые содействовали тому, чтобы Россия, наконец, заняла в мире подобающее ей место.

Таким образом, даже это закрытое общество не смогло уклониться от того прогрессивного движения, которое уже на протя-

жении жизни целого поколения является отличительной чертой нашего времени. И Россия медленно, как огромная тающая льдина, уносится течением от старых берегов. Очевидно, что в новейшее время ей уготована великая судьба, и теперь для нее начнется действительно великолепная история. Воздействие развивающегося исторического процесса сказалось также на ее внутренних отношениях. Следует признать заслуги современного правительства в этом направлении и похвалить за мягкие методы преобразований и гуманные взгляды.

Благодаря его усилиям духовное сословие сегодня отмечено ростом самоуважения и благородным достоинством высших иерархов Церкви, а также подъемом образования среди среднего и низшего духовенства. За короткое время было открыто 58 семинарий, в которых за казенный счет обучаются молодые люди, желающие стать служителями Церкви. Кроме того, для удовлетворения нужд государства было открыто 6 новых прекрасно оснащенных университетов^[11]. В Лифляндии, Курляндии и Эстонии почти завершено постепенное освобождение крепостных крестьян^[12]. Для укрепления порядка были введены крестьянские общинные и уездные суды, а в Финляндии для упрощения правового процесса были созданы мировые суды^[13]. Всем крестьянам в империи было даровано право организовывать фабрики и мануфактуры, которое прежде было только у дворянства и купечества первой и второй гильдии^[14]. Тут мы видим пример того, как правительство, с одной стороны, возбуждает в дворянской среде похвальный дух соревнования, а с другой стороны — повсюду распространяет более мягкое обхождение с крепостными. В итоге по всей империи благодаря свободному соглашению с землевладельцами многие крестьяне были освобождены от крепостной зависимости^[15]. Так называемые однодворцы предположительной численностью около 2 миллионов пользуются личной свободой и свободой обладания собственностью, они могут продавать свое имущество и покупать новое, а от дворянства они отличаются только предписанными законом повинностями^[16]. Они вместе с 6 миллионами граждан, которые живут в 1800 городах, и всеми отставными солдатами, объявленными, согласно имперскому законодательству, после 25 лет военной службы свободными^[17], составляют основу нарождающегося независимого третьего сословия, которое в соответствии с природой вещей должно постоянно расти. Кроме того, росту внутреннего благосостояния, а также внешней безопасности содействует политика колонизации: заселенные колонистами

земли протянулись от Балтийского до Черного моря. На окраинных территориях, в соответствии с принципами феодальной системы, было расселено военное сословие тем же способом, как были организованы более ранние пограничные поселения казаков на Украине.

С. 281–284

Как Север противоположен Югу, так и Западу противостоит Восток. Так, например, героической Испании, которая с гордым чувством собственного достоинства до сих пор представляет Атлантический мир в Европе, противостоит Россия, страна славян и рабов^[18], которая постепенно нравственно и политически созревает, двигаясь навстречу освобождению. При этом Российская империя, как государство крестьян и регулярных армий, из Азии постоянно нависает над нами. Старая степь, которая веками насылала на Европу многочисленные толпы народов, была распахана русскими под посевы. Бывшие пастухи теперь стали солдатами, которые подчиняются единой воле. Дух русских есть собственный и истинный дух действующих армий: повиноваться каждому толчку, который направляется сверху вниз, оставаясь при этом лишенным собственной воли. Черпать силы для выполнения приказов любого вышестоящего чина не в воодушевлении мужества, а в страхе перед наказанием за трусость. Оставаться верным не из привязанности и любви, а из послушания. Разум, чувство, волю, силу, жизнь, и все существование подчинить требованию власти так, что не остается ни одного самостоятельно действующего механизма. Это — требование дисциплины, и ни один народ не следует ему так неукоснительно, как народ московитов. Ни один народ не наделен для этого в такой степени звериной природной силой, несокрушимой перед лицом любых тягот и лишений войны, которая только закаляется в бою. Поэтому пока европейская система находится в состоянии брожения, Россия всегда будет точкой спокойствия. Регулярные армии со всем, что с ними связано, являются лишь ее продолжением, которое предстанет перед нами, когда Азия, перешагнув в Европу, утвердит восточный принцип в центре Запада.

И тут возникает вопрос: после того, как все роли на будущей политической сцене Европы будут распределены, что же останется Германии? Священник, государственный деятель, купец, дворянин, крестьянин, солдат, — каждый персонаж нашел для себя исполнителя, и только один немец выходит на сцену, не имея

никакой роли. Когда-то он был могущественным правителем, господствовавшим над всеми^[19]; от Урала до столбов Атласа^[20], от Атлантики и Венедского залива^[21] до Средиземного моря простиралась его власть, его уважали и боялись. Пусть он сам, казалось, был слишком мал и слаб для господства, но его страна оставалась единственной великой срединной империей. Но теперь она превратилась в царство посредственности во всех смыслах, и германец, наводивший в прошлом ужас на всю Европу, теперь сам находится в услужении у всех в качестве наемника, конторщика, гувернера или кого-то еще, в зависимости от обстоятельств. России в результате неуклонного расширения ее территорий принадлежит наибольшая масса земель, и в характере ее народа, как в почве, преобладают естественность, твердость и инертность. Англия, господствующая над всеми морями, в образе мыслей своих граждан, в конституции, жизни и истории имеет выраженный характер водного элемента. Являясь результатом смеси двух противоположных по своей природе сущностей, она то прочно застывает в своей существующей на данный момент форме, то, как воздушная субстанция, возносится вверх; но, как правило, она сохраняет промежуточное положение, находясь в состоянии свободной пластичной мобильности. Франция — империя воздуха, доминирует среди составных частей атмосферы, в нижних слоях которой, наиболее близких к земле и миру идей, подобно миазмам, развиваются господствующие над людскими умами философские и политические концепции. И, наконец, внутренняя сущность Испании связана с огнем, который, как и в случае с Италией, дает импульс к действию и высвобождает сияющий, свободно струящийся свет, пронизывающий все остальные элементы. И на этом фоне немецкий характер растворяется в мутной неясной смеси всех этих четырех природных элементов, а сама Германия стала подобна первозданной хаотически взболтанной водной поверхности, над которой парит еще не оформившийся дух.

С. 298–299

Как политика взаимного сдерживания и недоверия, проводимая местными князьями, сделала будущее объединение Германии невозможным, так и проводимая ими внутренняя политика полностью остановила развитие общественной свободы на большей части Германской империи. Если прежде дух нации в кризисные моменты приобретал необходимую силу и глубину, то сейчас не осталось ничего, кроме засилья посредственности, которая влечет

за собой только рост обывательских страхов и скудоумия. После того как дух мещанства лишил немцев всяких убеждений, всякого достоинства, чувства самоуважения и национальной общности, он подготовился к новому наступлению, чтобы сохранить свои завоевания. Между тем Германия находится в особом положении, занимая центральное положение на континенте между двумя европейскими политическими системами: русской и англо-французской. Обе эти системы заинтересованы в разделении Германии и изоляции ее частей друг от друга, пытаясь еще больше разложить немецкий народ в ответ на какое-либо сопротивление с его стороны. Россия, труднодоступная для врага благодаря своим огромным территориям, располагает концентрированной военизированной массой населения, насчитывающей более 52 миллионов человек. Самым коротким отрезком своей европейской границы она упирается в Турцию, населив эти земли племенами, близкими русским по происхождению и вере. Самая протяженная ее часть в Европе граничит с Германией, где также сплошным фронтом распространены различные ветви славянского племени. Используя родственные народы, русское влияние еще дальше проникает в Европу. Согласно ее автократическому устройству вся эта огромная сила сосредоточена в руках царя. Тиран по своей единоличной воле может использовать ее для уничтожения Европы, но точно также милостивый и гуманный государь может обратить эту силу на благо всего человечества. Но он не может полностью выйти за рамки традиционной русской политики. Даже великодушный Александр был вынужден смириться с приобретением новых земель на Кавказе, в Бессарабии, Польше и Финляндии вместо того, чтобы посвятить себя более высокому предназначению.

Примечания к тексту

- [1] Согласно греческой мифологии, фантастическое существо двойственной природы: наполовину дева — наполовину змея, родившая Геркулесу трех сыновей, младший из которых, по имени Скиф, единственный смог натянуть лук Геркулеса и потому стал основателем рода скифских царей.
- [2] Гёррес, видимо, имеет в виду племена восточных или иллирийских венетов, упоминаемые в древних хрониках как Венеды, Венеты (*лат.* Venedi, Venethae, Venethi; *нем.* Wenden) — племенная группа, известная до VI в. и упоминаемая древними историками Геродотом, Помпонием Мелой, Плинием Старшим, Тацитом, Клавдием Птолемеем, Иорданом, размещаемая ими на территории от балтийского побережья до северных Карпат и низовьев Дуная. Опираясь на эти источники, многие исследователи счи-

тают венодов непосредственными предками древних славян VI–VIII вв. Древнерусская летопись «Повесть временных лет», на которую в дальнейшем ссылается Гёррес, связывает происхождение русского этноса с регионом Норик, (лат. Noricum), римской провинцией между верхним течением Дравы и Дунаем, где жили иллирийские вены.

- [3] Нестор Летописец, также Нестор Печерский, Нестор Киевский (ок. 1056–1114) — древнерусский летописец, агиограф конца XI — начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Традиционно считается одним из авторов «Повести временных лет», которая имеет фундаментальное значение для славянской культуры.
- [4] Карл I Великий (лат. Carolus Magnus, 747 или 748– 814) — король франков, король лангобардов, герцог Баварии, император Запада с 800 г. По имени Карла основанная им династия получила название Каролингов. В результате его завоевательных войн границы Франкского королевства существенно расширились. Оно стало самым обширным государством в Западной Европе, приближаясь по своим размерам к Западной Римской империи, распавшейся в V в. В 800 г. римский папа Лев III торжественно короновал Карла I в Риме императорской короной, что сделало его в глазах современников преемником римских императоров, а следовательно, и величия древней Римской мировой державы.
- [5] Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, (1530–1584) — великий князь Московский и всея Руси с 1533 г., первый царь всея Руси с 1547 г. Титул великого князя унаследовал в 3 года. Титул царя, Цезаря, Иван Васильевич получил задолго до Казанских походов (1550–1551) и взятия Казани (1552). Торжественное венчание на царство великого князя Ивана IV состоялось 16 января 1547 г. в Успенском соборе Московского Кремля. На него были возложены знаки царского достоинства: крест Животворящего Древа, бармы и шапка Мономаха. После приобщения Святых Тайн Иван Васильевич был помазан миром. Царский титул позволял ему занять существенно иную позицию в дипломатических отношениях с Западной Европой, номинально поставив его вровень с единственным в Европе императором Священной Римской империи. Возможно, говоря о превращении Ивана IV в самодержца, Гёррес имел в виду другую дату: в 1560 г. царем была упразднена так называемая «Избранная рада», состоявшая из круга приближенных лиц, вместе с которыми он начал править после восстания в Москве 1547 г. После того как главные деятели «Избранной рады» попали в опалу, началось полностью самостоятельное правление Ивана Васильевича, заложившее основы русского самодержавия.
- [6] Magna Charta Libertatum — Великая хартия вольностей — политико-правовой документ, составленный в июне 1215 г. на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавший ряд юридических прав и привилегий свободного населения средневековой Англии.
- [7] По всей видимости, Гёррес имеет в виду местничество, систему феодальной иерархии, распространенную в Русском государстве в XV–XVII вв. Термин произошел от обычая «считаться местами» на службе и за государевым столом. Сложилось местничество при дворе великого князя Московского на рубеже XV–XVI вв., как следствие централизации государства и ликвидации удельной системы. Место боярина в служебно-иерархической лестнице чинов определялось с учетом службы предков

- при дворе великого князя: назначения на военные и государственные должности определялись не пригодностью или способностью человека, а его «отчеством» (знатностью) и положением родни (отца, деда).
- [8] *Князь Василий Васильевич Голицын* (1643—1714) — влиятельный боярин, дипломат и государственный деятель русского царства. В царствование Феодора Алексеевича (1676—1682) занимал ключевые посты в государстве; был возведен в ранг боярина, заведовал Пушкарским и Владимирским судными приказами. Являлся сторонником европеизации, а также покровительствовал иезуитам.
- [9] Юридически местничество окончательно было упразднено в конце правления царя Фёдора Алексеевича. 24 ноября 1681 г., после окончания войны с Турцией, царь поручил князю В.В. Голицыну подготовить проект реформ для приведения российской армии в соответствие с современными требованиями. В результате Василий Голицын обратился к государю с просьбой повелеть представителям московского дворянства «во всех службах» быть «между собой без мест, где кому великий государь укажет, и никому ни с кем впредь разрядом и местами не считаться, а разрядные случаи и места отставить и искоренить». 12 января 1682 г. царь в присутствии патриарха и Думы, «при общем согласии» приказал принести все имеющиеся разрядные местнические книги и тут же их уничтожить, объявив, что отныне все будут служить без мест, старыми службами считаться не должны под страхом наказания. Взамен разрядных книг были созданы родословные книги для простой кодификации всех дворянских родов. (См.: Памятники общественно-политической мысли / Текст и коммент. А.П. Богданова Л., 1987. С. 105—111).
- [10] Церковные реформы патриарха Никона (1605—1681) представляли собой предпринятые в 1650—1660-х гг. литургические нововведения, направленные на внесение изменений в богослужебные книги и церковные обряды в целях их унификации с современными греческими канонами. Последствием реформ стал раскол Русской Православной Церкви в 1650—1660-х гг. Приверженцы старых обрядов, впоследствии получившие название «старообрядцы», воспринимали реформы Никона как посягательство на нарушение древних церковных устоев и обрядов, принятых еще со времен крещения Руси. На Московском соборе 1656 г. они были преданы анафеме. Жесткие методы проведения реформ не способствовали росту авторитета Никона при дворе и среди духовенства. В 1666 г. он был извержен из патриаршества и стал простым монахом, хотя его реформы были продолжены.
- [11] Имеются в виду Императорский Московский университет (1755), Императорский Дерптский университет (1802), Императорский Виленский университет (1803), Императорский Харьковский университет (1803), Императорский Казанский университет (1804), Императорский Санкт-Петербургский университет (1819).
- [12] В Лифляндии в 1804 г. был принят Крестьянский устав, а в 1809 г. — дополнение к нему. По этому Уставу прикрепление крестьян сохранялось, но крестьянин получал неотъемлемое наследственное право на пользование своей усадьбой. Лифляндские правила 1804 г. отменяли прежнее крепостное право, заменяя его системой подчинения крестьян помещикам по прусскому образцу. Окончательная отмена крепостного права в Остзейских губерниях произошла при Александре I (1816 г. — материковая

Эстляндия, 1817 г. — Курляндия, 1818 г. — Эзель, 1819 г. — Лифляндия), но крестьяне были освобождены без земли.

- [13] Крестьянские суды начали действовать в Прибалтийских губерниях в начале XIX в. Это были специализированные суды, которые занимались только делами крестьян. Их нижней ступенью был волостной (или общинный) суд, откуда жалоба могла быть направлена далее в приходской и уездный суд. Волостной суд действовал на территории волости, его членов крестьяне выбирали из самих жителей волости. Волостной суд соединял в себе все законодательные, политические и управленческие функции, касающиеся жизни крестьян. В середине XVIII в. некоторые помещики образовали суды, состоящие из крестьян, которые назывались волостными судами. Так же стали называться суды, образовываемые крестьянами в начале XIX в. после выхода первых крестьянских законов, которые и создали основу крестьянских судов. Волостной суд, как первый орган самоуправления крестьян, существовал около 200 лет. В законах и других нормативных актах волостной суд обозначался разными терминами (поместный, общинный), исходя из особенностей временного периода. Образованные в начале XIX в. уездные (приходские) суды были крестьянскими судами в Эстляндии и Лифляндии, которые рассматривали жалобы на помещиков. В Эстляндии приходской суд состоял из трех помещиков, рассматривал жалобы крестьян на помещиков и считался судом первой ступени. В Лифляндии приходской суд был судом второй ступени.
- [14] В целях развития промышленности Указ от 28 декабря 1818 г. разрешал всем крестьянам, в том числе и помещичьим, «учреждать фабрики и заводы».
- [15] В Эстляндии в 1804 г. было составлено «Уложение для эстляндских крестьян». В 1811 г. в него были внесены новые кардинальные поправки, согласно которым отношения помещиков и крестьян строились на свободном договоре, вследствие чего права помещика на личность и имущество крестьянина, а также прикрепление крестьян к земле были упразднены. Так как Гёррес говорит обо всей Российской империи, то, возможно, он также имеет в виду Указ о вольных хлебопашцах, принятый в 1803 г., по которому помещики получили право отпускать своих крестьян на волю за установленный самими помещиками выкуп. Почти за шестьдесят лет действия указа (до реформы 1861 г.) было утверждено лишь около пяти-сот договоров об освобождении, и стали вольными хлебопашцами около ста двенадцати тысяч человек. Освобождение осуществлялось с санкции Министерства внутренних дел, крестьяне получали права собственности на недвижимость при сохранении обязательств перед помещиками.
- [16] Однودворцы — особый социальный слой в Российской империи, состоявший из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и осуществлявший охрану пограничных территорий. Однودворцы являлись потомками служилых людей, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах России в XVI—XVII вв., которые в дальнейшем не получили прав российского дворянства. В отличие от последнего однودворцы, оставаясь лично свободными, платили налоги и несли повинности (в том числе рекрутскую), но при этом могли владеть землей и крепостными крестьянами. Кроме того, как и дворяне, однودворцы были освобождены от телесных наказаний.

- [17] Служба в армии была одним из главных механизмов освобождения населения от крепостной зависимости. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми, имели право владеть землей. Армия являлась важнейшим элементом развития социальной мобильности российского общества, способствуя формированию свободных от крепостничества людей, не платящих налоги и имевших право свободного выбора места жительства и занятий.
- [18] В немецком оригинале это — *das Reich der Slaven und der Sklaven*, то есть игра слов, очень близких по звучанию и значению.
- [19] По-видимому, речь идет о Священной Римской империи германской нации (*Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*) — межгосударственном образовании, существовавшем с 962 по 1806 г. и объединявшем большинство территорий Западной Европы. В период наивысшего расцвета в состав империи входили: Германия, являвшаяся ее ядром, Северная и Центральная Италия, Бельгия, Нидерланды, Чехия, а также некоторые регионы Франции. Она рассматривалась как прямое продолжение античной Римской империи и франкской империи Карла Великого.
- [20] Согласно древнегреческому мифу титан Атлант или Атлас поддерживал столбы, которые подпирали небосвод на крайнем западе земной тверди. Гёррес имеет в виду Атласские горы — горную систему, отделяющую средиземноморское и атлантическое побережье от пустыни Сахара.
- [21] Балтийское море или Венедский залив, как его называл позднеэллинистический географ Клавдий Птолемей (II в. н. э.), относится к бассейну Атлантического океана

1822 год

Священный союз и народы на конгрессе в Вероне¹

Йозеф фон Гёррес

С. 91–92

Россия после отказа от старой хищнической политики фактически вступила в семью европейских государств, действительно перейдя на более высокий уровень цивилизации. С помощью подарка в виде Польши^[1] Россия полностью оплатила свое ведущее участие в политике европейской системы, где она отныне не чужая. На наших глазах произошла удивительная трансформация: государство, прежде основанное, подобно азиатским деспотиям, только на военной добыче, заняло почетное место среди цивилизованных великих держав, став в силу внутренней необходимости частью целого. Затем Россия предусмотрительно поставила прочный барьер развитию своего будущего военного честолюбия на Западе и заглушила разрушительную энергию, направленную против собственной внутренней жизни, во всяком случае, против Кавказа. Отныне она может спокойно открыть себя цивилизации. Перерабатывая с помощью европейской культуры огромную массу сырого человеческого материала, прививая к дикому стволу достижения цивилизации, она постепенно поднялась до уровня самого могущественного государства в Востоке. Следуя за своим собственным предназначением, России суждено стать благословением и освободителем этой части света, где она простирается как колония Европы.

Примечания к тексту

- [1] Речь идет о русской политике в Польше после окончания Наполеоновских войн. На Венском конгрессе (1814–1815) большая часть Великого Герцогства Варшавского была присоединена к Российской империи под именем Царства Польского (3 мая 1815 г.), которое получило вполне либераль-

¹ Görres J. v. Die Heilige Allianz und die Völker auf dem Congresse zu Verona. Stuttgart: J.B. Weßlerischen Buchhandlung, 1822. 168 S.

ное конституционное устройство. Последовали прогрессивные реформы в области образования. В 1816 г. был учрежден Варшавский университет, основаны высшие школы: военная, политехническая, лесная, горная, институт народных учителей, увеличено число средних и первоначальных школ. В 1817 г. государственных крестьян освободили от многих средневековых повинностей. В 1820 г. барщина была заменена оброком. Благодаря своим либеральным настроениям император был необыкновенно популярен среди поляков. 5 (17) марта 1818 г. Александр открыл заседание сейма в Варшаве знаменательной речью, в которой выразил желание распространить действие Конституции Царства Польского и на русско-литовские области. Эта речь вызвала огромный положительный резонанс в Европе.

1824 год

К вопросу о протекторате над Европой Англии и России¹

Анонимный автор

Н двух окраинах Европы развиваются два знамени, одно — над сушей, а другое — над морем. Континент зажат между этими двумя полюсами, и каждый политический игрок должен в итоге примкнуть либо к одному, либо к другому знамени. Исключительное положение в мире, подлинная независимость пока еще принадлежат только этим двум великим империям. Несоразмерность их возможностей и сил других государств континента делают последних полностью зависимыми от них. Это обстоятельство не оставляет им иной свободы действий, кроме возможности выбора между двумя протекторатами. Никогда не говорили так много о независимости наций, и никогда этой свободы не было так мало, как теперь. В те времена, когда Рим был наиболее силен, все слабые и угнетенные бежали под его эгиду, ужасающую весь остальной мир. Римская империя была единственным открытым убежищем на всем земном шаре той поры. В наши дни мы имеем двойной протекторат. Правда, употребляемые образованными европейцами формы речи немного маскируют эту зависимость. Такие правители, как Дейотар^[1], больше не появляются в нашем горизонте. Сейчас зависимость скрывается под одеждой благодарной дружбы, откуда она заимствовала для себя общепринятые формы традиционного достоинства, но на заднем плане стоит неизбежное ежедневное иго. Одна из этих двух держав может лишить нас нашего богатства, другая — даже нашего существования. Одна ограничена своими первостепенными интересами, своими законами и обычаями, другая не знает ни одного из этих барьеров — ее внешнеполитические интересы едва только сформированы. Ее рожденные в Азии законы и обычаи еще отдают вкусом их полу-дикого отечества, где все зависит от воли самодержца, которому

¹ [Anonym.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland. Schmalkolden: bei Th. G. Fr. Barhagen, 1824.

нельзя давать советы, но который держит всех в узде и принимает решения в зависимости от собственных желаний.

Мне не нужно спрашивать читателя о том, что это за две державы, о которых идет речь, весь мир уже подумал об Англии и России. Существует еще два могущественных государства на континенте, Франция и Австрия; но они не сопоставимы с двумя первыми с точки зрения власти и независимости. Элементами этой независимости Англию и Россию наградила природа, когда отказала им во многом другом. Достаточно только обратить внимание на политическую ситуацию в Европе, чтобы сразу обнаружить робость остальных держав континента, с которой они при каждом незначительном деле спрашивают себя, что подумали бы относительно него в Петербурге и Лондоне? При каждом событии, прежде чем начать самостоятельно действовать, они ожидают предписаний, исходящих из одной из этих обеих столиц европейской политики. Во времена Наполеона вся Европа беспокойным взглядом следила за шагами, прислушивалась внимательным ухом ко всем словам своего повелителя. Сегодня изменилось только место действия, оно перенесено из Парижа в Петербург. Диктатором стал другой, но диктатура и ее гнет остались. Это положение во многом ново для исторических хроник Европы и даже для всемирной истории. — Протекторат над обществами, близкими друг другу в своем нравственном и гражданском развитии, оказался в руках двух держав, которые по своей прихоти вынесли принятие судьбоносных для европейских народов решений за рамки их территорий, их жизни и деятельности. Отныне право определять судьбу Европы принадлежит двум окраинным империям, образованным из элементов, почти полностью противоречащих друг другу, и на очень различных основах. — Генрих Великий^[2], еще более великий Густав^[3], Вильгельм^[4], Ришелье^[5], Оксеншерн^[6], могущественные и обладающие даром предвидения умы, разве ваши глаза могли разглядеть сквозь занавес будущего подобный результат ваших мудрых расчетов, с помощью которых вы стремились утвердить независимость государств в будущей европейской системе политического равновесия? Где теперь это равновесие? На одной стороне Европы возникла Россия, имя которой тогда еще даже не закрепилось в Европе. Скрытая за плотно сотканным занавесом варварства она незаметно превратилась в северного великана. С другой стороны Европы — Англия, которая в то время еще страдала от родовых схваток своего религиозного и политического возрождения и едва только пробовала свои силы на море, не помышляя ни об Индии, ни об Амери-

ке, сегодня своими сильными руками обхватывает весь мир. Герои Франции, чьи мертвые тела сегодня удобряют поля России, победительницы Великой армии! Эта страна должна двукратно тяготеть над вами, так как единственной достойной платой за вашу кровь было бы создание бастиона против серверного варварства, которого ожидала от вас Европа. Напрасные жалобы, время, благоприятное для свободных и полезных расчетов, уже далеко от нас.

Но если существуют эти две великие державы, то должны существовать также два великих соперника. Представьте себе две происходящие из одного общего источника реки, устремляющиеся иногда в параллельном, иногда в противоположном направлении, чьи соседствующие воды никогда не смешиваются. Именно так Англия и Россия раньше объединялись против Наполеона и разделялись своими собственными интересами. Могила Бонапарта стала исходным пунктом их разделения, и теперь бывшие союзники в битвах под Лейпцигом^[7] и Ватерлоо^[8] стали соперниками на все последующее время. Рим и Карфаген^[9] не относились друг к другу с большей ревностью, Цезарь^[10] и Помпей^[11] не делили более жестоко между собой город Ромула. Англия и Россия заняты тем, чтобы любым способом завоевать авторитет в глазах Европы и укрепить свои слабые стороны. Кажется, что мы слышим двух герольдов, которые с двух концов Европы оглашают свои взаимосоключающие предложения.

Сочинение, предназначенное служить руководством в выборе между этими услужливыми защитниками и представлять причины, которые лежат в основе образования такого протектората, в настоящее время представляется мне очень своевременным трудом. Оно возникло на основе требований, диктуемых существующими обстоятельствами. Оно возникло ни под влиянием горького чувства несправедливости, ни из благодарности за оказанную милость. Только не имея никаких личных интересов, я могу говорить беспристрастно. Я, немец, говорю сегодня от лица Европы, я рассматриваю ее самые насущные интересы, и этого достаточно, чтобы я мог беспристрастно высказывать свое мнение. Обещаю, что в своем исследовании я ни разу не отклонюсь от этого принципа общей объективности. Притом, что очень часто можно услышать о какой-нибудь книге, что это английское, немецкое или русское сочинение. Много людей пытаются заработать на том, чтобы отразить только одну тенденцию, словно они задолго предчувствовали такое развитие событий. То, что касается этого сочинения, то я уверен, что оно соответствует интересам всей Европы. Если

где-то возникает какая-либо сильная держава, то это напрасное предприятие и детский фарс — пытаться выражать свое недовольство этим фактом. Следует осторожно наблюдать за ее становлением, изучать ее особенности, где и как они действуют, как могут навредить или быть полезными, атаковать или защищать. Следует покончить с неизбежными воспоминаниями, которые всегда вызывают только горечь из-за прежних поражений. Мы не хотим уподобляться тем прусским и австрийским политикам, самое большое искусство которых на протяжении 50 лет состояло в том, чтобы желать и причинять друг другу всевозможные неприятности. Тот, кто руководствуется только ненавистью и злобой, заранее отказывается от разума и справедливости.

В этом деле я стремился только к роли надежного и беспристрастного рассказчика: читатели сами сделают выводы об истинных причинах происходящих процессов. Надеюсь, что мне удастся в этом непредвзятом исследовании дать полезное и беспристрастное описание всех составных частей еще мало знакомой нам Российской империи в сравнении с аналогичными частями империи английской. При этом я не имею намерения с помощью этого сочинения вызывать страх перед мощью России или поставить очередной памятник величию Англии, скорее это будет памятник европейской цивилизации, чьим продуктом и является эта держава. Англия может создавать и сохранять свою силу и благосостояние только на основе роста и распространения европейской культуры по всему миру. Пример Англии учит нас, что искусство быть счастливым состоит в том, чтобы делать другим только добро и следовать путем разума.

А что же есть Россия? Иногда в ней видят порожденную силой воображения волшебницу, которая взмахом своей волшебной палочки переносит нас из прелестного места в отвратительную пустыню. Представьте себе прекрасные дворцы, молодые и изящные существа, которые их населяют; огни, которые они зажигают с присущим им блеском; пастельные тона и прелесть зеркал, в которых они отражаются; картины удовольствия и счастья. Но вдруг все исчезло, все испарилось, осталось только одиночество с его унынием, тишиной и страхом: таков переход от Англии к России. Золотые реки, которые текут в Англии, искусства, которые собирают дань со всего мира, флаги, которые покрывают все побережье и моря, народ, пресыщенный всеми наслаждениями жизни, идущий в авангарде цивилизации, процветающий благодаря своей конституции, легко уязвимый в своих интересах, распространив-

шихся на весь мир, это все — здание империи буржуазного развития, требующего необходимого ограничения в использовании своей силы. Но вот весь этот мир исчез, и вместо него перед нами возникает пугающая беспредельная держава, до которой нельзя дотянуться рукой, которой невозможно противостоять. Здесь, как в древней Фракии, можно обнаружить только мечи, солдат и другие пугающие инструменты насилия, обращенные против Европы. Такой Россия предстает перед нашим взором, когда мы хотим представить себе эту колоссальную державу, которая в состоянии навязать миру особые отношения.

Земля

Каковы размеры территории России? Она занимает седьмую часть земного шара. Каковы ее границы? С севера — Северный полюс, с востока — Китайская стена, с запада — Австрия и Пруссия, с юга — горы и Азовское море, Кавказ, Черное море и Дунай. Польша — форпост этого страшного государства, только через нее можно въехать на исконную русскую землю, которая начинается за Двиной. Захват Польши проложил России вход в Европу: это дало ей возможность продвинуть свои арсеналы до границ Германии. До этого Россия была вынуждена доставлять все необходимое для ведения войны из сердца своего собственного государства, что сильно замедляло ее военные предприятия, делая их дороже и рискованнее. Теперь, вместо этого, благодаря владению Польшей, она может создавать свои поселения за Вислой и Бугом. Замосць^[12], Модлин^[13], Варшава, Бобруйск и другие места будут служить ей пограничной линией и для размещения армейских складов. Это максимально важный момент для России: нет сомнений в том, что Россия очень скоро превратит Вислу в свою естественную границу: эта река простирается от Карпатских гор до Балтийского моря. Каждое могущественное государство имеет непрерывную тенденцию, направленную на присвоение чужих территорий, время и случай ускоряют или замедляют этот процесс; но он все равно неумолимо движется вперед. Так, в конце концов, Финляндия была присоединена к России, Нормандия и Бретань — к Франции, а Венеция — к Австрии.

Со временем Висла по всему ходу своего течения станет русской границей. Среди всех бедствий, которые повлекли за собой разделение Польши, самым большим несчастьем являлось то, что Россия получила возможность перехода через Вислу, которая должна была служить России границей, а Европе защитой со стороны Германии.

Положение и современное развитие России показывают, что она больше не имеет среди соседей государств, политика которых внушала бы ей какие-либо опасения. Захват Финляндии освободил ее от соседства Швеции, ее соперника и постоянного надзирателя. Турция максимально ослаблена, она больше не кажется страшной, теперь скорее она сама должна бояться. Россия так глубоко вклинилась в земли прусского государства, от Одера до Немана, что она лишь одним движением может отрезать третью часть Пруссии от тела прусской монархии. Эта ситуация ставит Пруссию в подчиненное положение к России, что происходит из-за неравенства сил этих держав. Австрия, которая превосходит Пруссию по силе, тем не менее не является для России опасным соседом. Однако между этими двумя державами все еще господствуют большие разногласия. Австрия была издавна страной с плохо укрепленными границами, в частности против России, и этот недостаток в укрепленных границах порождает беспокойство и недоверчивое отношение к России и ее политике. Австрийцы опасаются, что она может начать вести войну, находясь в 50 милях от Вены, проникнуть в Моравию, откуда будет открыта прямая дорога на столицу. Ольмюц^[14] и Брюнн^[15] не в состоянии задержать русскую армию. Таким образом, соседями России отныне являются только робкие политики и дрожащие вассалы. При этом Россия уже защищена от остального мира своим климатом и протяженностью территорий. Время и пространство работают на нее. Перед ее снежными бастионами устало отступали все. Тени Карла XII и Наполеона слоняются как приведения вдоль ее границ и напоминают неосмотрительным политикам о том, что их ждет в этих злосчастных местах. Ужасное преимущество, которым снабдила Россию природа! Чего нельзя сказать о русском дворе, который может стать для нас наказанием. С какими силами, в какое время, и в каких пунктах русские захотят атаковать нас? Пространства этой страны так необозримы, что самая большая армия в мире, возглавляемая маршалами, наделенными талантом и смелостью, то есть вся страшная военная мощь Наполеона в конце похода на карте России была сравнима с кучкой муравьев, которые влезают на гору. Маленькая армия полностью бессильна против России: она исчезнет, как если бы ее и вовсе не существовало. Огромные пространства позволяют России избежать ударов нападающих, полностью изолировать их авангарды. В итоге: поддержка наступления отсутствует, снабжение армий затруднено. Вокруг — море песка; вечные ельники простираются до горизонта. Дикое население убегает или воору-

жается при виде иностранцев: обычаи, язык, пищевые продукты, все здесь является абсолютно другим, нежели в Европе, это совсем другой мир. Поздняя весна переходит в раннюю зиму; немногие пригодные для ведения боевых действий месяцы проходят прежде, чем армии достигнут границы. И если даже наступающим удастся углубиться в ее территории, то сильный, дующий в лицо северный ветер скует холодом руки атакующих и погребет под снегом все их усилия. Лед и метель, а также русские мстители, погружают наступающих в мертвое оцепенение. Все угасает, все умирает под ненастным северным небом: таковы обстоятельства, связанные с войной против России. Разве не сделала природа ее неприступной с моря и с суши, коль протяженность территорий и климат всегда готовы стать могильщиками для ее врагов?

Население

Население России не так изучено, как в других цивилизованных государствах: дикие орды, которые блуждают в огромных азиатских пустынях, на Кавказе и по Центральной России, пожалуй, невозможно исследовать полностью. Образ жизни этих народностей делает невозможным их более глубокое изучение, а также учет населения согласно существующим правилам. В России вообще для исследования населения можно использовать только документы, касающиеся подданных, принадлежащих к греческой церкви. Поэтому даже если ограничиваться европейским и польским населением России, то все же нельзя избежать опасности ошибиться, когда речь идет о 50 млн человек. Учитывая цель написания этого сочинения, а именно — исследовать соотношение сил России и Англии, было бы правильным также иметь в виду и Польшу. Так как какого бы происхождения не был русский солдат, все же, он составляет часть русской военной силы. И так как поляки повинуются воле русского правительства и следуют его приказаниям, а русские знамена ныне неотделимы от польских стягов, то из этого следует, что поляков следует включить в число населения России, от которого зависит русское влияние на Европу. Таким образом, мы будем принимать в расчет 50 млн человек, когда будем рассматривать основной состав русского населения. Именно оно обеспечивает влияние своего правительства в мире, и именно им мы должны заниматься.

Но при изучении данного предмета, который касается не только современного состояния, но и будущего, недостаточно ограничиться рассмотрением только нынешнего населения: нужно иметь в виду также и будущие поколения, для формирования которых

используются все средства в этом огромном государстве. Хотя оно едва ли будет процветать в области развития общества и гражданских прав. Их полное отсутствие не помешало России обеспечить себе тот огромный прирост населения, что определяет сегодня ее положение.

Перед нашими глазами — два великих примера. Сегодня Петербург, где еще менее ста лет назад стояли только рыбацкие лачуги, насчитывает 400 000 жителей. В Одессе, основанной менее сорока лет назад, численность населения достигает 50 000 человек, а через 100 лет в ней будут жить двести тысяч. Там все делается для того, чтобы воспроизводить собственное население и принимать эмигрантов. Крым, очищенный от опустошавших его пастбищ, разместил у себя население, состоящее в основном из переселенцев, современных крестьян, прельщенных возможностью использования плодородной земли в благоприятном для сельскохозяйственных культур климате и на прекрасном морском побережье. Погребенные под слоем поэтической пыли города Тауруса^[16] скоро поднимутся из руин и украсят собой новые берега, которые больше не запятнает человеческая кровь. Всюду, где можно распахать и засеять поля, способные прокормить семью, строятся дома, заключаются браки, рождаются дети. Степень наличия продовольствия определяет степень наличия населения, говорил доктор Мальтус^[17] и был совершенно прав, так как без пищевых продуктов нельзя жить и размножаться. В России обстоят дела так же, как и в Соединенных Штатах и в Ирландии. Россия в этом отношении пользуется всеми теми преимуществами, которые вызвали быстрый рост американского населения. Подобно Америке, Россия владеет беспредельными территориями, плодородной землей, массой больших рек и озер, то есть всем необходимым для роста населения. При общем взгляде на Россию часто не замечают массы особенностей принадлежащих ее территорий, которые порой не имеют между собой ничего общего. Если в политике еще возможен единый подход, но его не может быть при оценке естественных ресурсов: при имени «Россия» воображению сразу представляются льды и суровое небо, в то время как большая часть этой страны лежит в одной из самых благоприятных широт для всех видов производства, где произрастают все плоды Центральной Европы. Виноград для производства вина растет в Центральной России так же хорошо, как во Франции. Если когда-нибудь цивилизация с всеми сопутствующими ей преимуществами — искусством, наукой, торговлей, хорошей медициной — установит в России лучший образ жизни, и начнут пробуж-

даться новые ростки жизни, которые ныне варварство пока еще душит в зародыше, то мы увидим также бурный рост населения этой страны. Да и что может воспрепятствовать этому? Я не вижу никакой объективной причины. Поэтому именно с точки зрения неизбежного роста и дальнейшей миграции на сопредельные территории следует рассматривать русское население относительно Европы и попытаться понять, какое ежедневное бремя это развитие несет Европе. Очень легко объяснить прогрессивный рост прусского, английского, австрийского и французского населения, но также легко доказать, что этот прирост в силу неизбежных причин идет все медленнее: так как на территориях, где все площади уже заняты, для роста населения остается очень ограниченное пространство. В большинстве стран Центральной Европы уже почти нет возможности принимать новых переселенцев. Вместо этого прогресс знает только два народа, которым природой гарантированы средства к существованию, свободных от надоедливой соседства благодаря пустынным пространствам: их можно найти как в России, так и в Соединенных Штатах. Следовательно, русское население со временем может возрасти на 100 млн человек, так же должно возрасти, согласно расчетам, население Соединенных Штатов за 120 лет. Все движущие силы, которые имеет американский народ, присутствуют также у русского населения; но оба народа пойдут своим путем развития.

Цивилизация

Основная ошибка многих исследований в том, что они рассматривают состояние изучаемого ими предмета только в настоящее время, словно он должен был всегда оставаться неизменным и всегда сохранять свои современные нам свойства. Только безжизненные существа могут подчиняться этой логике. Но все, что думает, желает, действует и движется — лежит вне этого правила.

Правда, в России цивилизация еще находится в зародышевом состоянии, и поэтому я не могу много сказать о ее сегодняшнем развитии, но я попытаюсь показать, способна ли Россия воспринять все, что предлагает ей цивилизация? Несет ли она в себе уже сегодня ее явные признаки? И наконец, достигло ли государственно-правовое развитие России одного уровня с другими европейскими государствами? Нас интересует только это. Если из последнего исследования следует, что Россия уже теперь образована в достаточной степени, чтобы держать все остальные государства в равновесии, преимущественно в области ведения войны. Но

очевидно, что сильная армия — это не единственное достижение России. Как можно отказывать ей в положительных качествах, как сегодня, так и в будущем? Русский народ не меньше одарен природой, чем другие нации, он здоров душой и телом: военачальники и офицеры русских армий, которых война привела в наши края, ничем не уступали военным других европейских армий. Их внешнее и внутреннее развитие не имело никаких изъянов. В чем уступают многие русские путешественники, которые несут с собой в центральные районы Европы любовь к наукам или склонность к удовольствиям, народам, которые они посещают? Разве они не выглядят как коренные афиняне? Разве та богатая добыча, которую эти умные пчелы год за годом приносят в Россию, не оказывает благотворного воздействия на народ? Блестящий Петербургский двор; влюбленные в искусство русские правители, тщательное образование которых дало толчок для основания школ и университетов, которые повсюду встречаются в этом государстве; копирование самых совершенных образцов европейской культуры, путешествия и торговля, все эти могущественные рычаги цивилизации, которые объединяют Россию с остальным миром, постепенно вводят русских в число цивилизованных народов и со временем так разовьют духовные силы русского общества, что это неизбежно должно повлечь за собой буржуазное развитие. Гражданские свободы — это самое сильное стимулирующее средство для государств, и Россия, подобно другим народам, почувствует силу его острия. С его помощью она окончательно и полностью разовьет свои силы. И оставим в стороне те глупые речи, авторы которых, если говорят о России, обычно всегда имеют в виду только северных варваров: это и невежливо, и неразумно. Если бы Бог захотел, русские все еще оставались бы варварами, и тогда их по праву можно было так называть! Не их дикость пугает меня, а их образование. 80000 еще диких русских обратились в бегство около Нарвы^[18] под натиском 8000 шведов под предводительством Карла XII. Суеверный ужас русских, который выражался тогда самым варварским способом, возложил на святого Николая ответственность за их поражение. Несколько лет спустя под Полтавой^[19] вступили в бой цивилизованные Петром, знакомые с военным искусством, обученные на европейский манер опытные отряды победителей и сокрушительно разгромили своих собственных учителей. С этого времени они навсегда остались повелителями своих учителей и многих других народов. Дикие русские не вошли бы дважды в Париж, только их образование показало им дорогу. Рус-

ские, когда они были еще такими же дикими, как турки, не могли напугать Константинополь. Цивилизованные русские опрокинули трон султанов на их разбитый полумесяц. Поляки могли подчинить себе еще дикую Москву, цивилизованная Москва победила Варшаву. Во всех случаях речь идет об образовании в военном деле, которое позволило России сделать такие большие и угрожающие для Европы шаги.

Русская военная мощь

По ту сторону Вислы падает занавес, за которым очень трудно рассмотреть внутреннюю часть русского государства. По обычаям Востока, от которого Россия ведет свое происхождение и свои нравы, все правительство объединено в кабинете правителя. Говорит только он один, ничего не записывает и ничего не доводит до общественного мнения: в стране, где ничто не предается общественной огласке, приходится довольствоваться лишь одними догадками. Подобным же образом обстоят дела, если речь идет о русской армии. Согласно общепринятым догадкам и предположениям она насчитывает примерно миллион человек. Великая армия Наполеона не составляла и 800000. Но все же за неимением конкретных данных, можно вполне обосновано предполагать, что эта армия является огромной: и это все, что можно определенно утверждать по этому поводу. Она черпает рекрутов из населения в 50 млн человек. Ничто не связывает волю властителя в его требованиях, страна имеет в изобилии лошадей, как и все необходимое для удовлетворения военных потребностей. Рядовой состав силен, смел и предан командирам. Военачальники очень благоразумны: они вполне могут вести войну на европейский манер. Русские армии в полной степени впитали в себя европейскую военную науку, поэтому они могут представлять большую угрозу. В этом таится серьезная опасность для Европы. Сотня тысяч поляков, смелых и прекрасных солдат, которые многократно демонстрировали доказательства своего мужества, образуют конные разъезды этой страшной армии. Кроме того, существуют военные поселения, закрывающие русские границы. На войну работает вся страна. Русский солдат — это хорошо организованная и послушная машина, преданная своим командирам, среди которых большинство составляют немцы и французы. Как не вспомнить о Древнем Риме, который осуществлял захват мира, имея в своем распоряжении галлов и германцев, сражавшихся под предводительством римских полководцев.

Россия не имеет соседей, которые вынуждали бы ее рассредоточить свои силы вдоль границ, впрочем, они так велики, что их хватило бы на все. Она может выставить их в авангарде перед всей Европой. Россия может начать военное наступление в 40 милях от Берлина, в 50 милях от Вены, и чуть меньше — от Стокгольма. При этом самым европейским армиям не удастся напасть на Россию так, чтобы причинить ей ощутимый ущерб. Она не имеет ни морской торговли, ни колоний, не какого-либо другого уязвимого места. России не нужно наращивать силы из-за угрозы вхождения английского флота в Балтийское море. Ей не грозит бесполезное вооружение, потому что ей ничего не угрожает. Однако меня спрашивают, обладает ли Россия при этом здоровым и неуязвимым государственным телом? Не ждет ли ее здесь разочарование?

Русская система государственного управления

Искусство государственного управления всегда должно руководствоваться природой государства: так как Россия — это континентальное государство, то континентальной также должна быть ее политика. С Петра Великого до сегодняшнего дня русская политика не переставала базироваться на экспансии. Можно было бы сказать, что уже целое столетие ее кабинет состоит из одного и того же человека. Она постоянно преследовала одну и ту же цель, а именно методичное увеличение территорий: это упорство вывело Россию из азиатских пустынь в круг великих государств Европы. Благодаря своему постоянству теперь она простирается от Дуная до Северного моря. Петр Великий 100 лет назад осадил Азов. Теперь Россия владеет Крымом и всей Бессарабией. Татары, которые так часто опустошали Россию и так долго ее беспокоили, сегодня объявлены вне закона: они гонимы или поработаны, и принуждены вести оседлый образ жизни. Наконец, Финляндия была присоединена к России. Россия нуждалась в продвижении на континент, Польша была для нее препятствием на этом пути. Как во время сражений, так и в ходе душевных бесед императора Александра с Наполеоном, внешний блеск был на стороне последнего, а все более значимое — на русской стороне. Так как Наполеон потерял все, а Россия приобрела все, империя осталась ей. Ее непрерывное наступление привело Россию в центр Европы к воротам великих государств. Теперь она не может сделать и шага без того, чтобы не нарушить общий европейский порядок. Она хочет еще получить Молдову и Валахию, сейчас она может захватить эти княжества самостоятельно или в союзе с Австрией, как они это сделали с Польшей,

и отодвинуть свои внешние границы до Дуная. Этот последний шаг не причинит ущерба общеевропейскому благосостоянию и одновременно положит конец вечным спорам вокруг этих провинций, которые не помогают туркам и мешают Европе, не принося никому никакой выгоды. Но Европа ни в коем случае не может допустить, чтобы Россия перешла через Дунай. Все, что говорят о взятии русскими Константинополя, бессмысленно. При этом считают, что это событие вызовет в Европе всеобщую войну. С 1799 г. Россия пять раз вмешивалась со своими армиями в дела Центральной Европы. С тех пор она стоит во главе континентальной политики. Она имеет многочисленные семейные связи с немецкими дворами и таким образом оказывает на них большое влияние. Считают, что Россия не будет претендовать на территорию своих соседей. Но она требует для себя преимущественного влияния на европейский политический порядок и полного доверия к себе.

Если даже Россия не стремится стать завоевателем Европы, то все же она не может не стать ее властителем, и все происходящее доказывает это: Россия добилась полного триумфа на конгрессе в Вене. Как главный участник союза, разбившего Наполеона, Россия не могла быть отстранена от решения вопросов, которые должны были завершить его падение. Но после того, как это произошло, Европа должна была сплотиться и снова закрыться перед Россией, чтобы единодушно препятствовать любому участию в своих делах державе, которая не имеет здесь никакого непосредственного интереса, но может нарушить равновесие европейских государств в свою пользу. Главным упреком в адрес Священного союза является то, что Россия оказалась втянута в решение дел Центральной Европы. Мыслимо ли было призвать Россию выступить в роли судьи над Неаполем и Пьемонтом?^[20] Сегодня максимально важное дело для Европы — помешать тому, чтобы Германия стала воротами для русских армий. Необходимо сделать все, чтобы никто не открыл их, не призывал русских в Европу и не сделал европейским мировым судьей хозяина миллиона солдат, для какого пребывания в центральной Европе, наслаждение ее мягким климатом, ее изысканными плодами является желанной приманкой и самым заманчивым стимулом. Вряд ли русский император может пообещать своим слугам из Новгорода или Архангельска нечто лучшее, чем солнце и вина Франции, Австрии или Испании. Те, кто допустил Россию к подписанию актов на всех этих мирных переговорах, сами по доброй воле подписали акт передачи Европы под опеку России.

Я знаю, мне возразят, что Россия находится на большом удалении, что она не имеет денег на ведение войн, и что сегодня ею управляют умеренность и благоразумие в применении власти. Сегодня многие в Европе не хотят замечать колоссальной власти России, которая равным образом давит на всех. Но, во-первых, Россия с тех пор, как она завладела Великим герцогством Варшавским, находится вовсе не так уж и далеко. Она ближе к центру Европы, чем большая часть территорий прусской и австрийской монархии. Она — далеко от Испании и Италии, но не от Германии, и ее армии, которым не нужно постоянно держать врага за горло, могут быть размещены таким образом, чтобы большей частью быть направленными против противостоящей ей Европы. Сегодня Россия может разместить свои военные поселения на берегах Вислы, Буга, Нарева^[21] и Немана, перенеся их из центра страны. Во-вторых, хотя Россия, действительно, не богата золотом, но она в изобилии наделена всем, что можно купить за деньги. Она сверх меры обладает всем необходимым для ведения войны. Война кормила бы армию сама, так как тот, кто сильнее, как правило, захватывает золото своего более слабого противника. Кроме того, изобретение открытого кредита государствам, которые умеют для этого достаточные основания, дает возможность брать займы любые необходимые суммы. Кредит каждого государства соответствует совокупному объему товаров, то есть тому, что конкретное государство стоит. У большого, преобладающего над другими государства никогда не будет недостатка в необходимом для торговли кредите. Оно накладывает на своих подданных такое большое налоговое бремя, что дохода хватает не только для уплаты процентов, но также и для создания амортизационного фонда. Таковы нераздельные условия займа и кредитования, но также и его границ, так как государство, которое исполняет свои обязательства, никогда не будет принуждаться кредитором к возвращению долга. Таким образом, нельзя рассматривать отсутствие денег у России как препятствие для ее мощного развития; наоборот, чем больше она будет развиваться, тем больше она будет привлекать чужие деньги. В-третьих, умеренность в проявлении власти является чем-то настолько редким, что политика практически не допускает ничего подобного. Но для России было бы очень почетно, подать в этом пример другим государствам. Это было бы для нее тем достойнее, чем сильнее было бы искушение проявить свою власть: главное для нее не в том, чтобы быть сильнейшей державой, а в том, чтобы стараться быть самой справедливой и этим заслужить всеобщее уважение. Сила в своей дикой наго-

те должна стыдиться саму себя, поэтому она должна быть прикрыта внешним благородством. Но сила изворотлива и обманчиво привлекательна, и миллион солдат прикрывает массу ошибок своего правительства вопреки логике и прямоте.

Мы говорим в этом сочинении только о явлениях, а не о людях, о существующей конкретной державе, а не об изменчивых и временных намерениях правителей. Чтобы возвести эту великую державу на вершину, небо поставило на русский трон редкого человека, который сам создал часть своей империи. Поручительством в его действиях служат его добродетели. Европа сегодня полностью защищена благодаря внутренней силе этого человека. Но кто сможет ручаться в том, что его большая душа вместе со скипетром перейдет к его наследникам? Поручительство, основанное только на моральных качествах самодержца, не может много гарантировать, о чем с болью говорил император Александр госпоже фон Сталь во время их добродетельных и мудрых бесед: самые хорошие намерения не могут возместить недостаток хороших государственных учреждений. То, что сегодня делает один суверен, уничтожит завтрашний правитель. Чего будут стоить потом эти гарантии? Люди изменились, но держава осталась. Прежде она спала, но теперь будет разбужена. Прежде она охраняла, теперь она хочет атаковать, ранить, уничтожить: а затем будет использовать в своих интересах посеянные ей самой страхи. Вспомните о Петре III!^[22] Разве он начал не с того, что со всеми своими армиями встал под знамена Фридриха, которые Елизавета, кому Петр был обязан всем, презирала и беспрерывно побеждала? Не отплатила ли Екатерина неблагодарностью тому, кто возвысил ее до правительницы, отняв у него трон?^[23] А Павел I?^[24] Разве мог бы он противостоять фантастической идее превратиться в великого гроссмейстера Мальтийского ордена? Не создал ли он морской союз северных держав против Англии под влиянием и в пользу Франции, с которой он воевал годом раньше? Согласно этим примерам мы видим, как чрезмерная власть воздействует на своих носителей, и нам остается только надеяться на дальнейшее ограничение в ее употреблении. Это заложено в существе власти: она оказывает влияние на всех по ходу своего распространения. Она обманчива, она подкупает; она тянет за собой целый шлейф ужасных страстей, чтобы манипулировать вами, а потом извлечь из этого выгоду. Если вы обладаете властью, то всегда найдутся желающие, которые готовы одолжить вам все, чего вам не достает согласно вашей природе, чтобы соблазняться и сознательно обманываться.

Русское правительство

Государственная власть в России — дитя Азии, правитель полностью сосредотачивает ее в своих руках. Правит только его мысль, приказывает только его рот, все руки готовы ему служить по первому требованию. Будучи намного свободнее, чем какой-либо другой правитель, он может единовластно управлять всем, что повсюду в других европейских монархиях лежит за пределами границ верховной власти: до некоторых пор русский император сам устанавливал порядок наследования в своем государстве. Легитимность зависит от его воли и распоряжений, которые он в праве оставлять своим наследникам. Турецкий султан более ограничен законом своей страны: император России намного свободнее от любого давления, чем правитель Константинополя, которого сдерживает писанный закон, ниспосланный с небес, отмеченный духом его подданных, который составляет народный кодекс. В России нет ничего подобного. Когда-то у нее были свои стрельцы, похожие на янычар Константинополя, но она должна была их подавить и сознательно уничтожить. Конечно Россия, как и Турция, имела свои дворцовые революции, но официально управляющий ею сенат давит на верховную власть меньше, чем корпус улемов^[25] на султана. Образование до сих пор господствует в России только среди высших сословий. Средний класс, то есть многочисленные промежуточные элементы, которые в остальных странах Европы занимают нишу между главой государства, окруженным аристократией, и народом, еще не создан в России. Третье сословие здесь еще только нарождается, обычаи простого народа все еще остаются дикими. В России не существует никакого общественного мнения, никакого законодательно обязательного оповещения, никаких протестов и возражений, никакого признанного народом права. Идеи восточного деспотизма живут и претворяются в жизнь со всей строгостью: солдаты, рабские машины так сильно подавляют свободу жителей, как будто речь идет о насаждении политики иностранных порабощателей.

Таково русское правительство в том, что касается нас, европейцев: я имею в виду политическое руководство, которое неизбежно определяет и полностью формирует русскую империю, чье воздействие затем должна ощутить на себе Европа. Ясно, что от России не следует ожидать ничего, что касается развития общественной свободы в Европе. Наоборот — главный принцип ее правительства противоречит любой форме свободного развития. Мы видели это

в Троппау, Лайбахе и Вероне^[26]. Там все окончательно стало ясно, и с этого времени Россия, как двуликий Янус^[27], прикрываясь миролюбивыми фразами, держит открытыми ворота войны.

Выводы

Англия и Россия — это две преобладающие державы в Европе. Они осуществляют протекторат над всеми остальными европейскими государствами, от которого никто не может отказаться. Обе страны не могут быть атакованы на своей собственной территории.

Население Англии, несущее культуру и цивилизацию по всему миру, не может прирастать таким образом, чтобы стать обузой для Европы. Рост населения России может уничтожить Европу. Англия может лишить своих врагов части их богатств. Россия может прекратить само их существование. Англия самостоятельно не может ничего добиться на континенте. Россия плотно окружает его в нескольких местах и не может быть побеждена ни одним отдельным государством. И едва ли какой-либо политический союз государств мог бы противостоять ей.

Англия уязвима в своей торговле, и ее расширение вынуждает Британию заботиться о благосостоянии других государств. Россия не имеет внешней торговли, которая могла бы причинить ей большие убытки. Россия здесь может не считаться ни с чем, в отличие от Англии.

Англия видит цель своей политики в том, чтобы противостоять тем державам, которые могли бы или хотели бы занять преобладающее положение на континенте. Она стоит на страже свободы Европы. Россия является именно такой державой, стремящейся к господству, а также прирожденным врагом европейских свобод, и по своей природе она не может быть ничем другим.

Англия придерживается конституции, постоянно усовершенствуя свои институты. Россия — абсолютно деспотическая и азиатская страна. Англия признает роль общественного мнения и институты, предназначенные для создания прочной политической системы, ее развития, и даже для вмешательства в работу правительства, если оно ошибается. Россия управляется одним лишь самодержцем, его переменчивой природой и меняющейся волей, который ни в чем не встречает возражений или противодействия.

Англия благодаря своим институтам является покровительницей свободы, если бы человечество повсюду утратило свободу, оно нашло бы ее в Англии. Россия до сих пор все еще не знает слова «Свобода», а каждая попытка отстаивания права даже на мини-

мальное свободомыслие закончится ссылкой в Сибирь. Это — единственное, что в России могут сделать для человеческой свободы.

Европейцы, вы собственными глазами видите все отдельные части сложившегося сегодня протектората, я только обобщил факты. Я не одобряю и не осуждаю ни английскую, ни русскую партию, не являюсь их сторонником и не собираюсь им быть. Я имею только одно стремление — использовать сложившуюся ситуацию в интересах Европы. Вы не можете уклониться от влияния одной или другой державы. Вся ваша свобода ограничена только этим выбором. Тщательно взвешивайте все, что вы собираетесь предпринять. Этим нельзя играть, менять одно на другое, устранять по своему желанию, отбросить или принять снова. Здесь все прочно и надолго. Это иго, которое ложится на ваши плечи. Обратите внимание на это слово, так как оно определяет вашу участь. Пытайтесь предотвратить любой ценой ситуацию, при которой страна, которую вы населяете, стала бы для северной армии воротами в Центральную Европу. Будьте бдительны, чтобы безрассудный энтузиазм не привел вас под обманчивую защиту «*Furculae Caudinae*»^[28]. Воздержитесь от ненависти, но будьте всегда бдительны и осторожны, ваши взгляды должны выйти из тесного круга современной повседневности. Они должны быть устремлены в будущее. Думайте о будущих поколениях, они также имеют право на свободу. Думайте о свободе человечества, в ее недрах разгорается великая борьба за то, кем будет ощущать себя человек в новом мире. Ваше решение определит его окончательное место в цепи бытия: оно или лишит его собственного предназначения, или даст ему возможность исполнить то, что предопределил для него Создатель.

Примечания к тексту

- [1] Дейотар — царь Галатии, правивший в середине I в. до н. э., представляется автору наиболее ярким примером беспринципного политика, поддерживавшего более сильную сторону в любом противостоянии, даже ценой частичной утраты самостоятельности. С началом войн Рима с царем Понта Митридатом VI, Дейотар поддерживал римлян, стремясь всячески выказывать свою лояльность консулу Римской республики Гнею Помпею Великому. Последний в 65 г. до н. э. за оказанные Дейотаром услуги передал ему царство Малая Армения, восточный Понт с городом Фарнакия, земли у Трапезунда. Вместе с этим Дейотар получил от Помпея еще и значительную часть Галатии. С этого времени он стал главной опорой римлян в Малой Азии. Умело лавируя в политической борьбе за верховную власть в Риме, последовательно поддерживал сначала Помпея, потом Цезаря, а после его гибели — Марка Антония, благодаря чему сохранил и преумножил свои владения.

- [2] Имеется в виду король Франции с 1589 г., основатель французской королевской династии Бурбонов Генрих IV (Генрих Наваррский, 1553–1610) — автор идеи «общеевропейской христианской республики».
- [3] Густав III (1746–1792) — король Швеции с 1771 г. Представитель просвещенного абсолютизма, был одним из самых ярких правителей XVIII в. и последним действительно великим королем Швеции. Густав был первым среди монархов, кто оценил разрушительный потенциал Великой Французской революции и начал вести борьбу против якобинцев, пытаясь создать союз европейских монархий против революционной Франции.
- [4] Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027/1028–1087) — герцог Нормандии с 1035 г. под именем Вильгельм II и король Англии с 1066 г., организатор и руководитель нормандского завоевания Англии, один из крупнейших политических деятелей Европы XI в.
- [5] Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришельё (1585–1642) — кардинал Римско-католической церкви, аристократ и государственный деятель Франции, был государственным секретарем с 1616 по 1617 г. и главой правительства (главным министром короля) с 1624 г. до своей смерти.
- [6] Граф Аксель Густавссон Оксеншерна (Axel Oxenstierna, 1583–1654) — шведский государственный деятель, риксканцлер (1612–1654) при Густаве II Адольфе и его дочери Кристине. Его стараниями Швеция вышла победительницей из Тридцатилетней войны и достигла зенита своего могущества.
- [7] Битва под Лейпцигом (Битва народов, 16–19 октября 1813 г.) — крупнейшее сражение в череде Наполеоновских войн и в мировой истории до Первой мировой войны, в котором император Наполеон I Бонапарт потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции, при поддержке Великобритании.
- [8] Битва при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) — последнее крупное сражение французского императора Наполеона I. Битва явилась результатом попытки Наполеона вернуть себе власть во Франции, утраченную после войны против коалиции крупнейших европейских государств и восстановления в стране династии Бурбонов. В качестве противника Наполеона выступила Седьмая коалиция европейских монархов в составе России, Швеции, Англии, Австрии, Пруссии, Испании, Португалии.
- [9] Карфаген — финикийское государство со столицей в одноименном городе, существовавшее в древности на севере Африки, на территории современного Туниса. К III в. до н. э. он становится крупнейшим государством на западе Средиземного моря, став главным соперником Рима. Соперничество вылилось в Пунические войны — три войны между Римом и Карфагеном, продолжавшиеся с перерывами в 264–46 гг. до н. э. После Пунических войн против Рима Карфаген потерял свои завоевания и был разрушен в 146 г. до н.э., его территория была превращена в римскую провинцию Африка.
- [10] Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель, консул, диктатор, великий понтифик Рима с 63 года до н. э.
- [11] Гней Помпей Великий, или Гней Помпей Магн (106–48 гг. до н.э.) — древнеримский государственный деятель и полководец, консул Римской республики. В 60 г. до н. э. Помпей вместе с Марком Лицинием Крассом и Гаем Юлием Цезарем организовал первый триумвират — неформальное объединение трех ведущих политиков, оказывавшее решающее вли-

яние на римскую политику в течение нескольких лет. Распад триумvirата и сближение Помпея с сенаторами, настроенными против Цезаря, привели к началу новой гражданской войны. После поражения в битве при Фарсале он бежал в Египет, где был убит. Чрезвычайно известный при жизни, Помпей стал впоследствии восприниматься лишь как неудачливый противник победившего его Цезаря.

- [12] Замосць (Zamość) — город в Люблинском воеводстве Польши, около 240 км юго-восточнее Варшавы и 110 км северо-западнее Львова.
- [13] Модлин (Twierdza Modlin, русское название в 1834—1915 гг. Новогеоргиевская крепость) — французская, а затем российская и польская крепость XIX—XX вв. в 30 км от Варшавы, в месте слияния рек Вислы и Наревы.
- [14] Ольмюц (Olmütz) — город, расположенный в восточной части Чехии, в центре исторического региона Моравия на обоих берегах реки Моравы.
- [15] Брюнн (Brünn) — немецкое название города Брно в Чехии, в историческом регионе Моравия.
- [16] Имеется в виду Таврида — название Крымского полуострова у древних греков и римлян по имени обитавшего на его территории с I тысячелетия до н.э. племени тавров.
- [17] Томас Роберт Мальтус (Thomas Robert Malthus, 1766—1834) — английский священник и ученый, демограф и экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле. В частности, утверждал, что увеличение населения строго ограничено средствами существования и напрямую связано с ростом продовольственных ресурсов.
- [18] Битва при Нарве — одно из первых сражений Северной войны между русской армией Петра I и шведской армией Карла XII, состоявшееся 19(30) ноября 1700 г. у города Нарвы и окончившееся тяжелым поражением русских войск.
- [19] Полтавская битва — крупнейшее генеральное сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII. Битва состоялась утром 27 июня (8 июля) 1709 г. в 6 верстах от города Полтавы. Разгром шведской армии привел к перелому в Северной войне в пользу России и в результате к ее победе и к концу господства Швеции в Европе.
- [20] Речь идет о революциях 1820—1821 гг. в Неаполе и Пьемонте, главную роль в подавлении которых сыграла Австрия, а не Россия. В июле 1820 г. в Неаполе в одном из полков было поднято восстание, которое вскоре распространилось на все Неаполитанское королевство: король Фердинанд IV вынужден был согласиться на введение конституции. Конгрессы Священного союза в Троппау и Лайбахе под давлением России и Австрии в конце 1820 — начале 1821 г. приняли решение о вмешательстве в неаполитанские дела и об интервенции. В феврале 1821 г. австрийская карательная армия вступила на территорию Италии, 23 марта она заняла Неаполь. Во время вторжения в Неаполитанское королевство, в марте 1821 г., вспыхнула революция в Пьемонте. В апреле 1821 г., несмотря на сопротивление верных революции полков, австрийские войска вступили в Пьемонт и восстановили абсолютистский режим.
- [21] Нарев — река в западной Белоруссии и северо-восточной Польше, правый приток Вислы.

- [22] Петр III Федорович, урожденный Карл Петер Ульрих (Karl Peter Ulrich von Schleswig-Holstein-Gottorf, 1728–1762) — племянник бездетной императрицы Елизаветы I, сделавшей его своим наследником, российский император с 1762 г. Среди главных спорных моментов царствования Петра III является фактическое аннулирование им итогов Семилетней войны. Оказавшись у власти, Петр III, не скрывавший своего преклонения перед Фридрихом II, немедленно прекратил военные действия против Пруссии, которые очень успешно вела Елизавета. Он заключил с прусским королем Петербургский мир на крайне невыгодных для России условиях, вернув завоеванную Восточную Пруссию, которая к тому моменту уже четыре года как являлась составной частью Российской империи. Таким образом он отказался от всех приобретений России в ходе Семилетней войны, практически выигранной ею.
- [23] Имеется в виду Петр III, который после полугодового царствования был свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену, Екатерину II, и вскоре лишился жизни.
- [24] Павел Петрович (1754–1801) — сын Екатерины II и Петра III, император Всероссийский с 1796 г., 72-й великий магистр Мальтийского ордена с 1798 г. После того, как летом 1798 г. Мальта без боя сдалась французам, Мальтийский орден остался без великого магистра и без резиденции. Рыцари ордена обратились за помощью к Павлу I, который годом ранее объявил себя защитником Мальтийского ордена и 16 (27) декабря 1798 г. был избран его великим магистром. Захват 5 сентября 1800 г. британским флотом стратегически важного острова Мальта, который Павел I в качестве великого магистра Мальтийского ордена считал подчиненной территорией и потенциальной средиземноморской базой для русского флота, был воспринят им как личное оскорбление. По его инициативе 6 (18) декабря 1800 г. был подписан направленный против Англии Союзный договор между Россией, Пруссией, Швецией и Данией. В отношении Англии была провозглашена политика вооруженного нейтралитета. Началась подготовка к заключению военно-стратегического союза с Бонапартом. Таким образом, заботясь об интересах мальтийских рыцарей, Павел поставил Россию на грань войны с Британией.
- [25] Улемы — собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама, противопоставляли себя философам и суфиям, подразделялись на сообщества по профессиональным занятиям и принадлежности к богословско-правовым школам. С XVI в. улемы постепенно превращаются в единую социальную силу. В Османской империи была учреждена должность официального главы улемов, которым являлся муфтий Стамбула, носивший титул шейх-уль-ислам.
- [26] Речь идет о конгрессах Священного союза, происходивших в Троппау, Лайбахе (1820–1821) и Вероне (1822). По сути, конгресс в Лайбахе стал продолжением конгресса в Троппау и явился следствием революционных событий в Неаполитанском Королевстве. На конгрессе присутствовали Франц I, Александр I, Фридрих Вильгельм III, а также ряд других дипломатических представителей. Главным вопросом на конгрессе в Вероне была подготовка французской интервенции с целью подавления революции в Испании. На конгрессе присутствовали Александр I, австрийский

император Франц II, прусский король Фридрих Вильгельм III, а также итальянские государи и многочисленные дипломаты.

- [27] Янус — в древнеримской мифологии — двуликий бог, изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны — к прошедшему и будущему.
- [28] *Furculae Caudinae* (Кавдинские вилы) — латинское название Кавдинского или Каудинского ущелья в Южной Италии на левом берегу реки Вольтурно в провинции Казерта в Кампании, где в 321 г. до н.э. произошла знаменитая Битва в Кавдинском ущелье (*Battaglia delle Forche Caudine*) — одна из трех важнейших битв Второй Самнитской войны, закончившаяся самым сокрушительным поражением, которое понесли здесь римляне от армии самнитов, древнего итальянского народа.

1824 год

**Политическое завещание императора
Наполеона в сравнении с политическим
завещанием Петра Великого, императора
России¹**

Анонимный автор

Император Наполеон оставил после себя довольно большое имущество. Все годы он откладывал деньги на свой гражданский лист^[1], и так как он правил Францией 10 лет, то сумма, которую он собрал, будучи императором, может составлять 10 млн франков^[2]. Основным наследником — его сын, и имущество, которое он наследует, находится в английском банке. Следующее завещание, которое, кажется, тоже не является полным, находится в редакции английской газеты «The Times». В этом завещании Наполеон распределяет 10 млн в пользу своих верных слуг. Еще одно завещание Наполеона также известно не полностью. Его он написал в последние девять дней своей жизни, что следует как из текста самого завещания^[3], так и из шести дополнений к нему. Граф де ЛасКаз^[4] пожелал предать его огласке. По слухам, Наполеон завещал все вещи, которыми он владел на острове Святой Елены, графам Бертрану^[5] и Монтолону^[6]. По преимуществу это — серебряная посуда и севрский фарфор большой стоимости. Наследники еще не получили деньги, которые хранятся у парижского банкира Лафитта^[7]. Также известно, что французское и английское правительства будут препятствовать выплате денег. Судя по всему, количество завещаний Наполеона, информация о которых время от времени будоражит общественное мнение Европы, гораздо больше, чем было принято думать первоначально. Мы же, со своей стороны, хотим предложить вашему вниманию, дорогой читатель, не материальное, а духовное завещание Наполеона, где речь идет не о накопленном имуществе, а о его мыслях, проливающих свет на недавние собы-

¹ [Anonym.] Des Kaisers Napoleons politisches Testament im Vergleich mit dem politischen Testament Peters des Großen, Kaisers von Russland. Leipzig: Verlag der Ernstischen Buchhandlung, 1824.

тия, потрясшие мир, и об идеях, которые великий человек мог бы завещать последующим поколениям.

* * *

«Когда я рассматриваю положение европейских государств и сверяю его с характером их правителей и мнением их народов, то я предвижу будущую судьбу каждой державы, которая, очертя голову, стремится ей навстречу, забыв, что судьбы можно избежать только с помощью мудрости. Над Европой плывет множество предгрозовых облаков, и шторм может разрушить до основания все здание, которое с таким большим напряжением было вновь отстроено из старых и новых материалов, что новые угрозы ставят под вопрос его прочность.

Я вижу, как на Великобританию надвигается большой кризис; так как ни одно государство не может существовать там, где противостоят друг другу нищета и богатство, и где обнищание продолжает расти. Свыше 900 млн фунтов стерлингов национального долга разоряют нацию, а слепой произвол, который за последние 30 лет достиг значительного прогресса, возмущает просвещенную часть населения. Жестокие и кровавые законы не сохраняют государство, жители которого приучены к размышлению. Богатые слои могут быть опорой государства в затратных войнах, так как с помощью кредитов и растущих цен могут достичь всего, что пожелают. Но в условиях мира, который приносит им недостаточно прибыли, они являются опасными врагами правительства, которое всегда пускается в рискованные авантюры, пытаясь захватить мировые рынки, где другие народы тоже хотят получить свою долю прибыли. Любое неожиданное потрясение может лишить Британию ее колоний в восточной Индии. Так как это неестественно, что от 70 до 80 млн. человек в удаленной стране поработены кучкой торговцев, которые высасывают из них все соки. Великобритания, как остров, защищена от штормов континентальной Европы, и все же она вмешивается во все дела континента. Не всегда к пользе, еще меньше к благу последнего. Она никогда не сможет быть материковой державой. Армия от 50 до 60 000 человек, как бы велика она не была, никогда не сможет оказывать значительное влияние на континент. С помощью денег она может создавать кратковременные коалиции, но любой шторм разрушит их снова. Лорд Кастлери^[8] в угоду коалициям европейских монархов мог поставить на карту благо Англии. Если бы английский кабинет направил в Вену дру-

гого посланника, когда решалось послевоенное будущее Европы, то мирные условия были бы сформулированы на совсем других принципах, чем это было сделано. Активное расширение торговли и окончательный отказ от всех честолюбивых планов, связанных с континентом, являются единственными средствами спасти Англию от затруднений ее современного положения. Это своеобразная держава: она приобрела все и все потеряла.

Франция — это вулкан, извержение которого можно будет предотвратить, только если правительство сможет разделить интересы революции. Только так оно могло бы научиться мудрости, приобрести решимость, чтобы забыть прошлое и укрепить современное состояние страны хорошими законами. Нынешнее правительство Франции боится стать национальным правительством, а потому удаляет из своих рядов все больше людей, которые могут руководить государственным кораблем в условиях шторма, мужественно преодолев непогоду революции. Все французы, кроме пары тысяч эмигрантов, разделяют новые идеи, привержены новым интересам и готовы отдать за это тело и душу. Если Бурбоны имели неосторожность доверить государственный корабль эмигрантам и их ставленникам, то им следует быть готовыми к тому, что этой команде вряд ли удастся провести корабль среди утесов и не сесть на мель. Французы — это слишком просвещенный и активный народ, чтобы их могло радовать правительство, которое опирается на кастовый дух и отвергает всех толковых людей, не разделяющих его заблуждения и пагубные принципы. Если еще раз разгорится борьба между старым и новым, то ответ на вопрос: на чьей стороне будет победа? — ни на мгновение ни у кого не вызовет никаких сомнений. Тому, кто имеет наиболее ясную голову и наибольшую решимость, судьба уготовила победу.

Король Испании Фердинанд VII^[9] живет в своем слишком отдаленном от современности времени, чтобы ему были близки идеи его народа. Он делает то, что должен, и так как он всегда упускает благоприятный момент, то он накапливает вокруг себя опасности, которые вряд ли может разрешить простой смертный, даже обладающий самыми большими талантами. Его народ уже 13 лет проходит такую суровую школу, как ни один другой, и ему хорошо знакомы преимущества свободы. Поэтому любое выступление против нее опасно. Гордый и смелый испанец отважился начать войну с французами, когда за ними еще следовала слава непобедимости. Да и как он мог склониться перед державой, которая не сравнима с ним ни в романском духе, ни в неистощимом мужестве?

Испанец не боится ничего, в том числе угроз и террора, и готов ко всему, лишь бы сохранить введенную в 1812 г. конституцию.

Португалия установила знамя свободы^[10], единственная среди своих соседей, но народ, захваченный собственным политическим возрождением, слишком часто рискует всем. Но еще более рискованно пытаться помешать ему в его предприятии. Вулкан, который встречает сопротивление, возрастает в силе и разрушает все препятствия на своем пути. Португалия воспитала государственных деятелей, как воинов, и политическое возрождение Европы ускользает благодаря решимости Испании и Португалии.

Народы Италии тоже уже сильно отличаются от того, чем они были 30 лет назад. Чужое господство им не нравится, и деспотизм им также мало нравится, как одержимость священнику. Достаточно одного толчка и итальянцы воспаляются как их вулканическое отечество. Опасный огонь тлеет пол пеплом, и если даже чужестранцам удалось его подавить^[11], то это только на одно мгновение. Карбонарии в Италии были моими самыми опасными противниками. Их цель — независимость отечества от господства иностранцев, и внедрение умеренной свободы при конституционном устройстве. Итальянец больше не напоминает себя прежнего, и это рискованная игра — отказывать ему в том, что все рассматривают как необходимость и потребность свободного человека.

Немцы — это честный и свободолюбивый народ, и я находил в нем врага, который во имя свободы отечества совершал невероятные вещи благодаря разуму, мужеству и упорству. В политических институтах немцы не могут отставать от своих соседей, если они не хотят стать их добычей, и немецкий народ, который живет с идеями истины и права, никогда не сможет долго выносить позор иностранного подавления. Он владеет слишком многими знаниями, чтобы быть рабом, и имеет слишком большое отвращение к несправедливости, чтобы соглашаться на преступные предприятия. Если бы ему не препятствовала сила нескольких великих держав, то у немцев уже давно были бы введены все институты, которые время делает безотлагательно необходимыми для Европы. В Германии быстро знакомятся со всем новым и уважают чужой опыт, поэтому можно надеяться, что вследствие этого немцам удастся ускользнуть от многих штормов, которые неизбежно возбуждает стремление к политическому возрождению.

Сегодня Россия является самой большой державой в Европе, и ее борьба с французами в 1812–1814 гг. продемонстрировала ее силу больше, чем когда-либо. Русские — это самый бесстрашный

народ в Европе; их военные подразделения обладают большей моральной силой, чем любая другая армия. Франция и Англия не имеют таких военных преимуществ. Француз, став солдатом, с тоской и неохотой покидает лучшую из стран, чтобы направиться к месту своей службы, а англичанин нигде не чувствует себя лучше, чем в своем отечестве, так что только отбросы нации дают себя завербовать в английскую армию.

Турция — это держава, чуждая Европе, и, возможно, не далек тот час, когда турки будут вытеснены из этой части света. Беззаконие, деспотизм и чума приближают их закат, и все великие державы Европы готовы действовать, чтобы получить что-нибудь из большого наследства Османской империи.

Швейцария, Швеция, Дания и королевство Нидерланды следуют за импульсом, который посылает им остальная Европа, и судьба, которая заставила революцию путешествовать вокруг континента, более или менее коснулась и их, судя по тому, насколько их конституционное устройство соответствует господствующим в Европе идеям свободы.

Всем остальным я желаю оставить себе кое-что из моего наследия. Я завещаю властителям, которые были проклинаемы своими народами, мое властолюбие. Они должны получить мою жажду к захватам, которая является родовой чертой человечества. Я убежден, что они не смогут причинить много зла, так как другие монархи повсюду будут с большой настороженностью и недоверием следить за их действиями, а также потому, что для всякого рода деспотизма в Европе скоро пробьет последний час.

Мою страсть — в многих вещах подражать повелителям старых монархий, вводить смешные придворные этикеты, учреждать ордена, которые слишком часто получали пустые головы и толстые животы, бездельники, предатели и лстецы. Я завещаю их маленькому народцу при дворе, который не знает, что делать со своим временем, отрицает Бога и человечество и является гнойной язвой на теле народов. Мои специальные суды и другие подобные чрезвычайные институты, которые не принесли мне никакой пользы, а только возбудили ко мне всеобщую ненависть, должны наследовать господу полицейские, или как все эти люди теперь называются. Они не ведут долгого расследования и часто осуждают по одному лишь подозрению, или из пустого предубеждения. Такие люди могут нанести меньше вреда своими чрезвычайными мероприятиями, если о них все узнают. Мое безразличие ко всему пристойному и мою ярость против тех, кто возражал против

моей воли, должны получить лизоблюды, которые охотно придают себе важный вид, хотя им не достаёт чести, уважения и власти. Если даже они преуспеют в этом, мир все равно смеется над ними, поэтому им не удастся больше сделать ничего дурного! Я завещаю мою неутомимую деятельность правителям, которые усердно создают лучшие условия для своего народа и которые видят свое достоинство и счастье во благе своих подданных. Если с помощью благоразумных людей они учредят мудрые законы и полезные учреждения, они будут в состоянии осуществить все те благотворные преобразования, в исполнении которых мне слишком часто препятствовало бурное время и злая воля людей. Свободолюбивые идеи, врагом которых я по-настоящему никогда не был, я завещаю правителям, которые, помня о своем высоком предназначении, хотят заслужить уважение простых обывателей и благословение последующих поколений.

Внедрить в жизнь мои стремления, полезные идеи, и то, к чему мыслящие люди приходят после длительных размышлений о пользе наук и искусств, я завещаю властителям, которые хорошо понимают нужды своего отечества и не имеют никаких других намерений, кроме роста благосостояния своих народов. Мою решимость и быстроту действий, все, что ведет к цели, должны наследовать правители, которые отличаются справедливостью и мудростью. Я завещаю мою любовь к нововведениям в наследство государственным деятелям, которые не могут оторваться от старины, хоть это нерационально и неправильно, которые воображают, что только старое хорошо, а новое ни на что не годится, и боятся любого нововведения. Благодаря моему завещанию они достигнут то, что упустили; они будут учиться постигать простую истину, что каждый человек существует прежде всего для своих современников. Больше государств погибло из-за приверженности к отжившей старине, чем из-за нововведений. Наконец, я завещаю мое счастье обывателям всех наций, которые хотят добра и прилежно делают все для этого, а мое несчастье тем, кто стремится обманывать народы и возвыситься за счет справедливости».

* * *

Таково политическое завещание великого человека, основанное на его размышлениях и опыте. Какие же выводы для себя мы можем сегодня сделать? — Любое государство на протяжении своего существования в отношениях с другими государствами сле-

дует определенным принципам, которые почти всегда служат ему руководством к действию и определяют его положение в мире, отношения с соседями и изначально внушенные его правительству стремления. И нет более надежной опоры для любого народа, чем его собственное государство. При этом оно всегда стремится к большому расширению своих территорий, и если этому пока установлены барьеры, то оно стремится усилиться с помощью межгосударственных союзов. Эта страсть к расширению является источником многих кровавых войн. И пока стремление к экспансии не только не прекращается, но, наоборот, постоянно возрастает, до тех пор внутренние государственные институты не будут служить насаждению нравственности в обществе, а сохранение мира между народами будет всегда основано только на страхе перед бедствиями, которые производит война. Если исчезнет это опасение и возникнет уверенность, что можно будет безнаказанно удовлетворять свое стремление к увеличению территорий, то войны часто будут начинаться без всяких оснований и почти всегда без законных причин.

Захват чужих территорий является главным первородным грехом больших империй, которым недостаточно просто обладать силой, пока вокруг них еще существуют другие независимые государства. Они находят себе прибежище частично в хитрости, частично в давлении власти, и все искусства риторики будут сведены к искусству уговоров, чтобы побуждать слабых к союзам, которые часто являются ничем иным, как согласием подчиняться. Поэтому в мире господствует постоянный страх, и даже если властители маленьких государств стараются действовать осторожно и умно, то все же часто вопреки всем своим усилиям они падают в пропасть и гибнут. Страсть к расширению территорий ведет только к росту физического насилия, часто не заботясь о том, чтобы воздействовать на область духа и достичь той нравственной силы, которая побеждает все другие препятствия. Захватчики боятся силы духа и верят, что просвещение препятствует укреплению их государств, даже если оно уже обеспечило им долгосрочное существование.

Пройдут века, и будущие историки назовут господствующими инстинктами для каждой империи не только принцип самосохранения, но и стремление к расширению территорий. Одни властители видели свою цель в территориальной экспансии, другие заключали в объятия всех, кто приходил с ними в соприкосновение. Они присоединяли отдельные провинции своих соседей. Если они поглощали все государство сразу, и то заставляли своих

соседей беспокоиться за их дальнейшее существование. Принцип этого вида экспансии нарушает международные правовые нормы и вызывает всеобщее осуждение. Он возмущает умы и посягает на сохраняющие мир основы. Политика, которая рассчитывает на долгую жизнь плодов своего труда, должна основываться на всеобщей законности вместе с уважением прав каждой личности. Она не может посягать ни на малое, ни на большое государство и должна тщательно избегать любого нарушения их прав. Если она не делает этого, то тогда все, что было создано ею с любовью, будет разрушено первым же штормом. Все государства — это субъекты права, которые имеют неотчуждаемые права. Это — свобода, независимость и равенство. Эти права должны свято почитаться всеми. Только таким образом будут сохранены государства, воцарятся безопасность и мир, будут осчастливлены народы и обеспечена прочность престолов.

Государства Европы облагораживаются, когда они соответствуют желаниям своих граждан, если они отказываются от стремления к экспансии и избегают любой войны, которая не является оборонительной войной. Они укрепляются изнутри, когда пробуждают уважение к себе за пределами собственных границ. Но, кажется, вопреки всем печальным примерам, которые демонстрирует нам экспансия, мы еще не пришли к тому, чтобы направить все свои силы только на использование внутренних ресурсов. Снова и снова мы готовы бежать за фантомами и не хотим слышать того, что нам говорят историки прошлых и новых времен. Поэтому политика Наполеона вышла за внутренние пределы государственных границ. Пока он обладал Францией, он регулярно нарушал все ее юридические принципы. Тем не менее этот человек имел очень верные взгляды на все, что касается стремлений отдельных государств к экспансии, и, поэтому мы хотели бы привести несколько его замечаний предупреждающего характера.

«Русские, — писал он, — перестают быть жалкими рабами и становятся свободными людьми, как только они покидают Россию. Их состояние улучшается. Они начинают пользоваться всеми преимуществами, которых они никогда не смогли бы получить в своем отечестве. Поэтому император Александр может мобилизовать многочисленные армии, чтобы в любой момент вывести их за пределы своих границ. Русским ничего не помешает установить свое господство над Европой, если на то будет воля Александра. Захват Константинополя всегда был его главным желанием, и он знает, что Австрийская монархия готова поддержать его в этом

намерении, как только он гарантирует ей владение некоторыми пограничными провинциями. Поэтому Турция не имеет никаких других союзников, кроме Англии и Франции. Когда-то я заявлял Александру о том, что я, Бонапарт, никогда не соглашусь с тем, чтобы греческий крест украшал корону русского царя. Поэтому моя война против России (1812) должна была бы быть популярна у народов Европы. Это была война здравого человеческого разума и здоровых общественных сил, спокойствия и безопасности для всех, необходимая для сохранения мира в Европе. Счастливый исход войны разогнал бы все опасности нашего времени и утвердил бы на их месте спокойное будущее. При этом я совершенно не имел никаких честолюбивых намерений. В то время как я восстанавливал Польшу, этот верный ключ от всех кладовых Европы, король Пруссии, эрцгерцог Австрии или любой другой правитель мог взойти на польский трон, я не претендовал на него. Я оставлял за собой лишь славу благодетеля и благословение будущих поколений. Но можно ли было предположить, что я найду при этом свою гибель? Вдруг газеты подняли всеобщий крик против меня. Меня называли тираном королей, меня, который, напротив, укрепил прочность их существования. Кричали, что я был разрушителем гражданских прав, я, который так много сделал для народов, и хотел еще так много сделать в этой сфере! Народы и короли объединились против меня как мои непримиримые враги. Никто не хотел принимать во внимание остальные мои действия; народы и короли, вероятно, еще будут сожалеть обо мне».

Почти в каждом из больших правительственных кабинетов находятся сочинения, в которых описываются политические стремления различных государств, или тайные документы, предписывающие их правительствам делать все, чтобы занять определенное положение на международной сцене. Такие документы известны в Австрии, Франции и в некоторых других великих империях. И если Россия в этих документах издавна демонстрировала стойкое стремление к экспансии на Запад и Юг, то причину этому следует искать в политическом завещании Петра Великого^[12], которое мы здесь хотим огласить. Оно было опубликовано в сочинении: «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия»¹ (Париж, 1812), автор которого — господин Лезюр^[13]. Уверяют, об этом писал сам Лезюр, что в частных

¹ М. L[esur]. Des progrès de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Paris, 1812.

архивах русских императоров находятся тайные инструкции, которые собственноручно написал Петр I, и где он совершенно откровенно описал проекты, безотлагательное осуществление которых он рекомендует своим наследникам, и последние добросовестно исполнили многие из них. Граф де Сегюр^[14], бывший французским посланником при русском и прусском дворах, возможно, был знаком с этими проектами, когда писал о том, что не Екатерина II была автором греческого плана^[15], который стал основной целью ее политических предприятий. Петр Великий был первым, кто считал этот план выполнимым, и с этого момента Петербургский кабинет никогда не упускал его из вида.

Представленный на суд читателей документ относится к условиям и намерениям России относительно Турции, Польши, Швеции и других соседних стран. Основные его моменты таковы:

1. Не следует пренебрегать ничем, чтобы придать русской нации европейские формы жизни и обычаи; с этой целью нужно стремиться привлечь к себе различные дворы, особенно образованную Европу, либо с помощью обещаний личной выгоды, либо с помощью деклараций человеколюбивых принципов или другими способами, лишь бы они содействовали достижению этой цели.
2. Нужно поддерживать государство в постоянном состоянии войны, чтобы сделать солдата более воинственным и всегда держать нацию в готовности выступить по первому знаку ее императора.
3. Необходимо всеми средствами расширять свои пределы к северу на Балтийском море, и к югу вдоль Черного моря. Таким образом:
4. Необходимо разжигать и поддерживать ревность Англии, Дании и Бранденбурга в отношении Швеции; тогда эти державы закроют глаза на захваты шведских территорий, чтобы, в конце концов, полностью подчинить эту страну себе.
5. Необходимо привлечь Австрийский дом посредством идеи изгнания турок из Европы и под этим предлогом постоянно держать в готовности регулярную армию; на берегах Черного моря необходимо основать верфи, все время продвигаясь вперед, достичь Константинополя.
6. Необходимо поддерживать анархию в Польше, оказывать влияние на ее сеймы, особенно на выборы ее королей, при каждом удобном случае раздроблять ее и, наконец, подчинить себе.
7. Необходимо заключить тесный союз с Англией и посредством выгодного торгового договора поддерживать с ней тесные

связи; даже позволить ей пользоваться некоторой монополией торговли внутри России, благодаря чему незаметно возникло бы доверительное знакомство между английскими коммерсантами и матросами и местными жителями, что в итоге содействовало бы совершенствованию и увеличению русской морской державы. Необходимо также достигнуть господства на Балтийском и Черном морях. Это — основная задача, от которой зависит удача и скорость выполнения этого плана.

8. Петр I настрого приказывает всем своим наследникам не упускать из внимания истину, что торговля с Восточной Индией является основой мировой торговли и что тот, кто сможет единолично распоряжаться ею, станет истинным властителем Европы. Поэтому нельзя упускать ни одной возможности для возбуждения войны с Персией, чтобы ускорить ее упадок, продвинуться вперед до Персидского залива и приложить все старания для восстановления прежней восточной торговли через Сирию.
9. Необходимо вмешиваться любой ценой, частично силой, частично хитростью, во все раздоры Европы, особенно Германии, и поэтому:
10. Необходимо стремиться поддерживать постоянный союз с Австрией и лестью разжигать ее страсть к господству; пользоваться малейшим влиянием на нее, чтобы вовлекать ее в опасные войны и таким способом постепенно ослаблять ее. Иногда даже оказывать ей содействие, но, не прекращая, тайком создавать ей врагов по всей Европе, особенно в Германии, возбуждать против нее ревность и недоверие со стороны других правителей. «Достичь цели будет тем легче, — говорил Петр Великий, — что этот дом уже многократно стремился к господству в Европе. Каждый раз, когда он будет делать очередную попытку, мы будем отнимать у него несколько провинций, которые окружают Венгрию, и, наконец, присоединим последнюю к нашей империи в качестве компенсации».
11. Необходимо всегда избирать жен для русских великих князей среди немецких принцесс и таким способом умножать семейные связи, чтобы увеличить наше влияние в этой империи.
12. Необходимо пользоваться религиозным влиянием на православных греков, которые распространились по Венгрии, Турции и в южных частях Польши, привлекать их к себе всеми способами, заставить всех считать себя их защитниками, чтобы добиться права на духовное господство над ними. Под этим

предлогом и при их содействии будет покорена Турция, а Польша, которая больше не сможет сопротивляться ни с помощью собственных сил, ни с помощью своих политических связей, сама падет перед нами.

13. Отныне дорого каждое мгновение. Необходимо будет тайком привести в готовность все батареи, действовать упорядоченно и осторожно, а потом быстро нанести сильный удар, который не оставит Европе времени, чтобы осознать происходящее. Нужно начинать с того, чтобы сначала тайно и с самой большой осторожностью сделать отдельные предложения Версальскому двору, а затем Венскому, относительно раздела господства над миром с одним из них, в то же время давая им понять, что Россия фактически уже является верховной правительницей всего Ближнего Востока и не нуждается в Европе ни в каком ином приобретении, кроме почетного титула, а потому это предложение с ее стороны не должно казаться им подозрительным. Этот проект будет льстить обоим дворам, но также в скором времени вызовет между ними войну, которую нужно использовать для собственного преимущества и извлечь из нее всевозможную пользу для русской империи.
14. Среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то одна, то другая из воюющих держав. Она будет долго колебаться, чтобы дать им время истощить друг друга, а также, чтобы подтянуть свои собственные подразделения, и, в конце концов, она сделает вид, что высказывается в пользу Австрийского дома. В то время как она будет продвигать свои линейные войска к Рейну, толпы ее азиатских орд будут следовать за ними, и как только они выдвинутся в Германию, выйдут два больших флота, один из Азовского моря, другой — из порта Архангельска, которые под защитой флотов Черного и Балтийского морей часть этих орд возьмут на борт. Неожиданно они появятся в Средиземном море, чтобы высаживать все эти жадные до добычи народы и наводнить ими Италию, Испанию и Францию. Они разграбят имущество одной части жителей этих стран, другую часть заберут в рабство, чтобы заселить ими Сибирь, лишив оставшихся возможности свергнуть установившееся иго. Все эти атаки по флангам дадут регулярной армии полную возможность со всей силой и надежностью победить и подчинить себе остальную Европу. Выполним ли этот гигантский план? Хотелось бы подвергнуть утвердительный ответ сомнению. Является ли политическое

завещание Петра I в целом подлинным? Этот факт также можно подвергать сомнению. Однако его выдают за подлинное, и даже если столетний опыт, кажется, подтверждает правдоподобность его содержания, то, вероятно, случай сыграл здесь не меньшую роль, чем воля Петра.

Итак, дорогой читатель, два представленных на твой суд документа еще раз напоминают нам об угрозе двойной экспансии — с Запада и с Востока, которая совсем недавно нависала и продолжает нависать над Германией и над всей Европой со стороны двух империй: Французской и Российской, о чем свидетельствуют политические завещания их властителей. Но подобным агрессивным стремлениям, тем не менее, ставит барьеры принятое большинством народов международное законодательство. Так неужели народ, который принимает участие в решениях о войне и мире, может быть настолько неразумным, чтобы не только самому вести войну, но и добровольно оплачивать ее издержки? Универсальная монархия, о которой мечтали Наполеон и Петр Великий, разбилась о волю народов, и отношения между государствами должны принять характер всеобщей законности.

В новейшее время мир обладает более богатым опытом, чем когда-либо, и пусть он был не всегда благотворным, все же, появились новые политические теории, общественное обсуждение которых не затихает бесследно, так как их положительное значение для всех очевидно. Таковыми являются следующие утверждения: «Необузданный произвол разрушает благосостояние народа, а также подрывает мир на континенте. Он делает общую политическую ситуацию небезопасной, и так как он противоречит как Божеским, так и человеческим законам, то его существование всегда является только временным». И далее: «Справедливый закон гарантирует всем безопасность, а мудро составленная конституция предотвращает как опасность угнетения, так и дряблое безволие власти». Итак, существует еще много наглядных примеров, которым снова и снова учит нас новейшая история, и можно предположить, что, если демагогия правителей все еще способна обманывать излишнюю доверчивость народа, то все же большая часть людей замечает то зло, которое влечет за собой беззаконие и несправедливость. Народы, так же, как и люди, возмужают и станут совершеннолетними, когда они прислушаются, наконец, к предостережению истории не доверять сладким обещаниям, а только дела рассматривать в качестве гарантий собственной безопасности.

Сегодня уже можно заметить, что политики разделяются по принадлежности к старой и новой политическим школам. Одни хотят всеобщего застоя, и если вместо этого общественное развитие приходит в движение, то, по их мнению, его следует остановить и пустить вспять. Другие ведут общество вперед и желают посадить ростки того, чего пока еще не существует. Создание лучших условий для жизни является их целью, и они не вступают в противоречие ни с духом времени, ни с законом. Обе разновидности политиков состоят в конфликте друг с другом и расточают свои силы и время в бесполезных спорах, пока человеческий род продолжает свое поступательное развитие. Человечество все более активно предъявляет им свои требования, а народы все больше восстанавливаются в своих правах, которые они не должны больше никогда терять.

Политики старой школы — это приверженцы системы стабильности, политики новой школы придерживаются системы совершенствования. Так как первые причисляют к своим противникам разум и опыт, а корысть и предубеждения считают великими учителями, то они не замечают всей опасности проводимой ими политики, полностью противоречащей человеческой природе, все бытие и существо которой основывается на постоянном развитии и совершенствовании. Враги политиков новой школы не осознают предназначения человека, не хотят уважать цели государства и хотели бы жить за счет других. Они боятся нового, так как прогресс препятствует сохранению бесправия и несправедливости. Они без всяких оснований присваивают себе право критиковать божественную установку на развитие, которую с помощью разума внушила человеку его природа, сообщив ему о его высоком предназначении и призвав к постоянному совершенствованию в области добра, истины и права.

Эта борьба политиков является бедой для человечества, так как она мешает спокойному ходу развития народов, возбуждает недоверие и ненависть, которые ослепляют души и вызывают кровавые войны. Люди как враги противостоят друг другу и думают только об истреблении. В результате этого нарастают ожесточение и обиды и, наконец, политическая борьба захлестывает Францию, Испанию и Португалию. Каждая партия хочет уничтожить другую. О примирении больше никто не думает, и война, начатая против Испании, все больше обольщает умы. Последствием этого стало нарушение спокойного развития институтов, необходимых для блага человечества. С помощью насилия политики старой школы

пытались остановить то, что должно быть делом только времени и разума, а злосчастными последствиями этих предприятий будут непрерывные беспорядки и кровопролитие до тех пор, пока, наконец, одна партия не искоренит другую.

Теории и мнения разделяют и соединяют все, что принято подразумевать под человеческой деятельностью и поведением. Однако спорят не только по поводу физических преимуществ, вопросы морали и нравственности играют особую роль во всем, что объединяет или разделяет умы. Благополучие народов больше не зависит от обладания земными благами, а требует создания таких институтов, которые должны обеспечить безопасность всему человечеству, оберегая каждого смертного. Люди многое готовы принести в жертву во имя этих высших благ. Они часто ни во что не ставят ни деньги, ни почет, а усердно трудятся для утверждения всевластия правды и справедливости, которое делает человека тем, чем он должен быть. Эта современная борьба демонстрирует колоссальный запас моральных сил в человеке, которые больше никогда нельзя будет подавить, так как люди теперь сознают свои права, свои требования и границы своей деятельности. Они осознают, что долг всех и каждого — уважать любого смертного как самоцель человеческого развития и признавать за каждым смертным права, которые не могут быть отняты у него другим человеком. Каждый человек убежден, что лучшие условия для жизни возникнут в мире только тогда, когда справедливость станет высшей повелительницей для людей, согласно новым мудрым законам. Это мнение глубоко врезалось в сознание всех тех, кто размышляет над собственным предназначением на этой земле, но все их усилия восстановить порядок и спокойствие в мире будут напрасны, пока не будет введен на твердых основах законный порядок вещей.

Этот законный и справедливый порядок гарантирует каждому владение собственностью, обеспечит свободу мнений и предпринимательства и откроет широкий простор человеческой деятельности, если только она не противоречит закону. Тогда настанут лучшие времена. Каждый будет спокойно трудиться над созданием условий для собственного счастья. Все нации (за исключением Турции и нескольких славянских народов) будут бороться за господство права, которое есть нечто большее, чем принято обычно предполагать. Все институты будут служить тому, чтобы обеспечить непоколебимое господство общественной справедливости.

Примечания к тексту

- [1] Цивильный лист — часть государственного бюджета в монархиях, которая предоставляется в личное распоряжение монарха для потребностей его и его семьи.
- [2] Как полагал сам Наполеон, ссылаясь на барона Лабойери, его казначея, сумма, накопившаяся на его цивильном листе, составляла более 200 млн франков.
- [3] Речь идет о завещании, продиктованном Наполеоном в Лонгвуде на острове Святой Елены незадолго до кончины 5 мая 1821 г. Завещание, состоящее из основного текста, двух формуляров и четырех дополнений, диктовалось Наполеоном его адъютанту графу де Монтолону в период с 15 по 24 апреля 1821 г. После смерти императора оригинал документа был изъят британскими властями и отправлен в Лондон.
- [4] Граф Эммануэль Огюстен де Лас Каз (Emmanuel, comte de Las Cases, 1766—1842) — французский картограф, конфидент Наполеона во время ссылки на остров Святой Елены.
- [5] Анри Гасьен Бертран (Henri Gatien Bertrand, 1773—1844) — граф, дивизионный генерал, адъютант Наполеона. В продолжении войны 1812—1814 гг. он находился постоянно при Наполеоне, присутствовал при отречении его от престола в Фонтенбло и последовал за ним на остров Эльбу.
- [6] Маркиз Шарль-Тристан де Монтолон (Charles-Tristan de Montholon, 1783—1853) — адъютант Наполеона I, последовал за низложенным императором на остров Святой Елены. За храбрость, проявленную во время штурма Мадрида в 1809 г. был жалован Наполеоном титулом «Граф Империи».
- [7] Жак Лаффитт (Jacques Laffitte, 1767—1844) — французский банкир, политик, и государственный деятель, 1809 до 1831 гг. — член правления Банка Франции, в 1814—1820 гг. — его управляющий, президент Торгово-промышленной палаты в 1810—1811 гг.
- [8] Роберт Стюарт, виконт Каслри, 2-й маркиз Лондондерри (Robert Stewart, Viscount Castlereagh, 2nd Marquess of Londonderry, 1769—1822) — консервативный британский политик, на протяжении десяти лет (1812—1822) занимавший пост министра иностранных дел, будучи руководителем международной политики Британии, делал все для низвержения Наполеона. После его падения стал одним из самых влиятельных людей Европы, представлял Великобританию на Венском конгрессе. Проповедовал политику «баланса сил», крайне неприязненно относился к России.
- [9] Фердинанд VII (Fernando VII, 1784—1833) — сын Карла IV Бурбона, король Испании в марте — мае 1808 г. и с 1814 г. Политика Фердинанда VII была жестко антилиберальной и контрреволюционной, с его деятельностью связан террор против различного рода освободительных движений. Личность короля, первоначально бывшего символом национальной борьбы, стала крайне непопулярной. В 1820—1823 гг. в Испании вспыхнула гражданская война, в ходе которой военные требовали от короля соблюдения конституции 1812 г. Восстание было подавлено по решению Священного союза с помощью французской армии.
- [10] Речь идет о Португальской буржуазной революции 1820 г., прошедшей в Португалии в августе — сентябре 1820 г. после восстания в Лиссабоне и Порту. В ходе революции власть перешла к временной хунте, после чего

- были созданы кортесы, принявшие в январе 1821 г. либеральную конституцию.
- [11] Речь идет о подавлении революций в Неаполитанском королевстве и Пьемонте австрийскими войсками по решению Священного союза в 1820–1821 гг.
- [12] Завещание Петра Великого» (*Le Testament de Pierre le Grand*) – политически тенденциозная фальсификация, появившаяся в 1812 г. и опубликованная на французском языке. По утверждению публикаторов, документ представлял собой стратегический план действий для преемников Петра Великого на многие века с целью установления Россией мирового господства.
- [13] Шарль-Луи Лезюр (*Charles-Louis Lesur*, 1770–1849) – французский политический публицист, долгое время работал в Министерстве иностранных дел под началом Талейрана, наряду с польским генералом-эмигрантом Михалом Сокольніцким является одним из предполагаемых авторов политической фальсификации, известной в последствии как «Политическое завещание Петра Великого».
- [14] Граф Луи Филипп де Сегюр (*Louis Philippe, comte de Ségur*, 1753–1830) – французский историк и дипломат, был послом Франции при дворе российской императрицы Екатерины II (1784–1789). В 1792 г. был послан в Пруссию, где служил послом при дворе короля Фридриха Вильгельма II, благодаря чему приобрел дополнительную известность в германских землях.
- [15] Речь идет о «Греческом проекте» – геополитическом проекте Екатерины II, предполагавшим сокрушение Османской империи и раздел ее территории между Россией, Священной Римской империей и Венецианской республикой. В Константинополе предполагалось возродить Византийскую державу во главе с внуком российской императрицы, великим князем Константином Павловичем.

1828 год

Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы¹

*Михаэль Александр Липс*²

Необходимость устранения турецкого господства
с точки зрения цивилизации

Наиболее важная причина вытеснения Порты из Европы касается европейской цивилизации, которая не может больше существовать рядом с варварством и деспотизмом. Разве способно турецкое правительство выстраивать правовые нормы, которыми оно собирается руководствоваться, на той же гуманной основе, что и остальные государства Европы? Разве Порта в принципе может править в духе гуманности и европейской цивилизации? — Если бы это было так, то победители и побежденные слились друг с другом в правах и обычаях, и никто бы не выступал против господства турок^[1]. В конце концов, не имеет значения, кто управляет народом, если это управление справедливо и гуманно. Однако к нашему случаю это не имеет никакого отношения. Турецкое правительство обращается со своими христианскими подданными, полностью противореча всем представлениям о цивилизации и европейском государственном праве^[2], что не позволяет европейским дворам не только помогать турецкому правительству в усмирении его подданных, но даже требует о них полного отказа от сотрудничества, прекращения любых контактов с Портой, потому что она неизбежно должна быть вытеснена из этой части света.

Так как же современная история изображает нам этот народ и его правительство? «Дикость и варварство, — говорит о нем один из наших современников, — являются основными чертами этого

¹ *Lips A. Der Krieg im Osten, aus dem Gesichtspunkt der Zivilisation, der Politik und allgemeinen Interessen von Europa. Nürnberg, Erlangen: Chr. Fr. Müller Verlag, 1828.*

² *Михаэль Александр Липс (Michael Alexander Lips, 1779–1838) — известный немецкий экономист, правовед, профессор экономики, адъюнкт-директор философского факультета университета Эрлангена.*

народа. Чуждый всякой цивилизации, он знает только разрушение и смерть, и любит только руины и кровь. Выйдя в таком состоянии из лесов Курдистана^[3], этот народ мало изменился. Смерть и разрушение — это его инстинкты, так как турки по природе своей раса уничтожителей. Всюду, где она появляется, она несет с собой только опустошения, от Гибралтара до Черного моря, от Багдада до границ Венгрии! Без всякой совести и милосердия турок повсюду устраивает резню, или, заботясь о дальнейшем удовлетворении своих потребностей, заставляет другие народы работать на себя. Он с равным безразличием ставит свою палатку рядом с мертвым телом и с обломком скалы. Разорив одну местность, сделав ее бесплодной, он продолжает путь дальше, неся новые бедствия и распространяя вокруг себя нищету и бесплодие. У этого народа инстинкт разрушения является приложением ко всем остальным недостаткам, которые присущи всем нациям Востока, чьи обычаи, как правило, отличаются большим варварством. Турки не знают ни пощады, ни сострадания, которые на Западе часто влияют на политику и благотворно воздействуют на человечество в целом. У них абсолютно не существует никакого общественного сознания. Турок никогда не заботится ни о соблюдении правовых норм, ни об общественном мнении, подчиняясь единственному стремлению: распространять опустошения и дальше. И в Греческой революции^[4] он руководствовался только своей дикой природой, уничтожая все на своем пути — и людей и их имущество. Никакой амнистии, никакого стремления к миру — турки могут предложить человечеству только свой высокомерный окровавленный меч».

А вот еще одно мнение: «Османь ни разу не приблизились к европейской цивилизации, и при своих предрассудках, которые обуславливают их гордость и религия, никогда не смогут к ней приблизиться. С конца прошлого столетия на всю страну существует только одна типография, в которой было издано менее десяти трудов^[5]. Сегодня в Турции происходит то же самое, что когда-то происходило в Испании, когда изгонялись и уничтожались просвещенные мавры, которые сделали цветущей эту страну. Турция уничтожает своих жителей немусульманского вероисповедания, но все эти ужасные сцены никак не трогают мусульманские страны Востока. Турки уничтожают греков, не переживая из-за того, что оставляют после себя в руинах страну, воспетую в одах. Они происходят от тех татарских орд, тех сельджуков^[6], которые превратили всю малую Азию в пустыню. Ни кровь, ни слезы, ни возраст, ни пол не могут их разжалобить. В Азии даже существует поговорка:

где турок ставит ногу, там больше не вырастет даже сухая былинка. И это абсолютная правда. Их фанатизм и деспотизм душит любую искру предпринимательства, содействующего промышленному развитию, и с каждым новым поколением беспорядки и одичание все больше охватывают провинции. Мало стран на Земле также одарены природой, как эта. Но ни одна отрасль производства не может развиваться там, где господствуют тирания и страх. Турок считает себя слишком высокородным для того, чтобы пахать землю. Для него должен работать христианский раб, который боится снимать со своей земли большой урожай, чтобы не дать повода для новых вымогательств. Отсутствие гарантий безопасности для жизни и собственности удерживает его от любого развития производства. В великолепном Египте каналы, которые веками орошали страну, пришли в упадок и почти полностью разрушены». То, что это описание турок не является преувеличением, доказывает ставшее нарицательным имя этой нации: «турок» для многих других народов означает форму смертной казни...

Нет, христианские властители Европы не могут больше общаться с правительством, которое унижает человека до уровня выючного животного, до уровня раба без того, чтобы не унижить себя этими контактами. Не посылайте больше своих делегатов и представителей к народу, который не устаивает их даже ответом^[7], который убивает на их глазах христиан и торгует рабами, не беспокоясь за свою честь и положение. Мы осуждаем торговлю чернокожими рабами и позволяем торговать христианами как скотом! Это народ каннибалов, который во всех отношениях враждебно противостоит обычаям и институтам Европы и надсмехается над нами, попирая ногами всякую справедливость и внушая ужас всем народам, не может больше находиться на земле цивилизации. Тем более что сегодня Порта почти полностью разрушена Провидением — все ее внутреннее существо сгнило и подорвано. Когда такое государство распадается и исчезает, оно только исполняет законы природы и предназначение судьбы, которые не позволяют долго существовать на земле ничему дурному и порочному.

Мир стоит на пороге новой эры. После того как были разрешены главные колониальные конфликты, и они перестали быть важной частью международной политики, Европа должна поставить перед собой другую, более благородную задачу. И прежде всего это необходимость очистить свой дом, Европу, от всех нагромождений варварства и препятствий для развития собственной культуры и благосостояния. Политике необходимо предложить новую вели-

кую идею, новый базис, когда непродуманные действия на международной сцене будут заменены общими для всех принципами новой политической жизни: необходимо сделать законы цивилизации и Просвещения действующими по всей земле, и, таким образом, победить и уничтожить империю произвола, деспотизма и варварства всюду, где она правит. Нельзя больше мириться со зверством и беспощадностью человеческой природы, необходимо всюду заменять их гуманностью, чтобы человечество жило по ее законам, распространяя их сначала мирным путем, а, в случае необходимости, также и силой оружия не только в тесном кругу европейских государств, а всюду, где тому представится случай. Осуществление этого принципа — главная задача высшей земной политики, только таким образом она может оправдать перед небесами свое существование. Правители должны будут руководствоваться в своей деятельности идеей всеобщего блага для человечества. Будучи представителями Бога на Земле, они обязаны все вместе вести человечество к одной высшей цели. Противодействовать любой несправедливости, устранять вредные заблуждения, уничтожать все порочное, где бы оно ни находилось, — такова задача истинно христианского правления. Откуда бедному чернокожему рабу ждать свободы, как не от монархов? Англия первая вступила на этот путь^[8], принимая близко к сердцу заботу о явлении, которое имело не только английское, но всемирное значение. Государства не должны думать только о собственном благе, но также должны содействовать благу других стран, ощущая себя по отношению к человеческому сообществу лишь звеном единой цепи, отказавшись от закрытой, сосредоточенной только на себе жизни. Государства являются не отдельными частями, а общим фундаментом здания человечества. Только правление, основанное на протяжении столетий на разуме, на добродетели и активности, является легитимным. Эта легитимность поистине неприкосновенна. Какие еще полномочия необходимы для правления властителей, кроме интересов гуманности? Сонная, бездарная, эгоистичная по своей природе, изолированная от соседей жизнь государств больше не соответствует нашему времени. Идеи гуманизма определяют эпоху, и только с их помощью монархи могут надеяться легитимно управлять народами, которые, со своей стороны, с воодушевлением поддержат такое господство.

Поэтому Священный союз, которым так сильно злоупотребляли в решении греческого вопроса^[9], может именно здесь достигнуть нового, более высокого уровня в политике, если он будет

восприниматься как христианский духовный союз, который стремится повсюду действовать согласно принципам христианства, добродетели, Просвещения и гуманности. Править в духе христианства означает не просто смело поддерживать любую традиционную власть, а только благоразумную и гуманную, так как только она легитимна. Эта мысль должна стать путеводной звездой, которая сквозь хаос событий ведет нас к порядку, плану, смыслу и союзу.

Этот новый уровень политических отношений, с одной стороны, бесконечно расширяет права государств; с другой стороны — значительно их уменьшает и вообще полностью реформирует все отношения европейский правительств друг с другом. Вместо того чтобы ограничивать право союза государств на вмешательство во внутренние дела других стран и стоять на страже их суверенитета, новые политические принципы будут благотворно расширять это право до уровня повсеместного и регулярного применения всюду, где этого требуют потребности человечества. При этом не стоит опасаться того, что благодаря этому произвол снова будет привнесен в политику, напротив, он уходит из политики, так как отныне внешнее вмешательство будет основываться только на разуме и гуманности, чьи законы вечны и незыблемы. Разумеется, вследствие этого полностью меняется область действия политики. Теперь сосед больше не держится в стороне, придирчиво наблюдая за несчастьями других народов и со злорадством ожидая, словно тигр в засаде, когда в соседнем государстве все будет убито и растерзано: до тех пор, пока не настанет момент изнеможения, когда будет достаточно одного марша, чтобы захватить пограничные провинции. Напротив, в тот же момент, когда разгорается борьба, все спешат туда, чтобы восстановить гуманность и справедливость. Все организуется согласно законам разума и добродетели, где только возникает опасность хаоса и произвола. Таким образом, наконец, появится солидная материальная основа, на которой в будущем с успехом могут базироваться европейские государства. Только такая политика может уважать троны и создавать для них новые фундаменты в будущем после того, как старые основы станут прогнившими и ненадежными — только такую идею народы будут осуществлять с воодушевлением.

Этот кодекс еще, правда, не написан и не напечатан, но он запечатлен сияющими золотыми буквами в человеческом сердце и разуме. Если бы существовала такая власть, которая овладела всей землей, чтобы обеспечить повсюду торжество свободы,

человеческого и общегражданского счастья, утвердить господство разума, морали и добродетели, то она была бы самой легитимной властью в мире, так как была бы оправдана разумом. Так как это не под силу одиночкам, то эту идею должна выдвинуть и осуществить совокупная моральная личность властителей Европы, любое господство должно иметь более высокую причину, чем голое властолюбие. И если объединятся все правители Европы, чтобы свергнуть деспотизм Азии, возратить на его место европейскую культуру и вернуть Африку в семью человечества, то можно было бы только одобрить такую политику, и только очень придиричивый и бездушный взгляд увидел бы в этом нарушение легитимности.

Такое правление, как турецкое, ни в коем случае не подходит Европе, а возможно только в Азии, на родине деспотизма и униженного человечества. Турция утвердилась среди государств Европы, не переняв у них даже части европейской цивилизации, — она осталась чуждой им и существует только до тех пор, пока ей это позволяют противоречивые интересы его могущественных соседей. Турецкие султаны оставались устрашающими для Европы, пока они росли в седлах, с мечем в руке кочуя по степям. Теперь они воспитываются изнеженными евнухами в роскошных дворцах, и так как за последние сто лет турецкий деспотизм и фанатизм опустошили великолепные земли и распространили всюду необузданность и беспорядки, а боевая дисциплина в турецкой армии ослабла, то и военное превосходство султанов давно закончилось. Сегодня Османское государство является лишь руинами былой империи, и оно давно было бы разрушено, если бы могущественные соседи среди этих развалин пришли к единому мнению относительно его будущего. До сих пор только ревность и недоверие среди великих держав сохраняли этот колосс, но час его падения пробил, господствующая государственная система должна быть полностью изменена.

Следовательно, устранение турецкого господства стало необходимо уже и с точки зрения цивилизации, так как Европа больше не может терпеть на своей земле правительство, которое находится в глубоком противоречии с Европой не только в отношении к государственному и международному праву, но и в отношении частного права и внутренней политики. Оно обращается со своими подданными способом, абсолютно противоречащим европейскому гражданскому праву, и компрометирует весь европейский режим и честь европейских монархов.

Когда европейцы выдворят турок из Европы, они очистят регион зарождения цивилизации от проникшего сюда варварства и вернут Азии отколовшуюся от нее составную часть. Эти меры не уничтожат турецких варваров, они только отбросят их в пустыни, откуда они вышли, и вернут законную собственность тем, у кого турки ее когда-то отобрали.

Если бы Порты развивала силы своего народа, поставила бы свою армию и морской флот на европейский уровень, ограничила бы власть наместников и распространила европейскую цивилизацию во всем государстве, и вообще сделало бы свое присутствие приемлемым для Европы, то никто и не думал бы о ее выдворении. Но она ничего не сделала для этого. Притеснения паши заставляли многочисленных раджей хвататься за меч, а чрезмерная гордость ее султанов, связанная с коварством, вызывала войны с Россией — самым могущественным ее соседом. Падение Порты не вызовет сожаления у человечества. Она бесследно канет в небытие, из которого вышла. Если когда-нибудь любознательный читатель будущего, интересующийся историей, натолкнется на 1828 г., то он скажет: в этом году Европа, наконец, осознала свое предназначение и свой долг и выдавила из себя те варварские орды, которые на протяжении нескольких столетий жили на ее берегах и угрожали ей варварством Азии.

О вытеснении турецкого господства из Европы с точки зрения политики и общих интересов Европы

То, что велят нам осуществить международное право и цивилизация, требуют также политика и общие интересы Европы. Европа могла бы и дальше терпеть турок, если бы они цивилизовали себя сами. Однако этого не позволяют их азиатская сущность и Коран, поэтому они навсегда останутся позорным клеймом Европы. Только в одной области в новейшее время они предприняли шаги в направлении европейской культуры, а именно в области военного искусства. Они упразднили старую солдатчину янычар и ввели европейскую боевую тактику и дисциплину, чтобы усилить себя в борьбе с Европой. Однако именно эта военное обновление должно было поставить под угрозу существование Европы. Европейская политика должна была обратить внимание на опасность, которая возникнет, если она позволит существовать рядом с собой этому вооруженному на европейский манер народу, воодушевленному фанатизмом и верой в слепую судьбу. Сегодня Турция — это второстепенная держава

и осуществить ее разоружение довольно легко. Но если она восстановит свои силы, то станет первостепенной державой, которая когда-то с каждым своим шагом вперед заковывала Европу в оковы. С учетом ее физических возможностей, религиозных принципов и национальной ненависти Порту следует бояться гораздо больше, чем Россию, тем более что ислам — единственная религия, которая в наши дни стремится стать господствующей. Такой опасный элемент не может оставаться в Европе. Вполне возможно, что сегодня Турция будет вынуждена пожертвовать несколькими провинциями, выступившими против нее на стороне общеевропейского союза. Но при первой же возможности Порты снова попытается возродить напряженность в Европе и одновременно отомстить за перенесенный позор. «Дайте им только время, — пишет одна общественная газета, — этим рабам судьбы, этим фанатикам Мухаммеда, и они еще напоят своих коней в Рейне». И действительно, вспомните, что могло быть смешнее для легкомысленных европейцев, чем упоминание о французской доблести после битвы при Росбахе?^[10] — Но уже через полвека после сокрушительного разгрома, ставшего национальным позором для французов, знамена армии Наполеона развивались над Тахо^[11] и Нилом, над Рейном и Москвой-рекой, на Висле и По^[12], над Тибром и Дунаем!

Следовательно, безопасность и спокойствие не только Греции, а всей Европы, требуют полного устранения Порты, чтобы сделать ее безопасной в будущем, если вы не хотите нести ответственность за покой и благополучие целой части света и не хотите потом ввергнуть ее в самые страшные потрясения. До сих пор эта держава дремала, она старалась, чтобы Европа забыла про нее, чтобы воспользоваться спокойствием для грабежа. Теперь она разбужена, и часть награбленного должно быть у нее отнято. Но она не захочет потерять остальное, и чтобы сохранить его, сама перейдет в наступление.

Но именно в Европе, вопреки здравому смыслу, все еще сохраняется политика, которая, всячески противится устранению этой варварской державы. Основа этого сопротивления имеет двоякую, часто противоречивую природу: 1) это — противоречия интересов европейских государств по поводу устранения Турции; 2) меркантильная заинтересованность нескольких государств в существовании Порты. Подлинная же причина сопротивления Европы распаду Порты имеет политическую природу. Часть европейских государств выступает против войны, которая, без сомнения, приведет к полному упразднению Турции, так как преимущественную

ответственность за ведение боевых действий должна взять на себя Россия^[13]. Вследствие этого в Европе многие не разделяют идею последующего распределения провинций, из которых сегодня состоит турецкое государство, между державами-победительницами. Даже если при этом основная масса территорий должна будет отойти к новому греческому государству, и протекторат над ним не будет передан России, то остаются еще прекрасные дунайские провинции, которые многие не хотят рассматривать как справедливую компенсацию России за затраченные усилия при уничтожении турецкого государства, ссылаясь на то, что в трактате от 6 июля^[14] был провозглашен отказ от любого увеличения территорий. Эти возможные компенсации, ведущие к территориальному росту России, являются главным препятствием на пути вытеснения Порты. Таким образом, многие боятся нарушения европейского равновесия, ведущего к будущему опасному преобладанию России в Европе. В результате возникло мнение, что сохранение европейского равновесия требует сохранения Порты.

Здесь, прежде всего, необходимо ответить на два вопроса: 1. существует ли политическое равновесие в Европе и может ли подобное явление существовать? 2. Сможет ли оно, в случае его разрушения, быть восстановлено вновь? — Ничто так не распространено в мире, как идея существования политического равновесия в Европе. Где же оно находится? Разве мы не наблюдаем огромного разнообразия среди европейских государств и их отличий друг от друга? Мала или велика Англия с ее населением в 22 млн или вместе с колониями в 120 млн человек — в сравнении с Францией с ее 31 млн? Огромна ли Россия с 60 млн населения, и мала ли Пруссия с 12 млн, наряду с Австрией, где живет 30 млн человек? Следует ли обращать внимание на соотношение политического влияния и размеров территорий среди этих государств — равны ли они по силе? Не господствуют ли среди них огромные диспропорции в средствах и возможностях, и не возрастут ли они еще больше оттого, что одно из этих государств, например, Россия, будет иметь еще несколько миллионов жителей? Что сегодня сохраняет границы этого физического равновесия: меч, нравственное чувство, право или страх? Существует много различных заблуждений в жизни, но самым большим из них, без сомнения, является распространенная идея о равновесии сил в Европе, этот фантом, призрак, который, несмотря ни на что, продолжает существовать для тех, кто в него верит. В действительности, среди европейских государств нет ни малейшего равновесия, в этом отношении все явля-

ется игрой случая, а именно истории государств! В особенности на севере Европы после Полтавской битвы, которая определила судьбу этого региона, давно уже не существует никакого равновесия. С тех пор Россия увеличила свои территории в Европе больше, чем на четверть. Польша — перегородка, которая до сих пор удерживала ее от центра Европы — пала, и сегодня Россия сильнее, чем когда-либо, давит на эту часть света. Более того: может ли существовать или быть создано в будущем такое равновесие? Только ли физическая сила определяет влияние государств, а не духовная сила, культура или интеллект, как это было раньше? Могут ли эти физические силы произвольно уменьшаться в результате неудачных союзов и вероломной политики или увеличиваться вплоть до самого невыносимого перевеса? Могут ли, например, четыре державы объединиться против пятой и уничтожить ее — или, наоборот, не может ли небольшое государство, во главе которого стоит великий правитель, стать максимально опасным для остальных? Не создал ли дух Фридриха Великого из маленькой Пруссии, которая в 1740 г. находилась на той же ступени политического влияния, что и современная Бавария, а гений Петра Великого из варварской России — государства первой величины в Европе? Не видела ли Франция при Наполеоне всю Европу у своих ног? Далее: что делают с государством конституция, честолюбие, патриотизм, климат? Разве не отбросили 10 000 греков колоссальную империю персов^[15], и 30 000 македонцев не прошли маршем через развалины этой Персии?^[16] Пока политики несут вздор о равновесии среди государств на основе численности населения и квадратных миль, до тех пор нельзя произвольно сравнивать духовные силы или отмахнуться от них! Возможно ли вообще когда-нибудь установить политическое равновесие в Европе? В действительности, совершенно безразлично, если какому-либо государству добавят одну или несколько провинций — это событие не вызовет ни страха, ни надежды на то, что оно в данном случае будет хоть мгновение сомневаться, воспользоваться своей силой или нет.

Предположим все же, что такое равновесие действительно существует. Тогда если только физическая сила образует основу влияния государств, то главный принцип политики должен предполагать сохранение их физического равновесия. Это равновесие, если его хотят поддерживать, несмотря на прирост территорий и населения какого-либо одного государства, можно восстановить в одно мгновение, добавив остальным державам столько же аналогичных территорий. Возможно, равновесие на Востоке будет разрушено

из-за восстановления греческой империи или передачи нескольких турецких провинций России. Но нельзя ли восстановить это нарушенное равновесие посредством того, чтобы остальным державам добавить столько же территорий, как у России, и таким образом снова уравнивать силы? Необходимо только достичь договоренности, чтобы дать надлежащие распоряжения и провести соответствующее перераспределение, в результате которого Австрии, Франции, Англии и Пруссии будут выделены территории из земель Порты, равные приобретениям России, чтобы соотношение сил между этими государствами оставить по возможности неизменным, от чего одновременно выиграла бы каждая держава.

Другое обстоятельство, которое стоит на пути упразднения Порты и благоприятствует ее прочности, это корыстный коммерческий интерес нескольких государств в ее существовании. Это более или менее все государства Европы, которые участвуют в мировой торговле. Все они проходят Средиземное море и имеют с Портой выгодные для себя связи, чтобы частично доставлять необходимые им товары с Востока, особенно хлопок, кофе, маслины, масло, мастику с Ближнего Востока, частично сбывать собственную фабричную продукцию. Порта также является одним из государств, которые не имеют строгой запретительной системы и не противодействуют ввозу чужих товаров, обеспечивая для растущей индустрии Европы выгодную торговлю. Главным образом Англия, Франция и Австрия используют это последнее обстоятельство, поощряя рост экспорта своей промышленной продукции в Турецкую империю, и получая сырье для своих фабрик, например, хлопок, и боясь потерять эти выгодные торговые условия, если провинции этого государства будут подчиняться европейским правилам. Сама Россия при этом в наибольшей степени заинтересована в том, чтобы сохранить свое господствующее положение в торговле сельскохозяйственной продукцией — на Черном море она снабжает зерном своих богатых нив рынки Константинополя, Смирны, Мореи и многие другие. Сильное правительство любой из заинтересованных держав, если бы оно господствовало в Стамбуле, изменило бы все эти условия. Поэтому главное требование, прежде всего Англии, состоит в том, чтобы не допустить перехода Босфора, этого ключа к Черному морю, в руки такой активной и могущественной нации, как русские, поэтому она так долго подавляет любые голоса в защиту несчастных греков.

Интересы Англии вообще очень переплетены с решением этого вопроса. С одной стороны, британцы чувствовали глубо-

кую горечь, видя гибель Греции и торжество варварства. Руководствуясь этим гуманным чувством, Англия подписала договор от 6 июля^[17]. Она надеялась содействовать освобождению Греции с помощью угроз — теперь она должна довести дело до войны, но опасается за свою торговлю. С другой стороны, в интересах собственной индустрии и торговли она должна желать сохранения мира, чтобы цивилизация и потребность в роскоши могли беспрепятственно распространяться по свету. Англия не хочет, чтобы покупатели ее продукции, русские и турки, сражались между собой. Россия и Турция являются двумя беспредельными рынками сбыта для ее мануфактур и фабрик и двумя богатыми кладовыми для ее морского флота и индустрии. Также ей внушает опасения оживающий греческий морской флот, который скоро заменит старую Венецию в этих морях. Поэтому она склоняется к политике Австрии, выступающей против любого вторжения в Османскую империю. В особенности она стремится удержать Россию от захвата Константинополя. Но при этом она не может не понимать, что распад одряхлевшей империи может быть ей полезен, так как мелкие государства, которые возникнут на ее месте, будут искать покровительства Англии. И вообще, свобода способствовала бы росту благосостояния и стремления к роскоши местного населения, что увеличит ее прибыли от торговли.

И, действительно, изменятся ли со сменой правительства также уникальное положение и потребности нынешних турецких территорий? Смогут ли эти восточные страны внезапно превратиться в индустриальные провинции? Не проснутся ли у них с ростом благосостояния новые потребности, если свобода и цивилизация осчастливят эти страны? Не будет ли торговля развиваться там быстрее? Нельзя ли объявить свободу мореплавания по Босфору и свободу портов Константинополя и Смирны? Быстрый рост экономического развития должен устранить страх перед политическими изменениями в этих областях, а последующие за ними нововведения могут быть невыгодны для торговли ведущих наций. Наоборот, последние хотели бы закрепить преимущества, которые они получают, пользуясь слабостью и инертностью варварских народов:

1. Россия требует побережье Дарданелл или Босфора, если оно будет принадлежать России, она получит в свои руки ключи от всей Европы. Черное море, которое она контролирует, бесполезно для нее, если она не владеет выходом из него в Средиземное море.

2. Австрия требует устье Дуная — без него она не может существовать — ее торговля, все ее существо без него шатко и не завершено.
3. Франция требует побережье Африки. — Если оно не попадет под контроль цивилизованной державы, все Средиземное море для Франции бесполезно, так как, прежде всего, будет парализована ее торговля.
4. Англия требует Египет или Палестину — владение восточной Индией мало что дает ей, если она не найдет и освоит более близкий путь туда через Египет.

Следовательно, вся окончательная конфигурация международных отношений, общие интересы Европы требуют вытеснения Турции и удаление ее с азиатского и африканского побережья. Но все это ввергает нас в большие войны, но разве Европа хочет мира? Или все же при всех условиях следует сохранять мир, даже самых невыносимых? Следует ли смириться с жалким состоянием там, где можно наслаждаться всеми радостями земли? Должен ли мир оставаться во тьме и опустошении там, где он может освещаться факелами культуры? Разве нет других законов, кроме тех, что мы наблюдаем в нашей печальной действительности, и дерево вечно должно расти в пустоши, чтобы его не попирала нога варвара? Следовательно, все будет зависеть от того, чтобы предложить такую программу территориальных компенсаций, которая объединит политические и коммерческие интересы основных групп Европы таким образом, чтобы Порты, пытаясь как прежде играть на раздирающих их противоречиях, утратила последние инструменты для сохранения собственного существования, а все державы действовали бы за одно, выступая за ее устранение. Следует убедить Европу, что: 1) увеличение территории России может произойти безопасно для других государств; 2) торговые интересы Англии, Австрии и Франции не пострадают и будут развиваться. Это следует сделать с учетом политических и коммерческих интересов всех европейских народов.

Сначала нужно будет выделить ту часть Порты, которая должна образовать самостоятельное греческое государство, так как эта акция определит все остальное. При этом будет необходимо выбрать один из двух вариантов, а именно: либо следует исходить из возможности восстановления древней или новой Греции, которая может быть ограничена областью прежних республик Афины, Спарта, Фивы, Фессалия, либо следует реставрировать Византийскую империю.

Учреждение самостоятельного европейского государства между Азией и Европой, которое, с одной стороны, держит в узде Азию, а с другой стороны ограничивает расширение России, соответствует интересам всех государств Европы. На первый взгляд это кажется сомнительным и нуждается в разъяснении. Только при более близком рассмотрении исчезают последние сомнения. Если сначала ограничиться восстановлением государства в рамках Древней Греции, тем более что сами греки не имеют другой цели, то это все равно не даст никаких гарантий спокойствия среди самих греков. Этот народ опустил слишком глубоко, находясь во власти древнего зла, разногласий и ревности, как показала его освободительная борьба^[18]. Требуется сильное правительство, сильная власть, которая снова создаст из них народ и государство и обуздает дух внутренней анархии. Также этот народ нуждается в отправной точке для создания своего большого европейского государства, без которого он будет вечно подвергаться нападениям азиатов. Поэтому Россия, которая близка грекам в отношении религии и церкви, может возложить на голову своего самодержца конституционную византийскую корону на тех же принципах, как она до сих пор владела Польшей.

Однако на крайнем юге, в Мореи^[19], может существовать Греческая Республика. Она может попытаться самостоятельно управлять своими территориями под русским или английским протекторатом, впоследствии распространив греческое государство на весь полуостров.

Одновременно это составило бы справедливую компенсацию для России. Россия, без сомнения, является тем государством, которое имеет самый большой интерес и претензии в этом вопросе. Она может привлечь греков с помощью религиозных связей, и поэтому должна желать их благоденствия и самостоятельности, а также содействовать их достижению. Россия — непосредственный сосед Порты, и продолжительные войны между обоими государствами вызвали неистребимую межнациональную ненависть. Можно предсказать заранее, что Порты, ослабленная восстановлением Греции, не сможет больше противостоять России в Европе, а, наоборот, будет полностью захвачена ею. Направление главного удара толкает Россию на Юг. Она будет следовать в этом направлении до тех пор, пока не удовлетворит свои потребности захватчика. Продвижение на Юг является естественной потребностью этой империи. Она инстинктивно следует за этим импульсом, и ни гуманная, ни жестокая политика соседних государств не может

противостоять ей в этом, а потому не стоит вставать на ее пути. Россия — великая и могущественная, но тем не менее слабая страна. Она владеет беспредельными территориями, но какими землями? Большой частью они расположены в области арктического или полярного океана, где практически безлюдно по причине сурового, холодного климата. Теплые климатические области России мало развиты и плохо населены. И затем, как эти земли отдалены от моря, будучи распространены по беспредельным равнинам? Наконец, Россия достигла побережья Черного моря и должна была захватить его, чтобы создать рынок сбыта для своих продуктов, но это море бесполезно для нее, пока она не владеет ключом к нему, то есть Босфором. Если обратить внимание на то, как систематически Россия вторгается в Европу, как она через Польшу продвинулась до границ Германии, как она закаляет свою армию, а ее население за последние сто лет увеличилось втрое, ее дикие пустоши превратились в цветущие провинции, где развиваются торговля и индустрия, то Европа с озабоченностью и беспокойством должна следить за постоянно растущей силой этого государства. Но все же кажется, Россию слишком сильно боятся в Европе и выстраивают свою политику в отношении нее неправильно. Почти без внимания остается тот факт, что одновременно существует множество обстоятельств, которые уменьшают ее гнетущее силовое превосходство. Именно ее огромное тело затрудняет быстроту ее передвижений. Миллион воинов, которых она выдвигает вперед и которые равным образом преуспели в дисциплине, тактике и выносливости, распространены по всей беспредельной территории этого государства. Полку нужны месяцы, чтобы с берегов Лены достичь границ Силезии. Его большая часть никогда не сможет покинуть линии на Урале или Иркутске, так как вокруг кружат многочисленные вероломные варварские орды. К тому же невежество народа, его бедность, финансовые трудности правительства — это все очень ослабляет ее силовое превосходство. Однако, даже предположив, что Россия уже достаточно могущественна, нужно стремиться перенаправить ее продвижение с запада Европы на Юг и Восток, переместив с границ Польши в направлении Турции. Как проливами Зунд и Белът на Севере^[20], так и на Юге это великое государство заперто Дарданеллами. Его процветание нуждается в этих берегах, и Россия захватит их рано или поздно. Справедливая политика также не откажет ей во владении ими. Чтобы содействовать расширению своей цивилизации и торговли, она должна распространять свои границы на Юг любой ценой. Ежедневно приводимая

в действие этой потребностью, Россия одновременно видит перед собой распадающееся и гнивающее государство с великолепными провинциями, господствующими позициями на Черном море, беспредельными каналами сбыта и терзающее ее братьев по вере. Причем это гнилое, порочное, варварское государство не имеет никакого действительного правового основания для своего существования. Итак, имея эту картину перед глазами на протяжении полувека, Россия уже 6 лет держит армию в боевой готовности — без учета этих обстоятельств нельзя понять нынешнее положение России и механизмы ее политики! Можно догадаться о ее желаниях и намерениях при современном положении вещей. Они естественны и соответствуют обстоятельствам. Справедливая международная политика также не может ей в них отказать. Она поможет христианскому населению турецких провинций избежать бескрайних страданий, если уже теперь даст России то, что она получит и должна получить раньше или позже, но пролив при этом потоки крови. Вследствие этого Россия достигнет всего, что необходимо ее народу. Благодаря нескольким тысячам кв. миль земли она вряд ли станет опаснее, чем сейчас. Прежде она могла получить только пустыни, которые еще долго не принесут ей ничего. Теперь же, наоборот, она получит во владение то, что может сделать ее счастливой: либо, получив возможность полностью посвятить себя Константинополю, она благодаря древней культуре этой земли сможет стать более просвещенной, гуманной и отказаться от всех дальнейших захватов; либо, если после этого Россия все равно будет стремиться дальше на Юг или на Запад, то она неизбежно должна будет распасться. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то нужно просто не препятствовать тому, чтобы самая большая часть европейской Турции перешла к России, чтобы здесь ее интересы нашли свое умиротворение.

Чтобы не слишком усиливать Россию этим расширением ее территорий, не следует допускать, чтобы эта русско-византийская империя была непосредственно физически связана с европейскими владениями России, имея общие сухопутные границы. Вполне достаточно того, если обе области будут связаны между собой только Черным морем, так как непосредственная связь современной европейской России с его новыми владениями на Дунае возбудила бы частично обоснованное опасение силового перевеса России, частично перечеркивала бы планы и потребности другой великой державы. Следовательно: 1. придунайские земли Порты, в особенности Босния, Сербия, Далмация, Молдова и Валахия могут быть

предоставлены не России, а лишь средним странам европейской Турции. Уже это устранение материальной связи между русским и византийским государством очень уменьшит опасность переверса России. Но Россия снова будет ослаблена вопреки этому простоту; для этого 2. следует принудить ее добровольно возвратить Польшу, иначе это обязательно сделает кто-то другой. Россия, очевидно, слишком далеко, подобно клину проникла в Европу между Австрией и Пруссией, и, возбуждая тревогу соседей, двинулась в ошибочном направлении. Необходимо безотлагательно удалить Россию из этого региона и направить ее на Юг, в безопасную для Европы сторону. Русское присутствие в Польше вечно держало бы Пруссию и Австрию в раздраженном состоянии, что никогда не могло бы обеспечить политическое счастье ни России, ни Польше. Только благодаря союзу с ведущим индустриальным государством, которое может использовать произведенные в Польше натуральные продукты, она может достичь процветания, но не в союзе с аграрной страной, которая имеет такое же изобилие природных богатств. Из-за потери Польши Россия в целом не много выигрывает от присоединения турецких провинций, следовательно, она станет только безопаснее.

Следующим за Россией самым заинтересованным в этом вопросе государством является Австрия. Это государство прежде — основная мишень турецких завоевательных планов, забыло все свои невзгоды и со временем научилось извлекать серьезную выгоду из контактов с Турцией. С этой дикой страной, лишенной индустрии, Австрия ведет прибыльную торговлю, пользуясь тем, что в Османской империи отсутствует строгая запретительная система в этой области, и свои наибольшие потребности она удовлетворяет в основном товарами из Австрии, как и наоборот, богатый приток сырьевых продуктов в Австрию через турецкие рынки обеспечивает последней выгодную транзитную торговлю. Это все могло бы закончиться, если бы эти земли отошли к России, которая немедленно окружила бы их запретительными мерами. Австрийский кабинет определенно использовал бы все, чтобы сохранить статус-кво, и не допустить перехода этой страны в другие руки. К тому же Австрия боится любого расширения России вблизи своих границ и рассматривает Молдову и Валахию в качестве дамбы, которая ляжет между ней и Россией, и задержит рост русской державы.

Если на Севере Европы Россия пугает своим глубоким внедрением между территориями Австрии и Пруссии, то на европейском Юго-Востоке она также вызывает у соседей страх своим безоста-

новочным наступлением и превосходством сил. Если Молдова и Валахия перейдут под власть России^[21], то Австрия по отношению к России попадет в то же положение, в какое попала Пруссия в результате присоединения Польши. Если эти земли будут переданы в какие-нибудь другие руки, то всеобщий закон тяготения так же сориентирует Австрию в направлении Востока, как Россию — в сторону Юга, так что планы территориального расширения обеих стран в этом случае будут рассечены под правильным углом.

В действительности Австрия имеет гораздо более безотлагательную потребность присоединить эти земли к себе, чем Россия. Если самосохранение, согласно высказыванию господина Каннинга^[22], является естественным долгом и конечной целью политики любого правительства, то Австрию нельзя винить за то, что она стремится присоединить эти провинции. И отсюда вытекают все ее дальнейшие претензии. Австрия была связана с морем около Триеста^[23] и захватила Дунай, не владея, однако, его устьем, поэтому эта река теряет для нее всякий интерес. Так же как сегодня, Россия для удовлетворения потребностей собственного развития должна захватить один или оба берега Босфора, так и Австрия также должна получить устья или истоки обоих берегов Дуная и прилегающие земли: Боснию, Сербию, Болгарию, Молдову и Валахию, с тем, чтобы отгородиться ими от России. Таким образом, с одной стороны, русская экспансия в Европу будет сдерживаться постоянной угрозой, исходящей от усиленной Австрии, а с другой стороны, будет нейтрализована всякая исходящая от самой России опасность путем присоединения к ней Греции. Австрия вследствие этого получает естественное распространение и прочные природные границы по Балканам и в результате непосредственного выхода к Черному морю достигает торговых преимуществ, которые могли бы возместить ей потери из-за упразднения Порты. Эти Придунайские земли, став частью Австрии, будут развивать ее внутреннюю государственную жизнь, связывая ее провинции с морем. В результате Австрия получает: все течение Дуная, непосредственный выход в Черное море, связь с Востоком и такой прирост территорий, какого еще ни разу не давали ни одни мирные договоренности в Европе. Австрия будет одним из самых могущественных и самых прекрасных государств, если у нее будут оба берега Дуная и его устье. Государство, раскинувшееся по всей длине Дуная, от устья до свободного выхода к морю, приведет в движение земли Австрии, Венгрии и все прочие территории с плодородными почвами вплоть до самого моря, создав здесь развитые

торговые и аграрные центры. Австрия вернет Польше Галицию и Лодомерию^[24], чтобы полностью восстановить польское государство, так же как австрийская Силезия^[25] перейдет к Пруссии, вследствие чего последняя получит Карпаты в качестве естественной границы.

В этом случае можно будет справедливо разрешить судьбу Польши. Польша должна быть восстановлена в прежних границах как большое самостоятельное государство. В ней тяжело внедрить конституцию. Аристократия хочет только монарха, который происходит из ее среды, и его она рассматривает как равного себе, а не как руководителя и арбитра. Выбор поляками короля не может быть отменен полностью. Чаще всего на протяжении польской истории в качестве монархов шляхта приглашала иностранных правителей, например, регентов Саксонии. Но кто может быть ближе к полякам, чем Пруссия! Только объединившись с Пруссией Польша может достичь благосостояния и культуры. Только тот, кто владеет истоками Вислы, может осчастливить эту страну. Либо правитель Польши, должен владеть Пруссией и по малейшему поводу искренне беспокоиться не только за Польшу, но также и за благополучие Пруссии, которая может поддержать его с флангов. Или же наоборот, властитель Пруссии должен владеть Польшей. Так как сегодня обстоятельства не позволяют Польше возложить на себя корону Пруссии, то, следовательно, только Пруссия может получить конституционную корону Польши. Только Пруссия — естественный властитель Польши, которая должна слиться с более сильным и развитым государством, с которым была объединена раньше, с Пруссией. Владея теперь всем течением Вислы, Буга и Немана, Польша превратится в цветущую, цивилизованную страну и вернет себе прежнюю самостоятельность и силу.

Пруссия, как лишенное территориальной целостности государство, вследствие этого также может ближе продвинуться к своей цели. Она нуждается в объединении своих территорий. Сейчас самое время поспособствовать этому. Завершение территориального оформления Австрии требует того же для Пруссии. Спокойствие Европы также нуждается в создании сильного бастиона против России. Тем, чем Венгрия является для Австрии, Польша должна стать для Пруссии. Она создаст в Польше сильную материальную основу, чтобы наряду с Одером, всем течением которого она владеет, добавить Польше еще большую часть Эльбы. Тогда весь мир признает целесообразным передать ей Саксонию. После этого в распоряжении обновленной Пруссии будут три великие реки —

Висла, Одер и теперь еще Эльба, и она станет влиятельным богатым государством, наподобие Австрии. При этом Пруссия, взамен уступит Голландии всю западную часть своего государства, все расположенные по ту сторону Везера провинции в Вестфалии и на Рейне, и таким образом создаст единое, целостное государство.

Теперь настало время и для других необходимых договоренностей. Прежде всего следует иначе оформить устройство Германии. В настоящее время это слишком разнородный союз. В результате территориального роста Пруссии и Австрии, которые теперь станут великими европейскими державами, на обеих должна быть возложена необходимость выйти из Германского союза, который противоречит сложившейся системе отношений. Они должны попытаться сделать Германский союз более однородным. Обе державы остались бы только его союзниками и, вероятно, к нему присоединились бы Голландия и Швейцария. Рейн образовал бы собственную жизненную артерию этого межгосударственного союза, благодаря Голландии союз стал бы морской державой и достиг моря. В Союзном сейме^[26] председательствовали бы попеременно самые могущественные государства: Бавария, Ганновер, Саксония, Голландия. Немецкие государства также должны принять законченный вид. Франция могла бы вернуть Германии Эльзас. Таким образом, здесь возникли бы более взаимосвязанные государственные дела, которые могут объединиться либо в совместную таможенную систему, либо отдельные члены союза будут меньше тормозить общее развитие, чем это было до сих пор.

Теперь, однако, нужно выделить компенсации для Англии и Франции. Обоим следует добавить столько же возможностей, чтобы равновесие не было нарушено из-за территориального роста России. На чаши весов этих держав нужно положить несколько тяжелых гирь, чтобы отблагодарить их за участие в освобождении Европы и Греции. Несколько турецких островов в греческом архипелаге не могут в достаточной степени вознаградить эти державы. Активность этих стран должна быть сосредоточена на более важных направлениях. Эквиваленты вознаграждений для этих держав следует продолжать искать вне Европы, а именно у ворот Азии и Африки, население которых все еще ждет света цивилизации.

Итак, что же ожидает Европу при современном кризисе на Востоке? Никаких дипломатических нот, никаких дипломатических действий в дальнейшем — единственное, что может сделать возможными переговоры с Турцией — война, самая святая, самая возвышенная из всех, что когда-либо велись, война цивилизации

против варварства, война, вероятно, последняя на долгое время, война за освобождение Европы от проникшей чужой державы, которая покрывает ее землю позором и стыдом. Упорство Порты следует рассматривать в качестве знака Проведения, ниспосланного нам, чтобы, наконец, привести в порядок Европу. Турция рвется к этой войне — и она начнется!

И каков будет результат этой войны? Никакой платящей дань Греции, никакой слабой республики на границах полуострова, а полное восстановление греческого государства, которое было уничтожено 375 лет назад самым жестоким способом варварской ордой. Очищение колыбели европейской цивилизации и христианства от деспотизма Азии. Виндикация^[27] ее рек и морских побережий для развития торговли, индустрии и благосостояния. И эти требования основываются на самых святых идеях и чувствах образованных народов, на праве и справедливости, на потребности цивилизации, на общих интересах Европы.

Если Россией будет объявлена война Турции, Европа должна принять в ней участие для защиты общих интересов. Чтобы быстро разрешить этот давно назревший конфликт, в нем также должны быть задействованы Австрия, Пруссия и Германский союз. Большая могущественная коалиция должна навсегда вытеснить и подавить Порту. Русская армия возьмет Константинополь, австрийская армия займет дунайские провинции, прусская армия будет стоять в резерве у границ Польши, и вся немецкая союзная армия в случае необходимости также будет готова выступить. 20 тыс. англичан высадятся в Египте, и, если их подразделений будет недостаточно, корпус добровольцев из Германии их поддержит. В то же время 25 тыс. французов и 20 тыс. испанцев могут взять Фес и Марокко. Таким образом, Порта будет окружена со всех сторон, едва ли сможет противостоять европейской коалиции, и все действие драмы закончится одним актом.

Итак, пробудись, Европа, прими свою долю наследства и господствуй благодаря своим обычаям и культуре так долго, как сможешь. Прими полномочия из рук Проведения, опираясь на законы гуманности, а также на общественное мнение, которое дает тебе право на это. Ни один голос будущих потомков не поднимется против твоих действий, так как они соответствуют природе вещей, логике хода событий, потребностям народов в торговле и благосостоянии, в мире и гуманности, в необходимости устранить любые препятствия на пути их развития и вытеснить любые виды варварства и деспотизма из Европы. Поднимай свои знамена, Евро-

па! Вперед, в крестовый поход против Стамбула и Алжира, против дикости и жестокости, вызывая ликование современных народов и одобрение будущих поколений! Спаси правителей христианского мира, бедную Грецию! Отомсти за преступления варварства, не упуси случая, чтобы защитить плоды цивилизации и культуры! Таково ваше предназначение, благородные монархи Европы!

Примечания к тексту

- [1] Борьба против турецкого господства непрестанно велась на протяжении XVII–XVIII вв. на Балканах, в арабских странах, на Кавказе и в других землях империи. Восстания носили локальный характер и беспощадно подавлялись турецкими войсками. Ситуация начала меняться в первой трети XIX в.: в 1804 г. произошло Первое сербское восстание, второе — в 1815 г. В 1821 г. началось Валахское восстание румынских крестьян и пандуров, охватившее территории Валахии, Олтении и Молдавии. В том же году началось восстание в Морее. С 1821 по 1832 г. шла Греческая война за независимость, закончившаяся созданием самостоятельного греческого государства.
- [2] Обострение противоречий внутри Османской империи на протяжении XVII–XVIII вв. привели к росту религиозного антагонизма между мусульманами и христианами. Усилились проявления мусульманского религиозного фанатизма и дискриминационная политика Порты по отношению к христианским подданным, участились попытки насильственного обращения в ислам болгар, греков, черногорских и албанских племен. Недоверие турецкого правительства к православному духовенству, носившее часто репрессивный характер, особенно ярко проявилось с началом освободительной борьбы в Греции и на Балканах в первой трети XIX в. В 1821 г. во время Греческого восстания в Константинополе был повешен в воротах своего жилища в полном архиерейском облачении константинопольский патриарх Григорий V, которого турки подозревали в связях с восставшими. Вместе с ним были казнены три митрополита. Это жестокое убийство резко восстановило против Турции европейское общественное мнение. Россия прервала с ней дипломатические отношения.
- [3] Курдистан — этногеографическая область в Передней Азии, в пределах которой курды составляют большинство населения.
- [4] Греческая война за независимость, иногда также называемая Греческой революцией — вооруженная борьба греческого народа за независимость от Османской империи, начавшаяся в 1821 г. и завершившаяся в 1832 г. Константинопольским мирным договором, утвердившим Грецию как независимое государство. Греки были первыми из народов, покоренных Османской империей, кто обрел независимость.
- [5] Первая в Турции типография открылась в Стамбуле в 1727 г. Ее основателем был Ибрахим-ага Мютеферрика (1674–1744), выходец из бедной венгерской семьи, попавший мальчиком в плен к туркам, затем принявший ислам и оставшийся в Турции. Среди первых книг, напечатанных в типо-

графии, были арабско-турецкий словарь Ванкули, исторические труды Кятиба Челеби (Хаджи Халифе), Омера эфенди. После смерти Ибрахима-аги типография почти 40 лет бездействовала. В 1784 г. она возобновила свою работу, но и тогда выпускала очень ограниченное количество книг. Печатание Корана было запрещено. Произведения светского характера также переписывались большей частью от руки.

- [6] Сельджуки — ветвь племен, принадлежащая к западным тюркам. Имя получили от главного вождя своей орды, Сельджука, поселившегося, по преданию, в 955 г. в Дженде на Сыр-Дарье, находившегося на территории современного Узбекистана и Казахстана; его внуками были завоеватели Тогрул-бек и Чагры-бек. Между 1040 и 1050 гг. сельджуки во главе с Тогрул-беком (1038—1063) захватили Хорезм, почти весь Иран и Курдистан, в 1055 г. был захвачен Багдад и весь Ирак. При Алп-Арслане (1063—1072) была завоевана Армения (1064) и одержана победа над византийцами при Манцикерте (1071). Между 1071 и 1081 гг. была завоевана также Малая Азия и некоторые другие территории.
- [7] В 1827 г. Султан Махмуд II проигнорировал совместные предложения России, Великобритании и Франции, изложенные в Лондонской конвенции, о прекращении военных действий против греков на условиях выплаты ежегодной дани султану. В случае отказа султана Россия предлагала учредить консульства в важнейших греческих городах при одновременном отзыве послов из Константинополя.
- [8] В начале XVIII в. сначала против рабства выступало английское движение квакеров, затем осуждение рабства стало частью европейского движения Просвещения. В конце XVIII в. в Великобритании состоялось несколько шумных судебных процессов, поколебавших представления о законности рабства и послуживших прецедентом для последующей борьбы его противников в судебных органах. В 1787 г. кампанию в английском парламенте за запрещение работорговли возглавил известный британский филантроп Уильям Уилберфорс. В 1807 г. она привела к принятию Акта о запрете работорговли, а в 1833 г. — и к полному запрещению рабства во всей Британской империи.
- [9] На Веронском конгрессе 1822 г., последнем конгрессе Священного союза, обсуждался вопрос о греческом восстании. Конгресс осудил восстание против турецкого господства в Греции и отказался принять греческую делегацию, приехавшую за помощью в Верону. По вопросу об отношении к греческому восстанию обострились противоречия как внутри союза — между Россией и Австрией, так и между Священным союзом и Великобританией, которая единственная на конгрессе высказалась в пользу посредничества между султаном и повстанцами, предложив признать их воюющей стороной. С такой инициативой выступил новый министр иностранных дел Джордж Каннинг, что свидетельствовало об отходе Великобритании от принципов Священного союза. В 1824 г. британское правительство в одностороннем порядке признало греков воюющей стороной и стало оказывать им поддержку.
- [10] Битва при Росбахе — сражение, состоявшееся 5 ноября 1757 г. у селения Росбах, в Саксонии в ходе Семилетней войны между войсками прусского короля Фридриха Великого и вдвое превосходящей их по численности соединенной французско-имперской армией, под командованием

- принца Субиза и принца Саксен-Гильдбурггаузенского, закончившееся полным разгромом французов.
- [11] Тахо — крупнейшая река Пиренейского полуострова. Берет начало на территории Испании и впадает в Атлантический океан в районе Лиссабона (Португалия).
- [12] По — река на севере Италии, крупнейшая в стране по протяженности.
- [13] Речь идет о предстоящей русско-турецкой войне 1828–1829 гг. — военном конфликте между Российской и Османской империей, начавшемся в апреле 1828 г. вследствие того, что Порта после Наваринского сражения (октябрь 1827 г.) в нарушение Аккерманской конвенции закрыла пролив Босфор. В более широком контексте, эта война стала следствием борьбы между великими державами, вызванной греческой войной за независимость (1821–1830) от Османской империи.
- [14] Лондонская конвенция 1827 г. — конвенция, подписанная в Лондоне 6 июля 1827 г. представителями России, Великобритании и Франции. Последние пошли на заключение этой конвенции, чтобы ослабить влияние России, заинтересованной в создании на Балканах дружественных ей государств.
- [15] Речь идет об одном из эпизодов Греко-персидских войн, которые велись с перерывами с 499 по 449 г. до н. э. между Ахеменидской Персией и греческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость, а именно о Марафонской битве, состоявшейся 12 сентября 490 г. до н.э. В битве при Марафоне персидская армия потерпела сокрушительное поражение. Греческим союзным войском, состоявшим из 10 тысяч афинян и тысячи платейцев, была уничтожена основная часть армии противника. Для эллинов сражение стало первой победой над войском империи Ахеменидов.
- [16] Речь идет о Филипе II Македонском, который в 338 г. до н. э., возглавив союз греческих государств против Персии, начал вторжение в западную часть Малой Азии. После гибели Филипа его сын Александр III Македонский переправился через Геллеспонт в 334 г. до н. э. с 38 000 солдат. В течение трех лет его армия завоевала Персидскую империю и покончила с династией Ахеменидов, распространив греческую культуру до реки Инд.
- [17] Лондонская конвенция от 6 июля 1827 г. предусматривала коллективные действия Великобритании, России и Франции по отношению к Турции с целью побудить ее прекратить военные действия против греков, предоставить Греции автономию на условиях уплаты ежегодной дани султану.
- [18] Греческая война за независимость сопровождалась многочисленными стычками между разрозненными отрядами греческих повстанцев. Их вожди конфликтовали между собой и оказались неспособны установить регулярное управление освобожденными территориями. Все это привело к междоусобной борьбе. В результате в Греции началась Гражданская война (конец 1823 — май 1824 гг. и 1824–1825 гг.)
- [19] Морея — средневековое название полуострова Пелопоннес на крайней южной оконечности Балканского полуострова, в южной части современной Греческой Республики.
- [20] Эресунн или Зунд — пролив между островом Зеландией (Дания) и Скандинавским полуостровом (Швеция), соединяет Балтийское и Северное моря. Бельт — пролив между островами Лолланн и Зеландия, соединяющий Балтийское море и пролив Каттегат.

- [21] Дунайские княжества — термин, использующийся для обозначения княжеств Валахия и Молдавия, существовавших в XIV–XIX вв. Их объединенная территория представляла собой узкую полосу земли между Дунаем и границей с Россией, которая тянулась от городов Галац и Брэила до Черного моря.
- [22] Джордж Каннинг (George Canning, 1770–1827) — английский политический деятель, с марта 1807 по октябрь 1809 г. в ранге министра иностранных дел отвечавший за политику Великобритании во время Наполеоновских войн в Европе, один из главных оппонентов Священного союза, премьер-министр Великобритании в 1827 г. Каннинг впервые обосновал и начал практическую реализацию политики невмешательства в европейские дела, главным актом которой был выход Англии из Священного союза.
- [23] Триест — город в итальянском регионе Фриули-Венеция-Джулия, с 1813 по 1918 г. — вольный имперский город, столица Австрийского Приморья, коронных земель Габсбургской монархии.
- [24] Лодомерия (Lodomeria) — название Галицко-Волынского княжества, употребляемое в официальных документах XIII–XIV вв., происходит от латинизированного названия столицы княжества — Владимира. Впервые «Лодомерия» упоминается в начале XIII в. в титулах венгерского короля Андраша II, который стремился захватить западнорусские земли Галиции и Волыни. Несмотря на то, что венгры никогда не владели Волынским княжеством, их претензии на него были закреплены в титулах всех венгерских монархов XIII–XVIII вв. в форме «король Галиции и Лодомерии». После наследования Габсбургами венгерской короны в XVIII в. австрийские императоры стали носителями титула «королей Галиции и Лодомерии». Завершив разделы Речи Посполитой, они образовали на землях бывшего Галицко-Волынского княжества и Кракова новую административную единицу — Королевство Галиции и Лодомерии, которое просуществовало с 1772 по 1918 г.
- [25] Австрийская Силезия — территория в Центральной Европе, являвшаяся частью земель Чешской короны в Австрийской империи и сохранившаяся в составе государства Габсбургов после раздела Силезии в 1742 г. В результате победы Пруссии над Австрией в Первой Силезской войне, по условиям мирного договора в Бреслау (1742) практически вся территория Силезии отошла к Пруссии. Лишь герцогства Троппау и Тешен остались австрийскими и впоследствии были объединены в Герцогство Верхняя и Нижняя Силезия.
- [26] Германский союз был конфедеративным образованием. Правящим органом Германского союза было Союзное собрание или сейм (Bundesversammlung), состоявшее из уполномоченных от 34 германских государств (включая Австрию) и 4 вольных городов и заседавшее во Франкфурте-на-Майне. В полном составе (69 голосов) заседания Союзного сейма проходили очень редко, в основном все решения принимались в узком его составе (17 голосов). Председательство в союзе принадлежало Австрии, как крупнейшему по территории и населению государству Германского союза.
- [27] Виндикация (от лат. vim dicere — «объявляю о применении силы») — иск собственника об изъятии принадлежащего ему имущества из чужого незаконного владения.

- Заиченко О.В.**
317 Проекция разочарований и надежд: «Русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века / Институт всеобщей истории РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. — 368 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0740-6

Объектом исторического анализа в предложенном вниманию читателей исследовании являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? Является ли она частью Европы? И какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности.

Авторский комментарий к сочинениям немецких авторов освещает трансформацию восприятия России в Германии и прослеживает различные подходы в решении «русского вопроса» в немецком внешнеполитическом дискурсе в период между Французской революцией 1789 г. и европейской революцией 1830 г.

Публикуемые тексты впервые переведены на русский язык.

УДК 327(4)
ББК 66.4–6*.63

Ольга Викторовна Заиченко

**Проекция разочарований и надежд:
«Русский вопрос» в контексте немецкого
внешнеполитического дискурса
первой трети XIX века**

Редактор: *А.В. Володько*
Младший редактор: *М.Р. Завьялова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *С.А. Голодко*
Корректор: *Н.А. Самсонова*

Подписано в печать 18.09.2018.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 23,0
Тираж 500 экз.
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
[http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0740-6

Объектом исторического анализа в предложенном вниманию читателей исследовании являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? Является ли она частью Европы? И какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности.

Авторский комментарий к сочинениям немецких авторов освещает трансформацию восприятия России в Германии и прослеживает различные подходы в решении «русского вопроса» в немецком внешнеполитическом дискурсе в период между Французской революцией 1789 г. и европейской революцией 1830 г.

Публикуемые тексты впервые переведены на русский язык.

